

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Tomsk State University
Journal of Cultural Studies and Art History

Научный журнал

2018

№ 32

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-44127 от 04 марта 2011 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписной индекс 82514 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал входит в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии
Индексируется в БД Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»**

П.Л. Волк, д-р культурологии, начальник департамента по культуре и туризму Томской области;
Д.В. Галкин, д-р филос. наук, директор Института искусств и культуры, профессор каф. культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Томского государственного университета;

О.Л. Лаврик, д-р пед. наук, профессор, зам. директора Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск);

А.А. Сундиева, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. музеологии факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

доктор **Марац Ласло**, доцент кафедры европейских исследований, гуманитарный факультет, университет Амстердама (Нидерланды);

А.Н. Багашев, д-р ист. наук, директор Института проблем освоения Севера СО РАН (Тюмень);

Т.К. Щеглова, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. отечественной истории исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул);

Дэвид Николас, профессор, руководитель исследовательской группы CIBER Research Ltd (United Kingdom), профессор университета Теннесси (США);

Карло Гинзбург, профессор, почетный профессор Калифорнийского университета (Италия);

Мария Лорена Аморос Бласко, художник, исследователь, автор научных статей и монографий, преподаватель живописи университета Мурсии (Испания);

Е.О. Купровская, канд. искусствоведения, д-р музыковедения университета Сорбонна (Париж, Франция);

Лю Лянь, канд. искусствоведения, институт музыки Циндаоского университета (Китай);

К.Г. Филева, канд. психол. наук, доцент Академии музыкальных, танцевальных и изобразительных искусств (Пловдив, Болгария);

Йорг Гляйтер, профессор, директор Института архитектуры и зав. кафедрой теории архитектуры Технического университета Берлина (Германия);

Н.П. Коляденко, д-р искусствоведения, профессор, зав. каф. истории, философии и искусствоведения Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки;

Н.С. Бажанов, д-р искусствоведения, профессор, зав. каф. общего фортепиано Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки;

П.С. Волкова, д-р искусствоведения, профессор, профессор каф. социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета (Краснодар);

Н.Л. Проконова, д-р культурологии, профессор, зав. лабораторией теоретических и методологических проблем искусствоведения Кемеровского государственного института культуры;

О.В. Синельникова, д-р искусствоведения, профессор Кемеровского государственного института культуры;

И.Г. Умнова, д-р искусствоведения, доцент, зав. каф. музыковедения и музыкально-прикладного искусства Кемеровского государственного института культуры

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. КУЛЬТУРОЛОГИЯ
И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ»**

Э.И. Черняк, гл. редактор, д-р ист. наук, профессор, зав. каф. музеологии, культурного и природного наследия;

К.А. Кузоро, отв. секретарь, канд. ист. наук, доцент каф. библиотечно-информационной деятельности;

В.Е. Буденкова, канд. филос. наук, доцент каф. культурологии, теории и истории культуры;

Л.В. Булгакова, канд. искусствоведения, доцент, зав. каф. инструментального исполнительства;

О.А. Жеравина, канд. ист. наук, доцент, зав. каф. библиотечно-информационной деятельности;

Л.А. Коробейникова, д-р филос. наук, проф. каф. культурологии, теории и истории культуры;

И.Е. Максимова, канд. ист. наук, доцент, каф. культурологии, теории и истории культуры;

Е.Н. Савельева, канд. филос. наук, доцент, зав. каф. культурологии, теории и истории культуры;

В.В. Сотников, проф., зав. каф. хорового дирижирования

EDITORIAL COUNCIL

P.L. Volk (Tomsk, Russia);

D.V. Galkin (Tomsk, Russia);

O.L. Lavrik (Novosibirsk, Russia);

A.A. Sundieva (Moscow, Russia);

Maracz Laszlo (Amsterdam, the Netherlands);

A.N. Bagashev (Tyumen, Russia);

T.K. Shcheglova (Barnaul, Russia);

David Nicholas (United Kingdom, USA);

Carlo Ginzburg (Italy, USA);

Maria Lorena Amorós Blasco (Murcia, Spain);

E.O. Kuprovskaya (Paris, France);

Liu Lian (Qingdao, People's Republic of China);

K.G. Fileva (Plovdiv, Bulgaria);

Joerg H. Gleiter (Berlin, Germany);

N.P. Kolyadenko (Novosibirsk, Russia);

N.S. Bazhanov (Novosibirsk, Russia);

P.S. Volkova (Krasnodar, Russia);

N.L. Prokopova (Kemerovo, Russia);

O.V. Sinelnikova (Kemerovo, Russia);

I.G. Umnova (Kemerovo, Russia)

EDITORIAL BOARD

E.I. Chernyak (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief;

K.A. Kuzoro (Tomsk, Russia) – Executive Editor;

V.E. Budenkova (Tomsk, Russia);

L.V. Bulgakova (Tomsk, Russia);

O.A. Zheravina (Tomsk, Russia);

L.A. Korobeynikova (Tomsk, Russia);

I.E. Maksimova (Tomsk, Russia);

E.N. Savelyeva (Tomsk, Russia);

V.V. Sotnikov (Tomsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Васильева И.А. Отношение к деньгам в российской культурной традиции	5
Zabulionite A.K., Monakhov V.M. The idea of culture: Kant's boundary of reason as an imperative in the education of a modern person	16
Климова О.М. Русский авангард в художественной картине мира начала XX века: культурологический анализ кубизма, лучизма, супрематизма	27
Корниенко М.А. Природа как опыт переживания	35
Меркулова Н.Г. Отечественное изобразительное искусство XIX века как источник исследования культурных кодов <i>головы и лица</i> человека	41
Троицкий Ю.Л., Павлов А.В. Субкультура футбольных фанатов и практика угроз: ментальные, дискурсивные и поведенческие стратегии	55
Храмцов А.Б. Развитие социально-культурной инфраструктуры в городах Западной Сибири в начале XX века: сравнительный анализ	65

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Урсегова Н.А. К проблеме сравнительного анализа сюжетно-мотивной композиции европейско-русских и сибирских вариантов свадебной песни «Вьюн на воде»	76
Фархутдинова С.Г. Художественно-мифологическая сущность музыкального текста как основа семантического анализа произведений искусства: поиск методологии	85
Языков Е.Л., Кашина Н.И. Развитие навыков художественного общения у дирижеров-хормейстеров в процессе профессиональной подготовки в вузе	92

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Алексеева Л.С., Горбатов А.В. Деятельность церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия	101
Воропаева А.Г. Украинское село в Сибири: динамика строительных традиций	109
Жеравина О.А. 800-летие Саламанкского университета: юбилей как научный и социокультурный проект	119
Жеребцова К.О. К историографии музейного дела Новосибирска	135
Плетнева Л.М., Черняк Э.И. Вклад сотрудников ПНИЛ ИАЭС в деятельность Музея археологии и этнографии Сибири	144
Родионова Д.Д., Мастеница Е.Н., Мишакова О.Э., Степанова Е.Ю., Сизова И.А. Проектирование примерной образовательной программы по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»: условия, принципы, опыт	155
Хазан Е.В. Историко-культурное наследие Магаданской области в экспозициях провинциальных музеев (1990–2000-е гг.)	167

БИБЛИОТЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Дергилева Т.В. Предпосылки формирования стратегических направлений взаимодействия библиотек научных организаций Сибирского отделения Российской академии наук	176
Лаврик О.Л., Плешакова М.А., Калюжная Т.А. Информационно-аналитические продукты в научных библиотеках для информационного обеспечения научно-исследовательской работы	186

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Венкова А.В. Политики идентификации в искусстве метамодернизма	203
Конева А.В., Лисенкова А.А. «День без селфи прожит зря», или Цифровые визуальные стратегии самоидентификации	214
Водопьян В.Г., Хамаганова К.В. Визуальные коды культурной идентичности в современном медиапространстве	229
Пейгина Л.В. Воздушные замки, построенные в граните: соединение исследовательской и художественной стратегий в практиках фандомного творчества	236
Теплякова А.О. Зин-культура как практика формирования микросоциальной идентичности	247
Сенокосова А.Н. Влияние российской культуры на художественную самоидентификацию Вальтера Шписа в период эмиграции в Германии (1919–1923)	254

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

Лойко О.Т. Память: непреходящая актуальность прошлого. Рецензия на кн.: Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году: экскурсионный маршрут (Томск : Изд. Дом Томского государственного университета, 2017. 184 с.: ил.)	265
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	270

CONTENTS

CULTUROLOGY, THE THEORY AND CULTURAL HISTORY

Vasilyeva I.A. Money perception in Russian culture.....	5
Zabulionite A.K., Monakhov V.M. The idea of culture: Kant's boundary of reason as an imperative in the education of a modern person	16
Klimova O.M. The Russian avant-garde in an art picture of the world of the beginning of the XX century: culturological analysis of cubism, luchizm, suprematism	27
Kornienko M.A. The nature of experience as living	35
Merkulova N.G. Russian fine arts of the XIX century as a source of research cultural codes of the <i>head</i> and <i>face</i> of a person	41
Troitsky Yu.L., Pavlov A.V. Football fan subculture and practice of threats: mental, discursive and behavioral strategies.....	55
Khramtsov A.B. Development of social and cultural infrastructure in the cities of Western Siberia at the beginning of the XX century: a comparative analysis	65

ART HISTORY

Ursegoва N.A. Comparative analysis of the story-motive composition of the European Russian and Siberian versions of the wedding song "Widdle on the water"	76
Farkhutdinova S.G. Artistic and mythological essence of a musical text as the basis for the semantic analysis of works of art: search methodology.....	85
Yazykov E.L., Kashina N.I. Development of skills of art communication in conductors-chorus masters in the course of vocational training in higher education institution	92

CULTURAL HERITAGE

Alekseeva L.S., Gorbatov A.V. Activity of church museums of Siberia for conservation of historical and cultural heritage	101
Voropaeva A.G. Ukrainian village in Siberia: the dynamics of building traditions	109
Zheravina O.A. 800 anniversary of the Salamanca University: jubilee as scientific and sociocultural project	119
Zherebtsova K.O. On the historiography of museum business in Novosibirsk.....	135
Pletneva L.M., Chernyak E.I. The contribution of Problem laboratory of history, archaeology and ethnography of Siberia staff to the works of Museum of archaeology and ethnography of Siberia	144
Rodionova D.D., Mastenica E.N., Mishakova O.E., Stepanova E.Y., Sizova I.A. Design of the exemplary training program in the direction "Museology and protection of cultural and natural heritage objects": conditions, principles, experience	155
Khazan E.V. Historical and cultural heritage of the Magadan region in expositions of the provincial museums (1990–2000s)	167

THE ROLE OF LIBRARIES IN CULTURE IN HISTORY AND MODERN TIMES

Dergileva T.V. Prerequisites for the formation of strategic directions of interaction of libraries of scientific organizations of the Siberian branch of Russian Academy of Sciences.....	176
Lavrik O.L., Pleshakova M.A., Kalyuzhnaya T.A. Information and analytical products in research libraries for information research support	186

INTERDISCIPLINARY RESEARCH AND SUBJECT STUDY: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Venkova A.V. Identification politics of metamodern art.....	203
Koneva A.V., Lisenkova A.A. "A day without a selfie is a wasted day" or digital visual strategies of self-identification	214
Vodopyan V.G., Hamaganova K.V. Visual codes of cultural identity in modern media space.....	229
Peigina L.V. Air castles built of granite: a combination of research and artistic strategies in the practice of fandom creativity	236
Teplyakova A.O. Zine-culture as a practice of formation of social micro-identity	247
Senokosova A.N. The influence of Russian culture on the artistic self-identification of Walter Spies in the period of emigration in Germany (1919–1923)	254

REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY

Loyko O.T. Memory: non – transiting actually of the past. Review of the book: Dmitriyenko N.M., Chernyak E.I. In Tomsk in 1917: excursion route. Tomsk: Publishing house of the Tomsk state university, 2017. 184 pages: silt.....	265
---	-----

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	270
--------------------------------------	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.17223/22220836/32/1

И.А. Васильева

ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Актуальность представленного исследования связана с проблемой сохранения российской культурной идентичности, исторически проявлявшей себя в социокультурном опыте отношения человека к деньгам. Проблема заключается в том, что, несмотря на его фиксацию в исторических, литературных и философских источниках, содержание данного знания иллюстрируется достаточно противоречивыми примерами, хотя общеизвестно, что любая культурная традиция до эпохи постмодерна требовала восхождения к единому образцу. В связи с этим встает необходимость отрефлексировать эту норму, а именно – классический образец отношения к деньгам в российской культурной традиции в его обусловленности исторически сложившимися стилями мышления (мифологическим, религиозным, философским).

Ключевые слова: деньги, российская культурная традиция, рациональность, мышление, мифология, религия, философия, российская культура.

Традиционно в российской культурной традиции в отношении к деньгам легко заметить неэкономические мотивы. В качестве примера можно сослаться на «Скупого рыцаря» А. Пушкина, где обращение с ними выказывает жадность, граничащую с психологической патологией. В «Бесприданнице» А. Островского деньги становятся соучастниками трагедии. В пьесе «Бедность не порок» деньги участвуют в предмете торгового, что таковым быть не может, – в брачных сделках. В произведении Д. Фонвизина «Недоросль» красной нитью проходит мысль, что богат тот, кто «отсчитывает у себя лишнее, чтоб помочь тому, у кого нет нужного...» (д. 4, явл. 2). У Н. Гоголя в повести «Вечер накануне Ивана Купала» золото – чистый металл, который не может идти к злому человеку, но при этом ценой добытого золота оказывается невинное дитя. А. Гончаров в «Обыкновенной истории» показывал, что в делах любых есть воля Божья и в денежных тоже. Особенно репрезентативным в плане русского отношения к деньгам можно считать произведение Достоевского «Преступление и наказание», где главный герой, убив казавшееся бы из-за денег старуху, мучается совершенным, так их и не забрав и не употребив в дело.

История России полна сюжетов, в которых обнаруживается неоднозначное отношение к деньгам. Жить на одно содержание от государства было неприлично. За это осуждали, например, А. Пушкина, ведь в общественных делах было принято участвовать «своими» деньгами. Нередкими были случаи пожертвования. Граф Н. Шереметев вкладывал свои деньги для организации

«странноприимного дома» и «оспенных домов», являющихся частью государственной политики того времени. В. Морозов отдавал деньги на постройку больниц. Граф Резанов – на снаряжение кораблей «Юнона» и «Авось» от имени России, половину расходов взял на себя. Однако не менее распространена была практика взяточничества, и отдавать денежные долги иной раз люди не стремились. Показательна история Ричарда Сутерланда (1779), английского купца, выступавшего частным заемщиком для российской знати, которая слишком часто отказывалась от своих денежных обязательств, что привело его к самоубийству: он повесился. Все эти примеры далеки от того, чтобы их объяснить чисто экономической рациональностью, но и в аксиологическом аспекте приведенные выше факты достаточно противоречивы.

В связи с этим закономерно задать вопрос, почему отношение к деньгам в российской культурной традиции было так далеко от их понимания только как экономического блага? Какова же норма, классический образец отношения к деньгам? Чтобы выявить российскую специфику интерпретации денег, мы проследим, как она формировалась через исторически сложившиеся формы мифологического, религиозного и философского мышления в том их виде, как они здесь присутствовали.

Мифологическое мышление начало оформлять отношение к деньгам в российской культуре задолго до появления христианства. Первоисточников, рассказывающих о бытии денег, в то время попросту не существовало. Но наличие денег зафиксировала советская археология, настаивая на том, что они появились задолго до судьбоносного для России акта: «Если исходить из имеющихся в распоряжении исследователей куфических монет, возникновение обмена между славянами Восточной Европы и народами юга-востока следовало бы отнести к середине VIII столетия» [1. С. 151]. Однако внешний обмен не определял развитие восточнославянского общества [2. С. 193].

Как отмечает М. Грамм [3], активно использовались не только привозное золото и серебро, но и «свои» деньги: льняные отрезы, платежные бирки (коладки), скот, различная движимая собственность (соль, молоко, гвозди, зерно, бусы и пр.). Существовала также система меховых денег [4. С. 23]. К деньгам люди стремились, на это однозначно указывает, например, славянская традиция выкупа невесты, где совершалась проверка на «денежность» жениха. Об этом стремлении говорят и другие многочисленные приметы хорошей жизни. К примеру, нельзя было свистеть, так как считается, что свист – это ветер, а ветер может унести из дома все, в том числе и деньги. Нельзя было выбрасывать хлеб, так как это приведет к бедности. Считалось, что богатство и деньги приносит народившийся месяц, а также прием гостей с радостью и почтением. Поэтому не случайны значения, которые в русском языке им придавались: «мошна» – сбережения; «калита» – деньги на жизнь и развлечения; «задел» – деньги на наследство детям.

Деньги не были связаны с личным накоплением, они реализовывали определенный общий для всех уровень материальных благ. Обыденное мышление оценивало итог жизни с позиции достижения необходимого жизненного уровня. Родителей чтили за оставленные материальные средства. По поверью, они продолжали жить и владеть имуществом, в том числе и деньгами, в своих домах, имели те же заботы, что и до смерти, т.е. существовали еще какое-то время, пока жив род. Считалось, что предки постоянно вступают в

непосредственный контакт с людьми с целью создания идеального бытия, сохранения «коловоращения жизни»: «Несовместимые на первый взгляд понятия „мертвый“ и „богатство“ сближались в языческом миропонимании через посредство такого звена, как „предки“, „деды“, – они умерли, прах их закопан в земле, но они помогают оставшимся в живых – к ним, заложившим фундамент хозяйственного благополучия потомков (расчистили пашню, построили дом, обжили уголья), постоянно обращаются с просьбами, к ним на кладбище приносят дары» [5. С. 243]. Такое отношение к деньгам было обусловлено славянской мифологией.

В языческой мифологии от богов зависело благополучие. К примеру, денег просили у Велеса. Нестор в «Повести временных лет» называл его «скотым богом», а так как славяне чаще всего расплачивались скотом, имеющим значение денег, то главным проявлением этого бога, по мнению А. Барковой [6. С. 266–278], следует считать денежное богатство. Брошенные в могилу монеты выступали посредником выкупа места в земле, чтобы хозяин подземного мира Велес не гнал умершего. Деньги были связаны с потусторонней жизнью, поэтому и ярмарки устраивались на погостах (от др.-рус. погостити – побывать в гостях). Хороший человек, почитающий предков, должен быть богат «жить-поживать, да добра наживать» и получить полцарства. Не случайно Садко был награжден подводным царем небывалым уловом рыбы за его внимание, почтение и игру на гусях. В целом всех «денежных людей» чтили, ведь деньги являлись знаком признания и расположения предков. Их покровитель Велес был единственным богом, которого не сожгли, а положили в реку Почайну; сжечь его не позволил даже переход к христианскому учению.

Очевидно, что с приходом христианства высказанная позиция В. Соловьева об оформившемся христианско-языческом компромиссе, феномене двоеверия, справедлива и для дальнейшего оформления российского отношения к деньгам. Христианство не обесценивало сформированное мифологическое отношение к деньгам как к неотъемлемому положительно оцениваемому атрибуту жизни, не противоречило взгляду на деньги как на блага, поданные богами, не допуская разночтения в данном вопросе. Функции ходатайства о деньгах в материальном мире были переняты христианскими святыми. О материальном благополучии, например, стали молиться святому Спиридону, иконе Божьей матери, но лишь за одной иконой – святителю Иоанну Милостивому – было закреплено покровительство деньгам. Христианские летописцы этим ограничили свое внимание к ним, в то время как в народном фольклоре появились причудливые переплетения языческих заговоров на приход денег с библейскими сюжетами, в которых Иисус и Мария помогают смертным деньгами (Иисуса Христа, надежа и опора, присно дева Мария, Исусова подпора, по небу шли, мешки с деньгами несли, мешки открылись, деньги свалились. Я, раба Божья (имярек), по низу шла, деньги собрала, домой понесла, свечки зажгла, своим раздала. Свечки, сгорайте, денежки, в доме прибывайте! Во веки веков! Аминь).

Языческое влияние проглядывается и в используемом и поныне православным христианством термине «пожертвования», которого не встречается в Библии. В ходатайстве о деньгах или иной милостыне перед Господом за умерших усматривается преемственность от славянского язычества: ведь

жертвы и требы приносились богам и предкам, чтобы сдвинуть ситуацию в сторону просителя. Помимо славянских воззрений, российское мышление дополнилось гнозисом (от. греч. – «знание») в христианской форме. По-видимому, можно считать, что единство язычества и христианства в плане рациональности мышления дополнилось пониманием существования запредельного. В славянском мировоззрении даже бессмертие мыслилось в категориях этого мира, через перерождение душ в своих предках, христианство же заговорило о существовании опыта, далёкого от материи. Согласно ему вещи тленны по отношению к божественной вечности, поэтому и смысл жизни человека уже не был связан с вещами и тем более с самой «безликой» вещью – деньгами.

Если так обстояло дело с пониманием бытия, то идея денег, как и всякое материальное, телесное, не являлась главным стремлением в жизни и лишалась общественной поддержки: неустроенность жизни и отсутствие денег не порицались, а их наличие не гарантировало почета и уважения в обществе. Об этом говорили и православные духовные течения. «Нестяжатели» во главе с преп. Нилом Сорским унаследовали византийскую традицию исихазма, при которой необходим уход от мирских забот и денег. Он запрещал членам скиотов брать оброки и вести торговлю, отводя церкви роль пастыря и совести общества. «Стяжатели» во главе с преп. Иосифом Волоцким также отрицали личное имущество у служителей церкви, но при этом развивали идею социального служения, при котором деньги и хозяйство в целом необходимы церкви, чтобы поддержать нуждающихся.

Отныне российское ратцо не существовало вне тайны Христовой. Православное христианство заговорило о чистом, духовном, мистическом опыте, который открывается человеку с рождением и смертью. В мышлении помимо механической причинности появилась мистическая компонента: «Мистика есть преодоление тварности» [7. С. 327]. Христианство освобождает разум от закона: «Мистический опыт есть выход из категорий мира, выход из всякой объективации, выход из всего, к чему применимо понятие» [Там же. С. 334]. Христианская мистика преодолела пралогическое, находящееся «во власти каузальной связи и детерминации» [Там же. С. 347] языческое сознание. И неслучайно, отныне понятие истины перестало быть на Руси связанным с обыденностью, требующей расчета, а мыслилось как понятие правды.

Денежная целесообразность подменялась ее целесообразностью. Объективность правды заключалась в едином для всех законе Божьем, а путь его достижения у каждого мыслился своим, поэтому проступки не осуждались, а воспринимались как индивидуальный своеобразный путь постижения абсолютного бытия. Он заключался в требовании целостности чувственной и разумной природы человека, в том, чтобы любой ценой не делать нечистых поступков (мысль в православии приравнивается к ним) и любить ближнего своего. Закон Божий был желаем в качестве основы жизни. Просят не по делам судить, а по милости Божьей, суд не по правде и справедливости, а по Божьей благодати. Просят «бывшее сделать как не бывшим». С помощью нее преодолевалась предметность и обозначалась главная цель человеческого существования: «...и явлю ему спасение Мое» (псалтырь, псалом 90).

Рациональный стиль мышления пришел в российскую культуру в XIX в. Только начиная с этого момента можно говорить о существовании двой-

ственности мировоззренческой позиции в отношении денег. Совершенно иной взгляд на деньги Россия стала осваивать в XIX в. с приходом капитализма, имеющего в своей основе классическую западноевропейскую научную рациональность. О нем С. Булгаков говорил так: «В экономическом материализме говорит суровая жизненная честность, он отдает свое внимание значению нужды, заботы о куске насущного хлеба, которая тяготеет над большинством человечества» [8. С. 20], «экономический материализм слишком сильно пахнет рабочим потом и фабричным дымом» [Там же. С. 793].

И действительно, в российском мышлении не произошло неприятия методов жесткой научной рациональности, ведь достаток приносили все те же объективно существующие методы хозяйствования. Активно стали осваиваться экономические закономерности: «...нельзя не упомянуть о модном увлечении хозяйством. Даже богатые люди, не привыкшие считать свои расходы, следовали этой моде и сами отправлялись один раз в неделю для закупки всего необходимого» (цит. по: [9. С. 66]). Но наряду с этим появился новый тип людей – «человек-гривенник», «человек-рубль», осуждаемых обществом, так как такие люди умели говорить только о «расходах и улыбаться только дешевизне» [10. С. 233]. С. Булгаков говорил, что человек, «который не ест, не спит, а все считает интересы, стремясь к наибольшей выгоде с наименьшими издержками; это счетная линейка, с математической правильностью реагирующая на внешний механизм распределения и производства, который управляется своими собственными железными законами» [11. С. 343].

Негативный оттенок чувствуется и в замечаниях мемуариста Э. Стогова: «Софья Сергеевна однажды меня удивила, когда, разговаривая наедине со мной, она до самой подробности означила базарную цену всякой безделицы: говядины, крупы, муки, сала, яиц и даже цену соли» (цит. по: [9. С. 67]). Русский язык запечатлел смысл такого пренебрежительного высказывания значением слова «мелочность», что означает излишнее сведение всего к звонкой монете, что считалось неприличным. В основном трагедии, описанные Ф. Достоевским, были связаны с отношением к деньгам, трактуемым на новый лад: зачем нужно душевное самосовершенствование, если с большим количеством денег к тебе будут относиться как к лучшему человеку (роман «Подросток»). Выключение «человеческого» в мышлении стали связывать с людскими пороками. Деньги стали восприниматься Россией не исходя из хозяйственного опыта, а вульгарно христиански как воплощенное зло. Считалось, что если привязаться к деньгам и хозяйству, то стоит навсегда оставить мысль и попытку встречи с Богом.

Данную мысль поддерживали славянофилы (А. Хомяков, К. Аксаков, В. Киреевский, В. Черкасский), придерживаясь традиционного отношения к деньгам, транслировавшегося православной церковью. Несколько иное отношение к деньгам транслировали западники (П. Чаадаев, И. Тургенев, В. Соловьев, В. Белинский, А. Герцен), за что их обвиняли в «новом христианстве». Они выражали прогрессивный взгляд о всеобщей гармонии, которая достигается не только христианизацией человечества, но и разумным материальным прогрессом. Они считали, что в России необходимо развивать банковский опыт и торговлю, промышленность и медицину, строить железные дороги. В силу этого Россия должна двигаться по пути, пройденному запад-

ной цивилизацией, при этом не отказываясь от своих традиционных взглядов на деньги. В итоге, как мне кажется, философы, относящие себя казалось бы к разным теоретическим направлениям общественной мысли, славянофилы и западники, по сути, отличались лишь тем, что западники допускали экономические денежные отношения, пытаясь адаптировать их к исконной российской интерпретации денег. Через их взгляды обнаруживала себя традиция, отличающая Россию от Запада.

Россия увидела в экономической рациональности новый инструмент для решения прежних мировоззренческих вопросов. Их влияние на хозяйственную жизнь признано и современными исследователями: «Кто бы он ни был, мужик или интеллигент, он всегда носил в себе потребность отвлеченного мышления, и сообразно уровню своего духовного или умственного развития, сообразно своей одаренности природой, стремится, помимо своего материального места в материальном мире, отыскать еще точку опоры и для своей внутренней личности» [12]. Российский разум требовал исповедовать Божий закон прежде всего, но для этого он не призывал уничтожать банковскую систему и другие достижения экономической мысли. Общеизвестно, что российское предпринимательство в XIX в. успешно осваивало мировые рынки, но при этом было принято зарабатывать деньги по потребностям дела и необходимым личным нуждам, а остальное употреблять «во славу божью». Неудивительно, что русское купечество тратило деньги на пожертвования народному просвещению, на содержание и строительство церквей, театров, и, по замечаниям В. Белова, купцы намеренно тормозили дело, считая грехом увеличение денежного оборота [13. С. 50].

Эта же мысль была раскрыта, по мнению автора, философско-религиозным мышлением. В этой связи достаточно вспомнить слова Б. Вышеславцева: «...существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения» [14. С. 154]. Русская философия, являясь его воплощением, интересовалась прежде всего восхождением к абсолютному, божественному, запредельному, находящемуся за эмпирическим миром началу. Чувственное никогда не мыслилось низшим уровнем бытия, оно мыслилось как проводник «божественного логоса», заставляющего руководствоваться умом вне отрыва от сердца. Запредельное заговорило о смысле спасения души, оставляя в стороне точный денежный расчет. По мнению Б. Вышеславцева, только сердце оказывалось способным признать земное несовершенство и относиться к нему со снисхождением [Там же. С. 327]. В нем – нежелание логических выводов, попытка избавиться от закона и превзойти механическую причинность через любовь, являющуюся в российской культуре не инстинктом, а атрибутом разума. Как отмечает И. Ильин [15. С. 55], христианство сосредоточило внимание человечества на внутренней жизни. И здесь деньги выступали прежде всего инструментом совершенствования души.

Для этого мышлению требовалась не рационализация, а согласованность с неизреченными интуициями души. Данный строй мысли, ориентированный на универсальный, запредельный логос мира, был концептуализирован как русский идеализм. При этом профанации мышления на западноевропейский манер не произошло. Православный разум был проникнут идеей ограниченности картезианского логоса в способности постижения мира, ведь в «чи-

стом» знании невозможно отразить всю полноту жизни. Закрепляя подлинное существование человека за пределами любого эмпирического опыта, он не диктовал отказаться от денег, скорее, терял к ним всякий интерес.

Православный разум говорит о существовании чувства, мистического созерцания, творческой интуиции. Все это можно отнести к рациональным антропологическим процессам, которые носят преходящий характер. Православный разум признает действие иррациональных сил, действующих в мире. Сущностные связи мира разламываются с приходом высшей воли, к которой нельзя приблизиться ни аскетизмом, ни «добрыми делами», ни молитвой. Российское радио видело в закреплении мысли о детерминизме гибель мира. За предопределенностью, конечной непреображенной тварностью стоит невозможность отдельного человека преодолеть пределы материального бытия, поэтому считалось, что чем лучше эмпирический мир подчиняется человеку, тем меньше у него возможности обрести бытие идеальное. Это подтверждалось жизненной практикой, и принцип «выключения сердца», свойственный классическому экономическому радио с целью наращивания капитала, не принимался, ибо он уводил от этих идей. К примеру, возврат денег с избытком не был приемлем не только в христианстве, но и многовековом славянском укладе.

Старая система ценностей сохраняла в России жизнеспособность и силу, подкрепляясь православием. Деньги не служили буржуазному накоплению, не были «деньгами ради денег», но при этом «нищий» не означало «богоугодный», считалось, что бедность и зависть к деньгам другого развращает не меньше. Деньги рассматривались как инструмент испытания и направления воли. Труд не служил накопительству, а существовал для очищения души и тела. Полагали, что любое материальное начало подчинялось высшему духовному первоначалу, его совершенной природе. В силу этого любая экономическая деятельность «должна быть регулируема высшими, сверхэкономическими мотивами» [8. С. 747]. А это зачастую шло вразрез денежной выгоде, поэтому митрополит А. Введенский еще век назад признавал, что «...тем, кто хочет безусловно коммерчески хорошо прожить жизнь, с нами не по дороге» [16. С. 300].

Рационализации отношения к деньгам на западный манер не произошло, потому что православный разум иначе, не на основах строгой и упрощающей мир до рациональной схемы, смотрел на жизнь. Согласно ему, жить одним расчетом нельзя, поэтому, несмотря на произошедшее логическое оформление российской философской мысли и сходность логических процедур мышления с западноевропейской философией, она с подозрением относилась к западной научно-рационализированной культуре.

Рационализацию не оживили ни марксистско-ленинская философия, провозглашающая материальное равенство, ни пришедшее революционное движение: «В России „дух капитализма“ задержался. Его не могли активировать ни обе (1905 и 1917 гг.) буржуазно-демократические, ни социалистическая Октябрьская революции» [17. С. 187]. Коренным образом мирознание людей не изменилось, марксизм стал не таким, как на Западе. Марксистско-ленинская философия не сформировала нового отношения к деньгам, а воспроизводила имеющийся образец на свой лад, продолжая опираться в своем развитии на православный разум. Моральный кодекс «строителя коммуниз-

ма» был списан с Евангелия», оставаясь ориентированным на традиционные российские ценности, среди которых справедливость, равенство, мессианство [18].

Соборность продолжает существовать, меняя свое название на коллективизм. Жертвенность и подвиги, следование без видимой выгоды через голод, нищету, болезни не сломили преданности давно существующей христианской идее построения идеального общества. В тесной связи с православным разумом деньги продолжали функционировать и в советское время. Оно не допустило альтернативного отношения к деньгам, видимо, в силу того, что вопросами хозяйства занимались сами руководители страны (Сталин, Хрущев и др.). Преодоление бедности и неустроенности, «неуютности» жизни оправдывалось желанием причастности всех к будущему идеальному бытию. Движению к нему должен был способствовать уравнилельный подход, «русские отстаивали его как завоевание социализма, одергивая тех, кто „не шел в ногу с массой“, стремился к личному успеху» [19. С. 104].

На отношение к деньгам идеализм российского мышления наложил свой отпечаток. С этой теоретической позиции они продолжали существовать на советский лад. За деньгами окончательно закрепился статус капиталистического зла, о чем свидетельствуют многочисленные комиксы о буржуазии и показательная идея спасения мира от «загнивающего» Запада. Существовало мнение, что при бестоварном социализме деньги не потребуются, они отомрут, когда люди соединятся друг с другом в натуральных хозяйственных связях при отсутствии частной собственности на средства производства. Деньги воспринимались как пережиток капитализма. Однако, как отметил А. Зиновьев, «даже во время войны, когда жизнь страны была предельно упрощена, деньги сохраняли какое-то значение» [20. С. 347]. И это несмотря на то, что идеология социалистического общества изначально отказывала им в бытии.

Существовавший принцип равенства объективно не мог воспитывать стремления к увеличению материального потребления. Идеология, конечно, была направлена против денег, о чем говорят ее тезисы, направленные на то, чтобы «не приучать детей к деньгам». Безусловно, можно говорить о политических и идеологических спекуляциях на таком понимании денег в советский период, но и они были взяты из российского менталитета. Советская культура декларировала свободное общество без денег – коммунизм.

На деле же оказалось, что невозможно отказаться от экономических категорий, таких как учет прибыли, рента, зарплата и деньги. Имели хождение талоны, совзнаки, продуктовые карточки, трудодни, облигации общественного займа, водка, сигареты. Вместо мелочи в магазинах сдавали сдачу английскими булавками, спичками. За подневольный труд государство рассчитывалось суррогатами государственных денег под странными названиями «расчётный чек», «расчётная квитанция». В этом многообразии легко угадывались обычные деньги. Принципиально отличная от рыночной, плановая экономика не смогла отказаться от них, но по-прежнему отводила им подчиненное место и специфическую реализацию в социуме: советская идея общественного блага переняла от сформулированной русской религиозной философией мысли о преображении (преобразовании) всего тварного мира.

Достижению этой задачи подчинялись все хозяйственные устремления, а вместе с ними и деньги.

Таким образом, распространено мнение, что российская культурная традиция не имела способности к систематическому расчету в денежных вопросах и будто российский опыт хозяйствования не требовал вычисления. Однако классическая рациональная денежная калькуляция в российской культуре была востребована не меньше, чем в западноевропейской. Она существовала повсеместно в требовании бережливости и расчетливости в торговых делах, ведь в традиционных российских ярмарках участвовало все население. России также не были чужды так называемые «протестантские добродетели», среди которых – культ денежной рачительности, бережливости, хозяйственной самостоятельности, заботы о репутации семьи в вопросах возврата долгов. Умственная трезвость и ясность, свойственные классической рациональности, существовали и, хотя и не всегда, но в денежных вопросах применялись.

И все же отношение к деньгам существовало в системе своих самобытных ценностных координат. Они никогда до конца не были ориентированы на экономическую рациональность («Не дороже денег» «Денег много да разума мало»). В них продолжали существовать такие понятия, как вера, мессианство, любовь, совесть, жертвенность, при этом они не вносили в них логической неясности, размытости. Российская культурная традиция допустила экзистенциальные характеристики в отношении к деньгам, такие как жертвенность; помощь ближнему; нестяжательство в ведении хозяйства, невозможность брать «пыхву» при одалживании денег или продаже; справедливость при распределении денег; готовность ограничить свои денежные потребности ради близкого человека. Они интегрировались с открытыми западноевропейской культурой рациональными закономерностями движения денег. Но в этом универсальном для всех культурном движении денег они традиционно сначала становились не предметом научного экономического анализа, а сопрягались с иррациональным мышлением. Данное отношение к деньгам было сформулировано нашим народом, с особой серьезностью воспринявшим слова Христа про «верблюда и игольное ушко» и древнюю притчу о счастливец без рубахи (известна в пересказе Л. Толстого), обоснованно высказывая мнение о том, что «деньги человека портят». Наверное, здесь следует сделать паузу и осознать, что классическое российское отношение к деньгам отличается от западноевропейского.

Литература

1. *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л. : Наука, 1968. 184 с.
2. *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство : Античность. Византия. Древняя Русь. Л. : Лениздат, 1988. 334 с.
3. *Грамм М.И.* История цивилизации в зеркале мер, единиц и денег : Занимательная энциклопедия с интернет-адресами. Челябинск : Аркаим, 2004. 344 с.
4. *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М. : Языки славянских культур, 2009. 416 с.
5. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М. : Наука, 1987. 784 с.
6. *Баркова А.Л.* Верования древних славян // Энциклопедия для детей : Религии мира. М., 1996. Т. 1. С. 266–278.
7. *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2006. 679 с.

8. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М. : Астрель, 2007. 988 с.
9. Лаврентьева Е.В. Культура застолья XIX века : Пушкинская пора. М. : ТЕРРА-Книжный клуб, 1999. 320 с.
10. Чехов А.П. Рассказы. Повести. Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1985. 512 с.
11. Булгаков С.Н. Соч. : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. 752 с.
12. Курдюмов М. Православие и большевизм [Электронный ресурс] // Путь. 1930. № 22. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.odinblago.ru/path/22/4> (дата обращения: 01.07.2017).
13. Белов В.И. Избранные произведения : в 3 т. М. : Современник, 1984. Т. 3 : Лад : Очерки о народной эстетике; Пьесы. 478 с.
14. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М. : Республика, 1994. 368 с.
15. Ильин И.А. Философия и жизнь // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 43–60.
16. Дистут А.В. Луначарского с митрополитом А.И. Введенским 21 сентября 1925 г. // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов : Философия и мировоззрение. М., 1990. С. 290–319.
17. Ложникова А.В., Петрова Г.И. Деньги с богом или бог с деньгами? (О русской национальной идее и ее денежной «составляющей» // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. 2005. № 287. С. 186–191.
18. Патриарх Кирилл. Утрата понятия жертвенности угрожает самому существованию человеческого общества [Электронный ресурс] // Русская православная церковь: официальный сайт Московского патриарха. Электрон. дан. [Б. м.], 2005–2017. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653015.html> (дата обращения: 02.02.2012).
19. Кеэрбин Б.Ф., Тарасов А.А. Развитие капитализма, философии и этики буржуа: историко-культурологический аспект : учеб пособие: [в 2 кн.]. Саранск : Саран. кооп. ин-т МУПК, 2006. История предпринимательства и капиталистических отношений в России. 552 с.
20. Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. М. : Центрполиграф, 1994. 495 с.

Irina A. Vasilyeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: iv10061982@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 5–15.

DOI: 10.17223/22220836/32/1

MONEY PERCEPTION IN RUSSIAN CULTURE

Keywords: money; Russian cultural tradition; rationality; thinking; mythology; religion; philosophy; Russian culture.

It is widely believed that the Russian thinking had no ability to systematically calculate money. Classical rational money calculation in Russian culture was demanded nothing less than in European culture, but in money matters are not always applied. The reason was the special type of thinking. Its formation began in the Slavic paganism, gradually mix with Christian tradition. Unity of paganism and Christianity brought the understanding of the transcendental existence. In addition to thinking of causality appeared mystical component. Since that time the Russian culture had never existed outside of the mystery of Christ. The money became a tool for the improvement of the soul. For this thinking not needed rationalization but needed soul expression.

A completely different look at money became with the capitalism that had its core in scientific rationality. It was in used in Russia, but people saw in scientific rationality a new tool for solving the previous philosophical issue, which is not called to destroy the banking system and other achievements of economic thought. Profanation of thinking did not happened. Money didn't go on the path of purification from the sensual. Certainly, we can talk about political and ideological speculation on steady understanding of money perception during the Soviet period. The Soviet idea public good took part from articulated Russian religious philosophy. All this happened because the Russian mind looked at life differently, not on the basis of strict rational scheme. In close connection with it money perception continued to function.

References

1. Lyapushkin, I.I. (1968) *Slavyane Vostochnoy Evropy nakanune obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva* [Slavs of Eastern Europe on the eve of the Old Russian State formation]. Leningrad: Nauka, 1968. 184 s.

2. Kurbatov, G.L., Frolov, E.D. & Froyanov, I.Ya. (1988) *Khristianstvo: Antichnost'. Vizantiya. Drevnyaya Rus'* [Christianity: Ancient Times. Byzantium. Ancient Russia]. Leningrad: Lenizdat.
3. Gramm, M.I. (2004) *Istoriya tsivilizatsii v zerkale mer, edinits i deneg: Zanimatel'naya entsiklopediya s internet-adresami* [The history of civilization in the mirror of measures, units and money: An entertaining encyclopedia with Internet addresses]. Chelyabinsk: Arkaim.
4. Yanin, V.L. (2009) *Denezhno-vesovye sistemy domongol'skoy Rusi i ocherki istorii denezhnoy sistemy srednevekovogo Novgoroda* [Monetary and weight systems of pre-Mongol Russia and essays on the history of the monetary system of medieval Novgorod]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
5. Rybakov, B.A. (1987) *Yazychestvo drevney Rusi* [Paganism of Old Rus]. Moscow: Nauka.
6. Barkova, A.L. (1996) Verovaniya drevnikh slavyan [Beliefs of the Ancient Slavs]. In: Aksenova, M. (ed.) *Entsiklopediya dlya detey: Religii mira* [Encyclopedia for Children: World Religions]. Vol. 1. Moscow: Avanta+. pp. 266–278.
7. Berdyaev, N.A. (2006) *Dukh i real'nost'* [Spirit and Reality]. Moscow: AST : Kharkov: Folio.
8. Bulgakov, S.N. (2007) *Istoriya ekonomicheskikh i sotsial'nykh ucheniy* [History of Economic and Social Studies]. Moscow: Astrel'.
9. Lavrentieva, E.V. (1999) *Kul'tura zastol'ya XIX veka: Pushkinskaya pora* [Culture of the 19th-century feast: Pushkin's Time]. Moscow: TERRA-Knizhnyy klub.
10. Chekhov, A.P. (1985) *Rasskazy. Povesti* [Short Stories. Novellas]. Kemerovo: Kemerovskoe knozhnoe izdatel'stvo.
11. Bulgakov, S.N. (1993) *Sochineniya v 2-kh tt.* [Works in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
12. Kurdyumov, M. (1930) Pravoslaviye i bol'shevizm [Orthodoxy and Bolshevism]. *Put'*. 22. [Online] Available from: <http://www.odinblago.ru/path/22/4>. (Accessed: 1st July 2017).
13. Belov, V.I. (1984) *Izbrannye proizvedeniya: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Sovremennik.
14. Vysheslavtsev, B.P. (1994) *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of the Transformed Eros]. Moscow: Respublika.
15. Ilin, I.A. (1990) *Filosofiya i zhizn'* [Philosophy and life]. In: Alekseev, P.V. (ed.) *Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At the Turn. Philosophical Discussions of the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 43–60.
16. Lunacharsky, A.V. & Vvedensky, A.I. (1990) Disput A.V. Lunacharskogo s mitropolitom A.I. Vvedenskim 21 sentyabrya 1925 g. [Dispute between A.V. Lunacharsky and Metropolitan A.I. Vvedensky on September 21, 1925]. In: Alekseev, P.V. (ed.) *Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: Filosofiya i mirovozzrenie* [At the Turn. Philosophical Discussions of the 1920s: Philosophy and Worldview]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 290–319.
17. Lozhnikova, A.V. & Petrova, G.I. (2005) Den'gi s bogom ili bog s den'gami? (O russkoy natsional'noy idee i ee denezhnoy "sostavlyayushchey") [Money with God or God with money? (On the Russian national idea and its monetary "component")]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 287. pp. 186–191.
18. Patriarch Kirill. (n.d.) *Utrata ponyatiya zhertvennosti ugrozhayet samomu sushchestvovaniyu chelovecheskogo obshchestva* [The lost concept of sacrifice threatens the very existence of human society]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/653015.html>. (Accessed: 2nd February 2012).
19. Kevrbin, B.F. & Tarasov, A.A. (2006) *Razvitie kapitalizma, filosofii i etiki burzhua: istoriko-kul'turologicheskiy aspekt* [The Development of Bourgeois Capitalism, Philosophy and Ethics: Historical and Cultural Aspect]. Saransk: MUPK.
20. Zinoviev, A.A. (1994) *Kommunizm kak real'nost'* [Communism as a Reality]. Moscow: Tsentrpoligraf.

УДК 130.2

DOI: 10.17223/22220836/32/2

A.-K.I. Zabulionite, V.M. Monakhov

THE IDEA OF CULTURE: KANT'S BOUNDARY OF REASON AS AN IMPERATIVE IN THE EDUCATION OF A MODERN PERSON

The culturological twist in modern science and practical activities implies the clarification of the essence of culture. Turning to the history of the philosophical thought, it is possible to trace the transformation of the understanding of culture, the origins of the current discontinuity between the rational cognition and the life-purpose positions, which are discovered in the renaissance anthropocentrism and metaphysics of the practical reason of the Modern period. The article addresses the perspective of the Kantian interpretation of culture, which examines the reason with regard to its origin and highest maxims.

Keywords: Global civilization, culture and nature, philosophy of culture, fundamentals of education, sustainable development.

Introduction

Global challenges faced by the humanity in the new millennium, are apparently cannot be addressed without reference to the issues of culture. It seems to us that the time, when the fundamental importance of the problems of culture in the various spheres of the interest of society and humankind, including the issue of culture-nature relationship, has passed. After the international experts from the Club of Rome published the Limits to Growth report (1972), the issue of the fundamental relationship between culture and nature is not limited to the discussion about the deficit of the natural resources and the perspective of the resource-based economy. Eventually, it is being referred to both when considering the global climate problems and ecosystems in the long-term development of the world civilization.

The increasing interest towards the previously invisible and unconscious interrelation between social, economic, political, and technological phenomena on the one hand and the state of culture on the other exemplifies that the tradition to ignore them becomes anachronistic and unacceptable for modern thinking. Culturocentrism becomes a methodological standard in the different fields of knowledge. The book "Price of Civilization" by Jeffry Sachs, a prominent researcher and expert on macroeconomic development, can serve as an example of such culturological twist in the economic science. The author draws attention to the importance of studying not only the economic indicators but also the large-scale impact canvas: history of culture, politics, geopolitics, public opinion and the restrictions imposed by the environment and natural resources. He emphasizes the need for the holistic approach: the importance to clearly understand how the various constituents of economics and society fit together and how they are in accord with the world economy. "Like other economists, I pore over charts and data. In addition, I read stacks of opinion surveys as well as cultural and political histories. I compare notes with political and business leaders and visit factories, financial firms, high-tech service centres, and local community organizations. Sound ideas about economic reform must pass a "truth test" at many levels, making sense at the

community level as well as the national political level" [1. P. 6]. Sachs associates these issues with not only the social responsibility of the ruling elite – the “culture of power”, but also with the education system affairs, opens the door to the further renewal of society, including the possibility to contribute new ideas for sustainable development.

Despite the obviousness of the culturological twist and the relevance of the issue of the relation between culture and nature, the problem remains the following: the essential understanding of the culture. This understanding, as we know, is undergoing a significant transformation in the history of thought, and today it generates a serious divergence of views. In this article, we trace how the essence of culture is interpreted in the history of thought and how culture is related to cognition. We put the question: what transformations led to the formation of the currently prevailing science-centrism, to the gap between cognition and the meaning-of-life issues. This not only made the sphere of reason insane and irresponsible but also negatively influenced the modern systems of education, where the balance between the professionally competent knowledge and the existential-ethical guidelines started to disrupt in favour of the former.

1. The anthropocentric horizon of consciousness and the formation of a free reason

The fundamental foundations of the metaphysical project, which gave rise to the Western science and the technogenic civilization based on this science, that treats the world as the objective reality and describes it by means of quantitative characteristics, emerged in the Renaissance. This era was intended to revive the ancient tradition. But the appeal to antiquity remained external. We briefly outline the well-known ancient representation of the world as the living organism and the harmonious cosmos in which everything is in possession of the self, its own nature (physis) and lies in its metaphysical place. The Greek cosmocentrism considered culture (paideia) as the conformity of a human with the wonderful order of the cosmos. It is commonly known that the ancient history of Greek “paideia” exemplified several forms of education systems, which started long before the great education systems of Plato and Aristotle [2]. Without getting involved in the concrete content of the systems, it should be noted that the cognition and education were perceived by the ancient Greeks as inextricably linked. Therefore, no matter how different were the systems of education in ancient Greece, they shared common features – they all were based upon the idea of compliance of a human being with the cosmic order. The ancient interpreted nature (physis) as a broad notion encompassing all natural and human. Consequently, education was considered the process to conform to the order of nature. This fact implied the knowledge of the cosmic order. Therefore paideia in the philosophy of Plato was both the system of education and the “correctness of the view” able to see the world of ideas. Education and truth happened to be inseparable [3].

The Medieval theocentrism contemplates the existence of the world through the text of the Holy Scripture, embodying the Divine Logos as the truth of existence. In these texts, the world appears genuinely existent. Therefore, medieval scientia, formed in the historical period that created universities, was the education system, assessed not through the knowledge of the Trivium and Quadrivium. The pinnacle of the medieval scientia was the experience of the interpretation of the

Word of God. However, the medieval exegesis is inextricably linked with the doctrine of the mediator as the giver of the key to understanding the Divine Logos. Jesus Christ was the mediator and the “absolute teacher” (Clement of Alexandria). He guaranteed the person’s ability to *understand* the text of Scripture.

The idea of *humanitas* in the Middle ages was connected with the idea of *divinitas* – the incarnation of God. Therefore, the Life of Christ was a model for the cultivation of the “divine” in ourselves. To create the text of their life was the *only thing* that a medieval person could create. This was already vividly captured in the early Middle Ages in the thought of Saint Augustine, Alcuin, Abelard, Francis [4]. In the Middle Ages, as in Antiquity, cognition and education – were again conceived inseparable. It is from the medieval *scientia* that the notion of culture is deduced into this era.

The Renaissance, as it is known, did not revive the ancient ideas about nature, culture and cognition. The differences between the Antiquity and the Renaissance as the types of cultures were colossal. It should be noted, that the opposition of nature and culture as two different substances was for the first time fixed in the Renaissance. And this fact will have far-reaching consequences. This gives rise to the Cartesian division of the thinking and the extended substances (*res cogitans* and *res extensa*). As a result, the wholeness of the world and the wholeness of knowledge will become a serious philosophical problem. The Renaissance idea of *humanitas* and the anthropocentric worldview evolve during the Renaissance. The *studia humanitatis* is formed as a reaction to the medieval idea of *scientia*, and the idea of a human is increasingly adopting the demiurgic traits. Thinkers of the epoch were the first to start speaking about the incomplete image of a human and the freedom to complete it at their own discretion. Therefore, humanists consciously adopted the role of the educators of the human souls, in order to turn each and every one to decent humanity.

The Renaissance grounds of anthropocentrism in the Modern period scheduled a crucial shift in learning the world. The new science once again manifests the demiurgic traits of a person. Starting with Francis Bacon and Rene Descartes, the metaphysics of the practical reason is formed. Bacon puts forward the thesis: “knowledge is power” and sees the strategic task of the new science – to subdue nature to the human needs. The practical reason reveals its character in prudent planning and anticipation – thus changing the very understanding of the truth. Henceforth, the *truth* becomes a *judgment*. But the mind must be purified of all subjective and historical. A sharp distinction is drawn between cognition and culture. The aim is to exclude all human from cognition. With precise methodological consistency, Francis Bacon spelt out the programme of mind purification in his critique of idols (fallacies) of the mind. The disparity between the scientific (objective) knowledge and education is coming up. In this epoch, we can discover the historical root of the contemporary trend to reduce education to job-specific training and to assess it through competences.

The metaphysics of the practical reason set a goal – not to contemplate the order of being but to conquer nature, “drag away its secrets” and put in the service. This attitude towards nature turns it into an object (objective reality). The world as an objective reality is no longer thought of as a living organism (how it was treated by the Greeks). And today our language gives away the fundamental attitudes towards being. We are talking about the “natural resources”, i.e. think of nature as of

the raw materials storehouse. The origins of such views again lead us to the Renaissance anthropocentrism and metaphysics of practical reason.

The science of the Modern period evolves as the *mathesis universalis*. In the science of Galileo Galilei and Rene Descartes, the projecting mind requires depriving everything of their own self. Cognition is based on the subject-object opposition, unknown to the ancient form of knowledge, contemplating the harmonic order of the cosmos. The science of the Modern period demythifies nature. It is perceived as a whole but this wholeness is systemic – it is the unity of the mechanism. In order to deprive things of their own nature and self, Galileo introduced the distinction between “primary” and “secondary” qualities. Qualitative characteristics are eliminated as irrelevant, and the remaining quantitative characteristics allow to pack knowledge into a mathematical formula and prepare it for the technical use.

These changes as the result of the worldview open up the possibilities to form a fundamentally new type of organising the economic activities. Industrial production and capitalist economy emerge and develop. The organization and structure of the society undergo changes. Science, technology, forms of the economic activity, economics, social and political reality – all these forms of culture are related and based on anthropocentrism. The domination of the subject in the Modern period: the inner connection is stretching from the metaphysics of Rene Descartes to the philosophy of Friedrich Nietzsche, in which the anthropocentrism is reinterpreted into the metaphysics of will [5]. The world is deemed as a political-economic reality that defines not only the external circumstances of human life but also the inner character of its being.

The philosophical traditions interchange leads to the changing of the interpretation of culture: for the first time in the history of thought, the essence of culture acquires the value interpretation, and it is described by Konstantin Sergeev, one of the most profound Russian specialists in the field of history of philosophy. “On the basis of Hegel, Marx brought to the fore the supremacy of the instrumental reason, which finds its own shelter in the so-called *Lebensphilosophie*. The main condition of life itself happens to be instrumentality, usefulness and productivity. ... If it [life] is defined by history, which is now more fundamental than nature, or by the society, which depends now on political-economic relations, or by will to ultrapower, which demands a constant re-evaluation of values? Being-as-consciousness, as represented by Schopenhauer and Marx, transforms into being-as-will; and after the metaphysics of labour by Marx into being-as-life, determined by the will to power, will to might, a constant re-evaluation of values for the sake of life itself. The latter, i.e. life, is resulted through the production of culture. Since the XX century, understanding of being-as-culture becomes dominant. Culture gets independent being” [6. P. 145–146]. Thus, the culture is proclaimed as an institution that stores and unfolds the highest and supreme values of human existence. In “Toward a Philosophy of the Act” by Mikhail Bakhtin, the values take the form of “alibi” of human existence in the world.

It would seem, a human and culture had never been raised to such a height. But paradoxically, it is revealed that the metaphysics of will and sense of free values settlement for the sake of power increase, begin to dominate not only over nature but also over person and history. In their extreme forms, this leads to the complete oblivion of the being of all things, including the human existence. This is accomplished in the XX century, manifesting itself particularly clearly in its last

decades. Instrumental and value-based thinking manifests itself in different spheres, including culture and cognition.

2. The idea of culture and the postmodern mindset

Being-as-culture and Nietzschean will to power via a free settlement of values in the last decades of the XX century are refashioned in the post-modern mindset. According to postmodernism, there are no eternal values. Postmodernism opposes ideology, and any semblance of law and order is subjected to deconstruction so as to show its power over people and thus release it from the power of ideology. Postmodernism emphasizes the freedom and creativity of the individual. But the absolutization of freedom leads to the elimination of culture itself as a certain unique worldview, the world of meanings. There is only a diversity of opinions and styles.

The postmodern mindset is also apparent in the theories of globalization and virtualization, which advocate for the formation of a global culture, and thus either explicitly or implicitly oppose diversity of unique cultures. It seems that the post-modern mindset somehow had an impact on the principles of the Bologna education system in which the diversity and specificity of cultures are taken into account, but still the set for the fundamental overlap of education and national culture (education as enculturation) is absent. This point is not random when viewed in the broad context of understanding culture. It correlates well with the concepts of globalization, in which there are ideas about “the world as a single place”, “about the global human condition” [8].

It should be said that the postmodern mindset leads to a significant shift in the understanding of the essence of culture. This shift is discussed in detail in the book by Terry Eagleton “The Idea of Culture”. It carries out essentially the same idea of a universal culture (i.e., global culture). After criticizing the notion of culture in different interpretations of the philosophy of culture, Eagleton presents his own understanding. To this end, he separates “cultures” from “Culture”: “Given Culture’s own self-understanding, then, it is not difficult to see what it finds so scandalous about cultures. For cultures are blatantly particular, resonant of nothing but themselves, and without these differences, they would disappear” [7. P. 55]. “What Culture itself cherishes is not the particular but that very different animal, the individual. Indeed, it sees a direct relation between the individual and the universal. It is in the uniqueness of a thing that the world spirit can be most intimately felt; but to disclose the essence of a thing means stripping away its accidental particulars” [7. P. 55]. And then Eagleton clearly states: “Culture is itself the spirit of humanity individuating itself in specific works; and its discourse links the individual and the universal, the quick of the self and the truth of humanity, *without the mediation of the historically particular* (emphasis added by me. – A.K.Z.)” [7. P. 55]. Especially it is necessary to note that Eagleton criticizes the point of view of Johann Gottfried Herder for his “conscious assault on the universalism of Enlightenment” [7. P. 16–17]. He opposes the understanding of culture as wholeness, the understanding of culture as a unique historical formation – the autotelic and intrinsically valuable subject in the World history, which was coined by the German Enlightenment, perceived by the romantics and the succeeding German tradition of the philosophy of culture. Culture as a unique wholeness is eliminated by Eagleton, or rather it is atomized to autonomous individuals. He suggests that “Culture” only “universality”

in the individual. "The universal is not just the opposite of the individual, but the very paradigm of it" [7. P. 55]. "Individuality is the medium of the universal, while particulars are purely random" [7. P. 56].

The issue of the possibility of universal culture, introduced both by the concepts of globalization and Eagleton, do not seem to be so univocal. Universal culture is the same artificial creation as the Esperanto language. We can talk about the human civilization, but cultures are always associated with the unique visions of the world, horizons of being, meanings. The fact that modern societies are not culturally homogenous does not add any substantial change. Societal and religious heterogeneity of the modern societies is growing but to approach the rootedness of a human in culture within statistical (quantitative) and linear framework is wrong. Here it is necessary to rely upon the fundamental knowledge of anthropology, culturology and philosophy of culture. And on the strength of this, it should be understood that the increase of societal and religious heterogeneity poses serious questions to the education system, as the means of human enculturation.

Another aspect should be noted: the above-mentioned concepts are trying to present globalization as an inevitable result of historical development and therefore to reduce the multidimensionality of culture as the subject of history to the dynamics of economic systems. In fact, the unique cultures as the subjects of World history are much more multi-dimensional formations. In order to clarify this issue, it is necessary to divide between the two phenomena and the corresponding notions, which are often identified: there is no equal sign between integration and globalization. The processes of increasing integration in the universum of cultures are not directed against the uniqueness of cultures. They are determined by the interaction of cultures at different levels, including the spread of Western science and technological civilization based on it. Globalization is a completely different phenomenon, as it intends to create the unified space and aims at optimizing the operation of the transnational corporations (TNCs). But it is indifferent to the peculiarities of national states and cultures. Thus, the instrumental and value interpretation of culture in the globalization concepts are primarily focused not on the uniqueness of culture and individual but on the freedom of capital. This is in the interests of the political-economic reality and aims to establish the concept of such a societal framework that would be most beneficial for the free flow of finance and capital. Owing to this, society is more in control of homo faber, squeezing it into social cages and less in need of their unique personal manifestation. Modern "creativity" does not imply going beyond the standardized behaviour. When viewed in this context, the point of reduction of person's education into the plane of pure "competence" becomes clear.

It should be said that value thinking and instrumentalism resulting from it, in light of the postmodern mindset finds itself in epistemological constructivism as well. Modern scientific worldview – in the extreme tendencies in gnoseology – turns science and technical progress into such a power that allows a human to feel independent from nature. Modern people have become so obsessed with technical capabilities that they do not want to restrain themselves even in the face of imminent danger. It seems that the postmodern mindset, which opposed the "power of ideology", is ready to make a stand against the "power" of nature itself: a dangerous trend is emerging – the rejection of searching for the truth as such. Interest in being of all that exists by its very nature is losing its sense. People begin to imagine

that their mental world and human-created cultural habitat is more important for them than nature. Culture, which since the Renaissance was conceived as “non-nature” is transformed into the virtual world. But virtualization processes do not stop there. Instrumental, practical reason accommodates not only nature to its values and demands. From the perspective of “knowledge is power” the transformation of human existence takes its rise. On the basis of “values” attitude and while pursuing the aim of “practical utility” a human begins to change and structure history and culture, their own corporality, mind and memory. The existence of human and culture becomes virtual. Indifference towards the search for truth itself transforms cognition into the supporting knowledge, which performs the functions of self-organization and self-preservation of the social and virtual reality.

These extreme forms of reason manifestation in its infinite possibilities are not yet dominant, but it is impossible to ignore them. They actualize the need to clarify the issue of *how* science (cognition) and technical progress enter culture and how a human and culture think of themselves in relation to all that exists.

3. Culture as the culture of reason

The issue of the essence of culture is embracing the most important practical and fundamental importance. It is closely related to the issue of the human nature and the place of a human among all things. In the intellectual circulation of ideas, it is impossible to escape these issues already. Is it a reason for the acute character of the question of what is culture? It was in the Renaissance with its anthropocentric bases – culture for the first time is defined as “non-nature” – when the division between human and natural as two different substances takes place. The crack sprawls upon the monolith integrity of the world.

It would seem that as ever the Renaissance exalted a human, placing them in the centre of the universe. But the paradoxical outcome of anthropocentrism for people, as we have shown, was clearly revealed at the end of the twentieth century. Since the Renaissance people made the way from realizing their demiurgic traits, approving of themselves as the unique personalities, as the lords of nature, to the extent of relegating themselves to the mere object of manipulation. The downside of the Renaissance anthropocentrism was exposed not today, of course. One of those, who paid attention to it, was the Russian thinker Pavel Florenskiy. He noted the total secularization, inherent in this era, as well as the revitalization of semantic orientations of human existence, which previously used to bear a sacred character. Following this, the scientific revolution of the Modern period has radically altered the nature of cognition: it drove a wedge between mind and culture. Practical reason, purified from all human, appeared as the unlimited ability of cognition. Not by coincidence, since the XVII century, to the present, the cognition has developed under a slogan of “freedom of reason”.

But today, when the current science-centric doctrine of civilizational development manifests crisis features, cognition as free research undertaking is not perceived so unambiguously, as in the days of the scientific revolution of the modern period. Reflecting on the modern doctrine of sustainable development, the thought of Immanuel Kant and his attempt to indicate the boundaries of “pure reason” capture the particular attention. Despite the fact that the philosophy of Kant played a crucial role in the switching of the traditions, that his critical philosophy became the basis for Johann Fichte, Friedrich Schelling and Georg Hegel, preparing the

foundation of the philosophy of modern time, but the idea of Kant about the boundaries of reason was not grasped by his contemporaries. This was the point, stressed by Sergeev, who noted that with rare exceptions, the essential situation concerning Kantian thoughts, scarcely changed nowadays. In his article "The philosophy of Kant and New European metaphysical position", he suggests the idea that "Kant restricts dreamily-rebellious spirit inherent to Cartesian mind" [6. P. 9]. The fundamental essence of the human mind, according to Kant, reveals itself in the four famous questions: What can I know? What should I do? What may I hope? All these three questions indicate the following – *what* is human? Through these questions, a human is perceived not only as a natural being but as a human with regard to all that exists. The questions define the meaning-of-life issues of its existence. Philosophical anthropology of Kant is the inner centre of the true philosophy (metaphysics), which acquire the character of the worldview.

If starting with Descartes and Bacon, in the metaphysics of practical reason the truth is converted into the judgment, the Kant's judgment – the cognition abilities and good will of the subject – are united in a systemic integrity. Aesthetic and teleological judgements are united in one whole moral-religious understanding of the world. Such *holistically-symbolic* understanding of the world Kant calls culture. This determines Kant's approach to the culturological problematics. And the *symbol* is viewed as the key concept of the philosophical culturology. Kant's culturology connected the phenomenal world of the natural necessity and noumenal world of the moral freedom. This statement can be found in his first critical work – "The Critique of Pure Reason": "For the same reason, metaphysic forms likewise the completion of the *culture* of human reason. In this respect, it is indispensable, setting aside altogether the influence which it exerts as a science. For its subject-matter is the elements and highest maxims of reason, which form the basis of the *possibility* of some sciences and of the use of all". The culture of reason "is more useful in preventing error than in the extension of knowledge, does not detract from its value; on the contrary, the supreme office of censor which it occupies assures to it the highest authority and importance. This office it administers for the purpose of securing order, harmony, and well-being to science, and of directing its noble and fruitful labours to the highest possible aim – the happiness of all mankind" [9. P. 248]. In fact, the idea of Kant is clear: the greatness of knowledge is not in its power but in its measure and proportion. In this elevated sense, – education of a person – involves not only scientific knowledge communication but also an introduction to measure as the good, to the boundary as the limit, which is not to be understood as the end of all the progressive and advanced. The limit, in this case, is to be perceived as the alternative to lawlessness, disrupting the harmony of being of all that exists and proportion.

It should be highlighted that Kant was not alone. The Kantian idea of culture as the "culture of reason" and his attempts to indicate the boundaries of "pure reason" attracted the attention of Johann Wolfgang Goethe. Both geniuses felt the dangers hidden in the anthropocentric horizon of the consciousness and the emancipation of human abilities. In his conversations with Johann Peter Eckermann, Goethe spoke of the need to create the "critique of sense and mind", and Kant in his letter to Marcus Herz in June of 1771 wrote that he was working at a book which was aimed to identify the "boundaries of sensibility and reason". In "The Sorrows of Young Werther", Goethe emancipated sensuality that led to obsession and madness

[6. P. 9–10]. However, even nowadays the “healing power” (Sergeev) of the Kant’s brilliant critique remains not yet fully grasped and therefore undemanded. After Kant there appeared and emerged the valuable-based interpretation of culture and the dualism of the two sciences (“natural science” and “moral science”) which since the time of neo-Kantians of the Baden school (Wilhelm Windelband and Heinrich Rickert) was the centre in the canon of cultures’ sciences. Classical organicism by Goethe and Herder with no dualism of sciences was interpreted in its own way. But with the following generations of the “organicists” and the “Lebensphilosophie followers” (Friedrich Nietzsche, Oswald Spengler, etc.) the valuable-based interpretation of culture and the pluralism of cultures turn into the central theme. In recent decades, the value-based interpretation of the essence of culture and the instrumental character of the mind has reached their limit, revealing their incongruity with modern directives of sustainability.

How should the new doctrine of sustainable development look like? There is no easy answer in this situation, as the issue is multifaceted, affecting all the inter-related spheres of human activity. We cannot predict. But it seems that one of the most important issues will be bridging the gap between cognition and morality through the “critique of the senses and the mind”. Now comes the time of understanding that culture stands behind both branches of scientific knowledge (humanities and natural sciences). But, apparently, it is necessary to focus more attention on comprehending the issue concerning the essence of culture. It seems that while thinking about *what* is culture, the particular attention is paid to the Kantian critical thought and holistically-symbolic understanding of the world. Measure, modesty and knowledge of boundary is common good in the world which is becoming closer and closer. Understanding culture as boundaries of the reason, we can imagine the meaning and regulations in the education of a human, who is responsible and complying with the being of all that exists.

4. Conclusions

As it is known, nothing can stimulate science more than the real problems. Growing worldwide interest in the field of cultural studies, serious methodological twists, oriented on the unique character of cultures in oriental, African and Asian studies – all these trends are not accidental. But the sciences of culture have different images, as well as cultures themselves, in which they are formed. They thematize and interpret the world in their own way. The articulation of the issues we addressed, is by no means characteristic of the Western thought – its history and present condition. Kant’s understanding of culture as the culture of reason again returns our thoughts to the comprehension of the truth of being of all that exists, which oblivion was described by Martin Heidegger. It is easy to guess that in other images the sciences of culture this questioning is by no means absent. This does not take away real problems of correlation between civilization and nature on a planetary scale and this gives rise to the needs for governing all the world processes.

The issue of world civilization-nature interaction optimization, as the most important question of the sustainable development doctrine, requires the formulation of general principles – regulations of conduct common to the universe of modern cultures. However, the existence of common regulations does not imply the negation of cultural diversity, which in the modern world is also causing a

growing anxiety, not less than the world civilization-nature correlation. Culture was and still is the unique world, and it is impossible to extract a human from it (without serious anthropological consequences). Therefore, the world development dynamics (oriented toward addressing global problems) has to be combined with the art of managing the cultural traditions dynamics. This idea was especially emphasized by the specialist international studies and culturologist, Eduard Markarian [10]. In the situation of the modern world, sciences of culture, which are formed in different countries and civilizations can no longer remain regional projects: challenges common to all mankind, and the doctrine of sustainable development require increasing the regulation level of the world processes. But not at the cost of the cultures' unification. Under the conditions, when it is impossible and unreal to rely on the single sample for all, unified regulations are to be expressed in regional notions. This, it seems to us, is the meaning and the practical challenges of cultural studies as a science, as well as the relevance of international discussion of its problems. In this context a new sense is added to the comparative studies of culture, stemming from the idea of culture's self, and it is able to contribute to the search for mild forms of the intercultural communication. The course on the unification is to be altered by the comparative studies of cultures, having both fundamental and practical meaning.

References

1. Sachs, J. (2011) *The Price of Civilization: Reawakening American Virtue and Prosperity*. Random House.
2. Jäger, W. (1954) *Paideia: Die Formung des Griechischen Menschen* [Paideia: The Formation of the Greek Man]. Vol. 3. Berlin.
3. Heidegger, M. (1998) *Pathmarks*. Cambridge, UK, and New York: Cambridge University Press. pp. 155–182.
4. Rabinovich, V.L. (1991) *Ispoved' knigocheya, kotoryy uchil bukve, a ukrepyal dukh* [The confession of a bookworm who taught the letter and strengthened the spirit]. Moscow: Kniga.
5. Heidegger, M. (1991) *Nietzsche*. Vol. 4. HarperOne. pp. 1–196.
6. Sergeev, K.A. (2006) *Filosofiya Kanta i novoyevropeyskaya metafizicheskaya pozitsiya* [The philosophy of Kant and the new European metaphysical position]. In: Kant, I. *Traktaty* [Treatises]. St. Petersburg: Nauka. pp. 5–146.
7. Eagleton, T. (2000) *The Idea of Culture*. Wiley-Blackwell.
8. Robertson, R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications.
9. Kant, I. (1990) The Critique of Pure Reason. In: Adler, M.J. (ed.) *Great Books Of The Western World*. Vol. 39. Encyclopedia Britannica. pp. 1–252.
10. Markaryan, E.S. (2014) *Izbrannoye. Nauka o kul'ture i imperativy epokhi* [Selected Works. The Science of Culture and the Imperatives of the Era]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 405–430.

Audra-Kristina I. Zabulionite, St. Petersburg State University, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: k.zabulionite@holism-culture.org

Valery M. Monakhov, Saint-Petersburg State University, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: vmonakhov@herzen.spb.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 16–26.

DOI: 10.17223/22220836/32/2

**THE IDEA OF CULTURE: KANT'S BOUNDARY OF REASON AS AN IMPERATIVE
IN THE EDUCATION OF A MODERN PERSON**

Keywords: Global civilization; culture and nature; philosophy of culture; fundamentals of education; sustainable development.

At the moment we face a growing interest in the issue of the relationship between the state of culture and social, economic, political and technological phenomena. Culturocentrism becomes a methodological standard in the different fields of knowledge and practice. However, the essential understanding of culture and its relationship with knowledge remains a problem. The paper investigates the understanding of the essence of culture in the history of thought: from the ancient Greek “paidea”, the medieval scientia, the Renaissance definition of culture as non-nature (and the distinction between human and natural as two different substances), to the modern value-based interpretation of culture, finally to the understanding of being-as-culture. The paper critically evaluates the modern instrumental mind and postmodern interpretation of the essence of culture, as well as the futility of the idea of the universal human culture formation.

Today, when the doctrine of civilizational development based on science-centrism discovers its crisis features, a special attention is attached to the thought of Immanuel Kant and his attempt to indicate the boundaries of “pure reason”. The paper discusses the prospects of the Kant's interpretation of culture, considering reason from the point of view of its beginnings and highest maxims. If starting with Descartes and Bacon, in the metaphysics of practical reason the truth is converted into the judgment, the Kant's judgment, which includes the cognition ability and good will of the subject – are united in a systemic integrity. The greatness of knowledge, according to Kant, is not in its power but in its measure and proportion. In this elevated sense, – education of a person – involves not only scientific knowledge communication but also an introduction to measure as the benefit, to the boundary as the limit, which is not to be understood as the end of all the progressive and advanced. This understanding of the essence of culture seems relevant while reflecting upon the modern doctrine of sustainable development. Understanding culture as boundary of the reason, we can indicate the meaning and regulations in the education of a human, who is responsible and complying with the being of all things.

The global civilization-nature interaction problem, as the most important issue of the sustainable development doctrine, implies the elaboration of general principles and requires an increase in the level of the world processes' control. But they should not be introduced at the cost of cultures' unification: common regulations need to be expressed in regional terms. The course on the unification in the concepts of globalization is to be altered by the comparative studies of cultures, which at the moment is gaining both fundamental and practical meaning. It can contribute to the search for soft forms of intercultural interaction.

УДК 7.011.2

DOI: 10.17223/22220836/32/3

О.М. Климова

РУССКИЙ АВАНГАРД В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА НАЧАЛА XX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КУБИЗМА, ЛУЧИЗМА, СУПРЕМАТИЗМА

Целью данной статьи является выявление и культурологическая аналитика особенностей репрезентации художественной картины мира в живописи русского авангарда. Предметом исследования определяются характерные особенности эволюции художественного мира представителей авангарда. Методологической основой исследования является философско-культурологический подход, позволяющий наиболее целостно рассмотреть ключевые вопросы кубофутуризма, лучизма и супрематизма. Автор приходит к выводу, что художественную картину мира, воплощенную в живописи русского авангарда, характеризуют инновативность творчества и интериоризация как основа познавательной деятельности человека.

Ключевые слова: русский авангард, футуризм, кубизм, кубофутуризм, лучизм, супрематизм.

Возникшие примерно в одно время итальянский футуризм и французский кубизм выступали по отношению друг к другу в качестве не столько альтернативы, сколько оппозиции. В стремлении устранить размежевание между ними в России выдвигается идея их консолидации. По свидетельству многих современников, в частности В.В. Маяковского, И.А. Пуни, сделать это не удалось. В живописи кубизм преобладал над футуризмом. Причем и первый, и второй в совершенно специфической русской трактовке. Не случайно состоявшаяся в 1914 г. встреча с идеологом футуризма Ф.Т. Маринетти (организована Н.И. Кульбиным) закончилась большим скандалом. Тем не менее термин «кубофутуризм» прочно закрепился в художественной практике, отразив чисто отечественное эклектическое образование.

18 декабря 1912 г. в сборнике «Пощечина общественному вкусу» была опубликована статья Д.Д. Бурлюка «Кубизм», наметившая перспективные направления художественной диффузии кубизма и футуризма. Родившийся в итоге кубофутуризм был обращен одновременно к пониманию предметности в динамическом диапазоне и к оптическому дроблению предметности на составляющие ее структуры.

«Футуристы хотят освободиться от этой упорядоченности мира, – скажут несколько позднее К.С. Малевич и М.В. Матюшин в одном из газетных интервью, – от этих связей, мыслимых в нем. Мир они хотят превратить в хаос, установленные ценности разбивать в куски и из этих кусков творить новые ценности, делая новые обобщения, открывая новые неожиданные и невидимые связи» [1. С. 146].

Кубофутуризм не только нейтрализовал двухмерность поверхности живописного полотна, но и позволил визуализировать время за счет simultaneity восприятия зрительного образа. При этом согласимся с Н.В. Злыдневой: «существенно помнить, что само изображение вместе с его

носителем (полотном картины, цветовым пигментом и т.п.) в авангарде стало вещь, т.е. произошло сближение денотата с сигнификатом. Картина-вещь не изображала время, она являлась его репрезентантом. ...время... превратилось в категорию предметного мира, получив статус овеществленного предмета» [2. С. 140].

Образы преобразенной реальности, составленные средствами цилиндрических, конусообразных, колбообразных и кожухообразных колористических форм, сохраняли предметно-природные реминисценции, усиливали конструктивную основу (например, картины Л.С. Поповой «Человек. Воздух. Пространство» (1912), «Кубический городской пейзаж», «Пианист» (1914), «Натюрморт с гитарой» (1915), «Путешественник» (1916); Н.А. Удальцовой «Композиция» (1913), «Абстракционизм. Ресторан», «За пианино», «Натюрморт. Музыкальные инструменты» (1915); А.А. Экстер «Париж» (1912), «Город ночью» (1913), «Генуя» (1914), «Флоренция» (1915).

Кроме того, ориентация на «сдвигологию», «алогизм» и «заумный реализм» способствовала попыткам дематериализации мира и его явлений, установлению проницаемости телесного, однако затрудняла восприятие за счет дезинтеграции предметности, отсутствия или смещения «точки зрения».

Написав в 1911 г. картину «Корова и скрипка», К.С. Малевич сопровождает ее комментарием: «Алогическое сопоставление двух форм – „скрипка и корова“ – как момент борьбы с логизмом». Обращаясь к аналитике диссонанса, он намеренно провоцирует встречу фактов разных областей реальности как неожиданную, случайную. В данном примере (как и во многих иных работах кубофутуризма) отчетливо проявляется то, что теоретики модернизма назовут эстетикой случайного: «Это неустойчивое состояние искусства, – пишет Е.А. Бобринская, – в которое внедрен „вирус“ случайного, вынуждает постоянно балансировать между экзальтацией субъективизма и вторжением в творческий процесс внечеловеческих, „элементарных сил“, между рациональным планом, замыслом, методом и спонтанностью, мгновенной вспышкой озарения. Эстетика случайного... размывает жесткий стиль мышления... Случай становится инструментом поиска новых механизмов порождения смысла, новых техник построения художественных произведений... Случай открывает в искусстве особую территорию, родственную новейшим научным исследованиям в области теории хаоса, фрактальной геометрии природы, квантовой теории и т.д. Эта модель реальности ускользает от рациональности, уклоняется от жестких схем, правил и методов, в ней размываются границы однонаправленного, линейного мышления. Однако она подчиняется своей логике и заключает внутри хаоса особый порядок» [3. С. 197].

24 марта 1913 г. М.Ф. Ларионов организует новую крупную выставку в Москве под названием «Мишень». Она не только вновь объединила творческие искания Н.С. Гончаровой, М.Ф. Ларионова, М.В. Ле-Дантю, К.С. Малевича, М.З. Шагала, А.В. Шевченко (и некоторых других художников), но и демонстрировала своего рода подытог персонального развития художников. Зрелый неопримитивизм соседствовал здесь с новыми направлениями – лучизмом и кубофутуризмом.

Их объединяло стремление к реализации в живописи четвертого измерения. Вторжение представлений о четвертом измерении в живопись было связано с обновлением естественнонаучной картины мира. Разработки

А. Пуанкаре, Г. Минковского, Ч.Х. Хинтона и ряда других содержат обоснование объединения пространства и времени в единое четырехмерное измерение пространства-времени. Кроме того, значительное влияние оказала концепция «новой модели вселенной» П.Д. Успенского, согласно которой четвертое измерение фиксирует мир незримого, т.е. пока недоступного для восприятия органами чувств (человек живет в четырехмерном мире, но сознает себя в трехмерном), проявления различных психофизических процессов человека (идеи, образы, воспоминания, фантазии, сновидения). Видение в четвертом измерении не связано с оптическими возможностями организма. Видение в нем подобно мысли, рожденной воображением.

В брошюре «Лучизм» 1913 г. М.Ф. Ларионов указывает: «Лучизм имеет в виду пространственные формы, которые могут возникать от пересечения отраженных лучей различных предметов, формы, выделенные волею художника» [4. С. 187], формы, которые одновременно существуют не только в пространстве, но и во времени. А в манифесте «Лучисты и будущники» обнаруживаем следующее: «Картина является скользящей, дает ощущение вневременного и пространственного – в ней возникает ощущение того, что можно назвать четвертым измерением, так как ее длина, ширина и толщина слоя краски – единственные признаки окружающего нас мира – все же ощущения, возникающие в картине – уже другого порядка; – этим путем живопись делается равной музыке, оставаясь сама собой» [5].

В.В. Маяковский называл лучизм кубической трактовкой импрессионизма, хотя самим основателем лучизм позиционировался как синтез кубизма, футуризма и орфеизма. В нем специфическое физическое воплощение находят не столько объекты реального мира (ранний «реалистический лучизм», например, картины М.Ф. Ларионова «Лучистая колбаса и скумбрия», «Лучистый пейзаж», «Стекло» (1912); Н.С. Гончаровой; «Цветы» (1912), «Желтый и зеленый лес», «Лучистые лилии», «Лучистый портрет Ларионова» (1913)), сколько впечатления и ощущения, идущие от мысле-чувственных ассоциаций и фантазий художника. Лучизм стал первым шагом к тотальной беспредметности, культивированию стихийного начала творческого акта, освобождению живописи от первоначальных физиопластических ориентиров.

Выраженная динамика лучизма осуществляется за счет «лучистых» цветных масс и фактур, плоскость не получает значительного объема, перестает быть прямой и ровной. Луч как носитель света выступает в картинах как первоначало, создающее новую трансцендентную реальность, отличную от реальной действительности, а предметная реальность заменяется реальностью субъективной, позволяя зрителю считывать и анализировать не заданную и обозримую «ситуацию», а некую схему, уводящую к границам сверхчувственного восприятия.

Новый тип пространственности несколько позднее наметит переход К.С. Малевича от идей кубофутуризма к супрематизму. В статье «Родоначало супрематизма» он пишет: «Но в один прекрасный день на горизонте показалась комета... хвост кометы – футуризм – смел, свалил все побрякушки старого искусства. ...футуризм сорвал завесу и показал нам новый мир, открыл новую реальность. Но из этого не следует, чтобы молодые художники сидели на распыленных вещах кубизма и их освобожденных единицах (вещь состоит из массы единиц, кубизм видит не вещь, а разъединенные единицы), или же

передавали новое футуристическое впечатление бега вещей... Нам нужно идти дальше – к полнейшему освобождению себя не только от вещи, но и от единиц, чтобы иметь дело только с элементами цвета (краски) и ими выдвигать, окрашивать рожденную в нас готовую форму, новое тело» [6].

Кубофутуризм привлекал Малевича и подводил своего рода научную базу под искомые им художественные средства, поскольку его «интересовал не уникальный образ мира, человека и вещей, а управляющие этим миром законы, осознав которые, художники... строят картины» [7. С. 11]. Его в некотором роде художественно-инженерное мышление стремилось к выявлению конструкций, геометризации форм в их динамической корреляции, которая «вторгаясь в видимый мир, творит его заново, сводя уникальное к универсальному и закономерному» [Там же. С. 12].

Согласимся с И.М. Егоровым в том, что «динамическое мироощущение футуризма позволяло увидеть мир целиком, утвердить внутреннюю связь и единство всего сущего через соединение вещей и понятий, реально пребывающих в различных временных и пространственных условиях и измерениях» [Там же. С. 18]. Данное динамическое ощущение, преломленное эстетикой и философией кубизма, соединяло реалистичные и абстрактные формы, смешивало их между собой, заставляя просвечивать одно через другое. «Мир мяса и кости ушел, – пишет К.С. Малевич, – в предание старого ареопага. Ему на смену пришел мир бетона, железа. Железо-машинно-бетонные мышцы уже двигают наш обновляющийся мир» [8].

Картины 1912–1913 гг. «Женщина с ведрами», «Кубофутуристическая композиция», «Точильщик», особенно «Голова крестьянской девушки», «Дама на остановке трамвая», «Дама у рояля», «Музыкальный инструмент», «Самовар», «Усовершенствованный портрет строителя (Портрет И.В. Ключа)» и ряд других, воплощают преодоление органического понимания цвета, света, плоскости, объема, перспективы. Изображение являет рассеченные и сгруппированные алогические геометрические ряды, являющиеся в то же время рядами ассоциативными. Это не образы-подобия, образы-метафоры или образы-символы, это уже образы-абстракции, совокупность умозрительных истолкований и интерпретаций.

Согласимся и с Д.В. Сарабьяновым в том, что «нельзя недооценить алогизм художника как некий этап на пути к супрематизму. Алогизм стал для Малевича дополнительным стимулом оправдания супрематизма» [4. С. 230].

19 декабря 1915 г. состоялась последняя футуристическая выставка «0,10» («Ноль-десять»). «0» озаменовал окончательное установление беспредметности супрематизма, а «10» – количество участников, которых в итоге стало 14, но на названии это не отразилось. На ней было представлено 39 работ К.С. Малевича, в том числе и «Черный квадрат».

Самостоятельность форм и самоцельность творчества («искусство идет к самоцели – творчеству, господству над формами натуры» [9]), бунт против вещиности («Я преобразился в ноль форм и выловил себя из омута дряни Академического Искусства» [Там же]), отсутствие «земной перспективы и горизонта» породили формы, на которые не действуют законы гравитации («Я уничтожил кольцо – горизонта, и вышел из круга вещей, с кольца горизонта, в котором заключены художник и все формы натуры» [Там же]). Белый фон этой и других картин не только ассоциативно устанавливает его связь с бес-

крайним космическим пространством, но и таит в себе перспективную возможность разложения на цветовой спектр – выхода из состояния покоя, безмолвия. Белый фон – это первопространство, нулевое пространство, не сводимое к нулю.

В 1919 г. К.С. Малевич к Каталогу Десятой Государственной выставки «Беспредметное творчество и супрематизм» подготовит статью и обозначит супрематизм как определенную систему, «по которой происходило движение цвета через долгий путь своей культуры» [10]. «Живопись, – пишет Малевич, – возникла из смешанных цветов, превратив цвет в хаотическую смесь на расцветах эстетического тепла, и сами вещи у больших художников послужили остовами живописными... Для меня стало ясным, что должны быть созданы новые остовы чистой цветописы, которые конструировались на требованиях цвета... цвет должен выйти из живописной смеси в самостоятельную единицу...» [Там же].

«Форма, цвет, линии, невербальные знаки раскрывают глубинный смысл опредмеченных результатов человеческой мысли, эмоций и переживаний, создают некий гипертекст...» [11. С. 83].

Конструкция супрематизма мыслилась художником как существующая во времени и пространстве, но независимая от эстетики прекрасного, переживаний и настроений человека (например, «Супрематические композиции» К.С. Малевича 1915–1917 гг., а также работы «Автопортрет в двух измерениях», «Красный квадрат (Женщина в двух измерениях)», «Полет аэроплана», «Супрематизм 18-я конструкция», «Супремус № 50», «Черный квадрат и красный квадрат (Живописный реализм. Мальчик с ранцем. Красочные массы в четвертом измерении)» (1915), «Динамический супрематизм (Супремус 57)», «Супрематизм», «Супремус № 56» (1916), «Супрематизм» (1917), «Белое на белом» (1918), «Черный крест», «Черный круг» (1923), авторское повторения «Черного квадрата» в 1923 и 1929 гг.).

Конструкция супрематизма как концепция – это авторская философская система: «Супрематизм в одной своей стадии имеет чисто философское через цвет познавательное движение, а во второй – как форма, которая может быть прикладная, образовав новый стиль супрематического украшения. ...Через супрематическое философское цветовое мышление уяснилось, что воля может тогда проявить творческую систему, когда в художнике будет аннулирована вещь как остов живописный, как средство, и пока вещи будут остовом и средством, воля его будет вращаться среди композиционного круга вещевых форм» [10].

Таким образом, несмотря на казалось бы разные пути к беспредметности, и М.Ф. Ларионов, и К.С. Малевич находят ее средствами ухода от реалистического изобразительного к идеалистическому выразительному: Ларионов – от неопрIMITивизма и первоначального реалистического лучизма к собственно лучизму, Малевич – от кубофутуризма к супрематизму. Такой отход от основ классической модели репрезентации к неклассической, а затем переход от неклассической репрезентации к фактическому ее отсутствию подразумевает, с одной стороны, выход за пределы собственно художественного, «дерационализированный тип выразительного языка и соответствующей картины мира, новое качество репрезентации мировоззрения, а с другой, демонстрирует поразительно рационалистскую рефлексия» [12. С. 67]. Супрема-

тизм становится символом в себе, символом себя, символом для самого себя, потому как искусство «перешло к своему языку, и сплетню о романе Прасковьи Ивановны оставили для любителей» [13].

Стоит особо отметить, что художественная картина мира, воплощенная в живописи русского авангарда, характеризуется интериоризацией как основной познавательной деятельности человека, «единством всех видов художественной деятельности, инновативностью творчества» [14. С. 24], приматом трансцендентного сознания, верой в развитие человеческих возможностей и способностей к иному восприятию мира и вселенной. «Главное уметь не только смотреть, но и видеть, не только слушать, но и слышать» [11. С. 84].

Литература

1. Горячева Т. Иконология кубофутуризма // Поэзия и живопись : сб. тр. памяти Николая Ивановича Харджиева / ред. М.Б. Мейлах, Д.В. Сарабянов. М. : Языки русской культуры, 2000. 848 с.
2. Злыднева Н.В. Визуальный нарратив: опыт мифопоэтического прочтения. М. : Индрик, 2013. 360 с.
3. Бобринская Е.А. Русский авангард: границы искусства. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 304 с.
4. Сарабянов Д.В. История русского искусства конца XIX – начала XX века. М. : Изд-во МГУ, 1993. 295 с.
5. Лучисты и будущники [Электронный ресурс]: Манифест. URL: <https://volodymyrbilyk.livejournal.com/60543.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2018).
6. Малевич К.С. Родоначало супрематизма [Электронный ресурс] // Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index23.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2018).
7. Егоров И.М. Казимир Малевич. М. : Знание, 1990. 56 с.
8. Малевич К.С. Мир мяса и кости ушел [Электронный ресурс] // Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index24.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2018).
9. Малевич К.С. От кубизма и футуризма к супрематизму [Электронный ресурс] // Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index7.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2018).
10. Малевич К.С. Супрематизм. Из Каталога Десятой Государственной выставки «Беспредметное творчество и супрематизм» [Электронный ресурс] // Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index35.html>. Загл. с экрана (дата обращения: 04.05.2018).
11. Ледовских Н.П. Экзистенциальный анализ как метод культурологического исследования художественного творчества // Человек в мире культуры: прагматика и метафизика современности : материалы IX Междунар. филос.-культурол. симп. Рязань : РГУ им. С.А. Есенина, 2014. С. 80–84.
12. Гирин Ю.Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М. : ИМЛИ РАН, 2013. 400 с.
13. Малевич К.С. Путь искусства без творчества [Электронный ресурс] // Статьи, манифесты, теоретические сочинения и другие работы. 1913–1929. URL: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index20.html> (дата обращения: 04.05.2018).
14. Edgar A., Sedgwick P. Cultural Theory. The Key Concepts. Second edition. London and New York : Routledge Taylor & Francis Group, 2011. 445 p. (пер. автора).

Olga M. Klimova, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: olga.2411@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 27–34.

DOI: 10.17223/22220836/32/3

THE RUSSIAN AVANT-GARDE IN AN ART PICTURE OF THE WORLD OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: CULTUROLOGICAL ANALYSIS OF CUBISM, LUCHIZM, SUPREMATISM

Keywords: russian vanguard; futurism; cubism; cubofuturism; luchizm; suprematism.

The relevance of the topic is conditioned by the fact that the cognitive-communicative paradigm in the study of the historical and social functioning of artistic culture contributes to the development of new problem fields, the discovery of new aspects of the existence of facts of art, and the discovery of the main places for the interaction of art and reality. The phenomenon of the artistic picture of the world is of key importance in this context. On the one hand, it is viewed as a means of accumulating and transmitting ideal values, world outlook and people's perception of the world, and on the other, it is able to act as a hermeneutic tool for reconstructing individual and social ideas about the historical past and present, general and unique, about the primary and secondary.

The aim of the work is to identify and culturological analysis of the features of the representation of the artistic picture of the world in the Russian avant-garde painting, reflecting the views of K.S. Malevich, M.F. Larionov and other representatives of the avant-garde. The task of the study is to consider the problem of the variability of Russian avant-garde painting as a consequence of increasing the level of individualization of the artistic picture of the world. During the work on the article, various research methods were used: mental modeling, comparison, comparison, analysis, synthesis. The theoretical and practical significance of this work is due to its effectiveness, because in the course of the research the ideas about the artistic picture of the world from the standpoint of the culturological approach, the features of its representation in the painting of cubo-futurism, radiant and suprematism were concretized. The results of the study include the identification in the works of E.A. Bobrinskaya, Yu.N. Girin, T. Goryacheva, I.M. Egorova, N.V. Zlydnevoy, N.P. Ledovskikh, K.S. Malevich, D.V. Sarabianova, A. Edgar, R. Sedgwick of the modern context of understanding the key issues of the avant-garde associated with the creation of images of a transformed reality that preserved subject-natural reminiscences and reinforced their constructive basis. It should be especially emphasized that Cubo-Futurism not only neutralizes the two-dimensionality of the surface of the pictorial canvas, but also allows visualizing time due to the simultaneous perception of the visual image. Expressed the same dynamics of radiation is realized due to "radiant" colored masses and textures.

The ray, as the bearer of light, appears in the pictures as the beginning, creating a new transcendental reality different from reality, and the objective reality is replaced by the subjective reality, allowing the viewer to read and analyze the not specified and foreseeable "situation", but some scheme leading to the boundaries of the supersensory perception. Thus, it is necessary to draw a conclusion: the artistic picture of the world, embodied in the painting of the Russian avant-garde, is characterized by interiorization as the basis of human cognitive activity, the primacy of transcendental consciousness, belief in the development of human capabilities and abilities for a different perception of the world and the universe.

References

1. Goryacheva, T. (2000) *Ikonologiya kubofuturizma* [Iconology of Cubofuturism]. In: Meylakh, M.B. & Sarabyanov, D.V. (eds) *Poeziya i zhivopis'* [Poetry and Painting]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
2. Zlydneva, N.V. (2013) *Vizual'nyy narrativ: opyt mifopoeticheskogo prochteniya* [Visual Narrative: Mythopoetic Reading Experience]. Moscow: Indrik.
3. Bobrinskaya, E.A. (2006) *Russkiy avangard: granitsy iskusstva* [Russian avant-garde: the boundaries of art]. Moscow: NLO.
4. Sarabyanov, D.V. (1993) *Istoriya russkogo iskusstva kontsa XIX – nachala XX veka* [The History of Russian Art of the Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Moscow State University.
5. Larionov, M. et al. (1913) *Luchisty i budushchniki* [Luchisty i budushchniki]. [Online] Available from: <https://volodymyrbilyk.livejournal.com/60543.html>. (Accessed: 4th May 2018).
6. Malevich, K.S. (1913–1929) *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* [Articles, manifestos, theoretical essays and other works]. [Online] Available from: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index23.html>. (Accessed: 4th May 2018).
7. Egorov, I.M. (1990) *Kazimir Malevich*. Moscow: Znanie. (In Russian).
8. Malevich, K.S. (1913–1929) *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* [Articles, manifestos, theoretical essays and other works]. [Online] Available from: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index24.html>. (Accessed: 4th May 2018).

9. Malevich, K.S. (1913–1929) *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* [Articles, manifestos, theoretical essays and other works]. [Online] Available from: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index7.html>. (Accessed: 4th May 2018).
10. Malevich, K.S. (1913–1929) *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* [Articles, manifestos, theoretical essays and other works]. [Online] Available from: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index35.html>. (Accessed: 4th May 2018).
11. Ledovskikh, N.P. (2014) Ekzistentsial'nyy analiz kak metod kul'turologicheskogo issledovaniya khudozhestvennogo tvorchestva [Existential analysis as a method of cultural research of artistic creativity]. In: Pronkina, A.V. (ed.) *Chelovek v mire kul'tury: pragmatika i metafizika sovremennosti* [Man in the World of Culture: Pragmatics and Modern Metaphysics]. Ryazan: Ryazan State University. pp. 80–84.
12. Girin, Yu.N. (2013) *Kartina mira epokhi avangarda. Avangard kak sistemnaya tselostnost'* [Picture of the World of the Avant-Garde Era. Avant-Garde as System Integrity]. Moscow: RAS.
13. Malevich, K.S. (1913–1929) *Stat'i, manifesty, teoreticheskie sochineniya i drugie raboty* [Articles, manifestos, theoretical essays and other works]. [Online] Available from: <http://www.k-malevich.ru/works/tom1/index20.html>. (Accessed: 4th May 2018).
14. Edgar, A. & Sedgwick, P. (2011) *Cultural Theory. The Key Concepts*. 2nd ed. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group.

УДК 130.122:8

DOI: 10.17223/22220836/32/4

М.А. Корниенко

ПРИРОДА ОПЫТА КАК ПЕРЕЖИВАНИЯ

В статье раскрыты бытийные основания опыта. Сопоставлены исследовательские позиции Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, Г.-В.Ф. Гегеля по проблеме опыта. Обозначена идея парадоксальности опыта, заключенной в его одновременной замкнутости и открытости. Показано, что посредством опыта человек способен познать свои пределы и открытость всеобщему, универсальному. Предложена экзистенциальная версия интерпретации опыта как переживания – проживания.

Ключевые слова: опыт, парадоксальность опыта, жизненный мир, «живо-знание», откровение, переживание-проживание, внутренний опыт, духовный опыт.

В «Истине и методе» Х.-Г. Гадамер, анализируя сущность герменевтического опыта, относит опыт к разряду наименее ясных понятий. К этому, по мнению автора «Основ философской герменевтики», привела та ведущая роль, которую играет понятие опыта в индивидуальной логике наук о природе. Именно в силу этого обстоятельства понятие опыта было схематизировано и содержательно упрощено. В свое время на эту односторонность идеализации опыта, присущую наукам, обратил внимание Э. Гуссерль. В работах «Опыт и суждение» и «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» [1. С. 42; 2. С. 592], чтобы обосновать этот тезис, автор представляет генеалогию опыта, который как опыт жизненного мира является первичным по отношению к идеализации. Восприятие как внешнее восприятие является фундаментом всего последующего опыта; Э. Гуссерль создает проекцию идеализированного мира научного опыта на первичный опыт мира. Автор пытается вернуться к источнику опыта и преодолеть идеализацию. При этом основная трудность заключается в том, что именно чистая трансцендентальная субъективность «эго», будучи опосредована языком, приводит к обозначенной идеализации. Это та идеализация, которая в позднее данной Х.-Г. Гадамером интерпретации «...с самого начала присутствует во всяком получении опыта и в которой сказывается принадлежность единичного „Я“ к языковой общности» [3. С. 410]. Опыт сохраняет значимость, не будучи опровергнут новым опытом, и это определяет сущность любой его формы, как научной, так и повседневной, – всеобщую сущность опыта. Диалектическим, по мнению Х.-Г. Гадамера, является такой тип опыта, предмет которого позволяет улучшить знание не только о нем самом, но также о том, что ранее представлялось известным, – об идеальном всеобщем [Там же. С. 416]. В «Истине и методе» Х.-Г. Гадамер обращается к интерпретации феномена опыта Г.-В.Ф. Гегелем, в работах которого опыт обозначен как «завершающий себя скептицизм»: субъект осознал свой опыт, обрел новый горизонт, и в пределах этого горизонта «...нечто может сделаться для него опытом» [Там же. С. 417]. Действительно, в «Феноменологии духа» Гегель раскрывает этот тезис о способности сознания, стремящегося к достоверности, совершать

«свои» опыты: «Это диалектическое движение, совершаемое сознанием в самом себе как в отношении своего знания, так и в отношении своего предмета, поскольку для него возникает из этого новый истинный предмет, это есть, собственно говоря, то, что называется опытом» [4. С. 48]. На эту особенность опыта обращает внимание М. Хайдеггер: в работе «Гегелевское понятие опыта» [5] он полагает, что Гегель не опыт интерпретирует диалектически, но мыслит диалектическое из сущности опыта: Гегель определяет истинное существо опыта как совершаемый сознанием поворот.

Структура опыта, его истинное существо определяются поворотом сознания, и в этом смысл того, что опыт – «диалектическое движение»; сознание, осуществляя поворот, познает в ином, чуждом, себя самое. В этом и заключено осуществление опыта через разворачивание себя в многообразии содержаний, что оказывается возможным через поворот сознания. Гегель, говоря о пути опыта, совершаемого сознанием, пишет о том, что этот опыт приводит в итоге к знанию-себя (Sichwissen), за пределами себя не имеющего ничего чуждого; в масштабе опыта, таким образом, находит воплощение масштаб знания-себя. В гегелевской интерпретации сущность опыта мыслится с самого начала с позиции того, в чем он будет превзойден, «истина опыта всегда содержит в себе связь с новым опытом» [3. С. 419], человек всегда открыт для нового опыта.

Парадоксальность опыта заключена в его одновременной замкнутости и открытости, типичное в опыте замыкается в нем посредством целостности индивидуальной жизни; над опытом ничто не властно, – он упорядочивается «само собой» (Аристотель). Именно в соединении опыта с повседневным знанием, с человеческим и постоянно трансформируемым, заключена сложность описания опыта. Опыт неуловим, парадоксален, неопределен, неожидан, и в этих свойствах (парадоксальности, неуловимости, исключительности) заключены неповторимость и значимость опыта.

Образуя целостность индивидуальной жизни, опыт в силу своей парадоксальности, выраженной в единстве повторения и открытости, всегда открыт новому и иному в бытии человека. Об этом в «Истине и методе» пишет Х.-Г. Гадамер, размышляя об «опытном человеке», обретающем через опыт и посредством опыта потенциал изменения во встрече с «иным», превращаемым в «свое». Через опыт человек познает «свои» пределы, как познает и открытость себя всеобщему, универсальному: «Опытный человек предстает перед нами как принципиально адогматический человек, который именно потому, что он столь многое испытал и на опыте столь многому научился, обладает особенной способностью приобретать новый опыт и учиться на этом опыте. Диалектика опыта получает свое итоговое завершение не в каком-то итоговом знании, но в той открытости для опыта, которая возникает благодаря самому опыту» [Там же].

Опыт означает то, что может быть отнесено к исторической сущности человека, это опыт человеческой конечности. Обретая опыт, человек обретает открытость новому опыту; лишь в подлинном опыте человек способен прийти к осознанию своей конечности. Опыт в его жизненном проявлении связан с переживанием – способностью жизненного проявления опыта. Переживание означает непосредственное внутреннее схватывание явлений; переживание (Erleben) проявляется в непрерывном потоке жизненного «схватывания»

опыта (Erlebnisstrom). Для осознанного переживания характерна интенциональность; описание переживания происходит через определение модусов его интенциональности и модусов данности как коррелята переживания. Переживание, пережитое отражают ту непосредственность, в которой человеку открываются жизнь, жизненный мир.

Речь идет об опыте как жизненном проявлении, о получаемом в опыте переживании как бытии, как проживании. Такое объяснение существа опыта пришло с феноменологией Э. Гуссерля, давшего онтологическое толкование феноменов. И не только. Нужны были имманентная философия, новая интерпретация гносеологии как сферы онтологии (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский), как нужно было то понимание онтологии, которое дали С.Л. Франк, М. Хайдеггер. Существен вклад в трактовку опыта экзистенциализма, заявившего о специфике человеческого существования и переживания. Опыт был понят как переживание-проживание. Переживание объединило бытие человека и его осмысливание. Переживание обрело ценностную наполненность, позволив выявить наиболее значимое для человека, наполнив это значимое жизненным смыслом. «Мы совершенно имманентно через переживание и самооткровение убеждаемся в ее присутствии и лишь в этой форме она становится нам очевидной» [6. С. 306] – так С.Л. Франк писал о том, как в индивидуальном опыте, представленном через переживание, жизнь открывает себя и делает себя очевидной. В «Непостижимом» С.Л. Франк вводит термин для этого – «живо-знание»: «...Знание есть здесь... чистое созерцание; и само созерцание есть здесь не созерцание чего-то, что стояло бы перед нами и могло бы быть наблюдаемо нами, а созерцание через переживание; мы имеем здесь реальность в силу того, что она в нас есть или что мы есмь в ней – в силу имманентного самооткровения реальности именно в ее непостижимости» [Там же. С. 307–308].

И поскольку опыт как переживание-проживание открыт (замыкая пройденное, опыт опровергает схемы, догмы, стереотипы), и открыт благодаря самому опыту, в опыте открывается бытие и само Бытие: опыт для индивида – это всегда путь к откровению. Это та ситуация, в которой «...подлинно конкретная всеобщность совпадает с подлинно конкретной индивидуальностью, подлинная общая правда совпадает с жизнью» [Там же. С. 414]. С.Л. Франк, на наш взгляд, говорит при этом о совпадении имманентного и трансцендентного, совпадении через открытость опыта и через откровение как тот вывод, к которому приводит опыт. Опыт порождает «живо-знание», жизнь открывает себя в опыте как переживании.

«Духовный опыт» является тем, что формирует единство бытия, поскольку именно через «духовный опыт», через имманентное, индивидуальное только и возможен выход к трансцендентному.

М.В. Михайловой [7. С. 32–33] отмечена специфическая черта опыта, она заключена в том, что единственным способом усвоения опыта является возможность этот опыт пережить; описание же опыта есть всего лишь приглашение к переживанию и проживанию этого опыта.

Ж. Батай ввел термин «внутренний опыт». В одноименной работе «Внутренний опыт» он вспоминает, как шел по городу. Светило солнце. В руках он держал зонтик и, раскрыв его, засмеялся. Опыт? Безусловно. И можно говорить о специфической представленности этого опыта, ею явля-

ется теофания: «Со мной, идиотом, Бог говорит из уст в уста; словно пламя, голос выступает из темноты и говорит – пламя леденящее, обжигающая грусть, говорит с... человеком под зонтиком» [7. С. 72–73].

В другом месте, размышляя о духовности, М.В. Михайлова приводит дневниковые записи О. Шлемана и употребляет термин «эпифания трансцендентного», подразумевая под этим духовный опыт, возможный в пределах любого опыта. Автор определяет опыт как фундаментальное состояние проживания жизни, переживания судьбы как пожизненного партнера человека; это встреча человека и мира; путь, проходимый опытом, – встречное движение личности и жизни: посредством опыта человек проходит через мир и мир проходит через нас; опыт-путь – это непереносимое условие человеческого существования. Глагол «существовать» (англ. to exist, ит. esistere, фр. exister etc.) и термин «экзистенция» восходят к латинскому *existere*, что означает «выступать из», т.е. преодолевать порог своей ограниченности и отправляться в путешествие опыта. В экзистенциальной традиции опыт обретает статус фундаментального понятия: процесс философствования разворачивается в создании автобиографии, он основан на персональном опыте, представляет собой экспликацию опыта.

Термин «переживание» (*Erlebnis*), как и термин «переживаемость» (*Erlebtheit*), стал широко употребляться в 70-е гг. XIX в. Одно из самых ранних свидетельств его использования в XIX в. мы находим в письме Гегеля [8]. Х.-Г. Гадамер обращает внимание на то, что это то письмо, в котором, как и во всех вещах подобного жанра, принято «беззаботно употреблять необычные обороты и в особенности – выражения, взятые из разговорно-обиходного языка». Письмо Гегеля содержит и оборот «теперь – о моей жизненности (*Lebwesen*) в Вене» (5.55), – его он использует в значении «пережитого», собственного «внутреннего опыта», подразумевающего непосредственную данность, «состояние переживания («переживаемость»)). Предпосылкой нового словообразования стало первоначальное значение слова «переживать» («быть еще в живых, когда случилось нечто»). Позднее пережитое понимается как пережитое самостоятельно, как непосредственная данность; пережитое самостоятельно содержание того, что было пережито, результат пережитого. Оба направления развития значения слова «переживать» нашли отражение в биографической и автобиографической литературе. Особенность литературы подобного рода заключена в том, что жизнь должна быть основой понимания творчества: когда-то Гёте назвал все созданное им отрывками единой исповеди. «Некий факт, – пишет в этой связи Х.-Г. Гадамер, – становится переживанием в той мере, в которой он не просто пережит, но в которой его содержание („переживаемость“ – *Erlebtheit*) обладает особой ценностью, придающей ему непреходящее значение. То, что таким образом является „переживанием“, получает полностью новый бытийный статус, будучи выражено искусством» [3. С. 105]. Это и отражено в заглавии книги Дильтея «Переживание и поэтическое творчество». При сравнении Гёте и Руссо в упомянутом произведении Дильтея употребляет термин «пережитое» для обозначения внутреннего опыта. Термин «переживание» напрямую отсылает нас к Руссо, который использовал этот термин в значении меры и тем самым усилил значимость понятия жизни: «Это понятие в противоположность абстракции разума и партикулярности восприятия и

представления имплицитно связывает с тотальностью, с бесконечностью», «...любой акт постоянно связан с бесконечностью жизни в качестве жизненного момента, и при этом он ее манифестирует. Все конечное – это выражение, изображение бесконечного» [3. С. 108]. Дильтей определяет переживание, обращаясь к рефлексии и внутреннему бытию, рассматривая это как особую данность. Именно переживание становится мерой данного [9].

В феноменологии Э. Гуссерля феноменологическое и популярное понятия переживания отделены друг от друга. Переживание здесь дано как интенциональное отношение, а не как часть реального потока переживания субъекта. Э. Гуссерль, определяя сущность актов сознания как интенциональность, обобщает их в понятии «переживание». Примечательно, что и Гуссерль, и Дильтей рассматривают понятие «переживание» телеологически, «...если нечто называется переживанием или расценивается как таковое, то это благодаря его значению включается в смысловое целое. То, что считается переживанием, может сниматься как другими переживаниями (в процессе которых переживается нечто иное), так и жизненным процессом вообще, в ходе которого не переживается «ничто»» [3. С. 110–111].

Г. Зиммель, увидевший в переживании «момент жизненного процесса», отмечал, что переживание несет в себе черты приключения. Приключение, прерывая ход вещей, остается связанным с ним, с прерываемой последовательностью событий. Переживание непосредственно не нуждается в суждении; каждое переживание, будучи пережито, становится частью единства, принадлежащего индивиду, и содержит в себе одно из указаний на жизнь индивида, взятую как единое целое: «Автобиографическая или биографическая рефлексия, в которой определяется содержание его (переживания. – М.К.) значения, остается как бы вплавленной в целостность процесса жизни и становится его постоянным сопровождением. Бытийный тип переживания состоит именно в том, что оно описывается через свойство никогда не кончаться» [Там же. С. 111].

«Моментом бесконечной жизни» назвал переживание Шлейермахер. Именно переживание позволяет почувствовать жизнь во всей ее полноте.

Литература

1. Husserl E. Experience and Judgment. Hamburg, 1999. 492 p.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск : Харвест ; М. : АСТ, 2000. 752 с. (Классическая философская мысль). С. 544–624.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
4. Гегель Г.-В.Ф. Соч. Т. IV : Феноменология духа. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1959. 440 с.
5. Heidegger M. Hegels Begriff der Erfahrung, in: Holzwege, Klostermann, Frankfurt 1994, S. 105–192.
6. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии : сочинения. М. : Правда, 1990. 608 с.
7. Михайлова М.В. Эстетика молчания : Молчание как апофатическая форма духовного опыта. М. : Никея, 2011. 320 с.
8. Гегель Г.-В.Ф. Работы разных лет : в 2 т. М. : Ин-т философии АН СССР : Мысль, 1971. Т. 2. 630 с.
9. Дильтей В. Категории жизни // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 129–143.

Mikhail A. Kornienko, National Research Tomsk State University. (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: anna_kornienko@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 35–40.

DOI: 10.17223/22220836/32/4

THE NATURE OF EXPERIENCE AS LIVING

Keywords: experience; the paradox of experience; the vital world; “lively knowledge”; revelation; experience-living; inner experience; spiritual experience.

The article reveals the existential bases of experience. The research positions of H.-G. Gadamer, E. Husserl, G.W.F. Hegel on the problem of experience are compared. The idea of the paradox of experience, concluded in its simultaneous closure and openness, is indicated. It is shown that through experience man is able to know his limits and openness to the general, universal. An existential version of the interpretation of experience as an experience of living is proposed.

It is shown that experience retains its significance without being disproved by new experience, and this determines the essence of any of its forms – scientific or everyday, the general essence of experience. It is shown that the typical in experience closes in it through the integrity of the individual life. The experience is paradoxical, exclusive, and this is its uniqueness and significance. Forming the integrity of individual life, experience, by virtue of its paradox, expressed in the unity of isolation and openness, is open to a new and different in the being of human.

The thesis is formulated that experience in its life manifestation is connected with living – the ability of the life manifestation of experience. Living is interpreted as a direct internal grasp of phenomena. The nature of the living is intentional. Living reflects the immediacy in which a person reveals life, the life world.

In the article we are talking about experience as a life manifestation, about living experience as being. It is shown that such an explanation of the essence of experience came with the phenomenology of E. Husserl, who gave an ontological interpretation of the phenomena. Also the immanent philosophy, a new interpretation of epistemology as a sphere of ontology (N.A. Berdyaev, N.O. Lossky) were needed. The understanding of ontology given by S.L. Frank, M. Heidegger was necessary. Experience of living combines the being of man and his comprehension. Experience of living gained a value fullness, allowing to identify the most significant for a person, filling it with meaningful vital meaning. And since experience as an experience-living is open (closing the backward, the experience refutes the schemes, dogmas, stereotypes), and is opened by experience itself, Being is opened in experience: experience for the individual is always the way to revelation.

References

1. Husserl, E. (1999) *Experience and Judgment*. Hamburg: [s.n.].
2. Husserl, E. (2000) *Logicheskie issledovaniya. Kartezijskie razmyshleniya. Krizis evropejskikh nauk i transsental'naya fenomenologiya. Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofii. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical Investigations. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a strict science]. Translated from German. Minsk; Moscow: Kharvest; AST. pp. 544–624.
3. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method. Basics of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress, 1988. 704 s.
4. Hegel, G.-V.F. (1959) *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: USSR AS.
5. Heidegger, M. (1994) *Holzwege*. Frankfurt: Klostermann. pp.105–192.
6. Frank, S.L. (1990) *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [Incomprehensible. Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: Pravda.
7. Mikhaylova, M.V. (2011) *Estetika molchaniya: Molchanie kak apofaticheskaya forma dukhovnogo opyta* [Aesthetics of silence: Silence as an apophatic form of spiritual experience]. Moscow: Nikeya.
8. Hegel, G.-V.F. (1971) *Raboty raznykh let: v 2 t.* [Works of different years: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS.
9. Dilthey, V. (1995) *Kategorii zhizni* [Categories of life]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 129–143.

УДК 303.01:75:730

DOI: 10.17223/22220836/32/5

Н.Г. Меркулова

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ ГОЛОВЫ И ЛИЦА ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена анализу живописного и скульптурного материала в русском изобразительном искусстве XIX столетия для выявления содержания соматических концептов «голова» и «лицо» в структуре телесного кода, являющегося одним из первичных в силу онтологического статуса тела человека как его единственной изначальной природной данности. Эволюция художественной культуры на протяжении данного периода позволяет проследить изменения ментального базиса культурных кодов общественного сознания российского общества.

Ключевые слова: культурный код, изобразительное искусство, голова, лицо, телесность.

Аналитика сущностных характеристик конкретной культурной системы представляется целостной и достоверной при исследовании культурного кода как ментального базиса смыслопорождения в историческом процессе бытия человеческого сообщества. Культурный код есть набор основных понятий, установок, ценностей и норм (элементов психики человека), позволяющий перейти от значения (общепризнанного обозначения какого-либо предмета или явления) к смыслу (элементу языка конкретной культуры). Подробная многоаспектная типологизация культурных кодов возможна через обращение к основным категориям культуры – самым общим представлениям и установкам, из которых исходят люди в восприятии и рефлексии собственного бытия в контексте объективных природных и социокультурных реалий. Как отмечает В.С. Степин, «категории культуры... представляют собой некоторые схематизмы, посредством которых фиксируется человеческий опыт» [1. С. 11]. Именно систему категорий культуры ученый называет своего рода кодом каждого вида и типа цивилизаций [2].

В ряду базовых категорий культуры, определяющих специфику мировоззренческих доминант конкретной культурной системы, следует обозначить *телесность*, дефинируемую как «окультуренное тело», включающее в себя как *ментальные структуры* – детерминирующие перцепцию и рефлексии тела, наделение его значениями и смыслами, генерирование его образов в конкретном социокультурном контексте – так и *их опредмечивание* в объективированных результатах человеческой деятельности, направленных на преобразование тела под влиянием социокультурных факторов.

Телесный (соматический) код связан с социокультурными представлениями и установками в ментальности определенного сообщества относительно структуры поверхности тела человека, его внутренних органов и жидких субстанций, телесных функциональных проявлений. Обозначенный код представляется одним из самых рано оформившихся в силу первичного понима-

ния и восприятия мира человеком сквозь призму своего тела – его единственной изначальной, природной данности: осмысление собственного тела позволило человеку упорядочить пространство и время, охарактеризовать качества и свойства окружающих его предметов и явлений.

Базовым для социокультурной идентификации человека элементом структуры поверхности тела следует назвать *голову* и ее важнейшую часть – *лицо*, культурные смыслы и характеристики которых отождествляются с человеком в целом, его качествами и личностными особенностями. Источником анализа культурных кодов указанных соматических концептов – *голова* и *лицо* – изберем произведения живописи и скульптуры, непосредственно воспроизводящие человеческую телесность в силу своей сущностной специфики и природы художественного языка.

Анализируя изображения человека первой половины XIX в., следует отметить, что в данном аспекте полотна художников поражают своей новизной и непосредственностью по сравнению с живописью предыдущего столетия: совсем не зная истории России, только по произведениям портретного жанра можно сказать, что в стране наступила новая эра – *в лицах* есть несомненное *чувство независимости*, даже *личной свободы*. Таковы, например, работы О.А. Кипренского: «Портрет лейб-гусарского полковника Евграфа Владимировича Давыдова» (1809), «Портрет А.С. Пушкина» (1827); В.А. Тропинина: «Портрет Н.М. Карамзина» (1818), «Портрет П.А. Булахова» (1823).

Совершенно очевидно, что портреты О.А. Кипренского и В.А. Тропинина стали одним из первых свидетельств формирования новых культурных кодов, связанных с восприятием личности и ее общественной роли в первой половине XIX в. Коренные изменения мировоззренческих структур сознания российского народа в тот период были обусловлены крупнейшими историческими событиями и тем резонансом, который они вызвали в жизни русского общества. Патриотический подъем, порожденный Отечественной войной 1812 г., привел к оживлению общественной жизни. В условиях усиливавшегося кризиса феодально-крепостнического строя, который тормозил формирование капиталистических отношений, в передовых кругах русского общества начали распространяться вольнолюбивые идеи. Критике подвергались все основные устои феодально-крепостнического государства. Вооруженное выступление против царизма – восстание декабристов 1825 г., несмотря на поражение, привело только к усилению общественного движения. Обозначенные социально-политические условия и историко-культурная ситуация сформировали понимание нового типа достойной личности – *духовно свободной, служащей* не государственной власти и императору, а в первую очередь *своему народу и Отечеству*.

Итак, именно обозначенный культурный код и нашел отражение в представлении *лиц* на российских живописных портретах первой половины XIX в. Следует указать, что в знаковых скульптурных изображениях того периода также прочитывается данный культурный код, связанный с осознанием предназначения человека и оценкой его личностных свойств и качеств. Так, работа И.П. Мартоса «Памятник Минину и Пожарскому» (1812–1818) посвящена двум героям российской истории XVII столетия – лидерам народного ополчения, восставшего против польской интервенции. Голова Кузьмы Минина напоминает головы античных героев, однако характерная стрижка волос «под

скобку», «в кружок» указывает на русское простонародное происхождение. Лицо Пожарского сосредоточено, в нем чувствуется воля и ответственность, осознание и принятие личного сыновнего долга перед Отечеством. В работе В.И. Демут-Малиновского «Портрет А.В. Суворова» (1814) перед зрителем предстает национальный герой России, выдающийся полководец, не знавший ни одного поражения. В его лице скульптор воссоздает чуть заметную сдержанную улыбку, задумчивую сосредоточенность, внутреннюю силу и готовность к борьбе.

Говоря в целом о развитии скульптуры как вида искусства в первой половине XIX столетия, следует отметить ее теснейшую связь с античной художественной традицией. Вслед за Т.В. Ильиной укажем, что «греческая античность становится прямым образцом для подражания» [3. С. 117]. Это находит отражение в выборе автором героя и сюжетного основания, жанровой принадлежности и особенностей композиционного решения произведения. Поэтому зачастую выдающиеся личности русской истории и культуры представляли в скульптурных изображениях подобно античным персонажам – и/или демонстрируя сильное и гармоничное тело, и/или облачаясь в стилизованную одежду, и/или имея характерную прическу, позу, жесты, аксессуары. Таким образом, национальное содержание отечественного искусства, детерминированное резонансными историческими событиями первой половины XIX столетия и распространением национально-освободительных идей и идеалов, продолжает облекаться в классическую форму и в большей степени, нежели живопись, сковывается провозглашенным каноном. В художественных пространстве и процессе этого периода скульптура уступает первенство живописи как более яркому, мобильному и зачастую финансово менее затратному средству выражения злободневных и непреходящих идей и настроений, а следовательно, ментальных доминант и культурных кодов.

С живописных портретов первой половины XIX в. на зрителей смотрят лица моделей с *активной внутренней, духовной жизнью, исканиями и переживаниями*, достаточное место среди которых отведено *представителям творческих занятий*. Примером могут служить такие работы О.А. Кипренского, как «Портрет К.Н. Батюшкова» (1815), «Портрет А.С. Пушкина» (1827); А.Г. Венецианова – «Автопортрет» (1811); В.А. Тропинина – «Портрет Н.М. Карамзина» (1818), «Портрет художника К.П. Брюллова» (1836); К.П. Брюллова – «Портрет писателя Н.В. Кукольника» (1836), «Портрет скульптора Ивана Витали» (1837).

Примером данной тенденции в скульптуре может служить работа И.П. Витали «Портрет художника Карла Брюллова» (1836), отмеченная точным портретным сходством с моделью и представляющая сосредоточенным и вдохновенным лицо великого живописца. Другое произведение скульптора – «Портрет А.С. Пушкина» (1837) – также отличается конкретностью и индивидуальностью в передаче черт поэта, лицо которого выражает достоинство, работу ума и задумчивое погружение в собственные мысли. Образ великого русского поэта запечатлел в скульптуре и С.И. Гальберг, создав удивительно точный и реалистичный портрет на основе снятой им самим посмертной маски. Его «Портрет А.С. Пушкина» (1837) представляет нам серьезное, ясное и глубокое лицо модели, в выражении которого чувствуются сильная воля и скрытая энергия.

Так как в данный исторический период в силу особенностей социокультурной ситуации доминирующей становится тенденция расширения внутренней свободы личности, а сами понятия «свобода» и «личность» перемещаются на одно из первых мест в иерархии ценностей, подобный выбор моделей художниками позволяет сделать вывод о существовании в общественном сознании ментальных структур, касающихся восприятия творческой личности как обладающей большей свободой в силу богатства и неисчерпаемости внутреннего мира и возможности его воплощения, реализации собственных духовных сил и общественного предназначения через создание художественных произведений.

В работах В.А. Тропинина, имевшего теснейшую связь с крестьянской средой по причине своего крепостного происхождения, особое внимание уделяется изображению *представителей низшего сословия*, причем подобные картины отличаются предметно-бытовым содержанием. В таких его работах, как «Кружевница» (1823), «Нищий старик» (1823), «Золотошвейка» (1826), совершенно по-новому рисуются лица представителей простого народа. Эти полотна не похожи на портреты крестьян, созданные в XVIII в., в них нет гражданского пафоса и монументальности. Хотя зритель и видит здесь немного идеализированные, близкие к сентиментальному изображения героев из народа за различными занятиями, все же это люди, которые *способны вызвать любовь и уважение к себе*. Так, несмотря на нищету старика, протянувшего руку за подаванием, он не выглядит жалким. Напротив, черты его лица наполнены внутренним благородством и красотой. В образах кружевницы и золотошвейки художник отразил присущие народу чувство красоты и способность к творчеству; *лица* крестьян говорят об их привлекательных душевных качествах и духовных ценностях, что указывает на культурный код, связанный с *восприятием представителей простого народа как людей, обладающих достоинством, душевной глубиной и имеющих абсолютное право на уважение*.

Данный культурный код в ментальности российского общества первой половины XIX в. иллюстрируют и работы А.Г. Венецианова, главными героями которых являются представители низшего сословия иерархической структуры общества. С полотен художника на зрителей смотрят живые, искренние и непосредственные в своих чувствах и повседневных трудах лица крестьян, отмеченные, помимо прочего, достоинством, величием и природной чистотой. Таковы герои его знаменитых работ «Гумно» (1823), «Утро помещицы» (1823), «Спящий пастушок» (1824). Это были простые русские крестьяне, с кем А.Г. Венецианов неразрывно связывал представления о *моральной чистоте* и *духовном здоровье* человека. Для бытовых сцен А.Г. Венецианова характерна простота сюжета: он рисует крестьян за повседневной работой («Очищение свеклы», 1823), хозяйку, дающую задание дворовой девушке («Утро помещицы», 1823), уставшего мальчика («Спящий пастушок», 1824). На полотнах художника представлен *патриархальный, идиллический быт*, можно даже сказать, что они статичны, в них «ничего не происходит». Но человек всегда находится в единении с природой, в вечном труде, и это делает образы на картинах А.Г. Венецианова поистине *монументальными*.

В подобном ключе выполнена и скульптурная группа М.А. Чижова «У колодца (Первая любовь)», однако в данном виде искусства уважение к

простому народу, его повседневному труду, искренним и глубоким чувствам обнаруживается намного позже, чем в живописи: указанное произведение датируется 1873-м годом. Лица героев произведения излучают свет и теплоту молодого чистого чувства, выражают искреннюю нежность и трепет первой влюбленности, которую скульптор раскрывает с большим тактом, благородством и уважением к своим персонажам из крестьянской среды. М.А. Чижову принадлежит и еще одна скульптурная группа с интересным сюжетом из народной жизни: «Мать-крестьянка учит дочь родному языку» (1875). Головы матери и дочери соприкасаются, указывая на единение персонажей, полностью поглощенных происходящим, а следовательно, на серьезное отношение крестьянки к обучению своего ребенка, понимание значимости образования для будущего девочки. Лица героинь М.А. Чижова выражают искреннюю заинтересованность и увлеченность моментом, нежность и теплоту взаимоотношений матери и дочери. Обозначенные культурные смыслы произведения позволяют говорить об утверждаемых здесь автором уважении и любви к простому народу, внимании к миру женщины и важности образования в ее судьбе. В.А. Беклемишевым выполнена скульптурная группа «Деревенская любовь» (1896), воссоздающая сцену признания в своих чувствах молодого крестьянина, ожидающего ответа от смущенной девушки. В лицах персонажей отчетливо читаются трепетность и стыдливость первого чувства, робкого признания; искренность и трогательность душевных переживаний.

Понимание ценности и значимости жизни простого человека из крестьянского сословия приходит, в первую очередь, вследствие победы в Отечественной войне 1812 г. и пребывания русской армии в Европе в 1813–1814 гг., вызвавших небывалый до того времени подъем национального самосознания в России. Как отмечает С.В. Перевезенцев, «если для власть предержащих этот подъем свидетельствовал о необходимости укрепления традиционных основ Российской империи, то для большей части образованных людей из дворянского сословия он открыл существование... самого русского народа! Ведь до того большинство дворян воспринимало собственный народ лишь как „темную“ и косную массу, как „глупых мужиков“, способных только к обработке земли да к удовлетворению многообразных дворянских прихотей. И вдруг этот „темный мужик“ на вилах вынес из России грозу всей Европы – непобедимого Наполеона» [4. С. 502–503]! Поэтому для многих представителей дворянской элиты крепостное право стало нестерпимо постыдным, с требованием его отмены шли декабристы на Сенатскую площадь. За представителями всех сословий стали признавать принцип «естественного права».

Нередко в первой половине XIX в. живописцами создаются двойные и групповые семейные портреты, на которых лица самых близких друг другу людей излучают глубокую любовь и нежность, выражают самые искренние чувства и переживания. Таковы, например, следующие работы В.Л. Боровиковского: «Портрет сестер А.Г. и В.Г. Гагариных» (1802), представленных музицирующими с нотами и гитарой – младшая играет на инструменте, а старшая готовится петь; «Портрет А.Е. Лабиной с воспитанницей С.А. Мудровой» (1803), в котором поражает пленительный образ обаятельного и ласкового ребенка; «Портрет Г.Г. Кушелева с детьми» (1803), где зритель видит

практически жанровую сценку с озорными и веселыми ребятами, отвлекающими отца от позирования художнику.

Подобные портретные изображения *близких родственников, людей, кровно связанных друг с другом*, в момент, открывающий их *чувствования и переживания*, являются свидетельством культурного кода, связанного с представлениями о *святости семейных уз*, отводящими семье особое место в процессе формирования и гармоничного существования личности. Восприятие *жизни* людей разных слоев *в согласии и любви на основе нравственно-го долга перед семьей* стало одним из доминирующих культурных кодов, определяющих бытие человека.

Все чаще на полотнах начала XIX в. мы видим детей, причем их изображения уже совершенно не похожи на детские портреты XVIII столетия. Если раньше дети изображались как маленькие взрослые, с соответствующей одеждой, позой и обстановкой, а часто – и с атрибутами мифологических героев в виде амуров, Аполлонов и Диан, то теперь художники стремятся передать *непосредственность* своих моделей, отразить *склад детского характера*, раскрыть прелесть *особого мира детства*. В работах В.Л. Боровиковского «Портрет А.Е. Лабзиной с воспитанницей С.А. Мудровой» (1803), «Портрет Г.Г. Кушелева с детьми» (1803); О.А. Кипренского «Девочка в маковом венке с гвоздикой в руке (Мариучча)» (1819) зритель уже видит очаровательных *детушек с пытливым и чуть озорным взглядом, пухлыми розовыми щечками*, представленных в *естественных, непринужденных, лишенных статичности позах*.

В работе О.А. Кипренского «Портрет мальчика Челищева» (1808–1809) впервые в русской живописи взглядом свободно мыслящего человека был увиден феномен *детской индивидуальности* с характерным для неё живым чувственным началом, полным впечатляющей жизненности. С большими глазами, неоформившимся округлым лицом, яркими губами лицо Челищева выделяется на тёмном фоне портрета. Художник показывает, что всё существо мальчика направлено навстречу жизни. О стремлении русской живописи к *естественности и свободе* в трактовке *детского образа* свидетельствует и живописное наследие В.А. Тропинина: «Портрет мальчика» (1820-е гг.), «Мальчик со щегленком» (1825). Камерностью и задушевностью отличается «Портрет А.В. Тропинина, сына художника» (1818), где автор подчёркивает естественность и непосредственность, открытость души, словно соответствующую юному возрасту изображённого.

Подобные произведения позволяют получить представление о новых культурных кодах, уже сформировавшихся в начале XIX в. и связанных с отношением к *детству* как *важному периоду* в жизни человека, когда в ребёнке должны *воспитываться* все необходимые *качества и умения*, которые будут поддерживать его социальный статус; в *подрастающем человечке стали видеть личность*, обладающую *своим внутренним миром, сознанием, своими детскими потребностями и эмоциями*, которая только вступает в жизнь, ещё не тронута противоречиями и познает действительность не столько разумом, сколько чувствами.

В середине XIX столетия на полотнах П.А. Федотова впервые появляются совершенно особые лица – все они словно *выхвачены из повседневного потока будничных, но порой противоречивых и драматичных ситуаций*. Как

отмечает А.В. Дружинин, сам художник признавался: «Я учусь жизнью, я тружусь, глядя в оба глаза, мои сюжеты рассыпаны по всему городу, и я сам должен их разыскивать» [5. С. 37]. *Лица его персонажей коммуникативно наполнены, каждое раскрывает не только эмоциональное состояние и душевные переживания героя, но и черты его характера.* Действующими лицами произведений П.А. Федотова становятся обычные, простые люди, живущие скудно и прозаично, с обыденными чувствами и ничем не выдающейся судьбой, однако художник для привлечения внимания к проблемам «маленького человека» в лицах своих персонажей зачастую *заостряет проявление как свойств личности, так и внутреннего порыва, реакции на происходящее.* Так, на полотнах живописца можно увидеть чванливого карьериста-чиновника, утром после пирования горделиво нацепившего на халат первый полученный крестик («Свежий кавалер», 1846), девушку, желающую выгодно выйти замуж («Разборчивая невеста», 1847), обедневшего офицера, сватающегося для поправления материального положения к девушке из состоятельной купеческой семьи («Сватовство майора», 1848).

Работы мастера иллюстрируют важнейший культурный код в ментальности российского общества как середины XIX в., так и всей его второй половины – *внимание к горькой судьбе «маленького человека», бессильного перед лицом социальной несправедливости, лживости и продажности нравов.*

Действительно, во второй половине XIX в. все чаще на зрителя смотрят лица простых людей – *крестьян и бедного городского люда, запечатленных в произведениях жанровой живописи.* Данной период в русской истории и культуре характеризовался все возрастающим кризисом крепостнического строя, и даже реформы 1860-х гг., по сути своей половинчатые, никоим образом не улучшили положение крестьян, которые оказались под двойным гнетом: с одной стороны, помещиков, а с другой – буржуазии. В противовес правительственным преобразованиям, которые проводились в интересах господствующих классов, революционеры-демократы выдвигали требования социального переустройства общества. Искусство той поры было теснейшим образом связано с реалиями окружающей действительности, что и выводило на лидирующие позиции жанровую живопись, связанную со стремлением художников правдиво рассказывать о суровой жизни народа, выявлять кричащие социальные противоречия.

На полотнах, проникнутых обличительным пафосом критического реализма, следует отметить частое изображение у действующих лиц *склоненной головы, свидетельствующей либо об особенностях психологического состояния – неуверенности, задумчивости, глубокой печали, тоске и отчаянии; либо физиологического – об алкогольном опьянении, переизбытке, дремоте, немощи; но в любом случае указывающей на остроту социальной ситуации, вскрываемой художником.* Так, у В.Г. Перова на полотне «Проповедь в селе» (1861) мы видим, как свесилась голова задремавшего в кресле помещика, пользующегося правом сидеть в церкви, а бедный крестьянин, почесывая, склонил голову в задумчивости; практически все участники «Сельского крестного хода на Пасхе» (1861) пьяны: наклонена голова с блуждающим взглядом у священника, крестьянка держит чью-то голову и льет на нее воду, понурил голову мужичок в дырявых лохмотьях, несущий перевернутую ико-

ну; горестно и смиренно склонили головы просящие милостыню оборванный мальчик и измученный инвалид на картине «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» (1861). Интересна в рассматриваемом аспекте и работа И.Е. Репина «Бурлаки на Волге» (1873), где практически всех героев *тяжелейший труд и безысходность ситуации заставляют склонить головы*, а последний персонаж написан с совершенно опущенной головой. Не может смириться со своей долей лишь молодой бурлак Ларька, расположенный в центре изображенной группы и выделенный красным цветом своих оборванных лохмотьев; только он вскинул голову, и настолько высоко, что в своем порыве даже отклонился назад. С другой работы И.Е. Репина – «Мужичок из робких» (1877) – на зрителя смотрит худощавый крестьянин в годах. Его осторожно наклоненная голова с пронзительным, зорким выражением лица говорит о вынужденной, напускной нерешительности: *сама жизнь, несправедливая и непростая, заставляет героя вести себя опасливо и робко*, хотя в натуре его чувствуются скрытая сила и немного разбойничья удаль.

В обозначенном ключе решена и скульптурная группа М.А. Чижова «Крестьянин в беде (На пепелище)» (1872), изображающая согбенную фигуру крестьянина-погорельца, сидящего на остывающих головнях пожарища, и прильнувшего к нему маленького сынишки, пытающегося вывести отца из глубокого горестного оцепенения, отвлечь от тяжелых мыслей. Лицо героя выражает гнетущие переживания, неизбежную боль и мучительное отчаяние, однако, несмотря на это, автору удастся создать образ крепкого человека, отличающегося внутренним достоинством, умом и житейской мудростью.

В связи с этим следует указать, что скульптура, в отличие от живописи, на протяжении всего XIX в., а особенно второй его половины, находилась на второстепенных ролях в определении магистральных векторов развития отечественного изобразительного искусства и специфики художественного процесса. Это было детерминировано, с одной стороны, большей мобильностью живописи, зачастую – меньшими временными и финансовыми затратами в реализации замысла автора, а с другой – особенностями художественного языка скульптуры как вида искусства, предполагающего в большинстве своем запечатление в прочном материале *монументального положительного* образа, достойного сохраниться для многих поколений потомков благодаря глубокому идейно-эмоциональному потенциалу, способности вдохновлять, служить примером, апеллировать к лучшим свойствам и качествам человеческой личности.

Поэтому и герой М.А. Чижова вызывает сочувствие, но не слезливую жалость. В этом произведении скульптор прекрасно воссоздает национальный тип красивого, обрамленного бородкой *лица* русского крестьянина, во всем облике которого чувствуется скрытая мощь и энергия, питаемая силой русской земли.

Таким образом, следует отметить, что изображения, преимущественно живописные, где персонажи *не могут держать голову прямо*, иллюстрируют как уже обозначенный культурный код – *внимание к горькой судьбе «маленького человека», бессильного перед лицом социальной несправедливости, лживости и продажности нравов*; так и *обличение неспособности противостоять пагубным страстям и распущенности*.

Следует отметить, что в русской живописи второй половины XIX в. *склоненная голова женщины*, тяжелая жизненная доля которой, особенно горькая судьба крестьянки, оказывается в фокусе внимания прогрессивно мыслящих представителей российского общества. Печально склонила голову младшая невестка на полотне В.М. Максимова «Семейный раздел» (1876), рисуя сцену дележа нажитого имущества между двумя братьями. Устало склонили головы «Богомолки-странницы» (1878) И.Е. Репина, спокойно и сосредоточенно идущие вперед. Художник показывает их огрубевшие лица, говорящие о невзгодах и тяжелых жизненных испытаниях, потемневшие под палящим солнцем на бескрайней русской дороге. С печалью и тяжелой грустью склонила голову крестьянка на картине В.Е. Маковского «Свидание» (1883) при встрече с сыном, устроенным подмастерьем в город. С горестным чувством смотрит она на своего ребенка, отданного для обучения ремеслу по причине глубокой нужды и обреченного на тяжелейший не по годам труд. Подобные изображения *склоненных женских голов* в отечественной живописи указывают на существование такого культурного кода, как ***понимание бесправного, зависимого положения женщины и ее удручающего существования***, в частности, в условиях нищей пореформенной России XIX в.

Важно отметить, что в живописи второй половины XIX в. начинают встречаться герои, изображенные *отвернувшимися* от зрителя, *прячущими лицо*. Так, не видно лиц у целого ряда героев В.Г. Перова – оборванного мальчика, просящего подаяние на полотне «Чаепитие в Мытищах, близ Москвы» (1861); у тяжело повесившей голову вдовы в «Проводах покойника» (1865); у «Стариков-родителей на могиле сына» (1874): художник пишет лишь затылок матери в черном платке и не полностью видимый зрителю профиль склоненной головы отца; на полотне И.Е. Репина «Проводы новобранца» (1879) у матери, плачущей на плече своего сына, которого, возможно, она больше никогда не увидит; у склонившейся в молитве перед иконами героини В.М. Максимова на полотне «Больной муж» (1881). Следует отметить, что подобное изображение персонажей встречается на полотнах второй половины XIX в., иллюстрирующих драматичные социальные коллизии либо острейшие индивидуально-личностные ситуации, связанные с глубокими внутренними переживаниями, душевными потрясениями и остротой эмоционального накала. Таким образом, культурный код *непоказанного лица* в обозначенном художественно-историческом контексте связан с представлениями о настолько ***сильных душевных переживаниях, эмоциональном надрыве и до предела высоком градусе чувствований***, что наиболее выразительным представляется не демонстрация лица, а его сокрытие от зрителя. Кроме того, данный прием в изображении персонажа позволяет ***подниматься до высокого уровня обобщения, выводя запечатленный сюжет за границы частного, подчеркивая в нем социально-типическое***.

С живописных полотен второй половины XIX столетия на зрителя все чаще смотрят и *лица детей из беднейших сословий российского общества*. Эти лица выражают неподкупное *желание жить в безмятежном и счастливом мире детства*, который представляется лишь несбыточной мечтой для маленького человека, *разделяющего со взрослыми и как взрослый все тяготы безрадостного и беспросветного существования*. Обделённые судьбой, бро-

шенные в жестокий «взрослый» мир, эти дети *стараятся выжить, приспособиться, становясь не по годам серьёзными*.

Так, на картине Ф.С. Журавлева «Дети-нищие» (1860-е) запечатлены лица двух обездоленных ребятишек – маленького мальчика и девочки чуть постарше. Еще немного сохранившаяся пухлость щек говорит о том, что они скитаются недавно; это подтверждает и неготовность мальчика мириться с равнодушием и безучастием чиновника, явно продрогшего на морозе и, вероятно, спешащего через замерзшую реку к теплу. Дети тянут к мужчине руки, пытаются заглянуть ему в глаза; мальчик не понимает, как может взрослый оставаться безучастным к их детской, а поэтому вдвойне горькой беде, не верит в это, не хочет его отпускать. На полотне В.Г. Перова «Дети-сироты на кладбище» (1864) лица мальчика и девочки говорят об *ужасной боли, безутешном горе и безысходном отчаянии*, выпавших на их долю и обрекающих на голодное и бездомное существование. На другом его полотне – «Тройка» (1866) – изображены трое маленьких измученных детей-оборвышей, из последних сил тянущих в гору обледелую бочку с водой. В их *лицах – ощущение безысходности и недетской усталости, глубокий надрыв на пределе сил*. Униженные и оскорблённые маленькие герои В.Г. Перова как бы символизируют собой жестокость и дисгармонию окружающего мира, обрекающего детей на бесчеловечное существование.

Таким образом, можно сделать вывод, что рассмотренный живописный материал указывает на наличие в общественном сознании культурного кода, согласно которому *представление о конкретном ребенке из простого народа* в данный период связывается с мыслями о *голодном и безотрадном детстве, с невыносимыми тяготами и беспросветными страданиями в окружающем жестоком мире*.

Однако дети остаются детьми, они способны ко многому привыкать и все-таки находить в жизни радость, место для детских забав, хотя бы на короткое время становясь счастливыми. Лица крестьянских мальчишек на картине В.Е. Маковского «Игра в бабки» (1870) так *сосредоточены и увлечены*, что заставляют забыть об окружающей их бытовой неустроенности: вытоптанном дворе, захламленном ветхим крестьянским скарбом, и убогих деревянных постройках с гнилыми крышами. На другом полотне художника «От дождя. Дети» (1887) показаны крестьянские ребятишки, спешащие убежать с песчаного берега после купания и скрыться от подступающей стихии. У центрального персонажа картины пронзительный и веселый взгляд, немного хитрая и заносчивая улыбка. Другой – тянет за собой хныкающего и не желающего уходить мальчонку помладше, паренек рядом увяз в песке, чуть поодаль неспешно одеваются еще трое. Живописец с необыкновенным обаянием раскрывает здесь *пленительный и искренний детский мир со своими тревогами и заботами, озорством и победами*. Такими же светлыми чувствами пропитана атмосфера картины И.М. Прянишникова «Дети на рыбалке» (1882), где в детально прописанном лице центрального персонажа читаются азарт и абсолютная увлеченность процессом ловли, вера в свою сноровку и рыбацкую удачу.

Подобные полотна, где лица детей из беднейших сословий, вопреки реалиям своего обездоленного существования, наполнены радостным и полноценным ощущением жизни, раскрывают культурный код, связанный с *вос-*

приятием детского возраста как единственного периода в человеческой жизни, в силу органических, естественных предпосылок позволяющего испытывать абсолютную искреннюю полноту и радость бытия.

Обозначенный культурный код прочитывается и в скульптурных произведениях данного периода, изображающих крестьянских ребятишек с большим теплом и трогательным обаянием. Так, подобной работой является произведение Ф.Ф. Каменского «Молодой скульптор» (1866), воссоздающее довольно поэтичный образ мальчугана из простого народа, сосредоточенно занимающегося лепкой. Весь облик персонажа Ф.Ф. Каменского говорит о трогательном и естественном очаровании детства, искренней и непосредственной радости бытия. Такие же чувства рождает в зрителе и другая работа этого мастера – «Девочка-грибница» (1871), представляющая собой пленительно милое и подкупающее обаянием момента изображение босоногой крестьянской девчушки, поставившей на землю полный грибов кузовок и выжимающей промокший, вероятно, от сырой травы, подол сарафана. В лице героини отчетливо переданы черты русского этнического типа; оно притягивает своей очаровательной непосредственностью и естественным проявлением чувств ребенка, переполнено искренним и полнокровным ощущением жизни.

Помимо крестьян и рабочих, с полотен передвижников на зрителей смотрят лица и других главных героев – *интеллигентов-разночинцев и революционеров*. Ярким примером этому служат работы Н.А. Ярошенко «Студент» (1881) и «Курсистка» (1883); И.Е. Репина «Отказ от исповеди» (1885), «Не ждали» (1888), «Арест пропагандиста» (1892).

Лицо героя первой работы Н.А. Ярошенко демонстрирует *напряженную зоркость, уверенность в собственных взглядах и идеалах, готовность следовать своим убеждениям до конца*. Здесь художник создает образ русского революционно настроенного студента, моделью для которого послужил молодой художник Ф.А. Чирка, запечатленный здесь бледным и худощавым. Лицо «Курсистки» (1883) отмечено *сосредоточенностью и решимостью*. Девушка торопливо идет по мостовой, в ее осанке и походке также чувствуется уверенность, стремление к знанию, труду, самостоятельности и в то же время обаяние молодости.

Самым значительным произведением И.Е. Репина в данном ключе стало полотно «Не ждали» (1888), где художник изобразил революционера, вернувшегося в родной дом после ссылки. Неловкая поза героя, застывшее в лице ожидание и немой вопрос свидетельствуют о неуверенности, даже страхе: узнает ли его семья, примут ли отца, отсутствующего много лет, его дети?

После отмены крепостного права большинство представителей имущего класса избирает *интеллектуальный труд*. Выходцы из этой среды становятся самыми видными представителями в разных областях общественно полезного знания и деятельности. Такое просвещенное, демократически настроенное дворянство стремилось добросовестно *помочь соотечественникам конкретным делом* – создавались школы, хлебные магазины, распространялась печатная продукция.

Знаковые портретные работы второй половины XIX в. демонстрируют зрителю, как правило, изображения *лиц представителей русской интеллигенции*, ставящих превыше прочего свой долг перед народом (В.Г. Перов «Порт-

рет И.С. Тургенева» (1872); И.Е. Репин «Портрет А.Ф. Писемского» (1880), «Портрет М.П. Мусоргского» (1881); Н.А. Ярошенко «Портрет П.А. Стрепетовой» (1884), «Портрет Д.И. Менделеева» (1886).

Лица героев данных живописных работ демонстрируют осознание противоречивости и трагичности сложнейшей социальной ситуации в условиях нищей пореформенной России XIX в., а также глубокие размышления и порой – вызов реалиям общественного бытия.

Рассмотренные живописные работы в полной мере подтверждают сложившийся в передовых кругах того времени культурный код, определяющий прогрессивно настроенного, достойного человека, *готового помочь своему народу и бороться с социальной несправедливостью.*

Данный культурный код прочитывается и в скульптурных произведениях той эпохи, представляющих зрителю образы выдающихся личностей русской истории и культуры. К числу подобных работ относится творение скульптора А.М. Опекушина «Памятник А.С. Пушкину» (1880), установленный в Москве на Пушкинской площади. Лицо поэта задумчиво и сосредоточено, оно выражает вдохновенную работу ума и глубокие размышления, а склоненная голова и излучающий внутреннюю силу взгляд немного исподлобья говорят о решительной уверенности в собственном предназначении – «глаголом жечь сердца людей». Другая работа А.М. Опекушина «Памятник М.Ю. Лермонтову» (1889) в Пятигорске воссоздает образ еще одного выдающегося русского поэта XIX столетия. Лицо М.Ю. Лермонтова выражает творческую задумчивость и вдохновение, дарованное упоительным созерцанием красоты и величия горных пейзажей Кавказа; говорит о внутренней напряженной работе мысли, поиске ответов на вечные вопросы бытия, осознании истинной миссии поэта в обществе – звучать «как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных» [6].

К образам крупнейших русских исторических деятелей обращался в своем творчестве и М.М. Антокольский, акцентируя в данных персонажах черты великих сильных личностей, вся жизнь и деяния которых имели целью благополучие Отечества. Так, скульптором была создана «Статуя Петра I» (1872), выдающегося царя-преобразователя, сумевшего коренным образом реформировать как политическую и экономическую жизнь страны, так и различные сферы общественного уклада и образа жизни граждан. Гордо и властно поднята его голова, крайне выразительно лицо с устремленным вдаль твердым и зорким взглядом: оно говорит о сосредоточенной решительности, железной воле и безоговорочной силе духа, кипучей энергии и готовности действовать. Другим героем М.М. Антокольского стал русский князь «Ярослав Мудрый» (1889), изображение которого представляет собой горельеф, отлитый в технике майолики. Лицо князя с глубоким серьезным взглядом говорит о работе ума и духа, твердой воле и уверенности в своих деяниях на благо Руси как единого сильного государства. В ряду прочих исторических личностей взгляд М.М. Антокольского привлек и покоритель Сибири казачий атаман Ермак Тимофеевич, чей образ скульптор запечатлел в отлитой из бронзы статуе «Ермак» (1891). В лице Ермака читаются героическое мужество и бесстрашие духа, быстрота мысли и проницательность ума, внутреннее напряжение суровой борьбы.

Следует указать, что в творческом наследии М.М. Антокольского рассматриваемый культурный код, определяющий прогрессивно настроенного, достойного человека, *готового помогать своему народу и бороться с социальной несправедливостью*, раскрывается в лицах не только великих личностей прошлого, но и в скульптурных изображениях ряда выдающихся современников мастера. К подобным работам можно отнести «Портрет В.В. Стасова» (1873), «Портрет С.П. Боткина» (1874), «Портрет И.С. Тургенева» (1880).

Итак, обобщая вышеизложенное, следует указать, что проанализированный отечественной живописный и скульптурный материал XIX столетия позволяет с высокой степенью достоверности и обоснованности определить *содержание культурных кодов* соматических концептов *головы и лица* человека, ведь для исследования *телесности* как материализованной категории, связанной с социокультурным функционированием человеческого тела, объективными и первостепенными представляются визуальные, наглядные источники. *Изобразительное искусство* в структуре *художественного творчества* является «зеркалом жизни» любого человеческого сообщества; аккумулирует в себе знания об окружающей действительности, представления о культурных ценностях и нормах; эволюция искусства позволяет выявить и проследить реальные изменения в общественном сознании, что в целом детерминирует высокую степень информативности и актуальности источника.

Литература

1. Степин В.С. Философия и универсалии культуры. СПб. : СПбГУП, 2000. 20 с.
2. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб. : СПбГУП, 2011. 408 с.
3. Ильина Т.В. История искусств. Отечественное искусство. М. : Высшая школа, 2003. 407 с.
4. Перевезенцев С.В. Россия. Великая судьба. М. : Белый город, 2006. 704 с.
5. Дружинин А.В. Воспоминания о русском художнике Павле Андреевиче Федотове. М. : Брокгауз-Ефрон, 1918. 261 с.
6. Лермонтов М.Ю. Поэт [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/lermontov/otdelkoj-zolotoj-blistaet.aspx> (дата обращения: 02.07.2017).

Natalia G. Merkulova, Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan, Russian Federation).

E-mail: n.merkulova@rsu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 41–54.

DOI: 10.17223/22220836/32/5

RUSSIN FINE ARTS OF THE XIX CENTURY AS A SOURCE OF RESEARCH CULTURAL CODES OF THE HEAD AND FACE OF A PERSON

Keywords: cultural code; fine arts; head; face; corporeality.

The article is devoted to the analysis of pictorial and sculptural material in the Russian fine arts of the XIX century to reveal the content of somatic concepts “head” and “face” in the structure of the body code, which is one primary because of the ontological status of the human body as its only primordial natural given. Fine art in the structure of artistic creativity is a “mirror of life” of any human community; accumulates knowledge about the surrounding reality, ideas about cultural values and norms; the evolution of art allows us to identify and trace real changes in the public consciousness, which, on the whole, determines the high degree of informativeness and relevance of the source. For socio-cultural identification of a person, the basic element of the body surface structure is the head and its most important part – the face, whose cultural meanings and characteristics are identified with the

person as a whole, his qualities and personal characteristics. In the first half of the XIX century revealed cultural codes

- associated with the ideas of a worthy person as spiritually free, serving his people and the Fatherland;
- with the perception of representatives of the common people as people who have dignity, spiritual depth and who have the absolute right to respect;
- with ideas of the sanctity of family ties, the perception of the lives of people of different backgrounds in harmony and love on the basis of a moral duty to the family;
- with the attitude to childhood as an important period in the life of a person: the child was seen by a person who has his inner world, consciousness, needs and emotions; knowing reality not so much by reason as by feelings.

The works of painting and sculpture of the second half of the XIX century reveal such cultural codes as

- attention to the bitter fate of the “little man”, powerless in the face of social injustice, mendacity and corrupt morals;
- an understanding of the disenfranchised, dependent position of a woman and her depressing existence, in particular – in the conditions of Russia's poor post-reform Russia of the XIX century;
- connection between the ideas of a particular child from a simple people in a given period with thoughts of a hungry and dreary childhood, with unbearable hardships and hopeless sufferings in the surrounding cruel world;
- perception of childhood as the only period in human life, due to the organic, natural prerequisites allowing one to experience the absolute sincere fullness and joy of being;
- an understanding of a progressive, worthy person as ready to help his people and fight social injustice.

References

1. Stepin, V.S. (2000) *Filosofiya i universalii kul'tury* [Philosophy and Universals of Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of the Humanities and Social Sciences.
2. Stepin, V.S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura* [Civilization and Culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University of the Humanities and Social Sciences.
3. Ilina, T.V. (2003) *Istoriya iskusstv. Otechestvennoe iskusstvo* [Art History. Russian art]. Moscow: Vysshaya shkola.
4. Perevezentsev, S.V. (2006) *Rossiya. Velikaya sud'ba* [Russia. Great Fate]. Moscow: Belyy gorod.
5. Druzhinin, A.V. (1918) *Vospominaniya o russkom khudozhnike Pavle Andreeviche Fedotove* [Memories of the Russian artist Pavel Andreevich Fedotov]. Moscow: Brokgauz-Efron.
6. Lermontov, M.Yu. (n.d.) *Poet* [Poet]. [Online] Available from: <http://rupoem.ru/lermontov/otdelkoj-zolotoj-blistaet.aspx>. (Accessed: 2nd July 2017)

УДК 008

DOI: 10.17223/22220836/32/6

Ю.Л. Троицкий, А.В. Павлов

СУБКУЛЬТУРА ФУТБОЛЬНЫХ ФАНАТОВ И ПРАКТИКА УГРОЗ: МЕНТАЛЬНЫЕ, ДИСКУРСИВНЫЕ И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ¹

В предлагаемой статье рассматриваются различные аспекты субкультуры футбольных фанатов как потенциальной угрозы. Анализируются ментальные, дискурсивные и поведенческие установки фанатов, которые могут восприниматься как представляющие опасность для общества; прослеживается связь подобных установок с современными и архаическими социокультурными практиками. Также кратко освещаются существующие в современных исследованиях классификации фанатов и особенности их (само)репрезентации в медиaprостранстве.

Ключевые слова: футбол, фанаты, субкультура, общество, насилие, угроза, сакральное, катарсис.

Футбол, который без преувеличения можно назвать самым популярным видом спорта в мире, становится все более популярным и в России. Состоявшийся в 2018 г. в нашей стране Чемпионат мира внес свою лепту в рост числа футбольных зрителей. Одним из факторов успеха прошедшего «мегасобытия» стало отсутствие серьезного накала страстей за пределами стадионов – речь идет об агрессивном поведении футбольных фанатов в городском пространстве и уличных беспорядках, которыми запомнились предыдущие международные футбольные соревнования на уровне национальных команд (Чемпионат Европы в 2012 г., который совместно приняли Украина и Польша, и Чемпионат мира в 2014 г., который прошел во Франции).

В обоих случаях в числе главных действующих лиц были российские болельщики, которые в 2012 г. приняли участие в уличных столкновениях с фанатами из Польши в Варшаве, а в 2014 г. – с фанатами из Англии в Марселе. Действия фанатов имели серьезный резонанс в отечественных и зарубежных медиа². Содержание возникших по горячим следам и более поздних материалов, часть которых была воспринята в России как «проявление русофобии в западном обществе»³, дает основание полагать, что футбольные фанаты в целом и российские футбольные фанаты в частности продолжают

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-78-30029).

² См., например: Boffey D. Russian hooligans were savage and organised, say England fans // The Guardian, 12.06.2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/football/2016/jun/12/russian-hooligans-savage-organised-england-fans-marseille-euro-2016> (дата обращения: 10.08.2018); *Why on earth did they let it happen? Poland blamed for sparking Warsaw riots after allowing 5,000 Russians to march on the stadium (on day marking end of the Soviet Union)* // Daily Mail Online, 13.06.2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2158272/Euro-2012-Russia-Poland-fans-clash-streets.html> (дата обращения: 10.08.2018); Смирнов Д. Скандал вокруг Евро-2012: кто спровоцировал нападение на российских болельщиков в Варшаве? // Комсомольская правда. 13.06.2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/25898/2856806/> (дата обращения: 10.08.2018).

³ Например, фильм BBC Russian's Hooligan Army («Армия российских хулиганов»). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GxBrkWafGcE> (дата обращения: 10.08.2018).

восприниматься в современном глобализованном медиапространстве как серьезная социокультурная угроза. Как отмечает Т.В. Рибокас, в российской спортивной прессе уже давно сложились определенные стереотипные образы футбольных фанатов, представляющих собой опасность для окружающих и на стадионе, и за его пределами. К ним он относит такие группы образов, как «вандал, агрессор, мешающий смотреть футбол», «человек, прикрывающийся футболом для создания беспорядков», в отличие, например, от таких образов, как «семейный болельщик» или «весельчак, пришедший смотреть футбол» [1].

Стычки российских фанатов с польскими в Варшаве (Польша) на Чемпионате Европы по футболу в 2012 г. и с английскими в Марселе (Франция) на Чемпионате мира по футболу в 2016 г.
(источник: Reuters)

Разумеется, подобное восприятие фанатской субкультуры возникло не в последние годы – этот процесс начался параллельно с появлением самой фигуры футбольного фаната на социальном горизонте. Исследователи фанатского движения достаточно определенно датируют время, когда «болельщик» становится «фанатом». Для Великобритании, которая по праву считается родиной фанатской субкультуры, это рубеж 50–60-х гг. прошлого века, когда «рабочая окраина» больших городов, не имея средств для дорогих развлечений, собиралась в группы, чтобы поддержать любимый футбольный клуб. В СССР первые фанаты в крупных городах появились позже – на рубеже 70–80-х гг. прошлого века, а массовость это движение приобрело в 1990-е и 2000-е гг. В то же время спортивных фанатов в целом нельзя назвать продук-

том исключительно современного общества. Так, известный российский византист Сергей Иванов, опираясь на работу британского исследователя А. Кэмерона и других зарубежных историков, отмечает, что в средневековой Византии происходит формирование фанатских партий вокруг соревнований на ипподроме. По мнению Иванова, это явление было связано прежде всего с упадком и бюрократизацией полисной жизни, а «сама система боления была очень институциональна, гораздо сильнее, чем сегодня. У болельщиков той или иной команды были не только свои конюшни, не только свои зверинцы, не только свои поэты, писавшие славословия возницам той или иной команды. ...Но и, например, свои церкви, в которых они молились, свои городские кварталы. Это что-то гораздо более серьезное, гораздо более глубинное, чем современные спортивные болельщики, при этом явно превосходящее по степени накала страстей и уровню насилия» [2]¹.

Чтобы оценить субверсивный потенциал субкультуры современных футбольных фанатов и выявить его возможную связь с более архаичными культурными паттернами, в данной статье будет предпринята попытка реконструкции глубинных (парадигмальных) и поверхностных (синтагматических) уровней ментального и дискурсивного горизонта, а также поведенческих стратегий спортивных футбольных фанатов. Прежде чем приступить к подобной реконструкции, попытаемся рассмотреть различные подходы к феномену футбольного фанатизма и различные системы классификации футбольных болельщиков, описанные в предшествующих исследованиях.

Для начала необходимо на самом общем уровне определить базовые характеристики футбольных фанатов, т.е. то, что отличает их от обычных зрителей и болельщиков. В качестве таковых исследователи выделяют обычно «футболоцентричность», преданность своей команде, готовность к коллективным действиям в ее поддержку (как на стадионе, так и за его пределами) и агонистичность. Так, Г. Пильц отмечает: «Фанаты приходят на стадион, чтобы увидеть, как победит их команда. Они страстно и безусловно следуют за своей командой и готовы сразиться за ее честь. Команда, которая играет против нее, сразу же автоматически превращается в неприятелей, каковых надлежит разбить и победить любой ценой. А как можно защитить честь своей команды? Только в противостоянии членам клуба-противника, судье и, главное, фанатам этого клуба. Настоящие фанаты всегда причастны успехам своей команды и готовы ради этого терпеть любые житейские невзгоды» [3]. Кроме того, в отличие от некоторых других молодежных субкультур, субкультура футбольных фанатов отличается выраженной дискретностью: «Субкультура футбольных фанатов – это субкультура молодежи (подростков), живущей обычной жизнью и „возвращающейся“ в субкультуру только во время матчей (в британском, наиболее жестком и наиболее развитом варианте – каждую субботу или через субботу). Это – субкультура досуга» [4].

К. Ванхут полагает, что формирование коллективной идентичности фанатов происходит на основе отделения «мы»-группы от различных «они»-групп. При этом исследователь отмечает, что «мы» в данном случае состоит не из отдельных индивидов, а превращается в своего рода опредмечивание

¹ См. также: *Cameron A. Circus Factions: Blues and Greens at Rome and Byzantium*. Oxford, 1976.

метафоры «двенадцатого игрока», при помощи которой часто описывают фанатов. Иными словами, футбольные фанаты полагают себя существенной частью футбола. Принадлежность же к «мы»-группе распознается участниками не только благодаря внешним символам (например, атрибутике клуба), но и при помощи «фоновое знание» об особых, часто невербализуемых практиках поведения [5]. Можно предположить, что именно подобная бинарность, предполагающая жесткое деление команд и фанатских групп, становится источником агрессивности. Если для традиционных «спокойных» болельщиков игра – это прежде всего спектакль со всеми театральными атрибутами (включая игровую условность и «четвертую стену»), то для фанатов – это косвенное и даже прямое участие в борьбе за результат на стороне своей команды (не случайно многие фанаты выбегают во время игры на поле, иногда даже срывая футбольные матчи). В то же время в фанатской среде существует определенная категоризация «врагов», которая может быть связана не только с футбольными факторами, но и с идеологическими взглядами фанатов (например, с этнической ксенофобией). Приведем в качестве примера высказывание представителя одной из наиболее известных в России фан-групп «Люди в черном» (ЦСКА, Москва):

«Для нас в России есть разница между врагом и соперником. Наши самые главные противники: Спартак Москва, Торпедо Москва и Зенит. Мы деремся друг с другом только в честных боях с равным количеством людей. А главный враг это команды с Кавказа – Анжи, Алания, Терек, Спартак Нальчик и другие. Также, фанаты с левыми политическими взглядами» (здесь и далее орфография и пунктуация в высказываниях фанатов сохранены)¹.

Явно прослеживаемые в данной цитате праворадикальные и националистические взгляды части российских футбольных фанатов неоднократно констатировались исследователями [4, 6].

В то же время «врагами» для футбольных фанатов оказываются не только фанаты команд-соперников, но и представители правоохранительных органов, которых можно назвать универсальным противником, в борьбе с которым фанаты зачастую готовы забыть разногласия друг с другом: «Полиция – это настолько неоспоримый объект ненависти, что при столкновении с ней правила разрешают объединяться с кем угодно вплоть до фанатов самых враждебных тебе клубов»².

Таким образом, анализируя субкультуру футбольных фанатов как потенциальную социокультурную угрозу, нельзя не отметить, что эта субкультура неоднородна, поскольку существуют разные типы футбольных болельщиков, которые отличаются друг от друга, помимо прочего, степенью агрессии, ксенофобии и готовности к насилию. Рассмотрим существующие подходы к классификации футбольных болельщиков подробнее.

¹ Интервью с «Людьми в черном» – ЦСКА (Москва) // fan-edge.info, 03.08.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fans-edge.info/intervyu-s-lyudmi-v-chernom-cska-moskva/> (дата обращения: 02.08.2018).

² Иван Уланов: «Многие болельщики думают, что мне важнее не потерять расположение клубного руководства, а на фанатов – наплевать. В клубе же думают наоборот...» // rbworld.org, 21.11.2015 [Электронный ресурс]. URL: http://rbworld.org/news_categories/pressa-o-tsska/news/ivan-ulanov-mnogie-bolelschiki-dumayut-chto-mne-vazhnee-ne-poteryat-raspolozhenie-klubnogo-rukovodstva-a-na-fanatov-naplevat-v-klube-zhe-dumayut-naoborot (дата обращения: 10.08.2018).

Отечественный исследователь А. Илле на основе наблюдений за российским фан-движением 1990-х гг. выделил три принципиально различные группы футбольных болельщиков: футбольные хулиганы (наиболее активные и агрессивные участники фан-движения), члены фан-групп (небольшие сообщества фанатов, объединенные по территориальному признаку) и «кузьми-чи» (неорганизованные фанаты, не принадлежащие к фан-группам, но участвующие в деятельности фан-движения) [7].

Более сложную классификацию футбольных болельщиков предлагает Р. Джулианотти. В ее основу он кладет процессы коммодификации и медиатизации современного футбола и выделяет 4 типа футбольных зрителей (spectators): «поддерживающие» (supporters), «последователи» (followers), «фанаты» (fans), «фланеры» (flaneurs). По характеру их отношения к футболу он делит эти типы на две группы: «холодные» и «горячие».

К «холодным» исследователь относит followers и flaneurs, которые не отличаются высоким уровнем групповой солидарности. Термином follower Джулианотти обозначает традиционного болельщика, который может симпатизировать нескольким командам из разных государств или болеть за определенного игрока. «Фланеры» для Джулианотти – это результат коммерциализации футбола, поскольку для этого типа характерна ориентированность на наиболее успешные с коммерческой и спортивной точки зрения футбольные проекты. Подобный тип болельщиков также часто называют «глорихантерами».

К «горячим» относятся supporters и fans. Supporters – самый активный тип болельщиков. По мнению Джулианотти, для них характерен высокий уровень групповой солидарности, а экономические аспекты при поддержке любимого клуба отходят на второй план по сравнению с культурными. Приверженность своей команде становится для этого типа болельщиков частью повседневности. Для них характерно «топофилическое» отношение к ключевым местам своего клуба, прежде всего к родному стадиону / полю. Также Джулианотти отмечает, что именно в связи с этим типом болельщиков мы можем говорить о субкультуре. Они обладают так называемым «субкультурным капиталом» (по аналогии с культурным капиталом П. Бурдье), т.е. особым знанием, позволяющим отличать их от представителей других субкультур. Принадлежность к субкультуре легитимируют также преемственность ценностей, наследуемых молодыми болельщиками от родителей или старших товарищей, и наличие у фанатов собственных медиа и объединений. Другая категория «горячих болельщиков», fans, отличается от supporters тем, что их взаимосвязь с любимой командой выстраивается преимущественно вокруг потребления – например, клубной атрибутики. Джулианотти сравнивает этот тип болельщиков с фанатами музыкальных звезд и других селебритиз [8].

Таким образом, с точки зрения внутреннего устройства фанатской субкультуры источником угрозы чаще всего оказываются те категории фанатов, которые обозначаются терминами «хулиганы», «околофутбольщики» или supporters. Поэтому при дальнейшем анализе ментальных, дискурсивных и поведенческих стратегий будут рассмотрены прежде всего ценности и установки этих групп.

Существует точка зрения, что по своим ментальным установкам наиболее агрессивный тип фанатов, футбольные хулиганы, не отличаются от дру-

гих представителей современного общества с его буржуазными ценностями: «Мы должны определить хулиганство в большом футболе как следствие процесса модернизации нашего общества. Хулиганы воплощают в себе, как в выпуклом зеркале, все ценности и модели поведения всего общества: обособление элит, ориентацию на соревнование, риск и статус, дисциплину борьбы, крутизну, приспособляемость, мобильность, акционизм, удовольствие от агрессии, подбадривание себя и „энергетичную“ атмосферу. Профиль личности готового к бою и находящего наслаждение в битве хулигана даже в самоописании не слишком-то отличается от среднего немецкого менеджера...» [3].

В то же время при описании ментальности фанатов встречаются апелляции и к более архаичным формам сознания. Так, Д. Антонович сравнивает футбольных фанатов с религиозными фанатиками: «Действия нескольких десятков тысяч болельщиков, которые поют хором „мы будем с нашим клубом до гробовой доски“, бьют ритмично в ладони и прыгают, положив руки на плечи соседей, напоминают экстатическое поведение верующих на религиозном празднике» [9]. Развивая эту метафору, он называет спортивный клуб трансцендентным сакральным объектом для фанатов, а футбольный стадион – особым метафизическим пространством, на котором во время матча, подобно карнавалному времени в концепции М. Бахтина, отбрасываются многие социальные и культурные условности (отсюда – обилие негативных эмоций, обсценной лексики, шовинистических и гомофобских высказываний в адрес соперников противоположной команды). При этом Антонович подчеркивает катарсический аспект подобного поведения: «Речь идет не о реальных взглядах: важна возможность преодолеть запреты, отбросить внестадийную политкорректность, а тем самым испытать облегчение и даже очищение. Для религиозной жизни этот аспект очень важен» [Там же]. Р. Джулианотти также находит в поведении болельщиков еще более архаичные элементы, отмечая, что клуб становится для фанатов, относящихся к типу supporters, тотемным знаком сообщества, а тело – ключевой формой репрезентации этой принадлежности (татуировки с эмблемой клуба, ношение клубных цветов, жестовая поддержка во время матчей) [8]. В то же время агрессивное поведение фанатов, связанное с приверженностью к футбольному клубу, и опредмечивание ими метафоры «двенадцатого игрока» заставляют некоторых исследователей усомниться в применимости к ним концепции катарсиса: «Можно предположить, что у болельщиков не возникает такой катарсис, „как особый метод очищения души“, который возникает при чисто эстетических зрелищах. Это обусловлено тем, что переживания болельщика в своей этологической основе это в большей степени переживания за добычу и распределение ресурсов. Вероятно, вследствие этого спортивные болельщики себя воспринимают в большей мере участниками события, нежели зрители традиционных „эстетических“ зрелищ» [10].

Дискурсивные установки фанатов, которые могут восприниматься, как угроза, отражают их ключевые ментальные стратегии: «Типичным для дискурса фанатов является использование экспрессивных речевых актов, направленных, с одной стороны, на поддержку любимой команды, с другой стороны, на дискредитацию тех, кто в понимании фанатов относится к „Чужим“, „Врагам“. ...Выражение вербальной агрессии происходит в обоих

случаях путем создания прямой и косвенной номинации концептов, примыкающих к коммуникативному „полю брани“» [11]. При этом, как уже было отмечено, главным средством дискредитации и устрашения оппонентов становится использование обсценной лексики. Хотя даже сами представители фанатского движения отмечают, что эта особенность не является определяющей для поддержки своего клуба:

«Мат на стадионе не победить. На принципиальных матчах с народной командой, «Зенитом» он объясним. При этом коробит изобилие мата там, где его должен быть самый минимум. Как, например, на недавнем товарищеском матче с «Динамо» или на большинстве матчей молодежки. Ну «зарядили» пару раз... Но нельзя же скандировать это чуть ли не всю игру! Многие из наших молодых фанатов не знают меры. Лучшие бы свою команду больше поддерживали...»¹.

В то же время исследователи обнаруживают в дискурсе футбольных фанатов косвенные высказывания, в которых проявляются элементы языковой креативности и эстетизации, что можно рассматривать как потенциальный источник снижения общей агрессивности фанатского дискурса: «Косвенные высказывания более оригинальны и разнообразны, они предполагают своего рода когнитивную игру между создателем и реципиентом, поэтому в них в полной мере проявляется лингвокреативность футбольных фанатов» [11].

Еще одна важная часть дискурса футбольных фанатов – это специфический фанатский сленг, который, впрочем, находится в процессе постоянной трансформации: «Сленг футбольных фанатов, с одной стороны, до сих пор окончательно не сформировался и находится в процессе создания. С другой стороны, он уже сформирован настолько, что непосвященный человек не сможет адекватно участвовать в разговоре двух фанатов, потому что, во-первых, словарный запас достаточно велик, во-вторых, многие слова и словосочетания несут дополнительную смысловую нагрузку, а в-третьих, необходимо знать не только сленг, но и быть в курсе происходящих в фан-движении событий» [7]. Несмотря на многочисленные попытки кодифицировать его, в том числе самими представителями фанатского движения, составляющими и распространяющими в интернете различные тезаурусы для неофитов, довольно сложно однозначно отделить сленг фанатов от речевых особенностей других субкультур и социальных групп, которые часто также создают ореол угрозы (например, в случае российских фанатов – от блатного жаргона).

Что касается поведенческих установок тех категорий футбольных фанатов, которые могут восприниматься, как социокультурная угроза, то, помимо обязанности поддерживать свою команду на стадионах (скандированием, перформансами и т.д.), это готовность драться «за честь команды», в том числе физическая:

«Но орать на трибуне может каждый, а вот отвечать за это способны далеко не все. Если ты считаешь себя бойцом, ты обязан доказывать это на деле. У нас достаточно врагов, мечтающих задушить наше движение и живут

¹ Иван Уланов: «Многие болельщики думают, что мне важнее не потерять расположение клубного руководства, а на фанатов – наплевать. В клубе же думают наоборот...» // [rbworld.org, 21.11.2015](http://rbworld.org/news_categories/prensa-o-tsska/news/ivan-ulanov-mnogie-bolelschiki-dumayut-chto-mne-vazhnee-ne-poteryat-raspolozhenie-klubnogo-rukovodstva-a-na-fanotov-naplevat-v-klube-zhe-dumayut-naoborot) [Электронный ресурс]. URL: http://rbworld.org/news_categories/prensa-o-tsska/news/ivan-ulanov-mnogie-bolelschiki-dumayut-chto-mne-vazhnee-ne-poteryat-raspolozhenie-klubnogo-rukovodstva-a-na-fanotov-naplevat-v-klube-zhe-dumayut-naoborot (дата обращения: 10.08.2018).

они не только в Москве. Защищать честь и гордое имя „Спартак“ ты должен и в других городах России, ближнего и дальнего зарубежья»¹.

Впрочем, футбольные фанаты признаются, что иногда готовность к физическому противостоянию как поведенческая стратегия, необходимая для поддержания «честь» команды и личного статуса фаната («бойца»), может выплеснуться в немотивированную агрессию и насилие в адрес людей, вообще не связанных с футболом, особенно в окруженной романтическим ореолом и типичной для фанатов ситуации «выезда», т.е. посещения гостевых матчей. Важным моментом в биографии каждого фаната оказывается первый выезд, который воспринимается как своеобразный обряд инициации, *rite-de-passage*:

«Первый выезд у меня был в дикой тайне от родителей. ...Для 14-летнего шкета это был нереальный адреналин. Все бухают, шизят, дерутся с дачниками и мусорами... Короче, огонь! Билета на матч у меня тоже не было, но как-то вписался, примкнув к какой-то алко-компании. Сыграли мы тогда вничью, а выезд является до сих пор особенным тем, что помимо того, что он первый, это единственный раз, когда попал под струю из брандспойта»².

Таким образом, можно выделить следующие ментальные, поведенческие и дискурсивные стратегии футбольных фанатов независимо от дифференциации субкультурных сообществ:

– **ментальные стратегии** в своей основе опираются на жесткую бинарную оппозицию «свой / чужой», которая работает и в случае появления общего врага (например, полицейских), когда в лагерь «своих» принимаются и фанаты враждебной команды. К ментальным стратегиям можно отнести и верность родной команде, и боление как образ жизни. Отмечается также и микширование границы реального и фантазийного, ведущее к «возможным мирам» в ментальном горизонте фанатов. Наличие объединяющего мифа также относится к ментальному горизонту фанатской субкультуры. Основой мифологии часто становится метонимическая стратегия, превращающая какой-то случай, эпизод или поступок в знак или даже в символ. Заметна и тенденция к сакрализации клубной мифологии подобно религиозным сообществам: «футбол – это религия»;

– **дискурсивные стратегии фанатов** выражают ментальные установки сообщества, и прежде всего в виде сленга, отражающего реалии фанатской повседневности, а также символику команды. Создание своего «языка» – явный признак изотеричности сообщества, его противопоставленности иным группам. Лексический диапазон включает все слои языка – от общенной лексики до полисоставных лексических конструкций;

– **поведенческие стратегии** фанатов включают в себя большой набор самых разных действий и жестов – от перформанса до кровавой драки. Сюда также относятся ношение клубной символики и специфической одежды, поездки со своей командой в другие города и страны.

¹ Ресурс фан-группы «Спартак» Flint's Crew, сообщение пользователя «Джон Сильвер» [Электронный ресурс]. URL: http://ultras.wikia.com/wiki/Flint%27s_Crew (дата обращения: 02.08.2018).

² «Поднимай свои знамена – и в чужие города!» – интервью с армейским фанатом. fan-edge.info, 29.04.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fans-edge.info/podnimaj-svoi-znamena-i-v-chuzhie-goroda-intervyu-s-armejskim-fanatom/> (дата обращения: 02.08.2018).

Если поставить проблему преодоления крайних агрессивных форм фанатского поведения, то, возможно, решение лежит в векторе движения от экстатических форм к катарсису, от прямого выражения и действия, близких к перформативу, к «непрямому высказыванию» эстетического типа.

Литература

1. *Рибокас Т.В.* Собираемые образы футбольных фанатов, создаваемые и используемые в современной российской специализированной прессе // Психолог. 2015. № 4. С. 1–36 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/psp/article_15358.html (дата обращения: 10.08.2018).
2. *Иванов С.* Правда ли, что феномен футбольных фанатов родом из Византии? // Арзамас. 02.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/mag/150-soccer> (дата обращения: 10.08.2018).
3. *Пильц Г.А.* Футбол – это наша жизнь : перемены и процессы дифференциации культуры футбольных фанатов // Философско-литературный журнал «Логос». 2009. № 6 (73). С. 114–133.
4. *Тарасов А.Н.* Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией : сб. статей. М. : Центр «Панорама», 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://scepsis.net/library/id_2965.html#a3 (дата обращения: 10.08.2018).
5. *Vanhoutte K.* Playing the derby // Soccer and Philosophy. Open Court Publishing, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.opencourtbooks.com/pdf/cfasoccer.pdf> (дата обращения: 10.08.2018).
6. *Glathe J.* Football Fan Subculture in Russia: Aggressive Support, Readiness to Fight, and Far-Right Links // Europe-Asia Studies. 2016. № 68 (9). P. 1506–1525.
7. *Илле А.* Футбольный фанатизм в России: Фан-движение и субкультура футбольных фанатов // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга. СПб., 1999. С. 154–173 [Электронный ресурс]. URL: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/ille.htm> (дата обращения: 10.08.2018).
8. *Giulianotti R.* Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs. A Taxonomy of Spectator Identities in Football // Journal of Sport and Social Issues. 2002. № 26 (1). P. 25–46.
9. *Антонович Д.* Сакральное для профанов // fan-edge.info, 10.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://fans-edge.info/sakralnoe-dlya-profanov/> (дата обращения: 10.08.2018).
10. *Ильясов Ф.Н.* Мотивация и активность футбольных болельщиков // Социальные исследования. 2016. № 3. С. 38–52.
11. *Белютин Р.В.* Речевое поведение немецких и российских футбольных фанатов: сходства и различия // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 196–199.

Yuri L. Troitsky, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation).
E-mail: troitski@gmail.com

Andrey V. Pavlov, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).
E-mail: pavlov.andriey@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 55–64.
DOI: 10.17223/22220836/32/6

FOOTBALL FAN SUBCULTURE AND PRACTICE OF THREATS: MENTAL, DISCOURSE AND BEHAVIORAL STRATEGIES

Keywords: football; soccer; fan; subculture; society; violence; threat; sacred; catharsis.

The proposed paper explores different aspects of football fan subculture as potential source of threat. The mental, discursive and behavioral strategies of fans that could be perceived as dangerous for the society are the main focus of our analysis.

To serve as material for the analysis we selected a number of Russian football (soccer) fan websites that offer public communication of fans of various teams as well as interviews of individuals in the fan movement.

We attempt to describe certain elements of the fan subculture as a specific modern social phenomenon, as well as to look at them through the lens of concepts revealing the archaic legacy of mod-

ern violence-related collective practices. We also briefly cover the contemporary research data on typologies of fans and their (self)representation in media.

Our research resulted in describing certain mental strategies, such as constructing highly judgmental binary opposition systems of “insider-outsider” / “good-bad”, quasireligious sacralization of a certain team and its attributes, blurring the borders between fictional and ecstatically realistic perception of football. We outline discursive strategies of using slang as a method for subcultural isolation, using obscene language and creating new linguistic constructions. Behavioral strategies include performances, trips, willingness to fight as well as wearing club outfits and insignia.

References

1. Ribokas, T.V. (2015) Generalized Images of Football Fans Created and Used in Modern Russian Trade Press. *Psikholog*. 4. pp. 1–36. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/psp/article_15358.html. (Accessed: 10th August 2018). DOI: 10.7256/2409-8701.2015.4.15358
2. Ivanov, S. (2015) Pravda li, chto fenomen futbol'nykh fanatov rodom iz Vizantii? [Is it true that the phenomenon of football fans appeared in Byzantium?]. *Arzamas*. 2nd October. [Online] Available from: <https://arzamas.academy/mag/150-soccer>. (Accessed: 10th August 2018).
3. Pilts, G.A. (2009) Futbol – eto nasha zhizn': peremeny i protsessy differentsiatsii kul'tury futbol'nykh fanatov [Football is our life: Changes and processes of differentiation of the culture of football fans]. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal Logos – The Logos Journal*. 6(73). pp. 114–133.
4. Tarasov, A.N. (2010) Subkul'tura futbol'nykh fanatov v Rossii i pravyy radikalizm [Subculture of football fans in Russia and right-wing radicalism]. In: Pribylovsky, V. (ed.) *Russkiy natsionalizm mezhdur vlast'yu i oppositsiei* [Russian Nationalism between the Government and the Opposition]. Moscow: Panorama. [Online] Available from: http://scepsis.net/library/id_2965.html#a3. (Accessed: 10.08.2018).
5. Vanhoutte, K. (2009) Playing the derby. In: Richards, T. (ed.) *Soccer and Philosophy: Beautiful Thoughts on the Beautiful Game*. Chicago: Open Court.
6. Glathe, J. (2016) Football Fan Subculture in Russia: Aggressive Support, Readiness to Fight, and Far-Right Links. *Europe-Asia Studies*. 68(9). pp. 1506–1525. DOI: 10.1080/09668136.2016.1244260
7. Ille, A. (1999) Futbol'nyy fanatizm v Rossii: Fan-dvizhenie i subkul'tura futbol'nykh fanatov [Football fanaticism in Russia. Football fanaticism in Russia: Fan movement and football fans subculture]. In: Kostyushev, V.V. (ed.) *Molodezhnye dvizhenia i subkul'tury Sankt-Peterburga* [Youth Movements and Subcultures of St. Petersburg]. St. Petersburg: RAS. pp. 154–173. [Online] Available from: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/ille.htm>. (Accessed: 10th August 2018).
8. Giulianotti, R. (2002) Supporters, Followers, Fans, and Flaneurs. A Taxonomy of Spectator Identities in Football. *Journal of Sport and Social Issues*. 26(1). pp. 25–46. DOI: 10.1177/0193723502261003
9. Antonovich, D. (2013) *Sakral'noe dlya profanov* [Sacral for profane]. [Online] Available from: <http://fans-edge.info/sakralnoe-dlya-profanov/>. (Accessed: 10th August 2018).
10. Ilyasov, F.N. (2016) Motivation and activity of football fans. *Sotsial'nye issledovaniya – Journal of Social Research*. 3. pp. 38–52. (In Russian).
11. Belyutin, R.V. (2013) Communicative behaviour of German and Russian football fans: similarities and differences. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 1. pp. 196–199. (In Russian).

УДК 352 (571.12)

DOI: 10.17223/22220836/32/7

А.Б. Храмцов

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье проведен сравнительный анализ развития социально-культурной инфраструктуры в городах Западной Сибири: по числу учебных заведений, библиотек, больниц, роддомов, гостиниц, театров, музеев, общественных учреждений и т.д. В начале XX в. Тобольская и Томская губернии развивались достаточно быстрыми темпами, резко увеличилось количество жителей, для удовлетворения потребностей которых необходимы были больницы и медицинские работники, школы и педагоги, культурно-досуговые заведения. К 1914 г. по ряду показателей города Томской губернии превзошли города Тобольской губернии.

Ключевые слова: социально-культурная инфраструктура, социальные институты, органы городского управления, Тобольская губерния, Томская губерния, Западная Сибирь.

Социально-культурная инфраструктура города – это комплекс вещественных элементов (объекты образовательного, бытового, коммунального, медицинского обслуживания), с которыми взаимодействуют социальные субъекты (население данной территории) и которые создают благоприятные условия для их жизнедеятельности, удовлетворяют нужды местных жителей. Содержание и развитие социальной инфраструктуры поглощают значительную долю средств местных бюджетов. Состояние социально-культурной инфраструктуры является главной характеристикой экономического и социального развития города, одним из основных показателей эффективности деятельности местной власти по удовлетворению потребностей населения [1. С. 17].

К Западной Сибири традиционно относились две губернии: Тобольская и Томская. Обширный регион имел ряд особенностей: огромная территория, суровый климат, низкая плотность населения, малочисленность дворянства, специфичная занятость жителей, высокий процент казаков, мещан-торговцев, скупщиков, военных, ссыльных, отсутствие удобных путей сообщения, низкое качество быта, труда, отдыха и др. [2. С. 147].

Интенсивный рост населения и развитие местного хозяйства в городах Западной Сибири в начале XX в. создавали немало проблем для органов городского управления. Реформы 1870–1890-х гг. привели к глубоким социальным изменениям во всех сферах общественной жизни, необходимости открытия новых объектов социальной сферы. В этой связи научный интерес представляет сравнительный анализ развития социально-культурной инфраструктуры в городах региона в досоветский период. Информационную основу исследования составили статистические сборники по городам региона и другие источники [3, 4].

Заметим, что демографическая ситуация в городах Томской и Тобольской губерний на 1904 г. (табл. 1) при равном числе городских поселений (по 10) имела ряд различий по составу и численности жителей. Численность городского населения Томской губернии значительно превышала этот показатель в Тобольской губернии, разница составляла 86 349 человек. По гендерному признаку ситуация сложилась таким образом, что число мужчин превышало число женщин в обеих губерниях. В Тобольской губернии выделялись города с наибольшей численностью населения – это Тобольск и Тюмень. В Томской губернии таких городов три: Томск, Барнаул, Новониколаевск.

Таблица 1. Численность населения в городах Западной Сибири. 1904 г. [3. С. 368]

Тобольская губерния	Число жителей			Томская губерния	Число жителей		
	Мужчин	Женщин	Всего		Мужчин	Женщин	Всего
Тобольск	10 753	10 134	20 887	Томск	34 819	32 600	67 419
Березов	616	552	1 168	Барнаул	16 463	16 867	33 330
Ишим	7 124	4 589	11 713	Бийск	10 360	10 289	20 649
Курган	8 868	7 575	16 443	Каинск	4 090	3 611	7 701
Сургут	606	638	1 244	Кузнецк	1 997	2 102	4 099
Тара	4 368	3 971	8 339	Мариинск	8 774	6 840	15 614
Туринск	1 681	1 737	3 418	Змеиногорск	3 347	3 491	6 838
Тюкалинск	4 410	2 068	6 478	Колывань	4 151	4 319	8 470
Тюмень	13 934	15 779	29 713	Нарым	431	423	854
Ялуторовск	1 799	1 589	3 338	Новониколаевск	12 529	13 738	26 267
Всего	54 159	48 632	10 2791	Всего	96 961	92 178	189 139

В 1910–1912 гг. демографическая ситуация в городах губерний претерпела еще большие изменения (табл. 2). Численность горожан Томской губернии в 2,4 раза превышала этот показатель в Тобольской губернии. По гендерному признаку ситуация сложилась таким образом, что число мужчин превосходило число жителей в обеих губерниях.

Таблица 2. Численность населения в городах Западной Сибири. 1910–1912 гг. [4. С. 1020]

Тобольская губерния	Число жителей			Томская губерния	Число жителей		
	Мужчин	Женщин	Всего		Мужчин	Женщин	Всего
Тобольск	11 003	10 053	21 056	Томск	56 465	51 246	107 711
Березов	738	504	1 242	Барнаул	23 925	22 116	46 041
Ишим	8 300	4 700	13 000	Бийск	14 046	13 892	27 938
Курган	12 304	12 141	24 445	Каинск	3 386	2 860	6 246
Сургут	704	605	1 309	Кузнецк	1 774	1 929	3 703
Тара	7 434	4 179	11 613	Мариинск	9 385	8 795	18 180
Туринск	1 563	1 503	3 066	Змеиногорск	4 567	4 672	9 239
Тюкалинск	3 468	1 818	5 286	Колывань	5 478	5 585	11 063
Тюмень	16 368	16 305	32 673	Нарым	431	410	841
Ялуторовск	2 438	1 843	4 281	Новониколаевск	28 569	24 126	52 695
Всего	64 320	53 651	117 971	Всего	148 026	135 631	283 657

В Тобольской губернии выделялись города с наибольшей численностью населения – это Тобольск и Тюмень, как и в 1904 г. За шесть-восемь лет лишь г. Курган заметно вырос по числу жителей, превысив население губернского центра. В Томской губернии снова такими городами стали Томск, Барнаул, Новониколаевск, причем последний опередил Барнаул по числу жителей. По сравнению с 1904 г. численность населения как в Тобольской, так и Томской губернии увеличилась, но в большей мере этот процесс наблюдался в Том-

ской губернии, которая росла и развивалась интенсивней. Городское население здесь за короткий временной отрезок увеличилось практически на 100 тыс. человек. В этой связи и в развитии социальной инфраструктуры в городах губерний можно проследить ряд отличий.

В качестве показателей сравнительного анализа возьмем такие объекты социально-культурной сферы жизнедеятельности, как лечебные заведения, гостиницы и питейные заведения, библиотеки, театры, цирки и музеи.

Так, по уровню развития системы медицинского обслуживания населения города обеих губерний заметно отставали от городов центральной части страны (табл. 3, 4).

По общему количеству лечебных заведений на 1904 г. в губерниях наблюдались примерно равные показатели: число больниц и приёмных покоев в Тобольской губернии (см. табл. 3, 4) составляет 16, что на 2 меньше, чем в Томской губернии (приёмных покоев здесь нет). Хотя количество мест (коек) значительно меньше в Тобольской губернии и составляет 346 на 832 соответственно. По наибольшему числу больниц выделяются такие города, как Ишим (3) и Томск (7).

Аптек и аптекарских магазинов в Томской губернии опять же больше, чем в Тобольской.

Число больниц, госпиталей и приемных покоев специального назначения в Томской губернии всего 8 в таких городах, как Томск, Барнаул, Бийск, Каинск, Кузнецк и Мариинск; а в Тобольской губернии таких заведений всего 5 и все в губернском Тобольске.

Таблица 3. Здравоохранение в городах Западной Сибири. 1904 г. [З. С. 380–381]

Город	Лечебные заведения					Аптеки и аптекарские магазины		Численность медицинского персонала		
	Больниц		Приёмных покоев		Итого мест	Аптек	Аптекарских магазинов	Врачей обоего пола	Акушеров и повивальных бабок	Фельдшеров
	Число	В них мест	Число	В них мест						
Тобольская губерния										
Тобольск	2	80	—	—	80	2	1	11	8	10
Березов	1	?	—	—	?	1	—	1	1	1
Ишим	3	57	—	—	57	1	1	4	2	5
Курган	1	60	1	2	62	1	2	4	1	3
Сургут	1	16	—	—	16	—	—	1	1	2
Тара	2	40	—	—	40	1	—	1	1	2
Турунск	2	16	—	—	16	1	—	3	2	3
Тюкалинск	—	—	1	20	20	1	—	3	2	4
Тюмень	1	40	—	—	40	3	1	7	2	5
Ялуторовск	1	15	—	—	15	1	—	1	2	2
Всего	14	324	2	22	326	12	5	36	22	37
Томская губерния										
Томск	7	644	—	—	644	6	4	38	39	15
Барнаул	2	20	—	—	20	2	1	4	15	2
Бийск	2	30	—	—	30	1	1	3	5	7
Каинск	2	108	—	—	108	1	1	3	1	5
Кузнецк	1	?	—	—	?	1	—	3	1	3
Мариинск	—	—	—	—	—	1	—	3	3	4
Змеиногорск	1	6	—	—	6	3	—	2	2	6
Колывань	1	8	—	—	8	1	—	1	2	3
Нарым	1	6	—	—	6	—	—	1	—	1
Новониколаевск	1	10	—	—	10	1	1	8	3	6
Всего	18	832	—	—	832	17	8	66	71	52

Таблица 4. Численность медицинского персонала. 1904 г. [З. С. 380–381]

Город	Численность медицинского персонала			Число жителей на 1			Лечебные заведения специ-ального назначения ¹			
	Фельд-шерииц	Вете-рина-ров	Ветери-нарных фельдше-ров	боль-ничное место	аптеку	врача	Больницы и госпитали		Приемные покои	
							число	в них мест	число	в них мест
Тобольская губерния										
Тобольск	4	5	—	261	10 444	1 899	5	?	—	—
Березов	—	—	—	?	1 168	1 168	—	—	—	—
Ишим	1	1	—	206	11 713	2 928	—	—	—	—
Курган	3	2	2	265	16 443	4 111	—	—	—	—
Сургут	—	—	—	78	—	1 244	—	—	—	—
Тара	1	1	—	209	8 339	8 339	—	—	—	—
Туринск	—	1	—	214	3 418	1 139	—	—	—	—
Тюкалинск	—	1	1	324	6 478	2 159	—	—	—	—
Тюмень	4	3	—	743	9 904	4 245	—	—	—	—
Ялуторовск	—	1	—	226	3 388	3 388	—	—	—	—
Всего	13	15	3	2 526	71 295	29 376	—	—	—	—
Томская губерния										
Томск	15	4	—	105	11 237	1 774	1	?	—	—
Барнаул	4	2	—	1 667	16 665	8 332	2	100	—	—
Бийск	—	1	—	688	20 649	6 883	1	10	—	—
Каинск	1	1	—	71	7 701	2 567	1	30	—	—
Кузнецк	—	—	1	?	4 099	1 366	2	?	—	—
Мариинск	—	1	—	—	15 614	5 205	1	10	—	—
Змеиногорск	—	—	1	1 140	2 273	3 419	—	—	—	—
Колывань	—	—	1	1 056	8 470	8 470	—	—	—	—
Нарым	—	—	—	142	—	854	—	—	—	—
Новониколаевск	6	1	—	5 627	2 627	3 283	—	—	—	—
Всего	26	10	3	10 496	89 335	42 153	8	150	—	—

¹ Монастырские, тюремные, военные, училищные, фабричные, железнодорожные и др.

О развитии системы врачебного обслуживания также можно судить по численности медицинского персонала. Общая численность медперсонала в Тобольской губернии составляла 95 человек, а в Томской – 189 (2 раза больше). А если в расчете на число жителей, то 1 врач приходился на 30 тыс. человек (города Тобольской губернии) и 42 тыс. человек (города Томской губернии), больше всего врачей несли службу в губернских центрах: Тобольске (11) и Томске (38).

Число акушеров, повивальных бабок, фельдшериц, ветеринаров и ветеринарных фельдшеров в Томской губернии превышало их число в Тобольской губернии, при этом число ветеринаров больше в Тобольской губернии, а число ветеринарных фельдшеров в обеих губерниях на одном уровне.

К 1912 г. ситуация в сфере здравоохранения в городах региона существенно не изменилась. При общем росте населения количество лечебных учреждений осталось примерно тем же (табл. 5, 6).

Число больниц и приёмных покоев в Тобольской губернии в сравнении с 1904 г. осталось на прежнем уровне и составляло 16, в Томской губернии число больниц и появившихся приёмных покоев увеличилось на 7 в сравнении с предыдущим периодом. Это объясняется тем, что в Томской губернии интенсивно развивался г. Новониколаевск, населению которого необходима была квалифицированная медицинская помощь. Одна больница (1904 г.) не могла удовлетворить эту потребность. А вот количество мест (коек), что уди-

вительно, в двух губерниях уменьшилось и составило 340 мест в Тобольской (на 6 мест меньше) и 662 в Томской (на 170 мест меньше).

Таблица 5. Здравоохранение в городах Западной Сибири. 1910–1912 гг. [4. С. 1034–1035]

Город	Лечебные заведения					Аптеки и аптекарские магазины		Численность медицинского персонала		
	Больниц		Приёмных покоев		Итого мест	Аптек	Аптекарских магазинов	Врачей обоего пола	Акушеров и повивальных бабок	Фельдшеров
	число	в них мест	число	в них мест						
Тобольская губерния										
Тобольск	3	96	1	—	96	2	1	13	13	15
Березов	1	7	—	—	7	1	—	1	1	5
Ишим	2	31	1	—	31	7	?	4	4	7
Курган	2	100	2	—	100	6	5	7	7	7
Сургут	1	16	—	—	16	1	—	1	1	2
Тара	2	25	—	—	25	1	—	1	1	2
Турунск	2	15	—	—	15	4	—	2	2	3
Тюкалинск	-	-	1	—	2	3	1	3	3	3
Тюмень	2	40	—	—	40	16	2	10	10	22
Ялуторовск	1	10	—	—	10	3	1	2	2	2
Всего	16	340	5	—	340	44	22	44	44	68
Томская губерния										
Томск	3	220	—	—	220	12	4	79	89	11
Барнаул	1	75	1	—	75	6	2	21	25	21
Бийск	2	37	—	—	37	2	1	7	8	14
Каинск	2	56	—	—	56	3	—	4	4	3
Кузнецк	1	6	—	—	6	4	—	3	3	4
Мариинск	2	10	—	—	10	5	1	4	4	9
Змеиногорск	1	6	—	—	6	3	—	1	1	3
Колывань	2	7	—	—	7	3	—	2	2	3
Нарым	1	6	—	—	6	1	—	1	1	2
Новониколаевск	7	232	2	7	239	8	6	31	32	40
Всего	22	655	3	7	662	47	14	153	169	110

По наибольшему числу больниц и приёмных покоев к 1912 г. выделялись такие города, как Тобольск и Курган и Новониколаевск, в котором за этот период было открыто 6 лечебных заведений. Ситуация с аптеками и аптекарскими магазинами к 1912 г. также изменилась: города губерний по этому показателю практически уравнились, а также выравнивалось соотношение 1 врач к жителям (см. табл. 6). Самая сложная ситуация по этому показателю наблюдалась в малых городах: в Таре – 1 врач на 11,6 тыс. жителей и Змеиногорск – 1 врач на 9,2 тыс. жителей.

Число больниц, госпиталей и приёмных покоев специального назначения в Томской губернии увеличилось на 12, они появились во всех городах, кроме малых: Змеиногорска, Колывани и Нарыма. В Тобольской губернии их стало 20. Больниц и госпиталей не было только в г. Сургуте, а приёмный покой открылся лишь в Тюмени.

Численность медицинского персонала выросла в 1,5–2 раза. Общее число медперсонала Тобольской губернии увеличилось всего на 61 человека (156), тогда как в Томской губернии на 243 (больше чем в 2 раза). Больше всего врачей также служило в Тобольске (13) и Томске (79). И надо заметить, что Барнаул (21) и Новониколаевск (31) превзошли губернский город. Число акушеров, повивальных бабок, фельдшериц, фельдшеров в Томской губернии значительно превышало их число в городах Тобольской губернии.

Таблица 6. Численность медицинского персонала. 1910–1912 гг. [4. С. 1034–1035]

Город	Численность медицинского персонала				Число жителей на 1			Лечебные заведения спе- циального назначения ¹			
	Фель- дше- риц	Акушеров и пови- вальных бабок	Дан- ти- стов	Оспо- привива- телей	боль- ничное место	апте- ку	врача	Больницы и госпитали		Приемные покои	
								число	в них мест	число	в них мест
Тобольская губерния											
Тобольск	7	11	3	2	219	10 528	1 620	9	167	—	—
Березов	—	1	—	1	177	1 242	1 242	—	—	—	—
Ишим	2	3	—	1	419	1 857	3 250	1	10	—	—
Курган	7	5	2	2	245	4 074	3 492	2	50	—	—
Сургут	—	1	—	1	82	1 309	1 309	—	—	—	—
Тара	1	1	1	1	465	11 613	11 613	1	?	—	—
Туринск	1	2	1	1	204	767	1 533	1	?	—	—
Тюкалинск	—	1	—	1	2 643	1 762	1 762	2	?	—	—
Тюмень	5	12	7	5	817	2 042	3 267	2	58	1	1
Ялуторовск	—	—	1	—	428	1 427	2 141	1	20	—	—
Всего	23	37	15	15	5 699	36 621	31 229	19	305	1	1
Томская губерния											
Томск	23	45	29	2	490	8 976	1 210	2	170	—	—
Барнаул	12	27	8	14	614	7 674	1 842	2	48	—	—
Бийск	1	7	2	2	755	13 969	3 492	2	—	—	—
Каинск	1	2	1	2	112	2 082	1 561	2	29	—	—
Кузнецк	—	2	—	1	617	923	1 234	2	25	—	—
Мариинск	2	3	1	—	1 818	3 636	4 545	1	?	—	—
Змеиногорск	—	3	—	—	1 540	3 080	9 239	—	—	—	—
Колывань	—	1	—	—	1 580	3 688	5 532	—	—	—	—
Нарым	—	1	—	—	140	841	841	—	—	—	—
Новониколаевск	5	10	8	1	221	6 587	1 622	6	124	3	43
Всего	44	101	49	22	7 887	51 456	31 118	17	396	3	43

¹ Монастырские, тюремные, военные, училищные, фабричные, железнодорожные и др.

К 1912 г. в отчетах появились две новые должности: дантисты и оспопрививатели. Число дантистов в городах Тобольской губернии составило 15, а в городах Томской – 49. Число оспопрививателей 15 и 22 соответственно. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги в этой сфере, общий уровень медицинского обслуживания в городах Сибири оставался низким.

Следующий показатель социально-культурной инфраструктуры – гостиничное хозяйство. Всего число гостиниц, номеров и постоялых дворов в двух губерниях составляло 231 заведение, причем их количество в Томской губернии в 4 раза выше, чем в Тобольской (табл. 7). Это можно объяснить разницей в демографическом положении губерний.

Количество трактиров, харчевен и чайных особо не различалось, но в Томской губернии жителей на одно трактирное заведение приходилось в 2 раза больше, чем в Тобольской.

Всего к 1910–1912 гг. количество гостиниц, номеров и постоялых дворов в двух губерниях составило более 400, т.е. на 170 заведений больше, чем в предыдущем периоде (табл. 7, 8). Их число в Томской губернии также заметно выше, чем в Тобольской. Ресторанов и трактиров в Томской губернии в 2 раза больше, чем в Тобольской, по их наибольшее число наблюдалось в Тюмени (11 заведений), Томске (15 заведений) и Новониколаевске (12 заведений), т.е. крупных торгово-промышленных центрах региона. Столовых и закусочных больше всего было в Кургане – 17, Тюмени – 25 (Тобольская губерния) и Томске – 19 заведений (Томская губерния). По общему числу трак-

тирных заведений Томская губерния более чем в 3 раза превосходила Тобольскую. В Томской губернии выделялись такие города, как Томск (121) и Новониколаевск (87), а в Тобольской – Тюмень (93 заведения).

Таблица 7. Гостиницы и трактирные заведения. 1904 г. [3. С. 386]

Город	Гостиницы и номера	Постоялые дворы	Всего	Трактиры, харчевни и чайные	Жителей на 1 трактирное заведение
<i>Тобольская губерния</i>					
Тобольск	3	33	36	5	4 177
Березов	–	–	–	–	–
Ишим	–	–	–	–	–
Курган	3	3	6	13	1 265
Сургут	–	–	–	–	–
Тара	–	–	–	1	8 339
Туринск	–	–	–	–	–
Тюкалинск	–	1	1	2	3 239
Тюмень	3	?	3	31	958
Ялуторовск	–	–	–	1	3 388
<i>Всего</i>	9	37	46	53	21 366
<i>Томская губерния</i>					
Томск	10	60	70	21	3 210
Барнаул	4	35	39	7	4 761
Бийск	1	8	9	3	6 883
Каинск	2	–	2	1	7 701
Кузнецк	–	–	–	1	4 099
Мариинск	4	40	44	2	7 807
Змеиногорск	–	11	11	2	3 419
Колывань	–	–	–	1	8 470
Нарым	–	–	–	–	–
Новониколаевск	10	?	10	21	1 251
<i>Всего</i>	31	154	185	59	47 601

Таблица 8. Гостиницы и трактирные заведения. 1910–1912 г. [4. С. 1040]

Город	Гостиницы и номера	Постоялые дворы	Рестораны и трактиры	Столовые, закусочные, харчевни и чайные	Буфеты	Всего трактирных заведений	Пивные лавки	Жителей на одно трактирное заведение
<i>Тобольская губерния</i>								
Тобольск	4	29	–	3	1	37	30	569
Березов	–	–	–	1	–	1	1	1 242
Ишим	2	–	1	1	3	7	3	1 856
Курган	5	8	1	17	2	33	36	741
Сургут	–	–	–	1	–	1	1	1 309
Тара	–	8	2	–	2	12	13	968
Туринск	1	–	1	–	2	4	4	767
Тюкалинск	–	–	1	–	–	1	1	5 286
Тюмень	11	43	11	25	3	93	97	351
Ялуторовск	–	–	–	–	1	1	6	4 281
<i>Всего</i>	23	88	17	48	14	190	162	17 370
<i>Томская губерния</i>								
Томск	17	63	15	19	7	121	89	890
Барнаул	11	51	2	7	2	73	51	631
Бийск	4	20	3	1	–	28	18	998
Каинск	3	–	2	–	1	6	5	1 041
Кузнецк	–	2	–	1	1	4	2	926
Мариинск	4	11	1	4	1	21	7	866
Змеиногорск	–	36	1	1	1	39	4	237
Колывань	–	2	–	–	–	2	5	5 532
Нарым	–	–	–	–	–	–	–	–
Новониколаевск	9	61	12	3	2	87	50	606
<i>Всего</i>	48	246	36	37	15	633	231	11 727

Важным элементом социально-культурной инфраструктуры являлись библиотечные учреждения. На 1904 г. библиотек в двух губерниях было всего 19, читален 13 и библиотек-читален 2 (табл. 9) – очень низкий показатель в сравнении с городами европейской территории страны. Причем в Томской губернии число библиотек и читален наблюдалось сравнительно больше, но нет библиотек-читален (в Тобольской их 2). По числу библиотек выделялись такие города, как Тюмень (2 библиотеки, когда в остальных городах по 1), Томск (5) и Барнаул (2). Губернский Томск с единственным в Сибири университетом также выделялся среди остальных городов по числу читален – 4.

В 1910–1912 гг. библиотек в двух губерниях насчитывалось всего 23 (см. табл. 9), причем их число увеличилось всего на 4 (открылись в Тобольской губернии), читален 11 (уменьшилось на 2) и библиотек-читален 18 (в 9 раз больше, чем в 1904 г.). Библиотеки-читальни появились почти во всех городах, кроме Томска, Бийска, Каинска и Нарыма. По числу библиотек выделялись Тюмень (6), Томск (3) и Барнаул (3).

Сокращение библиотек, читален в одних городах и их открытие в других выравнивало число библиотечных учреждений в обеих губерниях. Однако в Томской губернии жителей на одно книгохранилище приходилось в 2,5 раза больше, чем в Тобольской. Библиотечное дело в регионе как по количеству заведений, так и качеству фондохранилищ было на крайне низком уровне.

Таблица 9. Библиотеки, читальни. 1904 и 1910–1912 гг. [3. С. 396; 4. С. 1054]

Город	1904 г.			Город	1910–1912 гг.		
	Библио-теки	Читаль-ни	Библиоте-ки-читальни		Библио-теки	Читаль-ни	Библиоте-ки-читальни
Тобольская губерния							
Тобольск	1	1	1	Тобольск	2	4	–
Березов	1	–	–	Березов	–	–	–
Ишим	1	1	–	Ишим	–	–	2
Курган	1	–	–	Курган	2	1	–
Сургут	–	–	–	Сургут	–	–	1
Тара	1	–	–	Тара	1	1	–
Туринск	–	–	–	Туринск	–	–	–
Тюкалинск	–	–	1	Тюкалинск	–	–	1
Тюмень	2	1	–	Тюмень	6	–	4
Ялуторовск	–	1	–	Ялуторовск	–	–	1
Всего	7	4	2	Всего	11	6	9
Томская губерния							
Томск	5	4	–	Томск	3	1	–
Барнаул	2	1	–	Барнаул	1	–	1
Бийск	1	1	–	Бийск	3	2	–
Каинск	1	–	–	Каинск	2	–	–
Кузнецк	1	–	–	Кузнецк	1	–	1
Мариинск	1	1	–	Мариинск	–	–	1
Змеиногорск	–	1	–	Змеиногорск	–	–	2
Колывань	–	–	–	Колывань	1	–	1
Нарым	–	1	–	Нарым	–	–	–
Новониколаевск	1	–	–	Новониколаевск	1	2	3
Всего	12	9	–	Всего	12	5	9

Культурный досуг в городах губерний представляли театры, цирки и музеи (табл. 10, 11). Их численность была крайне мала, на две губернии всего 9 заведений (1904 г.). Из них театр и музей в Ялуторовске Тобольской губернии, театр, три музея в Томске и музей в Барнауле Томской губернии. Хотя

неизвестно, по какой причине официальная статистика не учитывала театр А. Текутьева в Тюмени, действовавший с 1892 г.

Таблица 10. Театры, цирки, музеи. 1904 г. [3. С. 402]

Город	Театры	Народные дома	Цирки	Музеи	Город	Театры	Народные дома	Цирки	Музеи
<i>Тобольская губерния</i>					<i>Томская губерния</i>				
Тобольск	–	–	–	1	Томск	1	–	–	3
Березов	–	–	–	–	Барнаул	–	–	–	1
Ишим	–	–	–	–	Бийск	–	–	–	–
Курган	–	–	–	1	Каинск	–	–	–	–
Сургут	–	–	–	–	Кузнецк	–	–	–	–
Тара	–	–	–	–	Мариинск	–	–	–	–
Туринск	–	–	–	–	Змеиногорск	–	–	–	–
Тюкалинск	–	–	–	–	Колывань	–	–	–	–
Тюмень	–	–	–	–	Нарым	–	–	–	–
Ялуторовск	1	–	–	1	Новониколаевск	–	–	–	–
<i>Всего</i>	1	–	–	3	<i>Всего</i>	1	–	–	4

Таблица 11. Театры, цирки, музеи. 1910–1912 гг. [4. С. 1057]

Город	Театры	Клубы и сцены	Народные дома	Цирки	Музеи
<i>Тобольская губерния</i>					
Тобольск	1	2	–	–	1
Березов	–	–	–	–	–
Ишим	1	1	–	–	–
Курган	1	2	–	–	–
Сургут	–	–	–	–	–
Тара	–	–	–	–	–
Туринск	–	–	–	–	–
Тюкалинск	–	1	1	1	–
Тюмень	1	1	1	1	1
Ялуторовск	–	–	1	–	–
<i>Всего</i>	4	7	3	2	2
<i>Томская губерния</i>					
Томск	1	–	–	1	1
Барнаул	2	2	1	–	–
Бийск	1	3	–	–	–
Каинск	–	1	–	1	–
Кузнецк	–	–	–	–	–
Мариинск	1	1	–	–	–
Змеиногорск	–	–	1	–	–
Колывань	1	–	–	–	–
Нарым	–	–	–	–	–
Новониколаевск	1	3	–	1	2
<i>Всего</i>	7	10	2	3	3

В статистическом учете 1910–1912 гг. появились клубы и сцены. Их количество в двух губерниях составляло всего 18 в Тобольской и 25 в Томской губернии. Интересно, что в Ялуторовске тетра и музея не стало, зато театры открылись в Тобольске, Ишиме, Кургане и Тюмени и один музей в Тюмени.

В Томской губернии театры действовали в 6 городах, за исключением малых: Каинска, Кузнецка, Змеиногорска и Нарыма, а музеи – лишь в Томске и Новониколаевске.

Очевидно, что официальная статистика не учла целый ряд временных социальных объектов и проводимых ими мероприятий (акций). Так, во мно-

гих поселениях для бедняков устраивались развлекательные представления бесплатно или по заниженным ценам. Организаторами таких акций являлись органы местного самоуправления и общественные деятели. Скажем, в г. Тюмени, как и в других центрах, любимой забавой жителей были кулачные бои стенка на стенку с участием молодежи из двух частей города. Позднее тюменский клуб приказчиков перенес данное развлечение на свою постоянную сцену, что возмутило широкую общественность [5].

Кроме того, ряд социальных институтов включал комплекс подразделений. В частности, открытый в Бийске на частные пожертвования и средства города «Народный дом» имел театральный зал, библиотеку, музей, кинозал и аудитории для лекций и чтений [6], что не нашло отражения в статистическом учете.

Как показал анализ, наиболее развитой по численности населения, по обеспечению услугами здравоохранения и по организации культурного досуга населения являлась Томская губерния. Тобольская губерния отставала по ряду количественных значений. В начале XX в. Тобольская и Томская губернии развивались быстрыми темпами, росло число жителей, увеличилось количество больниц и медицинских работников, развивалась культурная сфера. Причем в развитии социально-культурной инфраструктуры в городах Западной Сибири прослеживалось много общего, хотя были и отличительные черты.

В целом по уровню обеспеченности социальной инфраструктурой и наполнению культурно-массовыми мероприятиями в расчете на одного жителя города двух губерний явно уступали городам центральной части страны. На 1904 г. в Тобольской губернии по развитию социально-культурной сферы выделялись лишь Тобольск и Тюмень. В 1910–1912 гг. ситуация несколько изменилась и к развитым городам добавился Курган, который выделился по показателям численности населения, количеству театров и клубных сцен, числу закусочных и т.д. В Томской же губернии на 1904 г. выделялись Томск и Барнаул. В 1910–1912 гг. к этим городам добавился Новониколаевск, который развивался быстрыми темпами. А наиболее развитым из городов региона следует признать губернский город Томск.

Литература

1. Астахов Ю.В., Патрушев В.И. Культура как инструмент стратегического управления городом // Управление городом: теория и практика. 2014. № 3 (14). С. 17–21.
2. Храмцов А.Б. Особенности повседневной жизни населения Западной Сибири в 1905–1917 гг. (по публикациям газет региона) // Вестник угроведения. 2014. № 2. С. 147–152.
3. Города России в 1904 г. / Центральный статкомитет МВД. СПб., 1906. 462 с.
4. Города России в 1910–1912 гг. / Центральный статкомитет МВД. СПб., 1914. 1074 с.
5. Сибирский листок. 1906. № 1. С. 3.
6. Народный дом в Бийске // Сибирская жизнь. 1912. № 260. С. 3.

Aleksandr B. Khrantsov, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: khrantsov_ab@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 65–75.

DOI: 10.17223/22220836/32/7

DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL INFRASTRUCTURE IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS

Keywords: welfare infrastructure; social institutes; bodies of the municipal government; Tobolsk province; Tomsk province; Western Siberia.

The comparative analysis of development of welfare infrastructure in the cities of Western Siberia at the beginning of the 20th century is carried out. Reforms of the 1870–1890th have led to profound social changes in all spheres of public life, to need of opening of new objects of the welfare sphere. Information basis of a research was made by statistical collections on the cities of the region and other sources.

The analysis of a demographic situation has shown that the first decade of the 20th century urban population in the region has grown more than by 100 thousand people. More intensively this process was observed in the Tomsk province. In this regard in development of welfare infrastructure noticeable shifts and differences were noted. A number of the cities began to be allocated on number of objects of the welfare sphere of activity: medical institutions, hotels, pubs, libraries, theaters, circuses and museums.

It is established that on the level of development of system of medical care of the population, the cities of both provinces considerably lagged behind the cities of the central part of the country. And with the general growth of population the quantity of medical institutions for 1900–1914 remained practically at the same level. 1 doctor fell on 30 thousand people (the city of the Tobolsk province) and 42 thousand people (the city of the Tomsk province). Most of all doctors served in the provincial cities (Tobolsk and Tomsk), and the most difficult situation with medical personnel and the actual absence of drugstores and hospitals was observed in the small cities (Surgut, Berezhov, Nary, Zmeinogorsk).

The Tomsk province considerably surpassed in the level of development of hotel economy Tobolsk. Total number of hotels and inns for 1904–1912 has increased by 1,5 times. Traktirny institutions in the cities of the Tomsk province are 3 times more, than in Tobolsk that was caused by a difference in demographic development.

Extremely low indicator was noted on the level of development of library science. In two provinces there were only 19 libraries, reading rooms 13 and reading rooms 2. The number of library institutions by 1912 in provinces was leveled.

It is established that cultural leisure in the cities of provinces for 1904 was represented by only 9 institutions: theaters, circuses, clubs, scenes and museums. Their total by 1912 has increased to 43.

It is shown that the official statistics didn't consider temporary social institutes and also objects incorporating a complex of divisions.

Thus, in development of welfare infrastructure in the cities of Western Siberia many common features were traced though were also excellent. The Tomsk province as surpassed in number of inhabitants, and objects of welfare infrastructure, and “filling” of cultural leisure Tobolsk. In the Tobolsk province such centers were Tobolsk, Tyumen and Kurgan, in Tomsk – Barnaul, Novonikolayevsk and Tomsk.

References

1. Astakhov, Yu.V. & Patrushev, V.I. (2014) Culture as a tool for strategic management of the city. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*. 3(14). pp. 17–21 (In Russian).
2. Khramtsov, A.B. (2014) Osobennosti povsednevnoy zhizni naseleniya Zapadnoi Sibiri v 1905–1917 gg. (po publikatsiyam gazet regiona) [Everyday life of the population of Western Siberia in 1905–1917 (according to the regional newspapers)]. *Vestnik ugrovedeniya*. 2. pp. 147–152.
3. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1906a) *Goroda Rossii v 1904 g.* [Cities of Russia in 1904]. St. Petersburg: Nyrkin.
4. Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. (1914) *Goroda Rossii v 1910–1912 gg.* [Cities of Russia in 1910–1912]. St. Petersburg: [s.n.].
5. *Sibirskii listok*. (1906). 1. p. 3.
6. Anon. (1912) Narodnyy dom v Biyske [People's House in Biysk]. *Sibirskaya zhizn'*. 260. p. 3.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 398.8

DOI: 10.17223/22220836/32/8

Н.А. Урсегова

К ПРОБЛЕМЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА СЮЖЕТНО-МОТИВНОЙ КОМПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКО-РУССКИХ И СИБИРСКИХ ВАРИАНТОВ СВАДЕБНОЙ ПЕСНИ «ВЬЮН НА ВОДЕ»

В статье представлен сравнительный анализ образного мира и сюжетно-мотивной композиции европейско-русских и сибирских вариантов русской свадебной песни «Вьюн на воде», которая исполнялась в момент приезда жениха и передачи ему невесты в венчальный день. Цель статьи – апробация комплексного подхода в анализе фольклористических текстов, сочетающего сравнительно-исторический, структурно-типологический, структурно-семиотический, этнолингвистический методы исследования для выявления мифологических истоков песенных обрядовых текстов, их жанровой атрибуции, определения отличительных характеристик двух региональных версий обрядовой песни.

Ключевые слова: сравнительный анализ, комплексный подход, сюжетно-мотивная композиция, свадебный фольклор, мифология.

Реализация комплексного подхода, требующего привлечения знаний из смежных научных дисциплин в анализе фольклорных явлений – одно из актуальнейших и перспективных направлений отечественной фольклористики. Среди ключевых идей этого подхода – слияние собственно филологических и музыковедческих методов анализа музыкально-поэтического текста, реализуемое в данной работе при сравнительном анализе сибирских и европейско-русских односюжетных вариантов свадебной песни «Вьюн на воде» (далее – «Вьюн»). Полученные в ходе музыковедческого анализа данные интерпретируются в контексте сравнительно-исторического (А.Н. Веселовский, Е.М. Мелетинский, Б.Н. Путилов), структурно-типологического (В.Я. Пропп), структурно-семиотического (А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон) и этнолингвистического / комплексного (Н.И. Толстой) подходов.

Русские старожилы-сибиряки придают важное значение исполнению во время свадебного обряда песни «Вьюн», в которой изображается одна из важных обрядовых ситуаций – приезд жениха и передача ему невесты в венчальный день (обряд бранья). В сознании участников момент передачи невесты жениху отождествлялся с главной идеей свадьбы и символизировал необратимость совершавшегося действия. У староверов Алтайского горного округа, не признавших официального (после реформ патриарха Никона) церковного обряда, браньё замещало венчание [1. С. 195]. После него все собравшиеся отправлялись в дом жениха, где и совершался обряд окручивания невесты [Там же. С. 196]. Таким образом, реальная передача невесты жениху

соответствует символическому переходу невесты из одной социовозрастной группы в другую (девушка – женщина), из одного рода-племени в другой (свой род / семья – род жениха), что в целом позволяет отнести русский свадебный обряд к «обрядам перехода» [2. С. 137].

В ряду других обрядов жизненного цикла, таких как похороны, родины, свадебный обряд может быть отнесен к так называемым «серединным» обрядам, в которых смерть и рождение могут быть выражены только символически (в «рамочных» обрядах жизненного цикла смерть и рождение представлены и реально, и символически) [3. С. 7].

«Девушка, достигшая половой зрелости, впоследствии в свадебном обряде – невеста, переходила в новую социальную категорию. По древним представлениям, такой переход был возможен только через прекращение добрачного существования, то есть через умирание» [2. С. 92]. За «временной» / условной смертью следует ее рождение, «воскресение» в новом качестве. Следовательно, обряд браньё – это центр, переломный момент народной свадьбы, выполняющий в некоторых случаях функцию, которая позднее стала дублироваться совершением церковного / христианского обряда венчания (так называемая полиморфность элементов культуры).

Таким образом, основное смысловое содержание «Вьюна» – это повествование о приезде жениха в дом невесты в день свадьбы и требование ее (невесты) передачи жениху; песня является по сути дела описанием и изображением двух первых эпизодов бранья (встреча жениха и выводы невесты).

Можно предположить, что песенные варианты «Вьюна» по отношению к обряду бранья выступают скорее всего как вторичное, более позднее явление – символ музыкального ряда [4]. Поэтому исполнение «Вьюна» в большинстве случаев строго приурочено к обряду, однократно воспроизводится на свадьбе, но при этом внутреннее его месторасположение может варьироваться: исполнение песни может 1) опережать обряд (песня-«тезис»), 2) сопровождать обряд (песня-«комментарий»), 3) завершать обряд (песня-«резюме»). В тех случаях, когда исполнение песни либо опережает реальное действие, либо следует за обрядом, мы имеем дело с песенной «имитацией» обряда. При совпадении исполнения песни и совершения обряда можно наблюдать усиление основной семантики, параллельное действие обрядового символа в трех обликах (по Н.И. Толстому) – реально-предметном, действенном (акциональном), вербально-речевом / музыкальном [5].

В результате сбора материала нами было выявлено более 50 вариантов «Вьюна», из них 25 музыкальных записей. При этом учитывался опубликованный материал (в том числе дореволюционные записи конца IX – начала XX в.), а также неопубликованный архивный.

Анализ географической распространенности песни «Вьюн» показал, что наибольшее количество записей приходится на регион Севера и Северо-Запада России. Несколько реже он встречается в средней полосе России и Поволжье. Единичные записи «Вьюна» обнаружены на юге России. В Сибири, в районах традиционного проживания старожильского населения, на огромной территории от Уральских гор до Дальнего Востока он бытует повсеместно: в Томской, Курганской, Омской, Кемеровской, Новосибирской, Читинской областях; в Красноярском, Хабаровском, Алтайском краях; в Якутии и Туве. Основные очаги распространения этого песенного сюжета пока-

зывают, что сибирские варианты «Вьюна», скорее всего, восходят к севернорусской песенной традиции: песенный репертуар жителей Русского Севера стал распространяться в Поволжье, на Урале, в Сибири, Дальнем Востоке в конце XVI – XVIII в. в результате переселенческого движения.

Варианты песни «Вьюн» известны с разными зачинами:

1) Вьюн на воде извивается / Вьюн над водой извивается / Вьюн на реке извивается / Вьюн во реке извивается / Не вьюн по реке узвивается / Вьюн на воде узвивается / Вьюн на воде увиваетца / Вьюн по речке извивается / Не вьюн по реке возвивается / Голубь над водой увивается / Орёл над водой увивается / Не гусь на плоту умывается.

2) В Волге вода разливается / По лугу вода разливается / Вода по лугам разливается / Волга-река разливается / Река у ворот разливается / Пы реке разливалась вода.

3) Не вьюн во лужьях возвивается / Вьюн у ворот расстилается / По лугу трава расстилается / Сад на горе расстилается / Сад на горе развивается / Во саду хмель увивается / Хмель у лясу осыпается.

4) Зять челом бьёт перед тещею / Иван у ворот он похаживает.

Проблема жанровой атрибуции конкретного песенного текста до сих пор является в фольклористике значимой, узловоей. «Любое фольклорное произведение может быть прочитано и понято должным образом лишь в рамках жанровой системы, которой оно принадлежит» [6. С. 15]. В жанровой классификации русских обрядовых песен, выполненных Ю.И. Кругловым, «Вьюн» отнесен к разряду лирических песен. Однако проанализировав довольно большое количество песенных вариантов «Вьюна» (различных локально-региональных и исторических версий), следует высказать ряд возражений и дополнений, касающихся жанровой атрибуции этой песни. В связи с тем, что жанры, разновидности обрядовых песен существовали не изолированно, а во взаимодействии, взаимовлиянии, то в одном песенном тексте могут быть обнаружены признаки разных жанров.

Основное содержание «Вьюна» (сюжетная ситуация, по И.В. Зырянову [7]) состоит в следующем: зять у невестиных ворот просит свое суженое-реженое; ему выводят коня, выносят сундук, а затем выводят невесту. Основная цель исполнения этой песни – создание определенной обрядовой ситуации – передачи невесты жениху в день свадьбы. Поэтому песня была приурочена к определенному моменту обряда и исполнялась однократно. Вышеперечисленные признаки характерны для ритуальных песен. Однако следует помнить о том, что ритуальные песни часто «небольшие по объему и маловыразительные в поэтическом отношении» [8. С. 19], чего нельзя в полной мере отнести к «Вьюну». Полные словесные тексты «Вьюна» объемны по размеру и многоэпизодны. Обычно песенный текст может быть разделен на три сюжетных блока-эпизода. В основе каждого эпизода песни лежит, как правило, одна и та же сюжетная ситуация; все эпизоды имеют и одинаковую пространственно-временную характеристику. Можно заметить, что все три эпизода имеют тождественную / сходную внутреннюю структуру. Выделим в каждом из них по 4 сюжетно-смысловых мотива (по А.Н. Веселовскому, мотив – простейшая повествовательная единица [9. С. 24–25]):

1) зачинная часть – введение (сад на горе расстилается, вьюн над водой увивается, зять у ворот убивается) – повествовательно-обобщенное описание

обстановки, «объективный» безличный рассказ о происходящем обрядовом событии в изложении как бы со стороны, от третьего лица; экспозиция-появление главного Героя этих событий;

2) просьба Героя (он просит свой дар, свое суженое, свое ряженое) – формулируется просьба, выясняется цель, ради которой Герой (жених) «убивается» у ворот;

3) ответ на просьбу Героя действием (вывели / вынесли ему дар);

4) реакция-оценка дара Героем (это не моё / это моё); дважды Герой отвергает дар, а на третий раз дар принимает, и на этом песенное повествование заканчивается.

Среди других характерных особенностей организации этой песни как жанра выделим те, которые могут быть свойственны сразу нескольким жанровым образованиям. Повествовательность и обобщенно-эмоциональный характер поэтического содержания, сочетающийся с ведением рассказа как бы со стороны, от третьего лица, – признаки лирического и ритуального жанров. Многоэпизодность, блочность строения песни может быть свойственна многим жанрам – лирическим, игровым, ритуальным. Все это свидетельствует о том, что песенные варианты «Вьюна» – явление сложное, полижанровое. Только выявив доминирующие функции песни, можно будет определить ее приоритетный жанровый стержень.

Рассматривая главную функцию лирических песен, Ю.Г. Круглов вполне справедливо считает, что они (свадебные лирические песни) «обращены к совершавшимся обрядам, но исполнители стремились выразить в песнях прежде всего свое отношение к ним» [8. С. 145]. Именно этим он и объясняет тот факт, что свадебные лирические песни могут быть приурочены к разным обрядовым моментам русской свадьбы. Такое понимание функции лирических свадебных песен и степени их приуроченности к обряду, безусловно, верное и корректное. Но повторим еще раз: анализируемая песня является строго приуроченной к конкретной свадебной ситуации – обряду браньё. К тому же в изучаемых песнях отсутствует какое-либо личностное отношение (положительное или отрицательное) исполнителей к происходящему свадебному ритуалу. Таким образом, функциональная характеристика «Вьюна» как жанра и выявленная высокая степень приуроченности песни уже позволяют не согласиться с отнесением Ю.Г. Кругловым таких образцов к лирическим песням. Обобщенно-нейтральный тон повествования и строгая приуроченность песни к конкретному обряду – атрибуты ритуальных песен, в частности, их юридически-бытовой разновидности. Что касается черт игровых песен, то в наиболее ярком виде их удалось обнаружить только в описании А.М. Листопадовым свадебного обряда донских казаков, в традиции которых было принято «разыгрывать» исполнение «Вьюна». Пока в горнице идет церемония прощания и благословления невесты, «жениховы поезжане, стоя в сенях, играют «Вьюн на воде». Играется песня эта требовательно, настойчиво, сопровождаясь боевыми выкриками и стуком в дверь. С этого момента женихова сторона уже не просит, а требует «дара своего – живого товара», обещанного по вчерашнему мирному уговору, требуя сдачи крепости целиком, а не одного «коня в седле», не одного сокола. После исполнения песни теща удовлетворяет требование зятя и уступает ему дочь [10. С. 215]. В данном случае речь может идти об одной из форм заключения брака – договор-

ном браке, а также об особом способе ведения диалога между партией жениха и партией невесты (подробнее об этом см. [11. С. 269–277]).

Подводя итоги, следует сказать, что:

1) в текстах «Вьюна» могут быть обнаружены черты как минимум трех песенных жанров – ритуального, лирического, игрового;

2) соотношение, функциональная значимость этих черт неравноценны; доминантными среди них являются признаки ритуальных песен, их юридически-бытовой разновидности;

3) в текстах «Вьюна» сочетается функциональность ритуальных песен (строгая приуроченность, однократность исполнения) с композиционными и художественными средствами, свойственными лирическим и игровым песням. Мнение Ю.Г. Круглова о том, что «конкретная целенаправленность художественного приема зависит от содержания жанра и его функции» [8. С. 217], подтверждает нашу мысль о том, что важнейшим показателем жанровой атрибуции текстов, а особенно обрядовых, является прежде всего их основная функция. При этом следует учитывать и то, что «обрядовый текст одновременно связан с актами обряда, в более широком плане – с назначением и смыслом этого обряда, с конкретными мифологическими представлениями, с планом психологическим и т.д.», т.е. то, что Б.Н. Путилов назвал «пучком связей» [6. С. 17].

Рассмотрение сюжетно-мотивного строения песенных текстов «Вьюна» позволяет обнаружить в них древние мифологические корни, сочетающиеся с более поздними обрядовыми явлениями. Разновременные коды, историческая многомерность образного мира этих песен уникальны и позволяют интерпретировать имеющиеся факты с различных точек зрения. Например, основная сюжетная ситуация песни «Герой просит / требует своё» вполне может быть рассмотрена с учетом мифологических аспектов. Жених = Герой бьётся у закрытых ворот = препятствие и требует свой дар = невесту. Для этого он прибывает к дому невесты = иной мир. Ему предлагается троекратный выбор = испытание Героя. Герой устраняет препятствия, успешно проходит испытания, получает невесту и признается противоположной стороной (родней невесты) главой новой семьи, и, следовательно, полноценным и зрелым мужчиной. Преодоление препятствия (ворот, чаще всего закрытых), троекратность выбора (конь, сундук, девица) вполне могут быть обозначены как элементы испытания Героя-юноши, характерные для мужской инициации и изображающиеся подобным образом в русских волшебных сказках (см. работы В.Я. Проппа).

Дом, закрытые ворота – широко известные универсальные символы. Дом – центр мира невесты, наиболее освоенная его часть. С этой идеей непосредственно связаны актуальные для свадьбы мотивы проницаемости / непроницаемости границ домашнего и остального пространства. В ритуале дом является еще и «сценической площадкой» [12. С. 275].

Еще одна интерпретация изучаемого песенного сюжета возможна с точки зрения отображения в нем в символической форме различных форм заключения брака – умыкание, купля-продажа, договор. В конкретных песенных текстах элементы различных форм заключения брака могут выявляться более или менее четко, что подтверждает мысль А.К. Байбурина о том, что «речь идет не о диахронной последовательности форм заключения брака, а о

синхронном существовании различных способов ведения диалога между двумя партиями. Разнообразие форм выражения одного и того же глубинного содержания – характерная особенность обрядовых и мифологических текстов» [11. С. 273–274].

Обрядовые тексты, как известно, обладают многоплановостью кода. Предлагаемые жениху дары в этой связи могут быть интерпретированы как «заместители» невесты. Обычно после того как согласие на замужество дочери было дано, переходили к обсуждению приданого невесты, которое называли сундуком или коробьём (одежда, обувь), а передаваемые в дар домашние животные назывались приданкой [13. С. 477]. Таким образом, конь или корова, сундук / короб и другое – все это приданое невесты, та составная часть дара, которая в обязательном порядке переходила в ведение жениха вместе с невестой. Налицо наличие некоторых элементов обряда, образных символов песенного текста, позволяющих свободно замещать, сокращать, расширять песенные образы в общей композиционной схеме песни. Сюжетно-текстовая / обрядовая ситуация одна, а ее конкретных реализаций – вариантное множество. В заключение отметим, что в песенных текстах «Вьюна» можно наблюдать концентрированное воплощение брачной тематики, встречающееся и в других жанрах русского фольклора – игровых и лирических песнях, сказке. В связи с этим целостное понимание смыслового плана этой свадебной обрядовой песни может быть вскрыто только в контексте традиции, с учетом символических образов и ситуаций различных уровней и жанров. Подтверждение нашей идеи находим в высказывании Е.М. Мелетинского, который считает, что «ритуальный эквивалент классической формы сказки – скорее свадьба (ритуал более молодой и индивидуализированный по сравнению с инициацией, с которой он отчасти связан генетически), так что есть доля истины и в утверждении о том, что инициация – ритуальный эквивалент мифа (и архаических форм сказки), а свадьба – развитой волшебной сказки» [14. С. 32].

Рассматривая строение сюжетной композиции «Вьюна», мы опирались на структурно полные, сюжетно-фабульно завершенные текстовые варианты. Такие варианты обычно состоят из трех сюжетных блоков.

Преобладание трехблочных сюжетных конструкций скорее всего связано с особенностями народного мировоззрения. «Число три некогда было пределом, дальше которого счет долгое время не выходил... „Три“ когда-то означало „много“, а „много“ означало то же, что и „сильно“, „очень“, то есть через множество означалась интенсивность» [15. С. 70]. Поэтому трудность предприятия и победы (получение невесты женихом) выражается через повторение, через число три.

Свободная взаимозаменяемость образов в блоках может быть связана со свободным выбором вариантов в возможном ряду перечислений. Причем количество блоков зависит от возможности смысловых вариантов. Повтор начальных стихов в каждом блоке оказывается буквальным, а ряд перечислений заканчивается тогда, когда появляется счастливый, наилучший исход.

Описанные выше особенности организации сюжетно-мотивной композиции «Вьюна», рассмотренные на сибирском материале, могут быть подтверждены аналогичными явлениями в европейско-русских вариантах. Отметим здесь отличительные черты двух региональных «прочтений» «Вьюна»:

1. Образный мир европейско-русских вариантов более унифицирован, традиционен в отличие от образной вариативности сибирских песен, среди которых особо выделяется образный мир алтайских образцов. В них обнаружено большее число индивидуальных образов, восходящих к образному миру русской волшебной сказки.

2. В европейско-русских вариантах наблюдается усиление описательности, повествовательности за счет использования расширяющих словесных элементов. Например, жениху выводят не простого коня, а «коня доброго, все служивского, во черкесском седле, в золотой узде» [10]. В сибирских вариантах традиционно звучит: «Вывели коня», а в одном европейско-русском варианте уточняется: «Шурин идет, он коня в седле ведёт» [16].

3. Сравнение полных сюжетно-композиционных схем сибирских и европейско-русских вариантов «Вьюна» позволяет сделать вывод о том, что сибирские и материковые традиции по полноте песенных текстов вполне сопоставимы. Так, а) выявлено равное количество схем, демонстрирующих полные сюжетные схемы текстов; б) «разрушенные» композиционные схемы присутствуют в записях второй половины XX в.; процессы разрушения сопоставимы по результатам изменений схемы в разных региональных стилях (во всех «разрушенных» образцах отсутствует логический конец повествования, а следовательно, не осуществляется главная обрядовая функция песни, совпадающая с идеей бранья – передачей невесты жениху); в) среди сибирских вариантов сохранилось больше образцов, в которых возможно восстановление полных сюжетно-композиционных схем песен.

Литература

1. Липинская В.А., Сафьянова А.В. Свадебные обряды русского населения Алтайского округа // Русский народный свадебный обряд : материалы и исследования. Л., 1978. С. 180–201.
2. Еремина В.И. Ритуал и фольклор / отв. ред. А.В. Горелов. Л. : Наука, 1991. 206 с.
3. Байбурин А.К. Родинные обряды у славян // Живая старина. 1972. № 2. С. 7–9.
4. Толстой Н.И. Из грамматики славянских обрядов // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской культуре и мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 63–77.
5. Толстой Н.И. Вторичная функция обрядового символа // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской культуре и мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 167–185.
6. Путилов Б.Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // Фольклор. Поэтическая система. СПб., 1977. С. 14–22.
7. Зырянов И.В. Сюжетно-тематический указатель свадебной лирики Прикамья. Пермь : Перм. гос. пед. ин-т, 1975. 183 с.
8. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М. : Высшая школа, 1989. 320 с.
9. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М. : Высшая школа, 1989. 406 с.
10. Листопадов А.М. Песни донских казаков / под ред. Г. Сердюченко. М. : Музгиз, 1953. Т. 5. 360 с.
11. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре : Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993.
12. Сумцов Н.Ф. Символика славянских обрядов : Избранные труды. М. : Восточная литература РАН, 1996. 292 с.
13. Русские. М. : Наука, 1999. 828 с. (Народы и культуры).
14. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора // Фольклор. Поэтическая система. М., 1977. С. 23–41.
15. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избр. статьи / сост., ред., предисл. и примеч. Б.Н. Путилова. М. : Наука, 1976. 325 с.
16. Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина / изд. подг. З.И. Власовой. Л. : Наука, 1983. Т. 1. 342 с.

Natalia A. Ursegova, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: urseg@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 76–84.

DOI: 10.17223/22220836/32/8

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STORY-MOTIVE COMPOSITION OF THE EUROPEAN RUSSIAN AND SIBERIAN VERSIONS OF THE WEDDING SONG “WIDDLE ON THE WATER”

Keywords: comparative analysis; complex methodology; story-motive composition; wedding folklore; mythology.

Actualization of a complex methodology in the analysis of folklore phenomena is one of the most significant fields of the national folklore science. The core idea of this method is a merger of comparative historic, structural typological, semiotic, and ethno linguistic methods. These methods are being actualized through comparative analysis of Siberian and European Russian versions of a wedding song “Widdle on the Water” (further referred as “Widdle”).

In a process of collecting analytic material, more than 50 versions have been found with 25 music records amongst them. Both published and archival materials were considered. The basic content of a wedding song “Widdle” is a depiction of groom's arrival into the bride's house on the wedding day and a ritualistic ownership passage of the bride to the groom. This ritual is a climactic moment of a traditional folk wedding.

This ritual has been later substituted by the church wedding ceremony. Geographic analysis of the song has displayed the fact that the largest number of records has been produced at the North and North-West regions of Russia. Slightly less frequently the records were made in the middle region of the country and in the Volga region. Very few records have been located at the Russian South. On the contrary, in Siberia, especially in the districts traditionally populated by Old Believers, “Widdle” is extremely popular.

The genre attribution of song examples displays a combination of a ritual song functionality (rigid utilization and singularity of a performance) and means of compositional and artistic expression. Analysis of a story-motive composition of “Widdle” texts allows detecting hidden ancient mythological roots: the archaic elements of a male initiation and a ritual transition of a maiden (a bride) into a new social status. This process happens through a symbolic “death”: after “temporary” conditional death follows bride's “rebirth” or “resurrection”. The “Widdle” text exemplifies quintessential wedding imagery that could also be found in other Russian folklore genres such as playful and lyrical songs and folktales.

All aspects of the text content can only be revealed in the context of folk traditions and with consideration of symbolic imagery and rituals of different levels and genres. The analysis of the regional versions of a song compels to assert their specific features:

1. The imagery scope of the European versions is more unified unlike the imagery scope of Siberian songs.
2. The European versions are characterized by intensification of illustration and narration through employment of the verbal augmented elements.
3. An examination of compositional outlines of Siberian and European versions aids to arrive to conclusion that both Siberian and continental versions can be comparable on the level of text completeness.

References

1. Lipinskaya, V.A. & Safyanova, A.V. (1978) Svadebnyye obryady russkogo naseleniya Altayskogo okruga [Russian wedding rites in the Altai territory]. In: Chistova, K.V. & Bernstam, T.A. (eds) *Russkiy narodnyy svadebnyy obryad: Materialy i issledovaniya* [Russian Folk Wedding Rite: Materials and Studies]. Leningrad: Nauka. pp. 180–201.
2. Eremina, V.I. (1991) *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad: Nauka.
3. Bayburin, A.K. (1972) Rodinnye obryady u slavyan [Birth rituals of the Slavs]. *Zhivaya starina*. 2. pp. 7–9.
4. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy kul'ture i mifologii i etnolingvistiki* [Language and folk culture. Essays on Slavic culture, mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. pp. 63–77.

5. Tolstoy, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy kul'ture i mifologii i etnolingvistiki* [Language and folk culture. Essays on Slavic culture, mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik. pp. 167–185.
6. Putilov, B.N. (1977) Sovremennye problemy istoricheskoy poetiki fol'klora v svete istoriko-tipologicheskoy teorii [Modern problems of historical poetics of folklore in the light of the historical-typological theory]. In: Alieva, A.I. (ed.) *Fol'klor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. St. Petersburg: RAS. pp. 14–22.
7. Zyryanov, I.V. (1975) *Syuzhetno-tematicheskiy ukazatel' svadebnoy liriki Prikam'ya* [Thematic index of the Prikamye wedding lyrics]. Perm: Perm State Pedagogical Institute.
8. Kruglov, Yu.G. (1989) *Russkie obryadovye pesni* [Russian ritual songs]. Moscow: Vysshaya shkola.
9. Veselovskiy, A.N. (1989) *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Listopadov, A.M. (1953) *Pesni donskikh kazakov* [Songs of the Don Cossacks]. Vol. 5. Moscow: Muzgiz.
11. Bayburin, A.K. (1993) *Ritual v traditsionnoy kul'ture: Strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavianskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: Structural and semantic analysis of East Slavic rites]. St. Petersburg: Nauka. pp. 7–9.
12. Sumtsov, N.F. (1996) *Simvolika slavyanskikh obryadov. Izbrannyye trudy* [Symbolism of the Slavic rites: Selected Works]. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. & Polishchuk, N.S. (eds) *Russkie* [The Russians]. Moscow: Nauka.
14. Meletinskiy, E.M. (1977) Mif i istoricheskaya poetika fol'klora [Myth and historical poetics of folklore]. In: Balandin, A.V. (ed.) *Fol'klor. Poeticheskaya sistema* [Folklore. Poetic system]. Moscow, 1977. pp. 23–41.
15. Propp, V.Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost'* [Folklore and Reality]. Moscow: Nauka.
16. Yakushkin, P.I. (ed.) (1983) *Sobranie narodnykh pesen P.V. Kireevskogo* [Collection of Folk Songs by P.V. Kireevsky]. Vol. 1. Leningrad: Nauka.

УДК 78.01

DOI: 10.17223/22220836/32/9

С.Г. Фархутдинова

ХУДОЖЕСТВЕННО-МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ОСНОВА СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА: ПОИСК МЕТОДОЛОГИИ

В статье рассматриваются формы выражения сущности музыкального текста. Присущая музыкальному тексту внутренняя динамика и глубинность представлены автором в контексте «логос-мифа» (термин Д. Вико), который по-разному интерпретируется в концептуальных положениях о теории-мифа Э. Кассирера, К. Леви-Стросса, А.Ф. Лосева, К.Г. Юнга. Представляется возможным проанализировать функциональные признаки проявления художественно-мифологической картины музыкального текста, в основе которой заложена логическая цепочка различных по смыслу значений, олицетворяющих ту или иную грань сущности мифа.

Ключевые слова: музыкальный текст, семантика, логос-миф.

Положения музыкальной семантики представляются весьма актуальными в современном искусствознании, поскольку возможности, методология, которыми обладают науки о знаках, позволяют раскрыть идеи и смысл музыкального языка. Следует подчеркнуть, что содержание искусства, имплицитно «свернутое» до музыкального знака, есть художественно-эстетическое выражение в произведении культурно-исторической картины времени его создания и его множественные культурные значения, обогащенные новыми событиями эпохи.

С другой стороны, постижение сущности мифа именно в XXI в., его вне-временное пребывание в музыке оказывается весьма актуальной проблемой. В первую очередь, миф является эстетической категорией, поскольку мифопоэтичность как закономерность порядка выступает материалом искусства, а образование неомифологизмов представляет определенную форму мышления, актуальную для разных эпох.

В настоящей статье в обращении и привлечении концептуальных положений отечественных и европейских авторов создается попытка познать глубинные пласты музыкального текста, его связи с мифом. Научно-художественное обоснование мифа дает возможность познать структуру содержания музыкального текста, его логическую последовательность в пространственно-временных прочтениях логос-мифа в музыке.

Выявить смысл музыкальных текстов в произведениях искусства вызывало интерес отечественных исследователей – Б. Асафьева, В.В. Медушевского, Ф. Лосева и зарубежных философов – Э. Кассирера, К. Леви-Стросса. Нам представляется возможным выразить объективные стороны формообразований музыкального текста, лексико-семантические модели интонационной пластики языка. В этом плане именно искусствоведение позволяет сформировать методологию рассмотрения моделей музыкальных текстов. С другой

стороны, мыслеформы, сложившиеся в эволюции культуры в виде поэтического мифа, художественно проецируются в звучание музыкального текста.

Музыкальный текст – это композиционно оформленная целостность, в которой взаимодействуют различные музыкально-выразительные средства – элементы, образующие форму, в дальнейшем – образ музыкального произведения. Каждый элемент (мелодия, гармония, контрапункт и т.д.) представляет совокупность средств музыкального изложения, в котором доминируют те или иные **стилистические особенности музыкального языка композиции: это могут быть риторические вопросы, восклицания, антитеза и многое другое.**

В ходе развития искусства музыкальная интонация постепенно приобретала свои специфические качества, делающие ее, по выражению Б. Асафьева, «своего рода проводником в сложном лабиринте музыкальных образов». Специфику интонаций можно различить по совокупности понятий и нотных обозначений, связанных с оттенками громкости звучания, динамики, тембра. Каждый последующий музыкальный звук – это система порождений и продолжений звуковых потоков. Другое качество музыкального содержания суть интонационные функции музыкальной речи, выполняющие роль выразительных элементов. По существу, любая выразительная речь образует мелодию слов. На этом в значительной мере строится ораторское искусство, в котором и используется выразительность произношения. В музыкальных интонациях находят выражение нарастания и спады напряжения, образующие своеобразные интонационные «волны».

Кристаллизуясь, музыкальная мысль, по мнению В. Медушевского, образует семантическое поле, которое можно условно отнести к семи типам взаимодействия. К первому типу музыкального взаимодействия он относит импульсивность мелодико-фактурного изложения, которое может иметь как светлую окраску (лад, регистр), так и печальную, унылую (лад, регистр). Ко второму типу семантического взаимодействия В. Медушевский относит скорбные интонации (нисходящие хроматизмы), передающие состояние нарастающего напряжения, томления (обостренные ладовые отношения – скорбь). К третьему типу он причисляет метафорический перенос, который зависит от лексико-семантического варьирования в сторону расширения (полнота фактуры, наполненность пространства звуками, полнота чувств) или, наоборот, в сторону сужения (фактурная дробность, разорванность звукового пространства, дробность чувств). Четвертый тип определяет подавление семантики, замену значения на противоположное: радость – печаль, свет – мрак. Пятый тип – это отсечение полисемии, что проявляется как результат лексико-семантического варьирования, где лексика значений выражается в нескольких вариантах и представляет собой поэтику вербального текста (стихотворного, молитвословного, прозаического). Все выразительные элементы подчинены грамматике строения музыкальной формы, его типу композиции, структуре, стилю, под которыми понимается целостная организация музыкального артефакта (содержания) в совокупности мелодики, гармонии, ритма, фактуры и склада. В свою очередь, разговорные «лексемы» служат для обнаружения как общих (родовых, денотативных), так и дифференциально-различительных (коннотативных) компонентов, основных и периферийных. Шестой тип семантического взаимодействия показывает

междууровневые противоречия, несоответствия, преувеличения: деформация в структуре эмоции. Этот композиционный тип структуры музыкального содержания находится на функционально-процессуальном уровне художественной идеи и художественного образа. Седьмой тип представлен в параллельном взаимодействии лексически между собой похожих по значению понятий, но различных по своей окрашенности и стилистике выражения (синонимия): скорбные интонации, усиление, функциональные тяготения, устремленность [1. С. 28].

Таким образом, исходя из концептуальной теории В. Медушевского и представленной им типологии «алгебры семантических взаимодействий», можно утверждать, что лексико-синтаксическая модель формообразований в построении музыкально-интонационной мысли представляет собой поэтику высказываний в форме «логос-мифа», которую еще в XVIII в. Джамбаттиста Вико описал в своих трактатах. Упомянем здесь, что философ создал «вечную идеальную историю», в которой логос на начальном этапе движения «исторической формы» является мифом. Логос-миф, накапливая опыт, становится первоосновой абстрагирования. Миф в представленных трансцендентных категориях в контексте мифопоэтики формирует различные константы, в которых логос-миф трансформируется в логос-константу логики [2. С. 128].

Уникальная теория об интонационной природе музыки отечественного учёного В.В. Медушевского говорит о важнейших ориентирах в отношении жанра музыкальной поэтики – эпическом, драматическом, лирическом. Музыкальная поэтика – выразительный смысловой источник, подобный различным типам высказывания, повествования, диалогичности, поясняет логику мысли, закреплённую в главных признаках стиля и жанра. Информационная сущность музыкальной поэтики становится близкой к мифологической модели, которая раскрывается в своеобразно осмысляемых новых структурах или, говоря словами Б. Асафьева, различных «состояниях тонового напряжения». В свою очередь, «тоновое напряжение» взаимосвязано с типом высказывания – это повествование или диалог, вопрос или ответ. Всё зависит от конкретного чувства или эмоции, которые необходимо «произнести» музыкальными средствами, такими как звуковысотность, громкость, тембр, артикуляция, динамика.

Модель анализа языка в концепции К. Леви-Стросса чрезвычайно плодотворна, представляя собой логическую последовательность метафор, взятую из основ французской лексики: *voie* («путь») и *voix* («голос»), в которых омофония пары слов возникла в силу особенностей законов фонетики, передающих двусмысленность. Согласно положениям Леви-Стросса, двусмысленность заключается в том, что в смысловое значение слова «путь» исследователь вкладывает историко-культурную судьбу масок в рамках их передачи от одной общности к другой и судьбу представляемого ими сообщения – отклика на их «голос», с неизбежностью разложимый на компоненты, трансформируемый и всякий раз по-иному воссоздаваемый [3. С. 56].

Следуя логике Леви-Стросса, можно утверждать, что музыка трансформирует и поэтику речи, поскольку базируется на функциональной системе мелодической структуры ритма, в свою очередь, ритм – исходный природный континуум. В основе слова «ритм» – греческий корень (*rhein*), что в переводе

обозначает «течь». Значение мелодической структуры ритма в произведении искусства велико, оно полностью зависит от синтаксиса музыкального языка, его динамики и строения, которое передаёт содержание и характер музыки. Он может быть как повелительным, так и покорным, как величавым, так и робким, как мрачным, так и жизнерадостным, как скорбным, так и ласковым, как ораторским, так и убеждающим, как стихийным, так и упругим, полетным. Отдельно взятая структура мелодии – распев лирической поэзии – представляет собой поэтику чувств, эмоций, волевых устремлений, в связи с этим образовавшаяся ритмопластика языка обогащается за счет добавочных значений.

Например, динамика развития музыкальной драматургии представляет взволнованное, динамичное (иррациональное) состояние души, которое воплотится в философских устремлениях немецкого композитора XIX в. Р. Вагнера. Значимым жанром вагнеровской драмы станет легенда, в которой главный ее персонаж – драматическая личность – представляет образ-символ, в котором воплощены национальный дух и мощь определенной философской системы.

В поисках единства и границ мифа и музыки мы находим логическую последовательность в развитии драматургии, а также в теоретических выводах по исследованиям о музыке: это «континуально-дискретное», по К. Леви-Строссу, означает непрерывное, заполняющее всё пространство субстанцией архаических природно-неорганизованных звуковых потоков, связанных с высотностной дискретно-разделённой шкалой любых алгоритмов тона определенного порядка. В этом смысле музыкальное пространство преодолевает метаморфозы мифомышления, когда бесконечность приравняется к неупорядоченности и онтологически отрицательна. Напротив, синтаксически оформленная интонационная пластика языка представляет собой скрытое сравнение или перенос значения (метафору), являясь результатом художественного вмешательства, направленного на **освобождение от периферийных смысловых нюансов в пользу немногочисленных основных** смыслов континуума. В музыке «древний хаос» оживает, он требует порядка и пробуждения энергии мифа. В этом смысле идея единства музыки и мифа, как содержание мифа, так и музыки для К. Леви-Стросса представляется в виде целостной системы, в которой созвучны образы и Серебряного века, и дионисийской стихии, надличной силы мифа или неомифологизма XX в. Этот архаический континуум касается глубинного, абстрактного аспекта общности мифа и музыки [4. С. 114].

Сущность мифа, её художественно-эстетическая категория есть способ воплощения конкретного аффекта. В теории и диалектике рассуждений А.Ф. Лосева о мифе находим прямой ответ сочетания в нём синтеза двух характерных черт как поэтической, так и реально-вещественной действительности. От первой, считает мыслитель, миф берет всё наиболее фантастическое, выдуманное, нереальное. От второй – все наиболее жизненное, конкретное, осязаемое, реальное, всю осуществленность и напряженность бытия, всю стихийную фактичность и телесность, всю его неметафизичность. Фантастика, небывалость и необычайность событий даны как нечто простое, наглядное, непосредственное и даже наивное [5. С. 62]. Например, обращение композиторов-романтиков к фантастическим образам связано с желанием

уйти в мир грёз, в сферу чистого вымысла, чистой фантазии. Фантастическая тема – это **гофманианство; идейно-образный мир – это гофмановские тени: всё проносится, словно дуновение, – связаны не только с фигурой Гофмана, но и с фигурой композитора Р. Шумана.**

Теснейшую связь музыки с мифом обосновывает и К. Леви-Стросс: миф изначально «музыкален», считает мыслитель, музыка же мифологична, поскольку усвоила структурные нормы мифа (контраст, повтор, ритм, цикличность и др.); возможно, именно поэтому в музыке часто проявляются мифологические сюжеты и глубинные мифологические модели.

Музыкальный текст, накопивший огромный опыт воплощения звуковой природы, расположен в различных архетипах подсознания, эмоциональных состояний, и, трансформируясь, образует константу логики, которая может творчески претворять музыку в тысяче нюансов. Но нет смысла рассуждать о музыке без понятийного круга дефиниций логоса, соответствующих определенному музыкальному языку стилей, эпох, композиторских школ. Они оживут и наполнятся смыслом в случае «вживания» в текст (по В. Дильтею), в котором прочитываются все архетипические явления смыслообразующей константы. Архетипы, как подчеркивает К. Юнг, оживают только тогда, когда они что-то значат для человека и открывают ему это значение [6. С. 76–78]. Рефлексия музыкально-интонационного логоса осуществляется в процессе дробности мельчайших смысловых частиц, обретая форму медитативной интонации – до образа размышления, в отношении жанровой семантики авторского высказывания – монологичности, исповедальности тона – до симфонических концепций Человека Познающего (В. Медушевский).

Применяя приведенные выше методологические положения отечественных и европейских исследователей, приведем некоторые примеры того, **какие исторические судьбы трансформируются и воссоздаются, возрождаются и варьируются художниками-композиторами.**

Воплощением символа смерти стала мелодия средневековой секвенции «Dies irae». Её использование позволяло композиторам высказать своё отношение к «вечной» теме в искусстве – теме жизни и смерти, что и стало основным содержанием произведений Ф. Листа, К. Сен-Санса, Н.Я. Мясковского, М.П. Мусоргского, также как и «мотив судьбы» Л.В. Бетховена – прометеевское начало, творческая энергия, высокое утверждение человеческого самосознания. В некоторых случаях композиторы, повествуя о личном, используют «чужие» темы-цитаты, во многом определяющие тайный смысл. В некоторых случаях преломление интонационных моделей XIX в. обозначает гротескно-эксцентрический облик, родившийся в стилевой переплавке у Д. Шостаковича, впитавший в себя интонационно-фактурные формулы Й. Гайдна, К.М. Вебера, Л.В. Бетховена.

Возрождение античных традиций и образов подтверждает эпоха классицизма, она обращается к античным образам и их образцам мышления, последующее развитие получает и лирическая трагедия, образовавшаяся в оперном искусстве. Так, с помощью мифологических сюжетов и образов композиторы итальянской оперы стремятся создать средствами музыкального театра некий символический образ фантастического мира, возвышающийся над повседневной действительностью. Сложившийся строгий стиль, классический синтаксис становится явлением исторически локальным, который ориентируется

на сохранение порядка и гармонии. Этот сложный сплав классически оформленных веками традиций нашел отражение в стилистической технике письма И. Стравинского. Композитор один из первых обращается к формам мышления, жанрам, типичным для стиля барокко, отчасти раннего классицизма и позднего Возрождения. Напротив, композиторы-романтики открыли миру огромное количество романтических драм, опер, в которых именно средневековый стиль становится доминирующим.

Таким образом, в настоящей статье были рассмотрены функциональные признаки художественно-мифологической картины музыкального текста, представлена характеристика логических значений, олицетворяющих ту или иную грань сущности мифа в прочтении многогранности семантического пространства музыкального текста.

Литература

1. Медушевский В.В. К проблеме семантического синтаксиса // Советская музыка. 1973. № 8. С. 20–29.
2. Сини С. Языки и знаки в философии Джамбаттиста Вико // Метафизические исследования. Вып. 12: Язык. СПб.: Алетейя, 1999. 339 с.
3. Леви-Стросс К. Путь масок / пер. с фр. А.Б. Островского. М.: Республика, 2000. 399 с.
4. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
5. Лосев А.Ф. Миф, число, сущность / под ред. А.А. Тахо-Годи, И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
6. Юнг К.Г. К вопросу о познании // Человек и его символы. М.: Серебряные нити, 2006. 352 с.
7. Лезьер В.А., Фархутдинова С.Г. Мифопоэтика космоса и человека как встреча мифа и искусства в культуре XX века. СПб.: ИНФО-ДА, 2017. 172 с.

Svetlana G. Farkhutdinova, Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, Russian Federation).

E-mail: sve10.71@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 85–91.

DOI: 10.17223/22220836/32/9

ARTISTIC AND MYTHOLOGICAL ESSENCE OF A MUSICAL TEXT AS THE BASIS FOR THE SEMANTIC ANALYSIS OF WORKS OF ART: SEARCH METHODOLOGY

Keywords: musical text; musical sound; semantics; logos-myth.

The article deals with the artistic and mythological essence of a musical text as a basis for semantic analysis of art works. Reading of the musical text as well as understanding of its hidden meanings are embedded in the expressive sound space structures, organized into the artistic and mythological concept of the composition. In the research, the author refers to the basic concepts of the myth theory by such scientists as E. Cassirer, K. Levi-Strauss, A.F. Losev, C.G. Jung, as well as the ideas of V.V. Medushevsky and I. Kant. In the works of the above scientists and philosophers, different forms of understanding the essence of a musical text are revealed. The musical piece may consist of a variety of forms as “algebra of semantic interactions” (V.V. Medushevsky). Thus, it possible to determine the artistic and mythological logic of the content of a musical composition. The internal dynamics and depth of a musical piece are viewed in the context of the of “logos-myth” (D. Vico) concept, which is differently interpreted in the conceptual provisions about the theory-myth of E. Cassirer, C. Levi-Strauss, A.F. Losev and C.G. Jung. It is possible to consider the functional signs of the artistic and mythological picture of a musical text, which is based on a logical chain of various meanings, which personify a particular side of the myth essence.

References

1. Medushevskiy, V.V. (1973) K voprosu semanticheskogo sintaksisa [On semantic syntax]. *Sovetskaya muzyka*. 8. pp. 20–29.

2. Sini, S. (1999) Yazyki i znaki v filosofii Dzhambattista Viko [. Languages and signs in the Giambattista Vico's Philosophy]. In: Kiryushchenko, V.V. & Malinov, A.V. (eds) *Metafizicheskie issledovaniya. Vyp.12. Yazyk* [Metaphysical Studies. Issue 12. Language]. St. Petersburg: Aletyya.
3. Levi-Strauss, K. (2000) *Put' masok* [The Way of the Masks]. Translated from French by A.B. Ostrovsky. Moscow: Respublika.
4. Saussure, F.de (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress.
5. Losev, A.F. (1994) *Mif, chislo, sushchnost'* [Myth, Number, Essence]. Moscow: Mysl'.
6. Jung, K.G. et al. (2006) *Chelovek i yego simvol'y* [Man and His Symbols]. Translated from German by I. Sirenko, S. Sirenko, N. Sirenko. Moscow: Serebryanye niti.
7. Lezier, V.A. & Farhutdinova, S.G. (2017) *Mifopoetika kosmosa i cheloveka kak vstrecha mifa i iskusstva v kul'ture XX veka* [Mythopoetics of the Cosmos and Human as a Meeting of Myth and Art in the Culture of the 20th century]. St. Petersburg: INFO-DA.

УДК 378.147:371.124:78
DOI: 10.17223/22220836/32/10

Е.Л. Языков, Н.И. Кашина

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБЩЕНИЯ У ДИРИЖЕРОВ-ХОРМЕЙСТЕРОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В ВУЗЕ

В статье рассматривается содержание феномена «художественное общение» в гуманитарных науках. Авторы раскрывают значимость художественного общения в профессиональной подготовке будущих дирижеров-хормейстеров, выявляют его роль в художественной коммуникации на разных этапах работы дирижера-хормейстера над хоровым произведением: во время предварительной работы с партитурой, репетиционного процесса и концертного исполнения. Также авторами выявляются пути развития навыков художественного общения у дирижеров-хормейстеров в процессе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: художественное общение, хормейстерская подготовка, дирижер-хормейстер.

Одним из значимых аспектов работы дирижера-хормейстера является его взаимодействие с хоровым коллективом (исполнителями). Это связано со спецификой содержания работы дирижера-хормейстера, определяющейся рядом коммуникативных связей, осуществляющихся до, во время и после исполнения хорового произведения: дирижер – хоровое произведение; дирижер – хоровой коллектив; дирижер – певец хора / хоровой коллектив; дирижер – реципиенты (слушатели).

Профессиональная деятельность дирижера-хормейстера является одним из видов художественной коммуникации, предполагающей творческое общение с музыкой и с участниками хорового коллектива. Как показывает анализ исследований ведущих педагогов-дирижеров (Г.Л. Ержемский, С.А. Казачков, Н.А. Малько, И.А. Мусин, К.А. Ольхов и др.), успех данного вида музыкально-исполнительской деятельности зависит от наличия у дирижера-хормейстера навыков управления и его коммуникативной оснащенности. В связи с этим на первый план профессиональной подготовки дирижера-хормейстера в вузе выдвигается задача по формированию его коммуникативной компетентности как важной составной части целостной профессиональной компетентности.

Будущие дирижеры-хормейстеры должны обладать сформированными навыками художественного общения и уметь осуществлять эмоционально-интеллектуальное взаимодействие с исполнителями (учащимися) по овладению ими специфическими умениями и навыками, необходимыми для самостоятельного ведения диалога с произведениями музыкального искусства: умениями и навыками восприятия содержания музыкального произведения (видение, понимание и осмысление средств музыкальной выразительности, используемых композитором, определение доминирующей в музыкальном произведении гаммы чувств), адекватного восприятия авторской позиции (понимание и осмысление типологической целостности музыкального произ-

ведения – стиля, творческой манеры композитора, его мировосприятия и мироощущения), выражения своего отношения с учетом личного опыта в различной форме – вербализованных оценочных суждениях, мимике, жестах и т.д.

В процессе вокально-хоровой работы наряду с вербальной коммуникацией используется и невербальное общение, значение которого очень велико, поскольку оно позволяет не только понимать исполнителям дирижерские жесты, без которых невозможно руководить исполнением хоровой музыки, но и передавать в пластике свое образное восприятие музыки – «пластическое интонирование», трактуемое исследователями как эмоционально-моторный компонент восприятия музыки (Т.Е. Вендрова), любое движение человеческого тела, вызванного музыкой и выражающее ее образ (Т.П. Королева), эмоциональный и целостный интонационный анализ музыки в простых и естественных движениях (В. Коэн). В процессе музыкально-исполнительской деятельности вербальные и невербальные каналы информационной связи не изолированы друг от друга в своем применении и могут чередоваться или взаимодействовать. Они выступают в диалектическом единстве, выполняя регулятивные функции по передаче музыкально-художественной информации, невербальной по своей природе [1].

При выражении своего отношения к музыкальному произведению реципиентом используются мимика и жесты. Здесь задействованы: кинесика (проявления мимики, пантомимики, жестов, взглядов), экстралингвистика (речевые паузы, смех и т.д.), паралингвистика (громкость, тембр, ритм, высота звука), проксемика (характер межличностного пространства и расположения людей при общении).

Жесты и микрожесты как явления движения составляют динамическую часть коммуникативной системы. Жесты и мимика являются наиболее значимыми и постоянно используемыми в процессе музыкального воспитания невербальными средствами общения и созвучны музыке как временному искусству [2].

Конечный результат вокально-хоровой работы, заключающийся в ярком и убедительном исполнении музыкального произведения, зависит от характера творческого взаимодействия дирижера с участниками хора, уровня владения им механизмами художественной коммуникации.

Хоровое пение – это форма коллективного творчества, которая предполагает у его участников наличие ансамбля, согласованного совместного музыкального действия. Оно объединяет поющих в единый коллектив, в процессе совместных усилий создающий единый музыкальный образ, передаваемый слушателям. Оно обладает большим потенциалом в формировании не только духовного мира каждого ребенка (что описано в ряде исследований [3]), но и его эмоционально-коммуникативной сферы, умений коммуникативной деятельности.

Если общение с произведениями живописи, архитектуры, скульптуры, имеющими статическую форму своего воплощения, возможно и без посредника, т.е. напрямую, то общение с произведениями искусства, имеющими синтетическую природу, такими как музыка, театр, танец, кино, предполагает посредника – исполнителя или исполнительский коллектив. И здесь далеко не последнюю роль играет трактовка и подача им произведения искусства, от чего и зависит уровень художественного общения между исполнителем и

реципиентом, степень нравственного и воспитательного воздействия их исполнения на личность [4].

В связи с этим в данной статье будут даны ответы на вопросы: что представляет собой художественное общение, какую роль оно играет в профессиональной подготовке дирижеров-хормейстеров, каковы пути развития у них навыков художественного общения.

Наряду со множеством важнейших функций (познавательная, просветительская, гедонистическая, эстетическая, мировоззренческая и др.), искусство выполняет в обществе и коммуникативную функцию [5]. Оно является средством общения между людьми, позволяющим установить духовную и эмоциональную связь между ними [6].

Живопись, музыка, архитектура, поэзия – величайшие образцы общения через искусство разных поколений, культур и эпох. Важной отличительной чертой такого общения является наличие проводника, коим выступает художественный образ – особый тип партнера, нереальный, воображаемый или, по определению М.С. Кагана [7], иллюзорный (живой или неживой объект нашего внимания, с которым реципиент вступает в беседу, субъективирует, одухотворяет его). Между художником и зрителем, слушателем образуется мысленный диалог.

Особым типом воображаемого партнера для реципиентов является автор того или иного произведения искусства. Создавая свое творение, художник ищет сопереживания, духовного взаимодействия с реципиентом, направляет его мысль, обогащает мировоззрение. Включаясь в процесс созерцания и осмысления произведения искусства, реципиент, вопреки пространственной и временной дистанции, вступает в общение с автором, переживает вместе с ним жизнь его творения.

В современной научной литературе художественное общение интерпретируется как процесс взаимосвязи и взаимодействия автора художественного произведения и зрителя (Ю.Б. Боров); деятельность особого рода, выполняющая ряд воспитательных и социокультурных функций (М.С. Каган); деятельность особого рода по осуществлению эмоционально-интеллектуальной связи художника и зрителя через опосредующее звено – художественное произведение, несущее в себе жизненный и художественный опыт автора, информацию о его художественной концепции мира и личности, которая осваивается зрителем через «диалог» (Т.А. Бреусова).

В рамках данной научной статьи художественное общение интерпретируется как эстетизированная форма общения субъектов, основанная на достижении духовного единства и понимания партнеров. Оно предполагает контакт субъектов взаимодействия посредством различных форм искусства и творческой деятельности. Так, общение с произведением искусства есть процесс, предполагающий не только понимание реципиентом идеи произведения искусства, его художественного образа, но и сотворчество. Художественный образ незавершен и неисчерпаем, порой противоречив и парадоксален и воспринимается каждым реципиентом индивидуально [8].

Активность художественного восприятия состоит, *во-первых*, в том, что оно завершает работу, начатую художником, и по программе, закодированной в художественном тексте, реконструирует созданные художником образы. *Во-вторых*, данная активность выражается в завязывании общения с эти-

ми образами, что придает художественному общению диалогический характер. Реципиент ведет диалог с образами героев произведения искусства, а через них – с их создателями.

Выделяют два типа художественного общения: *внутренний диалог* – диалог со вторым «Я», с композитором, художником или героем произведения искусства, с произведением искусства в целом, его смысловым содержанием, в процессе которого человек представляет себя на месте автора или героя произведения, сопереживает, сочувствует ему, стремится следовать образцам его поведения, идентифицирует себя с героем [9]; *внешний диалог* – диалог об искусстве и по поводу искусства с реальными собеседниками, в процессе которого у человека формируется понимание ценности каждой личности, ее мыслей, суждений, способность обмениваться информацией с собеседником, с уважением относиться к мнениям и позициям окружающих людей, стремление к взаимопониманию с ними [10].

Рассматривая структуру художественного общения, необходимо отметить наличие трех основных аспектов: *содержания, цели и средства*.

Содержание художественного общения имеет эстетически-нравственный характер и несет в себе информацию об эмоциональных состояниях героев произведения искусства, о самом художнике-творце, о мире, исторических событиях и т.д. Эту информацию мы можем получить только благодаря личностному субъективному пониманию образности произведения, имеющему индивидуальные характеристики.

Целью художественного общения является потребность в творческом выражении субъекта, его нравственном развитии, в аккумулировании эстетических и культурных ценностей (по мнению современных ученых, «на освоение человеком ценностного содержания произведений музыкального искусства влияет внутренний, внутриличностный уровень музыкального общения» [11. С. 51]), в воплощении своего воображения, потребности эстетического моделирования действительности и духовного возвышения.

Средствами художественного общения могут стать любые действия, способные передать необходимую информацию как при помощи вербальных, так и невербальных средств общения (*языка живописи, мимики, жестов, поз, музыкальной интонации* и пр.).

Художественное общение является одним из базовых компонентов профессиональной подготовки дирижера-хормейстера. Его работа над музыкальным произведением состоит из трех основных этапов.

На *первом этапе* осуществляется предварительная работа с партитурой, где постигается замысел композитора, художественный образ произведения и его собственное исполнительское понимание.

На *втором этапе* осуществляется репетиционный процесс, где реализуется творческий замысел и оттачивается техническая составляющая. Дирижер, помимо сугубо музыкальных аспектов исполнительства, учитывает ряд моментов психологического и педагогического порядка, без которых коммуникативный акт коллективного исполнительства состояться не сможет. Основой творческого общения дирижера с хором является творческий контакт. Он возникает лишь в тех случаях, когда все участники процесса взаимодействия погружены в единую интеллектуально-художественную деятельность, осуществляемую в одном творческом направлении, что предопределяет единство

их эмоциональных состояний и переживаний. Для достижения этого дирижер-хормейстер должен обладать определенными коммуникативными способностями и навыками. Репетиционная техника дирижера предполагает умение воздействовать на исполнителей при помощи дирижерского жеста, путем устных пояснений, показа голосом мелодической и образной интонации и т.д. [12].

Руководитель исполнительского коллектива должен владеть техникой дирижирования, представляющей собой сплав мануальной техники, языка мимики и пантомимики, служащий для того, чтобы передавать определенное содержание. Мануальная техника дирижирования – это художественная техника коммуникативного порядка, явление социально-психологическое. Но, при всей специфичности художественного языка дирижирования его корни – в единой общечеловеческой системе общения. Особенность коммуникативного языка выразительных движений состоит в том, что большинство сигналов передаются и воспринимаются быстрее, чем человек способен их осознать [13]. Дирижирование – это система ауфтактов, т.е. система предвосхищения реального звучания музыкального произведения, с его образной сферой, темпом, штрихами, динамикой и другими составляющими его музыкальными компонентами. Хормейстеру очень важно овладеть этой системой, не ограниченной только показами долей в такте, а вбирающей весь коммуникативный комплекс этого процесса, включающий взгляд дирижера, мимику, пантомимику, экспрессию и другие факторы, необходимые для творческой интерпретации исполняемого произведения.

Важную роль в процессе репетиции играет слово. Человеческая речь является важнейшим средством получения информации. Педагог-хормейстер с ее помощью организует репетиционный процесс, объясняет певцам свои художественные намерения, эмоционально заражает их своим творческим видением исполняемой музыки. По мнению В.Л. Живова [14], в результате руководитель хора использует все три известные коммуникативные стороны речи: информационную (передача знаний), выразительную (передача чувства и отношение коммуникатора к предмету сообщения), волеизлиятельную (подчинение действия реципиента замыслу коммуникатора).

На *третьем этапе работы* дирижера над музыкальным произведением (концертное исполнение) в единовременном живом звучании оценивается эффективность и целесообразность всех творческих усилий дирижера и всего исполнительского коллектива, ведь слушателей привлекает не только творение самого композитора, но и его интерпретация, творческое переосмысление.

Главная отличительная особенность концертного исполнения состоит в изменении воздействия дирижера на исполнительский коллектив. В отличие от репетиционного процесса, где дирижер может воздействовать на исполнителей как дирижерским жестом, так и словом, любым образно-выразительным жестом, вокальным показом или игрой на инструменте, на концерте единственным средством общения является дирижирование.

Передача художественной и эмоциональной информации, корректирующей, регулирующей, стимулирующей коллективное взаимодействие в процессе пения, осуществляется с помощью выразительного взгляда, подвижной мимики, пантомимики; использования выразительных возможностей го-

лоса, речи (темпа, динамики речи, разнообразных интонаций, диапазона, тональности высказываний, вкрапления пауз и т.п.); передачи настроений, переживаний с помощью экстралингвистических средств (восклицаний и т.д.); направленностью на партнеров по музыкальной деятельности и проявлению эмоционального отклика на их действия через активное использование жестов, поз.

Профессия дирижера-хормейстера сложна и многогранна. В отличие от исполнителей-инструменталистов, дирижер не имеет под рукой готового инструмента. Этот «инструмент» он должен создать и нужным образом настроить. Настройка же хорового коллектива заключается не только в усвоении певцами вокальных навыков и овладении интонационными трудностями того или иного музыкального произведения, но и в психологической подготовке каждого исполнителя, умении затронуть нужные струны в его душе. И только через вдохновение, нужный образный настрой, включающий в себя представление об эпохе и стиле исполняемой музыки, о мыслях, чувствах, душевных порывах личности композитора, будет создано истинно прекрасное полотно, позволяющее говорить о высоком искусстве. Художественное общение «позволяет студентам открывать для себя новые возможные смыслы в музыкальном искусстве, посредством выработки собственного музыкального языка, передачи внутренних чувств, эмоциональных состояний» [15. С. 14].

Какие приемы и методы можно использовать для развития навыков художественного общения у будущих дирижеров-хормейстеров в процессе их профессиональной подготовки?

1. После первоначального прослушивания нового вокального произведения составить вопросы и дать ответы, точно передающие основные мысли, настроение, характер музыкального произведения, особенности его исполнительского воплощения.

2. При работе над «ролевыми» хоровыми произведениями передавать интонациями голоса характер, настроение персонажей.

3. При выполнении упражнений (например, развивающих голосовых игр) с помощью интонации, мимики, жестов отобразить интонации вопросов-ответов, шум ветра, движение машины и т.д.

4. В ходе работы над двухголосным вокальным произведением внимание акцентировать на развитии умений вести диалог (речевой, певческий).

Таким образом, художественное общение играет огромную роль в профессиональной работе дирижера-хормейстера. Он должен обладать умениями быстро входить в творческий контакт с певцами хора, что позволяет в короткий срок добиться высоких художественных результатов. Он должен иметь сформированные коммуникативные качества и четко осознавать роль художественного общения в работе с хором.

Литература

1. Тагильцева Н.Г. Художественное общение в формировании коммуникативных навыков младших школьников // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2016. № 1. С. 17–20.
2. Ахьямова И.А. Формирование навыков невербального общения у старших дошкольников в процессе музыкального воспитания: дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2002. 140 с.

3. Кашина Н.И. Музыка в патриотическом воспитании подрастающего поколения казаков: история вопроса // Педагогика искусства. 2011. № 4. С. 90–98.
4. Языков Е.Л. Художественное общение как один из базовых компонентов хормейстерской подготовки учителя музыки // Дирижерско-хоровая подготовка студентов-бакалавров профиля «Музыкальное образование» в педагогическом вузе : сб. науч. трудов / гл. ред. К.П. Матвеева. Екатеринбург, 2017. С. 85–95.
5. Холопова В.Н. Музыка как вид искусства : учеб. пособие. СПб. : Лань, 2000. 320 с.
6. Кашина Н.И. Музыка в системе воспитания и образования казачества Урала и Оренбуржья: история и современность. Екатеринбург, 2011. 138 с.
7. Коган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М. : Политиздат, 1998. 315 с.
8. Языков Е.Л., Кашина Н.И. Роль художественного общения в процессе хормейстерской подготовки учителя музыки // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016. № 4. С. 40–44.
9. Кашина Н.И., Тагильцева Н.Г. Психологические предпосылки освоения личностью традиционных культурных и художественных ценностей // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 70–73.
10. Бреусова Т.А. Художественное общение как средство формирования духовной культуры младшего школьника на уроках изобразительного искусства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2009. 23 с.
11. Кашина Н.И. Проблема освоения детьми и молодежью традиционных культурных и художественных ценностей // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 50–52.
12. Мусин И. О воспитании дирижера. Л. : Музыка, 1987. 247 с.
13. Смирнов Б.Ф. Дирижерско-симфоническое искусство: музыкально-эстетические и социально-психологические аспекты. СПб. : Композитор, 2003. 295 с.
14. Живов В.Л. Теория хорового исполнительства. М. : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. 287 с.
15. Кашина Н.И., Павлов Д.Н. Проблема развития творческой самореализации студентов колледжа культуры и искусств в процессе музыкально-композиционной деятельности // Инновационные проекты и программы в образовании. 2016. № 3. С. 11–15.

Yevgeniy L. Yazykov, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: yazykov.e@mail.ru, koranata@mail.ru.

Natalya I. Kashina, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: koranata@mail.ru.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 92–100.

DOI: 10.17223/22220836/32/10

DEVELOPMENT OF SKILLS OF ART COMMUNICATION IN CONDUCTORS-CHORUS MASTERS IN THE COURSE OF VOCATIONAL TRAINING IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

Keywords: art communication; hormeystersky preparation; conductor-chorus master.

One of significant aspects of work of the conductor-chorus master is his interaction with choral collective. It is connected with specifics of work of the conductor-chorus master who is defined by a number of the communicative communications which are carried out in time and after execution of the choral work: the conductor – the choral work; the conductor – choral collective; the conductor – the singer of chorus / choral collective; the conductor – recipients (listeners).

Future conductors-chorus masters have to have the created skills of art communication, be able to carry out emotional and intellectual interaction with pupils on mastering by them the skills necessary for independent conducting dialogue with works of musical art. These are skills of perception of contents of the piece of music, expression of the attitude towards him in various form – the verbalized estimated judgments, a mimicry, gestures.

The end result of vocal and choral work consisting in bright and convincing performance of the piece of music by chorus depends on the nature of creative interaction of the conductor with participants of chorus, level of proficiency in him in mechanisms of art communication.

Within this scientific article art communication is interpreted as the aestheticized form of communication of subjects based on achievement of spiritual unity and understanding of partners. It assumes contact of subjects of interaction by means of various forms of art and creative activity. So,

communication with the work of art is the process assuming not only understanding by the recipient of the idea of the work of art, his artistic image, but also coauthorship. The artistic image is incomplete and inexhaustible and is perceived by each recipient individually.

In article the author discloses the importance of art communication in vocational training of future conductors-chorus masters, his role in art communication at different stages of work of the conductor on the choral work comes to light: during preliminary work with the score, rehearsal process and concert execution.

Also the author reveals ways of development of skills of art communication in future conductors-chorus masters in the course of their vocational training.

So, after initial listening of the new vocal work it is possible to offer students: to make questions and to give the answers which are precisely transferring the main ideas, mood, character of the piece of music, feature of his performing embodiment; during the work on "role" choral works to transfer by intonations of a voice character, mood of characters; when performing exercises (for example, the developing voice games) by means of intonation, a mimicry, gestures to display intonations of questions-answers, wind noise, the movement the car, etc.; during work on the two-part vocal work to focus attention on development of abilities to conduct dialogue (speech, singing).

References

1. Tagiltseva, N.G. (2016) Khudozhestvennoe obschenie v formirovaniі kommunikativnykh navykov mladshikh shkol'nikov [Art communication for communicative skills formation in younger schoolchildren]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment*. 1. pp. 17–20.
2. Akhyamova, I.A. (2002) *Formirovaniye navykov neverbal'nogo obscheniya u starshikh doshkol'nikov v protsesse muzykal'nogo vospitaniya* [Formation of non-verbal communication skills in senior preschoolers in the process of musical education]. Pedagogy Cand. Diss. Ekaterinburg.
3. Kashina, N.I. (2011) Muzyka v patrioticheskom vospitanii podrastayushchego pokoleniya kazakov: istoriya voprosa [Music in the patriotic education of the younger generation of the Cossacks: The history of the issue]. *Pedagogika iskusstva – Pedagogy of Art*. 4. pp. 90–98.
4. Yazykov, E.L. (2017) Khudozhestvennoye obscheniye kak odin iz bazovykh komponentov khormeysterskoy podgotovki uchitelya muzyki [Art communication as one of the basic components of the choirmaster music teacher training]. In: Matveeva, K.P. *Dirizhersko-khorovaya podgotovka studentov-bakalavrov profilya "Muzykal'noe obrazovanie" v pedagogicheskom vuze* [Conducting and choral training of bachelor students of the profile "Music Education" in a pedagogical university]. Ekaterinburg: [s.n.]. pp. 85–95.
5. Kholopova, V.N. (2000) *Muzyka kak vid iskusstva* [Music as an Art Form]. St. Petersburg: Lan'.
6. Kashina, N.I. (2011) *Muzyka v sisteme vospitaniya i obrazovaniya kazachestva Urala i Orenburzh'ya: istoriya i sovremennost'* [Music in the system of upbringing and education of the Cossacks of the Urals and the Orenburg: History and modernity]. Ekaterinburg: Urals State University.
7. Kagan, M.S. (1998) *Mir obshcheniya: problema mezhsob"ektnykh otnosheniy* [The World of Communication: The Problem of Intersubjective Relations]. Moscow: Politizdat.
8. Yazykov, E.L. & Kashina, N.I. (2016) Rol' khudozhestvennogo obscheniya v protsesse khormeysterskoy podgotovki uchitelya muzyki [The role of artistic communication in the process of choir master preparation of a music teacher]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii*. 4. pp. 40–44.
9. Kashina, N.I. & Tagiltseva, N.G. (2014) Psychological prerequisites of development of traditional cultural and art values in children and youth. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 5(48). pp. 70–73. (In Russian).
10. Breusova, T.A. (2009) *Khudozhestvennoe obschenie kak sredstvo formirovaniya dukhovnoy kul'tury mladshego shkol'nika na urokakh izobrazitel'nogo iskusstva* [Art communication as a means of shaping the spiritual culture of the younger schoolchild in fine art lessons]. Abstract of Pedagogy Cand. Diss. Ekaterinburg.
11. Kashina, N.I. (2014) Problem of understanding traditional cultural and art values by children and youth. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education*. 5(48). pp. 50–52. (In Russian).
12. Musin, I. (1987) *O vospitanii dirizhera* [On the education of the conductor]. Leningrad: Muzyka.

13. Smirnov, B.F. (2003) *Dirizhersko-simfonicheskoe iskusstvo: muzykal'no-esteticheskie i sotsial'no-psikhologicheskie aspekty* [Conducting and symphonic art: Musical-aesthetic and social-psychological aspects]. St. Petersburg: Kompozitor.

14. Zhivov, V.L. (1998) *Teoriya khorovogo ispolnitel'stva* [Theory of Choral Performance]. Moscow: Moscow State Technological University.

15. Kashina, N.I. & Pavlov, D.N. (2016) Problemy razvitiya tvorcheskoy samorealizatsii studentov kolledzha kul'tury i iskusstv v protsesse muzykal'no-kompozitsionnoy deyatel'nosti [The problem of development of creative self-realization in students of the College of Culture and Arts in the process of musical compositional activity]. *Innovatsionnye proyekty i programmy v obrazovanii*. 3. pp. 11–15.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 281.93:069.01

DOI: 10.17223/22220836/32/11

Л.С. Алексеева, А.В. Горбатов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕРКОВНЫХ МУЗЕЕВ СИБИРИ ПО СОХРАНЕНИЮ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В данной статье рассмотрены особенности функционирования церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия и закономерности реализации идеи «живого музея» в их коммуникативной деятельности. Выделены основные направления деятельности церковных музеев: экспозиционная, богослужебная, научно-фондовая, исследовательская, миссионерско-просветительская и взаимодействие со светскими социальными институтами. Авторами статьи установлено, что основные тенденции деятельности сибирских церковных музеев отвечают базовым позициям концепции «живого музея» П.А. Флоренского.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, «живой музей», церковный музей, Сибирь.

На современном этапе в мировой музейной практике происходит поиск и выработка новых методик, связанных с модернизацией («оживлением») непосредственно музеев и их экспозиций. Так, в материалах комитета музеологии ИКОМ в Мюнхене (2000 г.) и конференции ИКОМ в Барселоне (2001 г.) была закреплена новая форма музея – «живой музей».

В научной литературе выделяются две различные интерпретации термина «живой музей», которые отражают различия его прочтения в понимании в России и за рубежом. В отечественной музеологии под «живым музеем» понимается средовой музей или учреждение музейного типа, хранящие объекты материального и нематериального культурного наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде, в условиях сохранения и постоянной актуализации их изначальных функций.

В зарубежной интерпретации – это «полезный» музей, который оказывает позитивное воздействие на связанные с ним сообщества через организацию досуга и просвещение местного населения на основе изучения его актуальных нужд и потребностей [1. С. 51]. Близкая по смысловому значению дефиниция «живой музей» была представлена научному сообществу ещё в 1917 г. специалистом музейного дела из США Д.К. Дана [2]. Идея о «полезном музее» легла в основу концепции «общинного музея» и «интегрированного музея», экомузеев и музеев под открытым небом. Также она стала ядром для «новой» или «живой» музеологии, идеологами и популяризаторами которой являются французские специалисты Ж.А. Ривьер и Ю. де Варин Боан.

В России мысли об «оживлении» памятников были озвучены ещё в конце XIX – начале XX в. Н.Ф. Фёдоровым и Н.К. Рерихом [3. С. 10; 4]. Размышления русских мыслителей предвосхищали идеи о «живом музее» Павла

Флоренского. Антирелигиозная вероисповедная политика советского государства привела священника Павла к осознанию того, что необходимо найти способы, которые на данном историческом этапе могут способствовать сохранению или даже консервации церковной жизни в её полном объёме. В какой-то мере идеальным вариантом могло быть создание «живого музея» в Троице-Сергиевой лавре. Предполагалось под названием «музей» во всей полноте сохранить монашескую жизнь святой обители с её историко-культурным наследием. В своей идее богослов П. Флоренский, помимо размышлений о единении многообразных видов искусств, входящих в состав храмового действа и их воздействия на чувства человека (органы чувств, чувство положения в пространстве (вестибулярный аппарат) и осязание), рассматривал Троице-Сергиеву лавру как своеобразную научную лабораторию и предлагал создать в ней ряд научных и учебных учреждений. По мысли учёного, лавра должна была стать образцовым памятником, где происходит синтез церковно-обрядовой жизни, учебных и научных учреждений, причём при последнем практическая деятельность сотрудников должна идти «рука об руку с теоретическим пришлифовыванием сотрудников одного дела» [5. С. 58]. По идеологическим причинам реализация такого проекта в 20-х гг. XX в. не могла быть осуществлена.

В настоящее время идеи П.А. Флоренского обретают новую актуальность и, на наш взгляд, могут найти применение в деятельности церковных музеев Сибири. Особо отметим, что сотрудники музеев не ставят чёткой цели встраивания музейной деятельности в рамки концепции о «живом музее». Выявить особенности функционирования церковных музеев Сибири по сохранению историко-культурного наследия и закономерности реализации идеи «живого музея» в их коммуникативной деятельности является целью данной статьи.

В последнее десятилетие как на территории Сибири, так и в России в целом отмечается интенсификация возрождения музейного дела как важнейшего направления социокультурной деятельности православной церкви. В нашем исследовании будет рассмотрена деятельность девяти крупных церковных музеев, действующих при сибирских епархиях и духовных учебных заведениях. Музеи функционируют в Алтайской (г. Барнаул), Бийской, Новосибирской, Томской, Кемеровской, Новокузнецкой, Енисейской (г. Лесосибирск), Тобольской и Якутской (г. Якутск) епархиях. Из них епархиальных – 4 (Бийск, Кемерово, Лесосибирск, Новосибирск), учебных – 5 (Барнаул, Тобольск, Томск, Новокузнецк, Якутск).

Многие церковные музеи находятся в поиске методов успешного использования музейного пространства, в которых экспозиционные материалы помимо исторической и культурной несут и литургическую память. В силу специфики в экспозициях церковных музеев представлена особая интерактивная форма: прежде всего, это связано с тем, что предметы, представленные в экспозиции, являются освящёнными и перед ними совершаются богослужения с осуществлением всей сакрально-обрядовой сущности.

Внешняя атрибуция «живого музея» предполагает взаимодействие специфичной сакральной атмосферы с искусствами, входящими в состав храмового действа. К храмовому действу Павел Флоренский относит архитектуру, иконопись, «искусство огня» горящих свечей и лампад, «искусство дыма» фимиама, «искусство запаха» церковных благовоний, «искусство одежды»,

искусство своеобразной церковной хореографии, проступающей в богослужебных движениях священно- и церковнослужителей. К этой же группе действий учёный относит поэзию, искусство древнего распевного церковного чтения, вокальное искусство, также секреты приготовления известных всему миру троицких просфор и ритуал прикосновения к иконам и различным священным вещам. Вершиной всех «церковных искусств» священник Павел Флоренский предлагает усмотреть «духовное делание» – пребывание человека в молитвенном состоянии [6].

В современных церковных музеях актуализация нематериального наследия отмечается через возможность «духовного делания» – совершения соборной (общественной) или частной молитвы. Открытие музея или выставки сопровождается молебным пением, в котором участвуют носители православной культуры (священно- и церковнослужители), с использованием музейных предметов. В кемеровском епархиальном музее, например, в период с 2011 по 2015 г. в памятные дни, перед иконами двенадцатых праздников или святых, которые представлены на выставке «Православная икона XVI – начала XX в.», проводились молебные богослужения, в которых, помимо прочего, задействовались музейные предметы (Напрестольное Евангелие конца XVIII в. и каца (ручное кадило) конца XIX в.). Практика использования музейных предметов в богослужении существует и в новосибирском епархиальном музее. На престольный праздник в храм св. праведного Иоанна Кронштадтского с. Пашино Новосибирской области из экспозиции передаётся облачение святого для его участия в богослужебных действиях.

В сибирских церковных музеях особая атмосфера складывается благодаря расположению на территории храмовых (Барнаул, Томск, Кемерово, Лесосибирск, Новокузнецк, Якутск), монастырских (Тобольск) комплексов и в архиерейских резиденциях (Бийск, Новосибирск), являясь, таким образом, логическим продолжением храмового пространства.

Одним из примеров использования идеи «живого музея» является применение музеями средового подхода, предполагающего музеефикацию уникальной культурной территории с её материальным и нематериальным наследием. В Музее истории Алтайской духовной миссии сотрудниками разрабатывается и реализуется проект, направленный на музеефикацию элементов движимого и недвижимого материального наследия, в том числе территории Бийского архиерейского подворья, в котором с 1880 до 1920 г. располагалась резиденция бийских епископов-начальников Алтайской духовной миссии. В настоящее время в резиденции располагается сам музей.

При построении экспозиции используется моделирование храмового пространства, а в некоторых случаях – транслокация. Ярким образцом использования в экспозиции свежённых построек является московский Музей русской иконы. Также удачным примером моделирования или аллюзии храма является выставка «Православные иконы XVI – начала XX века» в Музее истории православия на земле кузнецкой (Кемерово), где сочетаются современное выставочное оборудование и коллекция древнерусской живописи. Благодаря предусмотренному экспозиционерами зонированию выставки, посетитель попадает в условное храмовое пространство. Здесь учитываются особенности устройства православного храма: ориентация на стороны света, которая используется при храмостроительстве; традиции размещения икон

и т.д. Очевидно, что во время экскурсии посетители, вне зависимости от религиозной принадлежности, приобщаются к историко-художественным ценностям и тем самым глубже знакомятся с устройством храма.

Поскольку сибирские церковные музеи в отличие от подобных музеев центральной части России обладают более скромным комплексом музейных коллекций, то происходит активное наполнение иных форм коммуникативной деятельности, способствующих актуализации религиозного историко-культурного наследия региона. Данная деятельность отмечается нами в таких направлениях, как научно-фондовая работа, научно-исследовательская работа, взаимодействие со светскими структурами, просветительская (миссионерская) деятельность.

Важнейшим направлением работы церковного музея следует назвать **научно-фондовую работу**, состоящую из комплектования, учёта, хранения и изучения музейных предметов и коллекций. Исследование фондового состава сибирских церковных музеев позволяет нам говорить о довольно типичном наборе наименований в его составе. Систематизация фондов имеет как типовую (Барнаул, Кемерово), так и тематическую (по видам предметов) (Бийск) квалификационную систему.

Комплектование музеев, подведомственных Русской православной церкви, в основном происходит за счёт приёма предметов в дар, закупок, экспедиционной деятельности и др. В роли дарителей выступают как миряне, так и духовенство, также коллекционные поступления совершаются из храмовых ризниц и библиотек, коллекции современной живописи пополняются путем дарения произведений от авторов (Кемерово, Лесосибирск). Для качественного решения экспозиций в процессе комплектования фондов экспонаты для музеев приобретаются в антикварных магазинах, у коллекционеров и предприятий-изготовителей (Барнаул, Бийск, Кемерово).

Немалую роль в сборе материалов при формировании фондовых коллекций играет и экспедиционная деятельность. Музей истории Алтайской духовной миссии обновил свои фонды за счёт проведения экспедиций «Бийск – Кош-Агач» и «Бийск – Коргон – Усть-Кан» (2008 г.). В музейную коллекцию вошли фотодокументы и предметы, связанные с миссионерским просвещением на Алтае [6]. Экспедиционная деятельность на юге Кузбасса (2014–2015 гг.) сотрудников Музея истории православия на земле кузнецкой способствовала расширению фондовой коллекции за счёт его пополнения предметами старообрядческих беспоповских согласий, в том числе принадлежавших известной отшельнице Агафье Лыковой [7].

Наряду с комплектованием, учётом, сохранением и экспонированием памятников немаловажным направлением работы церковного музея является работа по сохранению и изучению духовного наследия, которая определяет основные направления **научно-исследовательской деятельности**. Музеи становятся базой исследовательских проектов. К примеру, на основе коллекций Музея истории православия на Алтае его заведующей Н.П. Железниковой в 2004 г. была защищена кандидатская диссертация по специальности «искусствоведение» [8]. На базе памятника «Бийское архиерейское подворье» и материалов Музея истории Алтайской духовной миссии в 2015 г. состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук директора бийского церковного музея П.С. Коваленко [9], в

том же 2015 г. образовательная деятельность церковных музеев юга Западной Сибири была представлена Е.А. Поляковой на защите диссертационного исследования на соискание степени доктора исторических наук [10]. Фондовый и экспозиционный составы, а также деятельность кемеровского музея являются постоянным предметом исследования его сотрудников [11, 12]. Результаты исследований сотрудников алтайского, бийского и кемеровского музеев регулярно публикуются в научных изданиях, в том числе рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (ВАК).

Современная ситуация ставит музеи перед необходимостью все активнее присоединяться к решению социально-культурных проблем своих регионов. Включаясь в образовательную, просветительскую, миссионерскую деятельность митрополий и епархий, церковные музеи существенно расширяют сферу своих контактов, интегрируя опыт прошлого и современные формы коммуникации с населением. Можно выделить различные способы **взаимодействия со светскими социальными институтами**. Организуются и проводятся научные конференции и форумы, в которых принимают участие духовенство, сотрудники музеев, краеведы, учащиеся школ, студенты, педагоги светских и духовных образовательных учреждений и т.д. На подобных мероприятиях поднимаются вопросы преподавания религиоведческих дисциплин, музейной педагогики, искусства, деятельности церковных музеев, ведутся дискуссии об изучаемых музейных артефактах и т.д.

Музейное пространство церковного музея становится базой проведения лекций и семинаров для студентов среднеспециальных и высших образовательных учреждений. На музейных встречах студенты знакомятся с историей Древней Руси, традиционными русскими праздниками и иконографией, а также основами организации музейных выставок и экспозиций.

Сотрудничество музеев с образовательными учреждениями помогает студентам приобрести практические навыки. Так, например, по итогам совместной исследовательской деятельности работников бийского музея со студентами выпускаются буклеты, раскрывающие историю храмов, исторических зданий и улиц г. Бийска. В кемеровском музее существует возможность копирования иконографических образцов древнерусского письма студентами Кемеровского областного художественного колледжа.

Базой археологической, музейной и архивной практики студентов светских образовательных учреждений традиционно выступают Музей истории православия на Алтае, Музей истории Алтайской духовной миссии и Музей истории православия на земле кузнецкой. В церковных музеях Барнаула, Томска, Новокузнецка и Якутска проходит пастырская практика студентов духовных семинарий: в процессе проведения экскурсий будущий священнослужитель закрепляет свои знания в области истории, археологии и искусствоведения, а также учится произносить проповеди. Отметим, что практика проведения экскурсий студентами духовных семинарий и академий существует во многих церковных музеях Русской православной церкви, действующих при духовных учебных заведениях. В Музее церковного искусства Сибири студенты иконописного направления, действующего в Тобольской духовной семинарии, выполняя копирование икон, получают навыки иконописания.

Важным элементом работы церковных музеев является **просветительская деятельность**, которая включает отчасти и миссионерскую составля-

ющую. Данный вектор активно наполняется через использование всевозможных выходов на широкую публику посредством телевизионных передач, выставочных проектов различных уровней и пр.

Показателен, на наш взгляд, опыт Музея истории православия на земле кузнецкой, в котором проводятся мероприятия, способствующие сплочению различных видов церковных и светских искусств (музыка, поэзия, живопись) на единой музейной площадке. Так, в рамках деятельности музыкально-литературной гостиной в епархиальном музее в период с 2012 по 2015 г. состоялся ряд встреч со священником-бардом протоиереем А. Государкиным, фольклорно-этнографическим детским ансамблем «Забава» пгт. Зеленогорский (рук. И.И. Воробьева), детским хором (регент Ж.В. Чеботарёва) и квартетом клироса «Терцет» (рук. А.В. Загородникова) Знаменского кафедрального собора г. Кемерово, членами Союза писателей Кузбасса (Б.В. Бурмистров, В.С. Ерёменко, С.Л. Донбай).

Первым в своём роде в Сибири в послереволюционный период стал Великопостный концерт, который исполнялся в кемеровском епархиальном музее на протяжении 2012–2014 гг. По замыслу заведующей музеем Л.С. Алексеевой, каждое из прозвучавших произведений получало свою интерпретацию. Таким образом, слушатели концерта смогли не только приобщиться к произведениям Великого поста, но ознакомиться и понять смысл каждого из них.

Сближению светского и религиозного искусства также способствуют выставочные проекты художественных произведений. К примеру, в кемеровском епархиальном музее в период с 2012 по 2015 г. проводились временные выставки (куратор Л.В. Оленич), которые знакомили посетителей с произведениями религиозной тематики светских художников Кемеровской области (А. Дрозд, Т. Абрамова, И. Акимова, И. Филичев, Н. Перкова, Г. Писаревская, А. Макеев, А. Зайцев).

Проведение музейных праздников в Музее истории православия на земле кузнецкой является еще одной составляющей просветительской деятельности. В дни двенадцатых праздников проводятся представления, знакомящие посетителей с историей важнейших после Пасхи праздников в православии. Существенное содействие в проведении таких мероприятий музеем оказывают студенты Кемеровского государственного института культуры.

Миссионерской деятельности музеев способствует работа гостиных, лекториев, мастер-классов и пр., в рамках деятельности которых слушатели (как воцерковлённые, так и новоначальные) познают азы православия, знакомятся с богослужебным уставом, особенностями церковно-славянского языка, произведениями современных религиозных писателей (Кемерово, Лесосибирск).

Деятельность церковных музеев Барнаула, Бийска, Кемерово и Томска активно встраивается в деятельность региональных туристических и паломнических служб, сотрудники музеев являются организаторами авторских экскурсионно-паломнических поездок, целью которых является просвещение общества через знакомство с историей посещаемого города, его храмами и святынями.

Подводя итог, можно констатировать, что исследованная нами деятельность церковных музеев Сибири отвечает не только основным целям Русской православной церкви, направленным на сохранение и актуализацию матери-

ального (движимого и недвижимого) и нематериального наследия православной культуры, но и встраивается в рамки идеи П.А. Флоренского о «живом музее». Когда на современном этапе наблюдаются устойчивые и конструктивные отношения между государством и Русской православной церковью, считаем, уже нет насущной необходимости прямого практического использования данной концепции. Однако предложения П.А. Флоренского присутствуют в деятельности современных музеев, которая наряду с использованием средового подхода, экспозиционно-выставочной практики предполагает и другие формы коммуникативной деятельности: богослужебную, фондовую, научно-исследовательскую, учебную, взаимодействие с общественностью, просветительскую и миссионерскую. Через данные направления деятельности, которые предполагают синтез церковно-обрядовой и светской жизни, музеи способствуют не только поверхностному знакомству общества с основами православия, но и содействуют более глубокому погружению в литургическую жизнь самой Церкви. Этим и подтверждается, что идея «живого музея» не утрачивает своей актуальности в современном музейном мире.

Литература

1. *Словарь* актуальных музейных терминов / авт.-сост. М.Е. Каулен, А.А. Сундиева, И.В. Чувилова и др. // Музей. Москва, 2009. № 5. С. 51.
2. Dana J.C. The new museum. Woodstock, 1917. 52 p.
3. Рерих Н.К. Берегите старину. М. : Международный центр Рерихов, 1993. 72 с.
4. Фёдоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение: собр. соч.: в 4 т. М., 1995. Т. 2. С. 391.
5. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Маковец М., 1922. № 1. С. 28.
6. *Официальный сайт Музея истории Алтайской духовной миссии* [Электронный ресурс]. URL: [http://www.bigpi.biysk.ru/museum/viewpage.php?page_id=2/сайт_музея_истории_Алтайской_духовной_миссии_\(дата_обращения:_14.05.2016\)](http://www.bigpi.biysk.ru/museum/viewpage.php?page_id=2/сайт_музея_истории_Алтайской_духовной_миссии_(дата_обращения:_14.05.2016)).
7. *Отчёт* сотрудников музея Алексеевой Л.С. и Оленич Л.В. о командировке в Таштагольское благочиние // Музей истории православия на земле кузнецкой. 2014. 8 с.
8. Железникова Н.П. Православные традиции в региональном художественном наследии : дис. ... канд. искусствоведения. Барнаул, 2004. 170 с.
9. Коваленко П.С. Музеефикация памятников культурного наследия Русской православной церкви (по материалам города Бийска): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2015. 672 с.
10. Полякова Е.А. История светских и церковных педагогических музеев Западной Сибири как образовательная форма культуры (вторая половина XIX – начало XXI века) : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2015. 613 с.
11. Оленич Л.В. «Страшный суд» в западноевропейской живописи // «Страшный суд». Путеводитель по иконе. М., 2013. С. 24–32.
12. Челомбитко М.А. Культовый предмет в фондах Музея истории православия на земле кузнецкой. Кемерово, 2015. 98 с.

Larisa S. Alekseeva, Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: alekslora@mail.ru

Aleksei V. Gorbatorov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: gorb1965@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 101–108.

DOI: 10.17223/22220836/32/11

ACTIVITY OF CHURCH MUSEUMS OF SIBERIA FOR CONSERVATION OF HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

Keywords: historical and cultural heritage; “living museum”; Church museum; Siberia.

At present, the global museum activities are concentrated on searching and developing new techniques related to renovation (“revival”) of the museums and their exhibitions. One of the conceptual examples of “living museum” was Trinity-St. Sergius Lavra, presented and justified by Pavel Floren-

sky. Due to ideology dominating in 1920s, this conception was not embodied but the basic principles of the “live museum” have survived until the beginning of the 21st century.

Intensifying development of the churches’ museums network raises an acute issue of museumification and actualization of the items preserved by the Church – these items could be housed by the traditional exhibitions, but, what is more relevant, we might apply here the ideas of the “living museum”. There are nine major church museums on the territory of Siberia, at diocesan administrations and religious educational institutions. We should note that the museum workers do not set the goal of implementing these ideas into their work but we can observe the basic concepts of the “living museum” being embodied into their practice.

Due to being located at archbishop's residences and the territory of the temple and monastery complexes, the church museums are the logical continuation of the temple space, where the “spiritual doings” can take place, i.e. conciliar or private prayer. Thus, applying environment approach by the Museum of the Altai religious mission history enhances the actualization of the material and non-material heritage. Kemerovo diocesan museum demonstrates the experience of using the temple space imitation or allusions within the museum. This approach helps a visitor to be thoroughly acquainted with the structure of the church and the Orthodox iconography.

Siberian church museums also actively practice various forms of museum and communicative activity, among them funding, research, educational, interacting with the public, liturgical and missionary. When not only museum workers, but students and scientists, too, take part in studying museum items, they are actively involved into scientific and cultural rotation. The educational activity of the Siberian church museums, e.g. organizing exhibition projects on the museum site and at secular institutions, music and literature lounges, lectures, museum festivals, workshops, etc., is also missionary oriented.

Thus, the main kinds of activity observed in the work of Siberian church museums, allow suggesting a synthesis of church, ritual and secular life. Museums contribute not only to a superficial acquaintance of the public with the basics of Orthodoxy, but encourage people to immerse in the liturgical life of the Church itself, which, in turn, meets the basic concepts of the “living museum”.

References

1. Kaulen, M.E., Sundieva, A.A., Chuvilova, I.V. et al. (2009) Slovar' aktual'nykh muzeynykh terminov [The Dictionary of Current Museum Terms]. *Muzej*. 5. p. 1
2. Dana, J.C. (1917) *The New Museum*. Woodstock: Elm Tree Press.
3. Roerich, N.K. (1993) *Beregite starinu* [Save the Old Days]. Moscow: Mezhdunarodnyy Tsentr Rerikhov.
4. Fedorov, N.F. (1995) *Muzej, ego smysl i naznachenie* [Museum, its meaning and purpose]. Vol. 2. Moscow: [s.n.].
5. Florensky, P.A. (1922) *Khramovoe deystvo kak sintez iskusstv* [Temple Action as a Synthesis of the Arts]. *Makovets*. 1. p. 28.
6. The Museum of History of the Altai Spiritual Mission. (n.d.) Official Website. [Online] Available from: http://www.bigpi.biysk.ru/museum/viewpage.php?page_id=2. (Accessed: 14th May 2016).
7. Alekseeva, L.S. & Olenich, L.V. (2014) *Otchet sotrudnikov muzeya o komandirovke v Tashtagol'skoe blagochinie* [The report of the museum staff Alekseeva L.S. and Olenich L.V. about a business trip to Tashtagol Deanery]. [s.l., s.n.].
8. Zheleznikova, N.P. (2004). *Pravoslavnye traditsii v regional'nom khudozhestvennom nasledii*. [Orthodox traditions in the regional artistic heritage]. Art Studies Cand. Diss. Barnaul.
9. Kovalenko, P.S. (2015) *Muzeifikatsiya pamyatnikov kul'turnogo naslediya Russkoy Pravoslavnoy tserkvi (po materialam goroda Biyska)* [Museification of cultural heritage monuments of the Russian Orthodox Church (a case study of Biysk)]. Art Studies Cand. Diss. Barnaul.
10. Polyakova, E.A. (2015) *Istoriya svetskikh i tserkovnykh pedagogicheskikh muzeev Zapadnoy Sibiri kak obrazovatel'naya forma kul'tury (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI veka)* [The history of secular and ecclesiastical pedagogical museums of Western Siberia as an educational form of culture (the second half of the 19th – early 21st centuries)]. History Dr. Diss. Tomsk.
11. Olenich, L.V. (2013) “*Strashnyy sud*” v zapadnoevropeyskoy zhivopisi [“The Last Judgment” in Western European Painting]. In: Tikhomorova, E. (ed.) “*Strashnyy sud*”. *Putevoditel' po ikone* [“Last Judgment”. A Guide to the Icon]. Moscow: pp. 24–32
12. Chelombitko, M.A. (2015) *Kul'tovyy predmet v fondakh Muzeya istorii Pravoslaviya na zemle Kuznetskoy*. [A cultic object in the funds of the Museum of the Orthodoxy History in Kuznetsk]. Kemerovo: [s.n.].

УДК 398.343

DOI: 10.17223/22220836/32/12

А.Г. Воропаева

УКРАИНСКОЕ СЕЛО В СИБИРИ: ДИНАМИКА СТРОИТЕЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ

В статье характеризуются и анализируются история и нынешнее состояние усадебного комплекса украинских переселенцев рубежа XIX–XX вв. на территории современной Томской области. Материалом для исследования послужили полевые материалы применительно к с. Новорождественскому и д. Большой Татош – единственным населённым пунктам компактного проживания украинцев, сохранившимся в регионе, а также данные архивов и существующие описания в литературе. Приводится характеристика строительной технологии в первые десятилетия XX в., типа связи и интерьера. Прослеживается динамика строительных традиций. Характеризуются сохранившиеся постройки пореформенных переселенцев.

Ключевые слова: Сибирь, пореформенные переселенцы, украинцы, жилище, усадебный комплекс, надворные постройки, трансформация жилища.

В настоящее время в Томской области происходит стремительное исчезновение аутентичной застройки населённых пунктов, где селились переселенцы из западных губерний Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Основными факторами этого процесса служат обветшание построек и как следствие перестройка их хозяевами по-новому, а также необратимое разрушение заброшенных усадеб, число которых неуклонно растёт. В этой связи становится актуальной фиксация плана усадьбы, строительного материала, состава и расположения надворных построек и жилого дома, а также интерьера последнего. В статье речь идёт о двух детально обследованных населённых пунктах Томской области – д. Большой Татош и с. Новорождественском, история которых неразрывно связана с украинскими пореформенными переселенцами. Вплоть до настоящего времени именно эти населённые пункты являются единственными сохранившимися местами компактного проживания малороссов. Кроме того, благодаря респондентам из числа местных жителей достоверно известно о сохранившихся домах, которые были построены украинцами-первопоселенцами.

Наряду с другими компонентами материальной культуры, исследователи, занимающиеся украинскими переселенцами на территории Сибири, рассматривали и жилище. Так, о планировке украинского села, устройстве жилых и хозяйственных построек и интерьере применительно ко всей Сибири упоминается в работе Д.Г. Коровушкина [1], к Томской области – у Л.А. Кутиловой [2], О.М. Рындиной [3] и Т.А. Гончаровой [4]. В коллективной монографии Н.С. Грибановой, И.В.Черновой, Н.В. Люля и А.С. Свидовской в отдельной главе, посвященной жилищу, обобщены данные, почерпнутые из архивов, и полевые материалы, собранные главным образом в Новосибирской, Омской областях и Алтайском крае [5. С. 135–178].

Настоящее исследование охватывает территорию Томской области, оно проводилось на основе методики, наработанной в отечественной этнографии

и хорошо представленной в коллективной монографии «Этнография восточных славян» [6]. В главе, посвящённой жилищу, последовательно рассматриваются такие критерии, как место расположения села, планировка усадьбы, которая включает жилище, хозяйственные постройки и связь, ими образуемую, а также интерьер жилого дома, положение печи. Источниками для характеристики истории и современного состояния жилищных комплексов украинцев и их потомков на указанной территории служат полевые материалы этнографов Томской области и полевые материалы автора, а также материалы архивов Молчановского района и Государственного архива Томской области.

Прежде чем выявить динамику украинских традиций в сфере жилища на территории Томской области, вкратце охарактеризуем их применительно к материнской культуре. С давних времён поселения восточных славян располагались вблизи водоёмов – рек, озёр, которые обеспечивали жителей пресной водой, а также позволяли осуществлять иные виды хозяйственной деятельности [7. С. 160]. Наиболее распространённым видом жилищ восточных славян, в том числе украинцев, являются трёхкамерные дома, состоящие из жилого помещения, сеней и чулана или ещё одной жилой комнаты [8. С. 300]. Можно выделить два типа конструкции традиционного украинского жилища: каркасную и срубную. Однако в связи с истреблением лесов и дороговизной лесоматериалов соотношение срубного и каркасного жилищ на рубеже XIX–XX вв. меняется в пользу каркасного. Срубное жилище становится символом достатка и роскоши [Там же. С. 173]. По внутреннему обустройству украинский дом относился к западнорусскому, или украинско-белорусскому типу планировки: печь находилась в большинстве случаев в северо-западном (правом или левом от входа) углу, по диагонали к красному углу (покуть) [7. С. 184], где висели иконы и стоял обеденный стол. Пол в украинском доме всегда был глиняным, даже у зажиточных крестьян дощатый пол встречался крайне редко.

Как и многие явления в материальной культуре восточных славян, устройство жилища имеет общие корни и схожие черты у русских, белорусов и украинцев. Однако в силу различий в климатических условиях, этническом окружении формировались и специфические черты. Так, из существующих подробных описаний в литературе можно выделить, что к особенностям украинского жилища относятся бытование срубной и каркасной техник строительства, побелка по срубу или глиняной обмазке, открытый двор со свободной застройкой хозяйственных строений.

Охарактеризовав общие черты украинского жилища, перейдём к рассмотрению его локальной специфики, очерченной границами Томской области. Село Новорождественское, административный центр Новорождественского сельского поселения, расположено на р. Китат. В настоящее время в селе несколько улиц – Советская, она же центральная, улицы Коммунистическая, Молодёжная, Октябрьская, Первомайская, Петровская, а также переулки Аптечный и Юбилейный. Улицы пролегают относительно друг друга под прямым углом.

Вкратце история села такова. В 1893 г. был образован Коровинский переселенческий участок, а на его месте уже образовано село [9. Л. 22]. В 1,5 км от села находилась заимка, где жила семья Коровиных, фамилия которых и

дала название переселенческому участку. В «Списке населённых мест Сибирского края» за 1929 г., где в отличие от предыдущих «Списков» 1897 и 1911 гг. стали указываться даты основания сёл и деревень, отмечено, что с. Рождественское Ишимской волости Томского уезда существует с 1886 г. [10. С. 48]. Первой возникла улица вдоль реки, впоследствии названная Советской, и уже к 1930-м гг. сложилось её разделение на центральную часть, называемую Голодриябовкой, и окраинную, именуемую Сахалином. Сельчане название концов объясняют следующим образом. Согласно преданию, кто-то коптил сало в печной трубе, из которой вылетел кусочек загоревшегося жира. Загорелся дом. Поскольку погода стояла ветреная, в одночасье сгорела вся улица. Жители высказывали, кто в чём был, «голые», практически без одежды. «Голым» погорельцам вся округа на первое время собирала вещи [11]. На Сахалине же, согласно устной истории, селились приезжие с Дальнего Востока.

Датой основания д. Большой Татош принято считать 1907 г. [12. Л. 4], однако в «Списке населённых мест Сибирского края» за 1929 г. датой основания пос. Большой Татошинский на р. Большой Татош указан 1898 г. [10. С. 120]. Существуют разночтения и по поводу названия: в документах за 1901 г. значится пос. Татошский [10. Л. 2], за 1902, 1905 гг. – пос. Большой Татош [Там же. Л. 13, 27, 32 об.], за 1905 г. – участок Большой-Тотош [Там же. Л. 5], за 1907 г. – пос. Тотошский [Там же. Л. 41, 42]. Первым и долгое время преобладающим населением здесь были переселенцы, главным образом украинцы [10. С. 120]. В настоящее время в д. Большой Татош существуют две улицы. Одна из них идёт на юг, продолжая новый мост через р. Татош. Именно на этой улице были построены первые дома украинцев. Некогда оживлённая и плотно населённая деревня сейчас поражает тишиной: всего в нескольких домах всё ещё живут хозяева, остальные постройки заброшены, о существовании некоторых могут поведать лишь знающие люди.

Оба населённых пункта расположены в особенно живописных местах: Новорождественское простирается в глухой тайге с преобладанием хвойных деревьев, Большой Татош окружён открытым холмистым пространством, а на горизонте виднеется вечнозелёная тайга. В обоих случаях в округе в широком доступе для строительства имеются древесина хвойных пород, а также водоём.

Радикальная смена места проживания с привычного на новое, ранее необжитое, принудило переселенцев к освоению края и в первую очередь к строительству жилья. Для расчистки земель и дальнейшего их использования под пашни новым сибирякам пришлось выкорчёвывать лес. Первые заимки были построены новорождественцами на берегу р. Китат, однако из-за весеннего половодья жилища пришлось перенести на противоположный берег реки, где и по сей день расположено село [9. Л. 23]. Из всего массива сведений об основании села выделяется единственное, согласно которому первоначально украинцы строили землянки и полуземлянки [3]. Однако это утверждение может быть подвергнуто сомнению, так как противоречит остальным, и может представлять собой экстраполяцию на локальный уровень общей картины освоения Сибири пореформенными переселенцами. Как бы то ни было, самым ранним основательным жилищем стал дом из необожжённого кирпича, покрытый соломенной крышей [2. С. 141; 4. С. 43; 11], что вполне

объяснимо сложившейся традицией строительства в местах исхода переселенцев. Кирпичи для строительства получали следующим образом: в деревянные решётки клали глину, смешанную с навозом, просушивали, а затем укладывали в стены. Снаружи дом обмазывали глиной. Кроме того, единожды прозвучала информация о том, что первые дома «ставили на камни», что также является отголоском древней украинской традиции. Параллельно с жилищем из сырцового кирпича бытовало турлучное жилище: каркас дома оплетали прутьями, а затем обмазывали глиной, крышу при этом также крыли соломой [11]. В зимнее время стены дома утепляли: для этого вдоль стен забивали колья и в получившееся пространство укладывали солому.

Следующим этапом в эволюции жилища у украинцев-переселенцев с Новорождественского стало появление деревянного жилища, что более соответствует климату и местной традиции строительства. Повсеместно начали возводиться срубные дома, чаще пятистенки, у более зажиточных – крестовики. Однако по-прежнему сохранялся южнорусский тип кровли – соломённые крыши и традиционная побелка стен. Чаще всего дома рубили «в лапу». Для строительства использовали лес хвойных пород – пихту, лиственницу, ель, иногда использовали осину. Одна из информаторов указала, что дом деда, построенный из лиственницы, так и называли – «лиственянка». Такие жилые постройки, состоявшие из типичного для сибирских условий бревенчатого сруба и характерной южнорусской соломённой кровли, сохранялись в с. Новорождественском до конца 1920-х гг. [3. С. 362], а в границах Томской области – вплоть до 1950-х гг. [4. С. 44]. Прослеживаются изменения во внешней отделке стен жилища: при строительстве из сырцового кирпича и у турлучных домов стены обмазывали глиной и белили, эта традиция сохранялась некоторое время и при использовании дерева в качестве строительного материала. Затем внешняя отделка стен перестала практиковаться, о чём свидетельствуют сохранившиеся с середины XX в. постройки. Впоследствии дома стали отделывать досками и покрывать краской.

В настоящее время в с. Новорождественском сохранилось несколько домов, построенных украинскими переселенцами. Один из таких домов, отражающий общие традиции строительства в селе, расположен на главной, Советской, улице, в нём сейчас проживает Валентина Журба. Информанты обозначили его как «дом Гапона» по имени хозяина, построившего дом [15]. Срубный пятистенник с четырёхскатной крышей не был обит снаружи и сохранил свой первоначальный облик постройки из оцилиндрованного бруса. Окна обрамлены наличниками с накладной резьбой, значительно более простой, нежели у стоящих рядом домов. Стена-переруб делит фасад на две неравные части, слева расположены три окна, справа – два. Вровень с фасадной частью дома пролегает забор с калиткой и воротами и оканчивается деревянным срубным строением.

Схожие процессы по освоению пореформенными переселенцами из Украины новых территорий происходили на р. Большой Татош, где основывался пос. Большой Татошский. Место для строительства было выбрано удачно: высокий берег реки никогда не затапливало во время весеннего половодья. Приезжие корчевали лес, чтобы расчистить землю под пашни, строили жилища – сначала землянки, «засыпушки» [4. С. 188], а затем стали возводить основательные дома: кто-то сразу срубные, а кто-то, следуя давней

традиции, из самодельного необожжённого кирпича. Такой кирпич назывался «вальки». Дом, построенный из него, белили известью изнутри и снаружи [16], печные трубы возводили из обожжённого кирпича, а крыши крыли досками. Очевидно, дома из сырцового кирпича вскоре перестали строить, так как сведений о них сохранилось мало.

Усадьба Журба Валентины, с. Новорождественское, 2018 г.

В современной д. Большой Татош, где также сохранилось несколько аутентичных домов переселенцев, наиболее показательной является усадьба, которая была построена в первой половине XX в. переселенцами из Украины – семьёй Евстафия Ивановича Ильчука. Интересен тот факт, что в середине XX в. дом был перенесён на другое место, при этом своё положение в доме изменила лишь печь [Там же]. Дом представляет собой квадратный в плане сруб из оцилиндрованного бруса, построенный «в лапу». На фасад выходят четыре окна, украшенные наличниками со ставнями. Крыша четырёхскатная. В настоящее время фасад строения обшит листами фанеры, выкрашенными краской. К срубам приделаны пристройки с западной и северной сторон. Одна служит сенями, вход в которые оформлен в виде крыльца с навесом, вторая превращена в небольшую жилую комнату. Кроме того, в доме устроен ещё один выход на улицу – во двор. Имеется чёрно-белая фотография, на которой изображён этот дом в первой половине XX в. на прежнем месте [17]. Сравнивая её с нынешним состоянием дома, можно установить, что пристройка с навесом и крыльцом, а также внешняя отделка появились уже во второй половине XX в., т.е. позднее [16].

На основе собранных материалов можно обрисовать типичную планировку избы украинского пореформенного переселенца: вход в усадьбу расположен в торцевой части дома и представляет собой крытую пристройку, внутри которой в дом ведёт крыльцо с несколькими ступенями. Как правило, из неё входящий попадал ещё в одну пристройку наподобие сеней, которая служила своеобразным тамбуром между улицей и жилым пространством и

одновременно хозяйственным помещением, где хранились различные скраб и утварь. Таким образом, дверь непосредственно в жилую часть дома находилась в стене напротив фасадных окон. Помимо капитальной «пятой» стены (в случае с пятистенком) существовала ещё одна перегородка, так что внутреннее жилое пространство дома разделялось на 3–4 помещения. Организовывались они расположением печи: её строили так, чтобы она отапливала все комнаты. Ближайшей ко входу комнатой была кухня. Здесь, слева от двери, располагалась большая часть печи, устье которой было обращено к центру. Следующим по ходу движения помещением являлась большая жилая проходная комната с тремя окнами, через которую можно попасть в третью – спальню с двумя окнами. Духовая печь имела небольшую горизонтальную поверхность, на которую можно было взобраться и где часто сушили вещи. Представленный вариант расположения печи – не единственный. В литературе описан хронологически более ранний вариант её расположения: у входа, устьем к длинной боковой стене [3. С. 362].

Во всех случаях фиксируется традиция оштукатуривания и побелки стен, ранее глиной, позднее – известью. Первоначально пол в одной комнате делали глиняным и периодически его подновляли [9. Л. 25], а в другой – дощатым. Деревянный пол не красили, а «скребли» [11]. Применительно к Большому Татошу сохранилось такое описание: «...летом припасали песок и делали запасы драпачей – веников из берёзовых веток. Смачивали пол водой, посыпали песком и ногой шёркали драпачём по полу, доводя его до белого состояния» [14. С. 192]. Крашеный пол считался символом зажиточности: «Сашка хорошо живёт, у него крашеные полы» [Там же. С. 198].

Интерьер дома включал набор нескольких элементов. Для всех без исключения жилых домов главным элементом планировки, вокруг которого строилось всё убранство, служила упомянутая духовая печь. Всё пространство вокруг было определено её назначением – здесь хранились различные приспособления и утварь для приготовления пищи: бочка для воды, ухват, лопата для хлеба. Висевший рядом на стене шкафчик с полками вмещал керамические кринки и горшки, чугушки, берестяные туеса и прочую посуду. Рядом с печью устраивали умывальник, отгороженный занавеской. По диагонали от печи, независимо от её расположения, находился красный угол, который украшался образами и вышитыми полотенцами и считался самым почётным местом в доме. Там же располагался деревянный стол, собиравший всех домочадцев на обед и ужин, на нём нередко красовался самовар. Вдоль стен находились лавки, либо врубленные в стены, либо передвижные. Необходимым инструментом в начале XX в. был ткацкий станок – «верстак» [16], или кросно. Однако в Новорождественском кросно зафиксировано лишь в музейной экспозиции [18], но не в рассказах респондентов. В отдельной спальне могла располагаться железная печь для дополнительного обогрева. Интерьер включал мебель – кровати, комоды, стулья. У зажиточных он дополнялся часами и зеркалом. Нередко мебель переселенцы привозили с собой из Украины.

Отдельно стоит выделить способы украшения украинцами жилища, ведь традиционные роспись стен и вышивка стали символами украинской хаты. Очевидно, что необходимость адаптации нивелировала исконную традицию: на территории современной Томской области фиксируется только один слу-

чай применения росписи для украшения чела печи [4. С. 45]. Вместе с тем новорождественские и большетатошинские украинки славились своей искусной вышивкой, ею украшали не только утилитарные предметы – наволочки, подзоры, полотенца, салфетки, занавески, но и вставляли вышитые картины в рамки и развешивали на стенах. Помимо вышивок, в рамки вставляли фотографии, а по праздникам изготавливали «мальовки», газетные листы с рисунками цветов на них [Там же]. Вообще развес на стенах, очевидно, заменил собой традиционную роспись стен.

Традиционные занятия украинцев, лежавшие в основе хозяйствования и сохранившиеся в Сибири в той или иной степени, обуславливали необходимость возведения специальных построек на усадьбе. Стайки использовались для содержания скота и ухода за ним, дровяник – для хранения дров. Надворные постройки образовывали связь, во всех случаях открытую, когда строения и дом располагались свободно друг от друга. Для Новорождественского типичным является расположение ряда построек слева от жилого дома, начиная от забора и заканчивая выходом в огород. Такой ряд замыкал пространство двора на границе с соседями. Практически во всех описываемых усадебных комплексах присутствовала баня, именно ею заканчивался ряд построек и начинался огород. Территория между домом и стайками оставалась открытой. Усадьба отгораживалась от дороги высоким глухим забором с высокой калиткой и въездными воротами, хотя сохранились сведения о бытовании украинских плетней в первые годы после переселения: вертикально укрепленные столбы оплетали ивой. Для Большого Татоша также характерен открытый тип двора. Хозяйственные постройки располагались там, как правило, за домом, параллельно улице. Ряд построек образован попарно соединёнными строениями: сразу за домом слева – большая поленица под навесом, за ней – сеновал с двускатной крышей и пристроенная к нему стайка под односкатной крышей. На значительном расстоянии от них справа Г-образно соединены баня с предбанником, имеющие общую стену с сараем. Замыкает ряд хозяйственных строений невысокий забор с калиткой, которая ведёт на огород. Несмотря на преобладание открытого типа дворовой связи, в границах Томской области бытовали и закрытые дворы [Там же. С. 44].

Таким образом, прибыв на новые места, переселенцы из Украины обустроивали быт – готовили землю к посевам и строили жилища. Выбор материала для строительства диктовали традиции строительства, привезённые с родины, местные природные условия и во многом финансовые возможности. Порой приходилось строить временное жилище – землянки и полуземлянки. С улучшением материального благосостояния переселенцы начинают возводить основательное жилище, и в первые годы наибольшее распространение получили различные варианты строительных техник, основанных на применении глины для укладки стен и соломы для кровли. Встречались дома из сырцового кирпича и турлучные, крытые соломой. Усадьбы огораживались плетнём. Новым этапом в постройке жилища стало использование древесины хвойных пород, в достатке имевшейся в округе. Однако солома в качестве укрывного материала для крыши сохранялась, главным образом, в хозяйственных постройках, вплоть до конца 1920-х гг. Позже произошел полный отказ от строительных технологий, характерных для Украины, дома-пятистенки (реже крестовики) стали рубиться исключительно из дерева.

Внутреннее устройство дома также претерпело определённые изменения. Типичным для территории Томской области стало жилое помещение, разделённое на несколько (3–4) комнат, которое отапливалось печью, располагавшейся фактически в центре жилища, что способствовало равномерному распространению тепла во всех комнатах. Глиняный пол, сначала использовавшийся в части жилого пространства, со временем был полностью вытеснен дощатым. Однако привычный способ отделки стен с помощью штукатурки и жидкой глины сохранялся довольно долго и впоследствии был заменён известью. Стремление к яркости и украшению жилища с помощью росписи трансформировалось в использование вышивок и рисунков в качестве настенных украшений.

Сохранение традиционных занятий обусловило набор сельскохозяйственных строений, образующих привычный для южнорусского населения открытый тип связи двора. Компактный двор был полностью защищён от постороннего взора. Обо всём этом можно судить по сохранившимся в памяти потомков переселенцев сведениям, ограниченным материалам архивов и памятникам бытовой культуры переселенцев – усадьбам, стремительно и безвозвратно уходящим в прошлое в местах компактного проживания украинских пореформенных переселенцев – с. Новорождественское и д. Большой Татош.

Список информаторов

1. Гойник (Афанасьева) Татьяна Михайловна, 1950 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
2. Притула (Ильчук) Надежда Евстафьевна, 1927 (1926) г.р., с. Большой Татош Молчановского р-на.
3. Мананникова (Гавриленко) Раиса Дмитриевна, 1936 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
4. Герасименко (Вашний) Ярослава Петровна, 1960 г.р., пос. Нюрса Чаинского р-на.
5. Завражнова (Герасимчук) Людмила Ивановна, 1953 г.р., д. Колбинка Молчановского р-на.
6. Лесняк (Притула) Зоя Александровна, 1935 г.р., с. Большой Татош Молчановского р-на.
7. Ложкова (Цысь) Нина Петровна, 1926 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.
8. Малыгина (Притула) Галина Александровна, 1961 г.р., д. Большой Татош Молчановского р-на.
9. Секора (Вдовик) Лидия Яковлевна, 1940 г.р., с. Новорождественское Томского р-на.

Источники и литература

1. Коровушкин Д.Г. Адаптация хозяйства и материальной культуры украинских переселенцев конца XIX – начала XX века к природно-климатическим условиям Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5, вып. 3. С. 124–130.
2. Кутилова Л.А. Украинцы на землях Томского переселенческого района // Труды ТГОИАМ. Томск, 1996. Т. 9. С. 136–144.
3. Рындина О.М. Украинское село в Сибири: Новорождественка Томской области // Культура как система в историческом контексте: опыт западносибирских археолого-этнографических совещаний : материалы XV Междунар. Западносиб. археолого-этнограф. конф. Томск, 2010. С. 361–364.
4. Гончарова Т.А. Этнический портрет украинцев Томской области // Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием 21–24 ноября 2010 г., Томск / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 39–55.

5. *Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX – XX веке* / Н.С. Грибанова, И.В. Чернова, Н.В. Люля, А.С. Свидовская. Барнаул : АлтГПУ, 2017. 306 с.

6. *Чижикова Л.Н. Жилище* // Этнография восточных славян : Очерки традиционной культуры / Л.Н. Чижикова, К.В. Чистов, М.Г. Рабинович и др. ; отв. ред. К.В. Чистов; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1987. С. 223–258.

7. *Украинцы*. М. : Наука, 2000. 534 с.

8. *Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография*. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 507 с.

9. *ТОКМ*. Ф. 1. Оп. 13. Д. 284.

10. *Список населённых мест Сибирского края*. Вып. XI: Томский округ. Новосибирск, 1929.

11. *Полевые материалы (ПМ) О.М. Рындиной*.

12. *Муниципальный архив Молчановского района (МАМР)*. Ф. 101. Оп. 1. Д. 114. 83 листа. Паспорт Тунгусовского территориального округа Молчановского района Томской области. По состоянию на 1 января 2004 г.

13. *ГАТО*. Ф. 196. Оп. 19. Д. 288. Расчёты по ссудам и списки крестьян-переселенцев пос. Татюшского Молчановской волости Томского уезда, получивших ссуду на 1901–1904 гг.

14. *Малыгина Г.А. Ильчук – переселенцы украинской деревни Большой Татюш* // Документ, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием 21–24 ноября 2010 г., Томск / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 188–203.

15. *ПМА*. Гойник Т.М., с. Новорождественское, 2018.

16. *ПМА*. Притула Н.Е., д. Большой Татюш, 2010.

17. *Документ*, музейный экспонат, нарратив, письменный источник в культурном трансфере Сибирь – Украина : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием 21–24 ноября 2010 г., Томск / под ред. Э.И. Черняка. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. Цветная вклейка, фото «Дом первопоселенцев Ильчуков в дер. Большой Татюш».

18. *ПМА*. Мананникова Р.Д., с. Новорождественское, 2009.

Anna G. Voropaeva, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vlaskinaag@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 109–118.

DOI: 10.17223/22220836/32/12

UKRAINIAN VILLAGE IN SIBERIA: THE DYNAMICS OF BUILDING TRADITIONS

Keywords: Siberia; post-reform resettlers; Ukrainians; dwelling; farmholding; biggings; changes of houses.

The article is devoted to the study of one of the most important components of ethnic culture – dwelling. The subject of the research are the traditions and dynamics applied to the construction of a farmholding on the example of the reformed Ukrainians who were resettled in the territory of the modern Tomsk region Novorozhdestvensky and Bolshoy Tatosh – the only settlements of compact residence of Ukrainians, preserved in the region. The basis for the study are the field materials in the specified settlements, as well as information from the archives and data published in the literature. A characteristic of the technology of construction of a dwelling, set of biggings and interior design since the beginning of the XX century is given before the beginning of the XXI century. During the development of new lands, the settlers were forced to equip their life, build houses, sometimes temporary. The terrain for the creation of settlements was chosen picturesque, with an abundance of coniferous forests and a river. Initially, when building a dwelling, Ukrainians were guided by the building traditions that had developed in their homeland over the centuries – clay was the material for building the walls, and straw for the roof. However, over time, they were replaced by a wood – material for a building that was more justified for Siberian conditions and available in the area. The dynamics of the exterior decoration of a dwelling house manifested itself in the initial use of clay and lime in clay, and then in the log house, then completely abandoning the trimming of the log house and moving to decorating with boards and painting the exterior facade of the building. The changes affected the interior of the dwelling. The house, consisting of 3–4 rooms was heated by a stove, which was actually built in the center of the building. Thus, the heat was evenly distributed throughout the rooms. The familiar for Ukraine wall painting has been changed by more restrained decorations from embroidery and photographs on the walls. Nev-

ertheless, the construction of a farmholding has not changed in the Siberian conditions, a set of biggings built in the courtyard, surrounded on all sides by a solid fence, has been preserved. At present, houses built by resettlers and their descendants are rapidly rebuilding or destroyed.

References

1. Korovushkin, D.G. (2006) Adaptatsiya khozyaystva i material'noy kul'tury ukrainskikh pereselentsev kontsa XIX – nachala XX veka k prirodno-klimaticheskim usloviyam Zapadnoy Sibiri [Adaptation of the economy and material culture of Ukrainian immigrants of the late 19th – early 20th centuries to the natural and climatic conditions of Western Siberia]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 5(3). pp. 124–130.
2. Kutilova, L.A. (1996) Ukrainsy na zemlyakh Tomskogo pereselencheskogo rayona [Ukrainians in Tomsk resettlement region]. *Trudy TGOIAM*. 9. pp. 136–144.
3. Ryndina, O.M. (2010) [Ukrainian village in Siberia: Novorozhdestvenka of Tomsk region]. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchaniy* [Culture as a system in its historical context: The experience of the West-Siberian archaeological and ethnographic meetings]. Proc. of the Fifteenth International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. pp. 361–364. (In Russian).
4. Goncharova, T.A. (2011) [Ethnic portrait of Ukrainians of Tomsk region]. *Dokument, muzeyny eksponat, narrativ, pis'menny istochnik v kul'turnom transfere Sibir' – Ukraina* [Document, museum exhibit, narrative, written source in the cultural transfer Siberia – Ukraine]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk. November 21–24, 2010. Tomsk: Tomsk State University. pp. 39–55. (In Russian).
5. Gribanova, N.S., Chernova, I.V., Lyulya, N.V. & Svidovskaya, A.S. (2017) *Sem'ya i semeyny byt ukrainskogo sel'skogo naseleniya Zapadnoy Sibiri v kontse XIX – XX veke* [Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia at the end of the 19th – 20th centuries]. Barnaul: Altai State Pedagogical University.
6. Chizhikova, L.N. (1987) Zhilishche [Dwelling]. In: Chistov, K.V. (ed.) *Etnografiya vostochnykh slavyan: Ocherki traditsionnoy kul'tury* [Ethnography of Eastern Slavs: Essays on Traditional Culture]. M: Nauka. pp. 223–258.
7. Ponomarev, A.P. et al. (2000) *Ukrainsy* [Ukrainians]. Moscow: Nauka.
8. Zelenin, D.K. (1991) *Vostochnoslavianskaya etnografiya* [East Slavic Ethnography]. Moscow: Nauka.
9. Tomsk Regional Museum of Local Lore. (n.d.) Fund 1. List 13. File 284.
10. Siberian Regional Executive Committee. (1929) *Spisok naselennykh mest Sibirskogo kraya* [List of populated places of the Siberian region]. Issue 11. Novosibirsk.
11. Ryndina, O.M. (n.d.) *Polevyye materialy* [Field Materials]. [manuscript]
12. Anon. (2004) *Pasport Tungusovskogo territorial'nogo okruga Molchanovskogo rayona Tomskoy oblasti. Po sostoyaniyu na 1 yanvarya 2004 g.* [Passport of the Tungusovsky territorial district of Molchanovo district of the Tomsk region. As of January 1, 2004]. The Municipal Archive of Molchanovo District (MAMR). Fund 101. List 1. File 114.
13. The State Archive of Tomsk Region. (n.d.) *Raschety po ssudam i spiski krest'yan-pereselentsev pos. Tatoshskogo Molchanovskoy volosti Tomskogo uyezda, poluchivshikh ssudu na 1901–1904 gg.* [Payments for loans and lists of peasant migrants in Tatoshsky of Molchanovo volost, Tomsk district, who received a loan for 1901–1904]. F. 196. Op. 19. D. 288.
14. Malygina, G.A. (2011) [Ilchuk – Ukrainian migrants of Bolshoi Tatosh]. In: *Dokument, muzeyny eksponat, narrativ, pis'menny istochnik v kul'turnom transfere Sibir' – Ukraina* [Document, museum exhibit, narrative, written source in the cultural transfer Siberia – Ukraine]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk. November 21–24, 2010. Tomsk: Tomsk State University. pp. 188–203. (In Russian).
15. Voropaeva, A.G. (2018) *Goynik T.M., s. Novorozhdestvenskoe* [Goynik T.M. Novorozhdestvenskoe village]. [manuscript]
16. Voropaeva, A.G. (2010) *Pritula N.E., d. Bol'shoy Tatosh* [Pritula N.E., the village of Bolshoi Tatosh]. [manuscript]
17. Chernyak, E.I. (2010) *Dokument, muzeyny eksponat, narrativ, pis'menny istochnik v kul'turnom transfere Sibir' – Ukraina* [Document, museum exhibit, narrative, written source in the cultural transfer Siberia – Ukraine]. Tomsk: Tomsk State University. Colourful inset.
18. Voropaeva, A.G. (2009) *Manannikova R.D., s. Novorozhdestvenskoe* [Manannikova R.D., the village of Novorozhdestvenskoe].

УДК 378(460.187)

DOI: 10.17223/22220836/32/13

О.А. Жеравина

800-ЛЕТИЕ САЛАМАНКСКОГО УНИВЕРСИТЕТА: ЮБИЛЕЙ КАК НАУЧНЫЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ

В статье рассматривается феномен старейшего университета Испании, отмечающего в 2018 г. 800 лет со времени своего основания. В контексте длительной подготовки к этой славной дате анализируются научные и социокультурные мероприятия университетского сообщества как пример системной деятельности, направленной на осмысление и подтверждение своей идентичности, поиск ответов на вызовы современности, укрепление позиций университета в локальном и глобальном социумах.

Ключевые слова: Саламанкский университет, 800-летие Саламанкского университета, Саламанка, программа «8 столетий», Межинституциональная комиссия.

В 2018 г. Саламанкский университет широко отмечает свой 800-летний юбилей. Вместе с Болонским, Парижским, Оксфордским он принадлежит к числу старейших университетов Европы, возникших в эпоху Средневековья. Основателем университета в Саламанке был король Леона Альфонс IX, учредивший здесь в 1218 г. «всеобщую школу». Благодаря Альфонсу X Мудрому «Студии Салмантини» получают свой устав и превращаются в университет, в котором ранее других была открыта собственная публичная библиотека. В 1255 г. университетский статус Саламанки получил папское утверждение, что означало повсеместное признание присуждаемых ею степеней.

В течение столетий учиться в Саламанку приезжали со всего Пиренейского полуострова, а также из других регионов Европы. Здесь преподавали гражданское и каноническое право, философию, риторику, медицину, математику, астрономию, музыку.

Университетская библиотека аккумулировала в своем бесценном фонде труды саламанкских ученых, литературу авторов различных стран и эпох. Многочисленные тома на латинском языке, который являлся всеобщим языком учености и культуры, с течением времени уступали свое место в библиотеке трудам, написанным на современных языках. Саламанка в широком спектре своих наук воплощала присущий ей энциклопедизм, задолго до эпохи Просвещения характеризовавший ее школы.

Полным глубокой символики предстает главное здание Саламанкского университета с его знаменитым фасадом, выполненным в стиле платереско. По словам Хуана Антонио Гонсалеса Иглесиаса, этот фасад «открывается как первая страница архитектуры, имеющей нечто от книги» [1]. В круглом медальоне, где как из окна смотрят на мир Изабелла Кастильская и Фердинанд Арагонский, надпись на греческом языке гласит: «Университет – королям, короли – университету». Язык здесь служит характеристике университета как пространства культуры гуманистической, генетически связанной с античной Грецией; в самой же фразе выражена судьба и предназначение Саламанкского университета – любимого детища испанских монархов, главной школы государственной и церковной администрации страны (рис. 1).

Рис. 1. Фасад университета. Саламанка. Фото автора

На протяжении всей истории с этим университетом были связаны многие выдающиеся деятели испанской культуры: поэты Сан Хуан де ла Крус и Луис де Леон, музыканты Франсиско де Салинас и Хуан де Энсина; выдающиеся гуманисты, юристы, теологи – Антонио де Небриха, Франсиско де Витория, Бартоломе де Лас Касас; поэты и писатели Золотого века – Кальдерон де ла Барка, Луис де Гонгора, Фернандо де Рохас, Лопе де Вега; представители испанского Просвещения – Мелендес Вальдес, Ховельянос.

Важнейшие вехи в истории Саламанкского университета определены такими фигурами, как Антонио Небриха с его первой грамматикой испанского языка; блестящей плеядой представителей Саламанкской школы в годы

наивысшего расцвета университета в XVI в. и рядом других. Однако если признать вслед за Х.А. Гонсалесом Иглесиасом, что университет – это не более чем «версия мира в сокращенном масштабе», нельзя не увидеть, что объемный образ этой версии формируют драматические контрасты, очевидные, например, в признании Луиса де Леона, сделанного им в тюрьме: «Здесь зависть и ложь засадили меня в заточение», или в сиянии знаменитой Саламанкской школы во главе с Франсиско де Виторией, который заложил основы международного права и цивилизованного сосуществования [1]. В XX в. ректор Саламанкского университета Мигель де Унамуну отстаивал в эпоху Франко идею университета как храма разума.

Неудивительно, что 800-летний юбилей старейшего испанского университета задолго до наступившей даты рассматривался в академических и правительственных кругах как событие, масштаб которого требует разработки специальной программы мероприятий в информационной, научной, культурной и социальной областях.

Отметим основные этапы подготовки к юбилею, в организационном и концептуальном аспектах представляющие несомненный интерес.

В 2008 г. королевским указом Хуана Карлоса I была учреждена Межинституционная комиссия по празднованию 800-летия основания Саламанкского университета. Комиссии предписывалось «активизировать, направлять и координировать деятельность, которую должны осуществлять с указанной целью органы государственного управления, государственные или частные организации, а также отдельные лица, участвующие в праздновании» [2].

Учредительное собрание Межинституционной комиссии состоялось в июле 2009 г. в Мадриде во дворце Монклоа, официальной резиденции премьер-министра Испании. Комиссию возглавила М.Т. Фернандес де ла Вега, заместитель тогдашнего председателя правительства Сапатеро. В состав комиссии вошли представители центрального правительства, администрации автономного сообщества Кастилия и Леон, Совета провинции Саламанка, мэрии и университета [3].

В самом университете в 2008/09 учебном году с целью координации на локальном уровне работы по подготовке к юбилею был создан Офис 800-летия, где начала работать группа профессионалов под руководством Карлоса Паломеке.

В октябре 2009 г. по инициативе ректора Х. Гомеса Асенсио в Саламанке прошло первое заседание исполнительного комитета по подготовке к юбилею. В качестве мероприятий начального этапа были рассмотрены 2 проекта – открытие Национального центра изучения биологических ресурсов, инициированное Саламанкским университетом, и представленный мэрией Саламанки экологический проект восстановления и благоустройства берегов р. Тормес, которая является частью неповторимого ландшафта Саламанки.

Весьма примечательным представляется факт присутствия принца и принцессы Астурийских на торжественной церемонии открытия 2009/10 учебного года в Саламанкском университете. Свое приветственное слово наследник испанского престола принц Филипп начал с упоминания грядущего юбилея: «Высочайшей честью и волнующим событием для меня является возможность председательствовать на этой традиционной церемонии, которой испанский университет каждый год открывает свой академический курс. Осо-

бенно меня радует то, что могу сейчас так близко соприкоснуться с университетским сообществом, к которому всегда испытываю глубокое уважение и которое высоко ценю. И прежде всего отмечу, что, когда мы открываем этот курс 2009–2010 гг. в Саламанкском университете, старейшем из всех существующих в испанском мире, совсем не далеко от нас то время, когда мы будем отмечать 800-летие его основания королем Альфонсом IX в 2018 г.» [4].

Вступив на престол после отречения своего отца, Хуана Карлоса I, новый король Филипп VI продолжил практику многовековой поддержки и особого отношения испанских монархов к университету Саламанки. В первую очередь в указ своего предшественника им были внесены существенные уточнения и дополнения относительно подготовки к юбилею.

В 2015 г. Филипп VI издает королевский указ, значительно повышающий статус как самого события, так и деятельности по подготовке и проведению связанных с ним мероприятий. Так, было определено, что «празднование 800-летия Университета Саламанки рассматривается как событие исключительной государственной важности» и в соответствии со ст. 27 Закона 49/2002 от 23 декабря подлежит налоговому режиму, предусмотренному для некоммерческих организаций, с налоговыми льготами, установленными в отношении меценатства.

Согласно указу Филиппа VI, Межинституционная комиссия создавалась «под почетным председательством Их Величеств Короля и Королевы». Указом устанавливалась продолжительность действия программы поддержки празднования 800-летия Саламанкского университета – с 1 ноября 2015 до 31 октября 2018 г. Уточнялось также, что налоговые льготы по финансированию мероприятий, связанных с этим событием, будут максимальными из указанных в ст. 27.3 Закона 49/2002 [5].

В конце 2009 г. новым ректором в Саламанке был избран Даниэль Эрнандес Руиперес, которому предстояло в свои последующие два срока воплощать основную часть масштабного проекта, как и развивать его, включая новые идеи и используя новые возможности. Столкнуться пришлось и с немалыми трудностями, обусловленными начавшимся в стране финансовым кризисом. Так, при утверждении на Ученом совете общего стратегического плана подготовки к юбилею Д. Эрнандес Руиперес говорил о критической экономической ситуации в университетах страны и предостерегал от организационного бездействия в осуществлении юбилейного проекта [6]. В 2014 г. он обратился к Совету Кастилии и Леона с просьбой об увеличении к 2018 г. бюджета для государственных университетов с имеющихся 0,65% ВВП до 1,4%. По его словам, «со стороны правительства Кастилии и Леона это было бы самой лучшей поддержкой программы 800-летия Саламанкского университета».

В своей речи на церемонии по случаю открытия 2014/15 учебного года в присутствии главы Совета автономного сообщества Х. Висенте Эрреры ректор Руиперес указывал на имеющий место паралич, охвативший региональные управленческие структуры. Обращаясь за поддержкой со стороны государственных структур, он призывал их придерживаться понимания того, что «800-летие Саламанкского университета следует рассматривать как большой коллективный проект всей страны, осуществление которого может способствовать созданию наилучшего образа самой Испании» [7].

В 2016 г. программа подготовки к юбилею Саламанкского университета была структурирована по основным направлениям, связанным с пятью наиболее значимыми и отвечающими требованиям времени аспектами развития университета.

Первую такую ось развития программа связывает с упрочением позиций «университета испанского языка». В этом качестве он служит укреплению ведущей роли государства, испанского университета – в первую очередь Саламанкского, в таких областях, связанных с испанским языком и его преподаванием, как обучение ему как второму языку; сертификация уровней владения им; разработка научных и методических материалов, производство печатных и электронных изданий.

Среди предложенных по этому направлению пунктов – создание Международного центра испанского языка Саламанкского университета; проект «Терминэсп» по специальной терминологии и лексике в испанском языке и ряд других.

Вторая ось развития – международное лидерство в высшем образовании испанских университетов в целом и Саламанкского в частности, как активных участников процесса создания общего образовательного пространства Европы, Латинской Америки и других регионов мира.

Стратегическими линиями развития названы также создание университета инновационного развития, сохранение и преумножение наследия и инфраструктуры, продвижение университета на национальном и международном уровнях. По каждому из названных пяти ключевых направлений программа подготовки к юбилею Саламанки предлагает конкретные проекты и мероприятия [8].

17 октября 2016 г. программа юбилейных мероприятий была одобрена на заседании Межинституционной комиссии, собравшейся в зале Салинаса в Саламанкском университете. В работе комиссии приняли участие ее председатель – заместитель премьер-министра Сорайя Саэнс де Сантамария, министр образования, культуры и спорта Иньиго Мендес де Виго, представители университета, а также городской и региональной властей.

В работе комиссии принял участие председатель правительства Испании Мариано Рахой, выступивший с оптимистической речью. «С первых лет далекого XIII века и до сегодняшнего дня, – отмечал Рахой, – на протяжении восьми веков, наполненных академическими, политическими и корпоративными заботами, этот университет продолжает вершить историю и создавать будущее». Подтвердив приверженность правительства выполнению своих обязательств в отношении юбилея, имеющего исключительное государственное значение, премьер-министр выразил свою уверенность в том, что усилия по выполнению юбилейной программы должны способствовать осмыслению важных вопросов. Это, по его словам, «поможет нам продвигаться в направлении создания университета, максимально вовлеченного в жизнь общества, с тем, чтобы наши университеты больше и лучше содействовали прогрессивному развитию страны, давая ответ на потребности и проблемы наших сограждан». Свое обращение к членам Межинституционной комиссии Рахой закончил призывом «продолжать нашу деятельность по достижению важной цели – воспитания свободных и равноправных граждан, сознательно выстра-

ивающих траектории своих жизней, которые в совокупности своей определяют судьбу испанской нации» [9].

Важно подчеркнуть, что и в ходе разработки концепции юбилея, и в ее практическом воплощении академический и глобальный аспекты не выступали исчерпывающими в представлении обществу сути именитого университета. Наряду с ними важной составляющей для развития университета со всей очевидностью проявилась тема его социальной вовлеченности, открытости и партнерства во взаимоотношениях с властью, бизнесом, населением на локальном и региональном уровнях.

Приверженность корпоративным традициям, автономия, королевская юрисдикция веками укрепляли университет, они же провоцировали недоверие и даже враждебность к нему со стороны городских властей и населения. Любой европейский старинный университетский город имеет в своих анналах драматические эпизоды такого противостояния, как и несомненные свидетельства преимуществ для собственного благосостояния, связанных именно с наличием в нем университета. История Саламанки в этом отношении являет собой классический тому пример. Вместе с тем итогом многовекового сосуществования явилось здесь городское пространство, в котором нет ничего гармоничнее университета, а последний самым естественным образом за много веков своего существования превратил город в неотъемлемую составляющую своей жизни. И именно к своему восьмисотлетию этим состоянием как никогда прежде университет был призван самой жизнью воспользоваться в полной мере.

Аюнтамьенто (мэрия) Саламанки и университет рука об руку шли к юбилейным торжествам. 16 марта 2017 г. ректором Д. Эрнандесом Руипересом и алькальдом Саламанки А. Фернандесом Маньюэко был подписан протокол о сотрудничестве по проведению праздничных мероприятий, связанных с 800-летием Саламанкского университета. В документе были обозначены различные области, в которых стороны обязались вести совместную деятельность. Были запланированы мероприятия культурного, образовательного, туристического, спортивного, экологического характера; осуществление совместных действий по развитию предпринимательской деятельности, созданию рабочих мест, привлечению талантливых людей и созданию для них соответствующих условий работы. Ректор Д. Эрнандес Руиперес особо подчеркнул важность соглашения, которое символически вовлекает город и его жителей в юбилейные мероприятия университета. Этим договором, как отмечал ректор, «мы объединяем всех граждан Саламанки, всех тех, кто каждый день проходит по ее улицам и работает на ее предприятиях; кто прогуливается и делает покупки в ее магазинах. Для всех из них при содействии Аюнтамьенто открывается новая дверь для участия в нашем юбилейном торжестве» [10] (рис. 2).

В качестве яркого примера в этой связи можно привести выставку скульптора и художника, уроженца Майорки Микеля Барсело «Ноев ковчег». Проведенная в рамках программы 800-летнего юбилея, она явилась результатом сотрудничества университета и аюнтамьенто при спонсорской поддержке страховой компании MAPFRE. Выставка разместилась в университете, а также на нескольких площадках города. Так, на Пласа Майор – главной площади Саламанки, одной из красивейших в Испании, – можно было увидеть Огромного слона. Эта бронзовая скульптура семиметровой высоты создает иллю-

зию равновесия, поддерживаемого лишь хоботом огромного животного, представленного в такой неожиданной акробатической позе.

Рис. 2. Аюнтамьенто Саламанки. Фото автора

С натюрмортами М. Барсело, его керамикой можно было познакомиться в часовне коллегии Фонсека; с его акварелями – в зале экспозиций университетского музея; с последними скульптурными творениями мастера – во Дворике малых школ.

По замыслу организаторов посетитель такой необычной выставки в поисках размещенных по городу экспонатов обходил самые разные его места, как это делали по своим повседневным делам на протяжении восьми столетий студенты и преподаватели университета.

Выставка работ Барсело имела огромный успех, за время ее работы с 27 апреля по 1 октября 2017 г. ее посетило более 120 тыс. человек.

Отметим, что 800-летний юбилей Саламанкского университета тесным образом оказался связанным с именем М. Барсело. Именно он создал логотип этого события, передал его в дар университету, благодаря чему все акции, связан-

ные с юбилеем, имеют прекрасное графическое сопровождение. М. Барсело, по его признанию, был вдохновлен темой художественного наследия Саламанки, в котором он нашел динамичный образ, навеянный изображениями змей, драконов и других персонажей средневековых bestiaries, хранящихся в университетской библиотеке, а также образов, представленных на фасадах зданий университета и в его внутреннем декоре [11] (рис. 3).

Рис. 3. Коллегия архиепископа. Логотип 800-летия Саламанкского университета. Фото автора

11 июля 2017 г. Ученым советом Саламанкского университета художнику М. Барсело было присвоено звание почетного доктора в знак признания его достижений в художественном творчестве, его сотрудничества с университетом и вклада в проведение торжественных мероприятий, посвященных 800-летию юбилею [12].

Кульминационным в юбилейных торжествах в Саламанке, как и следовало ожидать, стал 2018 г. В ноябре 2017 г. новым ректором был избран Рикардо Риверо, областью ответственности которого стало и выполнение столь богатой событиями программы юбилейного года.

В январе 2018 г. было спланировано проведение до конца года 40 научных мероприятий с участием от 15 до 20 тыс. ученых со всего мира. Это очень насыщенный годовой план, которым предусмотрены научные форумы по всем основным направлениям научных исследований и подготовки специалистов в Саламанкском университете – от медицины, юриспруденции, философии, лингвистики, истории, экономики до биологии, химии, фармакологии, архивного дела и музыкального искусства.

Среди крупномасштабных научных мероприятий Саламанки – международные конгрессы по молекулярной биологии, по изучению медицинских проблем недееспособности.

Традиционная на протяжении веков связь Саламанкского университета с ибероамериканским миром поддержана такими мероприятиями в рамках юбилейных торжеств, как международные конгрессы американистов, Американской ассоциации преподавателей испанского и португальского языков; испано-португальскими медицинскими конференциями; научными встречами, посвященными вопросам гражданского права, и другими мероприятиями [13].

В конце мая под девизом «Университет, общество и будущее» в Саламанке состоялась IV Международная встреча ректоров, приуроченная к 800-летию ее университета. Форум, собравший более 600 ректоров университетов из 26 стран, принял Декларацию, в которой говорится о сущности университета и его роли в обществе.

Подчеркнем, что в этом мероприятии, как и в ряде других, принимал участие Филипп VI.

Когда 18 сентября текущего года в рамках осуществления программы юбилейных мероприятий королевская чета прибыла в Саламанку, чтобы торжественно ввести в строй один из мощнейших в мире лазеров, находящийся в Научном парке Саламанкского университета, это был уже пятый визит Филиппа VI из тех, что были совершены им в Саламанкский университет за предшествующие несколько месяцев [14].

Добавим к этому, что королевский монетный двор по случаю 800-летнего юбилея Саламанкского университета отчеканил серебряную коллекционную монету, на реверсе которой изображен знаменитый фасад Саламанкского университета, украшенный в стиле платереско. Справа указан год основания университета и год его 800-летия; слева – номинальная стоимость монеты 10 евро; сверху имеется надпись «Университет Саламанки», сделанная шрифтом, используемым в логотипе этого учреждения. На лицевой стороне монеты помещен королевский портрет с надписью «Филипп VI король Испании» и в нижней части указан год чеканки монеты – 2018. Памятная монета отчеканена в 6 000 экземплярах, каждый из которых находится в темно-синем футляре вместе с сертификатом, удостоверяющим подлинность монеты и имеющим ее серийный номер [15].

Выпуск памятной монеты совпал по времени с открытием Международной встречи выпускников, которая проходила в Саламанке 25–26 мая в рамках 800-летнего юбилея. Эта встреча собрала более 5 тыс. бывших студентов из Испании, Бразилии, Пуэрто-Рико, США, Панамы, Коста-Рики, Мексики, Гондураса, Китая, Германии, Португалии, Бельгии, Великобритании, окончивших Саламанкский университет в 1953–2017 гг. Эта встреча представителей студенческих поколений разных лет, стран и специальностей преврати-

лась в мероприятие междисциплинарного, межпоколенческого и международного характера. Целью его стало возобновление контактов с университетом, с однокурсниками, установление связей внутри этого огромного сообщества.

На открытии встречи во Дворце конгрессов с приветственным словом выступили ректор университета Р. Риверо, а также выпускники Саламанки, представители крупного бизнеса: президент страховой компании MAPFRE, президент крупной испанской энергетической компании «Ибердрола»; генеральный директор одной из крупнейших в мире и крупнейшей в Испании компании «Телеком». В течение двух дней огромная армия выпускников отмечала юбилей университета, растекаясь по улицам города, аудиториям Главного корпуса, университетским коллегиям. Кульминацией встречи стала коллективная фотография тысяч выпускников, заполнивших до отказа Двор университетских школ [16].

Возвращаясь к теме сотрудничества города и университета по программе юбилейных мероприятий, отметим, что городской совет Саламанки решил инвестировать в юбилейную культурную программу 2018 г. 1,2 млн евро. При этом 800 тыс. евро из этой суммы были предназначены на культурные мероприятия; 330 тыс. – на поддержку туристических проектов, связанных с юбилеем; 20 тыс. евро – на мероприятия образовательного характера для школьников [17].

Финансируемая городским советом программа включала февральскую сценическую постановку в театре Лисео «Победить – не значит убедить», посвященную ректору Саламанки Мигелю де Унамуно.

Городские власти спонсировали также постановки уличного театра, воспроизводящие эпизоды истории университета и города. Так, в августе 2018 г. по пятницам во Дворе университетских школ давалось театральное представление в рамках юбилейной программы «Площади и патио». Спектакль «Учеба. Студенческая жизнь в университете» разыгрывался в естественных декорациях эпохи расцвета университета XVI в. – на фоне университетских зданий, свидетелей реальных событий, воспроизводимых современными актерами.

Благодаря энтузиазму режиссера Роберто Гарсии Энсинаса и его артистов из театра «Погружение», в комедийном ключе представлявших картины из жизни студентов в Саламанке, зрители, в числе которых была и автор статьи, могли погрузиться в атмосферу событий и сторон студенческой жизни, неизменными моментами и атрибутами которой были приезд в город; поиск жилья, пропитания; одежда, предписанная студенту; любовные приключения, поединки на городских улицах... [18].

Погружение в мир магии и честолюбивых устремлений предлагает представление «Саламанкская пещера», которое разворачивается в старинной крипте, где согласно легенде сам дьявол давал уроки оккультных наук.

В юбилейной музыкальной программе – старинная и новая музыка; симфонический оркестр Испанского телевидения; опера Генделя «Радамист», поставленная Венской академией. Гвоздем программы стала выдающаяся встреча с легендарным американским рок-музыкантом Бобом Диланом, начавшим 24 марта свои гастролы в Испании именно с концерта в Саламанке (рис. 4).

Рис. 4. Студенческая туна (музыкальный ансамбль) на Пласа Майор. Саламанка. Фото автора

Весьма насыщенной явилась юбилейная выставочная программа, раскрывающая 800-летнюю историю Саламанкского университета; его культурное и научное наследие; творчество его выдающихся деятелей; образ университета, запечатленный в архитектуре его строений, традициях и церемониале.

При финансовой поддержке Саламанкского аюнтамьенто, в результате сотрудничества университета и испанской радиотелевизионной компании RTVE и компании Cometa T в честь юбилея в Саламанке был снят телевизионный фильм «Убийство в университете». В нем рассказывается об исследовании, которое проводит современный историк Лара Кабанес, с целью пролить свет на загадочное убийство профессора университета августинского монаха Антонио де Романа, в группе студентов которого учился молодой Луис де Леон. Кабанес погружается в эпоху XVI в., когда Саламанкский университет был ареной борьбы и горячих дебатов между преподавателями и религиозными орденами, что приводило нередко к вмешательству инквизиции. В своем расследовании героиня приходит к осознанию того, что события, произошедшие пять веков назад и не нашедшие своего разрешения, про-

должают проявляться в современной жизни. Фильм подводит к мысли о том, что обе эпохи объединяет одна и та же тема борьбы между страстью к познанию и жадной властью, между свободой и стремлением к ее подавлению [19].

Приведенные выше примеры мероприятий, характеризующих программу празднования 800-летия Саламанки, далеко не исчерпывают объем и разнообразие юбилейных событий, ставших результатом большой совместной работы, которая в течение нескольких лет велась на государственном, региональном и локальном уровнях. Эта работа в рамках подготовки юбилея, имеющего большой государственный интерес, объединила устремления королевской четы, правительства Испании, руководства автономии Кастилии и Леона, городские власти Саламанки, ректорат и весь корпус старейшего в Испании университета.

Помимо государственных центральных, региональных и муниципальных властей, юбилей Саламанки вовлек в общее дело и представителей испанского бизнеса. Ряд региональных и национальных компаний принял участие в юбилейной программе Саламанки, выступив спонсорами культурных мероприятий. Так, деятельность по сохранению книжного наследия Саламанкского университета стала полем притяжения таких организаций, как саламанкские предприятия «Эль Месон де Гонсало», «Кесерия Ла Антигуа», «Ревизан Иберикос», «Версос Микрободега», «Групо Фелтреро», «Глобал Эксчендж», «Лимкаса», «Бодегас Фаринья» или испанская компания ядерного машиностроения ENUSA, компания «Гадиса», владеющая сетью супермаркетов «Гадис». Все они и ряд других являются участниками программы чествования 800-летнего юбилея Саламанкского университета, спонсируя работы по реставрации и приобретению рукописей и редких книг для библиотеки; организацию выставок книжных сокровищ Саламанки в Национальной библиотеке Испании в Мадриде, Мексике и в самом университете.

Следует упомянуть и об акциях продвижения марки Саламанкского университета, рассчитанного на восприятие тысяч испанских граждан, внимание которых не могут не привлечь изображения старейшего испанского университета и логотип программы празднования его 800-летнего юбилея, размещенные в 2018 г. на различных видах транспортных средств. Так, с 1 апреля головной вагон и двери состава скоростного поезда Алвия, курсирующего по маршрутам Мадрид – Кантабрия, Кантабрия – Аликанте, Мадрид – Астурия, Астурия – Левант, был украшен яркими мотивами, связанными с юбилеем Саламанкского университета. К концу акции, 30 апреля, юбилейный образ Саламанки должен был преодолеть более 20 тыс. километров по железной дороге.

Помимо этого, как сообщала газета «Север Кастилии», листовки юбилейного характера, посвященные Саламанкскому университету, размещенные у изголовья пассажирских кресел, с сентября 2017 г. стали приковывающей внимание деталью интерьера салонов поездов, соединяющих Мадрид с такими городами, как Саламанка, Понферрада, Вальядолид, Сарагоса, Леон, Хихон, Толедо, Севилья, Уэльва, Валенсия, Виго и Ла-Корунья [20].

11 апреля 2018 г. на Пласа Майор в Саламанке были представлены два автобуса с нанесенными на них яркими изображениями патио университетских школ и логотипа 800-летия. Этим автобусам, курсирующим по маршруту Мадрид – Саламанка, предстоит до конца текущего года быть своеобраз-

ными участниками программы празднования 800-летнего юбилея. Следует подчеркнуть, что общее количество перевозимых по этому маршруту пассажиров составляет за год 1 миллион человек. В акте презентации участвовали представители мэрии Саламанки, ректората университета и руководства автобусной компании Аванса, между которыми было заключено соглашение. Было отмечено, что каждое из мероприятий, проводимых по случаю празднования славного юбилея, является важным, включая и то, благодаря которому изображение Саламанкского университета на автобусах смогут увидеть в течение года сотни тысяч людей [21].

Остается добавить, что месяцем ранее воздушная компания Air Europa, принадлежащая туристической группе Globalia, основанной уроженцем Саламанки Хуаном Идальго, назвала в этом году один из своих 8 боингов в честь 800-летнего Саламанкского университета. Этот самолет, совершающий трансатлантические перелеты, несет на своем фюзеляже славное имя: «С 2018. Саламанкский университет. 800 лет» [22].

Юбилейный год еще не завершен, а с учетом того, что праздничным назван весь 2018/19 учебный год в Саламанкском университете, программа юбилейных мероприятий продолжит действовать еще в течение нескольких месяцев. Вместе с тем некоторые итоги очевидны уже сейчас. Сегодня университет в Саламанке по-прежнему остается одним из значимых в университетском мире; он динамичен, успешен; приверженность традициям придает особый шарм его современной поступи и ориентирам. Обладая огромным культурным потенциалом, накопленным в течение восьми столетий своей истории, Саламанкский университет открыт обществу, с которым щедро делится своим духовным богатством, внося свой неоценимый вклад в развитие города, региона, своей страны и мира, для ибероамериканской части которого он по-прежнему остается покровителем, учителем и соратником.

Литература

1. González Iglesias J.A. Del medievo al futuro: 800 años en la Universidad de Salamanca // El País Semanal. 9 Mar. 2018. URL: https://elpais.com/elpais/2018/02/23/eps/1519390384_243933.html (дата обращения: 29.08.2018).
2. Real Decreto 1980/2008, de 28 de noviembre, por el que se crea la Comisión Interinstitucional para la conmemoración del VIII centenario de la creación de la Universidad de Salamanca // Boletín Oficial del Estado. № 295, de 8 de diciembre de 2008. P. 49021–49022. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2008-19827 (дата обращения: 11.09.2018).
3. Constitución de la Comisión Interministerial para conmemorar el VIII Centenario de la Universidad. Comunicación USAL. 19.07.2009. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/2512> (дата обращения: 29.08.2018).
4. Palabras de S.A.R. El Príncipe de Asturias en la apertura del curso académico universitario 2009-2010. Salamanca, 29 de septiembre de 2009. URL: https://saladeprensa.usal.es/files/discurso_principe_apertura_2009-2010.pdf (дата обращения: 10.09.2018).
5. Real Decreto 776/2015, de 28 de agosto, por el que se modifica el Real Decreto 1980/2008, de 28 de noviembre, por el que se crea la Comisión Interinstitucional para la conmemoración del VIII centenario de la creación de la Universidad de Salamanca // Boletín Oficial del Estado. № 207, de 29 de agosto de 2015. P. 77064–77069. URL: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2015-9464 (дата обращения: 11.09.2018).
6. El Claustro de la Universidad de Salamanca aprueba el Plan Estratégico General 2013-2018. 02.12.2012. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/27241> (дата обращения: 11.09.2018).
7. Hernández Ruipérez solicita el apoyo de todas las administraciones para conseguir que el VIII Centenario de la Universidad de Salamanca sea asumido como «el gran proyecto colectivo de España». 18.09.2014. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/44586> (дата обращения: 11.09.2018).

8. *La Comisión Interinstitucional del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca aprueba el documento estratégico para la conmemoración del 2018*. 17.10.2018. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/13841> (дата обращения: 28.09.2018).

9. *Discurso del presidente del Gobierno en la reunión de la Comisión Interinstitucional para la Conmemoración del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca*. Salamanca, 17.10. 2016. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/2016/prdi20161017.aspx> (дата обращения: 08.09.2018).

10. *El Ayuntamiento apoya la conmemoración del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca a través de diez líneas de actuación*. 16.03.2017. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/106372> (дата обращения: 24.09.2018).

11. *Miquel Barceló y el logo del VIII Centenario de la USAL*. S. a. URL: <http://radio.usal.es/noticia/miquel-barcelo-y-el-logo-del-viii-centenario-de-la-usal/> (дата обращения: 22.09.2018).

12. *El Claustro de Doctores de la Universidad de Salamanca aprueba los doctorados honoris causa de Juncker, Marín, Barceló y Calvo Serraller*. 11.07.2017. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/108806> (дата обращения: 24.09.2018).

13. *Programa de congresos y reuniones internacionales de 01.01.2018 al 31.12.2018*. URL: <http://centenario.usal.es/programa-de-congresos-y-reunions-internacionales/> (дата обращения: 10.09.2018).

14. *Quinta visita de Felipe VI a Salamanca en el centenario de la Universidad // EL CONFIDENCIAL*. El Diario de los lectores influents. 18.09.2018. URL: https://www.elconfidencial.com/ultima-hora-en-vivo/2018-09-18/quinta-visita-de-felipe-vi-a-salamanca-en-el-centenario-de-la-universidad_1621328/ (дата обращения: 26.09.2018).

15. *La Real Casa de la Moneda emite la moneda conmemorativa del VIII Centenario*. 17.05.2018. URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/113637> (дата обращения: 11.09.2018).

16. *La Universidad de Salamanca reunirá a más de 5.000 antiguos alumnos // Salamanca Buenas Noticias*. 24.05.2018. URL: <http://salamancabuenasnoticias.com/2018/05/24/la-universidad-de-salamanca-reunira-a-mas-de-5-000-antiguos-alumnos/> (дата обращения: 04.09.2018).

17. *Salamanca invertirá 1,2 millones en programación cultural // El Periódico de Castilla y León*. Salamanca. 15.11.2017. URL: <http://elperiodicodecastillayleon.com/noticia/2017-11-15-salamanca-invertira-1-2-millones-programacion-cultural-10512> (дата обращения: 11.09.2018).

18. *Nuevas propuestas teatrales de Plazas y Patios // hosteleriasalamanca.es* Jueves, 2 de Agosto de 2018. URL: <https://www.hosteleriasalamanca.es/noticias-hosteleria/agosto-2018/plazas-patios-salamanca-teatro-universidad.php> (дата обращения: 11.09.2018).

19. *RTVE estrena el próximo 1 de noviembre “Asesinato en la Universidad”, la película ambientada en la Universidad de Salamanca*. 26.10.2018 // URL: <https://saladeprensa.usal.es/node/116136> (дата обращения: 27.10.2018).

20. *La imagen del VIII Centenario recorrerá 20.000 kilómetros en los trenes Alvia // El Norte de Castilla*. Domingo, 22 abril 2018. URL: <https://www.elnortedecastilla.es/salamanca/imagen-viii-centenario-20180422112006-nt.html> (дата обращения: 03.09.2018).

21. *Zorita P. El VIII Centenario de la Universidad de Salamanca, en bus entre Salamanca y Madrid // Salamanca Buenas Noticias*. El 11 abril 2018. URL: <http://salamancabuenasnoticias.com/2018/04/11/el-viii-centenario-de-la-usal-en-bus-entre-salamanca-y-madrid/> (дата обращения: 10.09.2018).

22. *Air Europa dedica uno de sus aviones al VIII Centenario de la Universidad de Salamanca*. 13.02.2018. URL: <http://saladeprensa.usal.es/node/111856> (дата обращения: 03.09.2018).

Olga A. Zheravina, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ozheravina@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 119–134.

DOI: 10.17223/22220836/32/13

800 ANNIVERSARY OF THE SALAMANCA UNIVERSITY: JUBILEE AS SCIENTIFIC AND SOCIOCULTURAL PROJECT

Keywords: Salamanca University; 800 anniversary of the Salamanca University; Salamanca; 8 centuries program; Interinstitutional commission.

In 2018 the Salamanca University founded by Alphonse IX celebrates the 800-year anniversary. Together with Bologna, Parisian, and Oxford it belongs to number of the oldest universities of Europe.

In 2008 Juan Carlos I founded Interinstitutional commission on the celebration of the 800 anniversary of the Salamanca University foundation, the constituent assembly took place in 2009 in Madrid. Representatives of the central government, administration of autonomous community Castile and Leon, Council of the province Salamanca, the mayor's office and university joined the commission. At the University in 2008/09 the Office of the 800 anniversary was created. In Philip VI's decree (2015) it was defined that "the celebration of the 800 anniversary of the University of Salamanca is considered as an event of exclusive state importance" and the Interinstitutional commission is created «under honorable presidency of their Majesties of the King and Queen».

In 2016 the program of preparation for anniversary of the Salamanca University was structured in 5 main directions connected with consolidation of positions of "the University of Spanish", leadership of the university in the higher education, creation of the University of Innovative Development, preservation of heritage and infrastructure, advance of the university at the international level. The artist M. Barselo created a logo of the 800 anniversary, held the exhibition of his works devoted to celebration.

In anniversary celebrations in Salamanca, 2018 became culmination. In January, 2018 holding until the end of the year 40 scientific actions with participation from 15 to 20 thousand scientists from around the world was planned. The program of cultural actions – concerts, exhibitions, theatrical performances was prepared. The film about drama events at the Salamanca University of the 16th century has been produced.

In May under the motto "University, Society and Future" in Salamanca the IV International meeting of rectors took place to which more than 600 rectors arrived from many countries of the world. The royal mint on the occasion of 800-year anniversary of the Salamanca University stamped silver collectible coin on which the facade of the Salamanca University decorated in plateresco style is represented.

Besides the state central, regional and municipal authorities, anniversary of Salamanca involved in common cause also representatives of the Spanish business. Many actions of promotion of the brand of the Salamanca University, including, by placement of images of the university and a logo of anniversary on trains, buses and plane were carried out.

Today's university in Salamanca still remains one of significant in the university world; it dynamically develops and looks forward surely.

References

1. González Iglesias, J.A. (2018) Del medievo al futuro: 800 años en la Universidad de Salamanca. *El País Semanal*. 9th March. [Online] Available from: https://elpais.com/elpais/2018/02/23/eps/1519390384_243933.html. (Accessed: 29th August 2018).
2. Salmana. (2008) Real Decreto 1980/2008, de 28 de noviembre, por el que se crea la Comisión Interinstitucional para la conmemoración del VIII centenario de la creación de la Universidad de Salamanca. *Boletín Oficial del Estado*. 295. pp. 49021–49022. [Online] Available from: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2008-19827. (Accessed: 11th September 2018).
3. Interministerial Commission. (2009) Constitución de la Comisión Interministerial para conmemorar el VIII Centenario de la Universidad. *Comunicación USAL*. 19th July. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/2512>. (Accessed: 29th August 2018).
4. Casa De S.M. El Rey. (2009) *Palabras de S.A.R. El Príncipe de Asturias en la apertura del curso académico universitario 2009–2010*. [Online] Available from: https://saladeprensa.usal.es/files/discursos/principe_apertura_2009-2010.pdf. (Accessed: 10th September 2018).
5. Salamanca. (2015) Real Decreto 776/2015, de 28 de agosto, por el que se modifica el Real Decreto 1980/2008, de 28 de noviembre, por el que se crea la Comisión Interinstitucional para la conmemoración del VIII centenario de la creación de la Universidad de Salamanca. *Boletín Oficial del Estado*. 207. pp. 77064–77069. [Online] Available from: https://www.boe.es/diario_boe/txt.php?id=BOE-A-2015-9464. (Accessed: 11th September 2018).
6. University of Salamanca. (2012) *El Claustro de la Universidad de Salamanca aprueba el Plan Estratégico General 2013-2018*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/27241>. (Accessed: 11th September 2018).
7. University of Salamanca. (2014) *Hernández Ruipérez solicita el apoyo de todas las administraciones para conseguir que el VIII Centenario de la Universidad de Salamanca sea asumido como "el gran proyecto colectivo de España"*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/44586>. (Accessed: 11th September 2018).

8. University of Salamanca. (2018) *La Comisión Interinstitucional del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca aprueba el documento estratégico para la conmemoración del 2018*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/13841>. (Accessed: 28th September 2018).
9. Spain. (2016) *Discurso del presidente del Gobierno en la reunión de la Comisión Interinstitucional para la Conmemoración del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca*. [Online] Available from: <http://www.lamoncloa.gob.es/presidente/intervenciones/Paginas/2016/prdi20161017.aspx>. (Accessed: 8th September 2018).
10. Salamanca City Council. (2017) *El Ayuntamiento apoya la conmemoración del VIII Centenario de la Universidad de Salamanca a través de diez líneas de actuación*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/106372>. (Accessed: 24th September 2018).
11. University of Salamanca. (n.d.) *Miquel Barceló y el logo del VIII Centenario de la USAL*. [Online] Available from: <http://radio.usal.es/noticia/miquel-barcelo-y-el-logo-del-viii-centenario-de-la-usal/>. (Accessed: 22nd September 2018).
12. University of Salamanca. (2017) *El Claustro de Doctores de la Universidad de Salamanca aprueba los doctorados honoris causa de Juncker, Marín, Barceló y Calvo Serraller*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/108806>. (Accessed: 24th September 2018).
13. University of Salamanca. (2018) *Programa de congresos y reuniones internacionales de 01.01.2018 al 31.12.2018*. [Online] Available from: <http://centenario.usal.es/programa-de-congresos-y-reuniones-internacionales/> (дата обращения: 10.09.2018).
14. *El Confidencial*. (2018) Quinta visita de Felipe VI a Salamanca en el centenario de la Universidad. [Online] Available from: https://www.elconfidencial.com/ultima-hora-en-vivo/2018-09-18/quinta-visita-de-felipe-vi-a-salamanca-en-el-centenario-de-la-universidad_1621328/. (Accessed: 26th September 2018).
15. University of Salamanca. (2018) *La Real Casa de la Moneda emite la moneda conmemorativa del VIII Centenario*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/113637>. (Accessed: 11th September 2018).
16. *Salamanca Buenas Noticias*. (2018) La Universidad de Salamanca reunirá a más de 5.000 antiguos alumnos. 24th May. [Online] Available from: <http://salamancabuenasnoticias.com/2018/05/24/la-universidad-de-salamanca-reunira-a-mas-de-5-000-antiguos-alumnos/>. (Accessed: 4th September 2018).
17. *El Periódico de Castilla y León*. (2017) Salamanca. Salamanca invertirá 1,2 millones en programación cultural. 15th November. [Online] Available from: <http://elperiodicodecastillayleon.com/noticia/2017-11-15-salamanca-invertira-1-2-millones-programacion-cultural-10512>. (Accessed: 11th September 2018).
18. *Hosteleriasalamanca.es*. (2018) *Nuevas propuestas teatrales de Plazas y Patios*. 2nd august. [Online] Available from: <https://www.hosteleriasalamanca.es/noticias-hosteleria/agosto-2018/plazas-patios-salamanca-teatro-universidad.php>. (Accessed: 11th September 2018).
19. University of Salamanca. (2018) *RTVE estrena el próximo 1 de noviembre "Asesinato en la Universidad", la película ambientada en la Universidad de Salamanca*. [Online] Available from: <https://saladeprensa.usal.es/node/116136>. (Accessed: 27th October 2018).
20. *El Norte de Castilla*. (2018) La imagen del VIII Centenario recorrerá 20.000 kilómetros en los trenes Alvia. 22nd April 2018. [Online] Available from: <https://www.elnortedecastilla.es/salamanca/imagen-viii-centenario-20180422112006-nt.html>. (Accessed: 3rd September 2018).
21. Zorita, P. (2018) El VIII Centenario de la Universidad de Salamanca, en bus entre Salamanca y Madrid. *Salamanca Buenas Noticias*. 11th April. [Online] Available from: <http://salamancabuenasnoticias.com/2018/04/11/el-viii-centenario-de-la-usal-en-bus-entre-salamanca-y-madrid/>. (Accessed: 10th September 2018).
22. University of Salamanca. (2018) *Air Europa dedica uno de sus aviones al VIII Centenario de la Universidad de Salamanca*. [Online] Available from: <http://saladeprensa.usal.es/node/111856>. (Accessed: 3rd September 2018).

УДК 930:069(571.14)

DOI: 10.17223/22220836/32/14

К.О. Жеребцова

К ИСТОРИОГРАФИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НОВОСИБИРСКА

В статье рассматривается историография музейного дела Новосибирска от его зарождения в 1920-е гг. до настоящего времени. Выявлены и проанализированы труды сибирских краеведов, участников Общества по изучению производительных сил Сибири и первых сотрудников Новосибирского музея первой трети XX в., а также современных томских, омских и новосибирских исследователей. В рамках историографического обзора кратко охарактеризовано локальное развитие музейного дела Новосибирска в контексте общих политических тенденций по стране.

Ключевые слова: музееведение, музейное дело, историография, историография музейного дела Новосибирска.

О необходимости специального изучения историографии музейного дела еще в 1960-х гг. писал ведущий российский музеевед А.М. Разгон [1]. И в ответ на этот призыв стали появляться первые историографические обзоры музейного дела России [2, 3]. А в последнее время силами томских исследователей подготовлено несколько работ, в которых рассматриваются вопросы историографии российского музееведения XIX–XX вв., освещается история изучения музейного дела Западной Сибири 1920–1930-х гг. [4–7]. Тема явно нуждается в более углубленном исследовании и конкретизации. В данной статье ставится задача осветить историографию музейного дела Новосибирска – от его зарождения в 1920-х гг. до настоящего времени.

Первыми к изучению музейного дела Новосибирска (до 1925 г. – Новониколаевска) и связанных с ним вопросов проведения краеведческих и музееведческих работ приступили сотрудники Новосибирского музея, краеведы, члены Общества по изучению производительных сил Сибири (ОИС). Так, в большой статье, посвященной развитию краеведения в Сибири, Г. Жерновков уделил достаточно много внимания только что открывшемуся в Новониколаевске музею, подчеркнул роль В.А. Анзиминова, который «вдохновляющей преданностью музею и научным интересам привлекал и собирал тогда в стенах музея все живые научные силы сибирской столицы» [8. С. 85–86]. В публикациях Е. Орловой подводились первые итоги работы ОИС как организатора всей научной и просветительной работы (а значит, и музейной), освещалась подготовка Сибирского научно-исследовательского съезда [9–11]. Кроме того, Е. Орлова опубликовала очень интересный материал об организации экскурсий для школьников в музеях, раскрыла сложности во взаимоотношениях школ и Новониколаевского (Новосибирского) музея, поставила очень важный для развития музейного дела вопрос о необходимости подготовки специалистов, знакомых со спецификой музейной и педагогической деятельности, которые могли бы формировать и поддерживать школьно-экскурсионное дело в музеях [12].

Начатое Г. Жерновковым и Е. Орловой было продолжено другими авторами, которые рассказывали о краеведческой и музейной работе со школьниками, о первых краеведческих кружках и школьных музеях в Новосибирске [13, 14]. В публикациях в журнале «Жизнь Сибири», в которых наряду с другими сибирскими музеями освещалась деятельность Новосибирского музея, сообщались сведения о материальном положении музея, расположенного в мало подходящем для этого помещении, о проведении первых экспедиций по сбору коллекций и о развертывании выставочной работы [15]. По вполне понятным причинам в журнале «Жизнь Сибири» доминировала информация об Обществе по изучению производительных сил, силами которого в Новосибирске организовывалась краеведческая и музейная деятельность [16–24].

Следует отметить, что в публикациях второй половины 1920-х гг. становятся все заметнее новые представления о музейной деятельности, отражавшие подчинение музейного дела задачам социалистического строительства. В наибольшей степени это нашло отражение в выступлениях на 1-м Сибирском краевом научно-исследовательском съезде, проведенном в Новосибирске в декабре 1926 г. Участники музейно-архивной секции съезда, чьи доклады были вскоре опубликованы, обсуждали состояние и развитие музейного дела Сибири в целом, но будучи представителями того или иного музея не могли не касаться конкретных вопросов музейной деятельности. Так, руководитель Новосибирского музея М.А. Кравков констатировал, что интерес государственных структур управления к возглавляемому им музею объяснялся тем, что он имел возможность осветить музейными средствами развитие экономики в административном центре Сибирского края [25]. А.Н. Соболев, В.Д. Вегман и Ф.К. Маклашина рассказывали о проекте создания в краеведческом музее выставки естественно-производительных сил, предлагали конкретные разработки создания в Сибири (скорее всего в Новосибирске) музея революции [26–28].

Обращаясь к истории изучения музейного дела в Новосибирске, нужно особо отметить работы Г.И. Черемных, одного из руководителей и самых активных участников музейно-краеведческого движения в Сибири двух предвоенных десятилетий. В ряде публикаций Г.И. Черемных осветил историю научных организаций, занимавшихся изучением Сибири во второй половине XIX в. – 1920-х гг., показал возраставшее значение музеев в научных исследованиях Сибирского края [29–30]. Оценивая значение 1-го Сибирского научно-исследовательского съезда, он писал: «Вполне понятно, что у этого съезда не могло быть другой цели как мобилизация научно исследовательских сил для содействия государственной власти в деле хозяйственного и культурного строительства» [31. С. 43].

Участвуя в создании ОИС и став его первым руководителем, Г.И. Черемных совместно с Н.К. Ауэрбахом провел анкетирование сибирских музеев и подготовил большую аналитическую статью о состоянии сибирского музейного дела в 1920–1926 гг. [32]. В статье впервые в советской исследовательской литературе были охарактеризованы все составляющие музейного дела Сибири: приведены данные о количестве музеев, затронуты вопросы размещения музеев, их финансирования, руководства и штатов сотрудников. Наряду с другими сибирскими музеями в рассматриваемой статье приводилась информация об экспедициях, о количестве и составе фондовых

материалов в Новосибирском музее, что позволяет провести сравнение и выяснить реальное положение музейного дела в Новосибирске. В завершение своей работы Ауэрбах и Черемных высказали все более утверждавшееся мнение о назначении музеев в советском обществе: «Музеи Сибири жалуются на свое тяжелое материальное положение и, конечно, справедливо жалуются потому, что их ресурсы действительно нищенские. Но выйти из такого положения они могут лишь только в том случае, если покажут не только свою научную значимость, но и докажут свою общественную полезность тем классам общества, которые сейчас творят жизнь и широким фронтом развивают социалистическое строительство. Только в ногу с общим ходом советского строительства музеи Сибирского края смогут обеспечить свой расцвет и полное развитие» [32. С. 134].

Важно отметить, что весьма благоприятная характеристика Новосибирского музея содержится в книге наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского. Он посетил музей во время своей поездки по Сибири в 1929 г. и довольно подробно описал музейную экспозицию. Нарком особо подчеркивал, что «музей экспонирует свои коллекции под углом зрения изучения производительных сил края», отметил хорошие геолого-минералогические, энтомологические и этнографические коллекции в музее [33. С. 17–22].

Созыв 1-го Всероссийского музейного съезда, направившего музейное дело на «социалистические рельсы», и реализация его решений на местах в корне изменили историографическую ситуацию в Сибири [7. С. 70–71]. Авторы немногочисленных музейных публикаций начала 1930-х гг. пытались соответствовать новым требованиям. Так, Г.И. Черемных в статье, опубликованной в Сибирской советской энциклопедии, дал довольно обстоятельный обзор создания и деятельности сибирских музеев начиная с середины XIX в., коротко коснулся музейного дела Новосибирска. При этом настаивал на том, что музеи «должны были стать базой массовой краеведческой работы аппаратом, демонстрирующим, пропагандирующим народно-хозяйственное и социально-культурное строительство и активно участвующим в строительстве социализма». И подчеркивал, что данная установка «усваивалась чрезвычайно медленно в процессе упорного сопротивления со стороны реакционной части музейных работников». Он завершил свою статью призывом: «...музеи должны стать действительно актуальными участниками социалистического строительства, отработать свою методику..., усилить темпы своей перестройки и укрепить свои кадры путем подготовки и переподготовки музейных работников и улучшения их социального состава» [34. Стб. 574, 577].

Сильнейший спад в историографии музеев Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг., отмеченный в диссертации Л.А. Лозовой, подтверждается и материалами об освещении музейного дела Новосибирска. Можно отметить, лишь краткие сообщения о проведении двух выставок, об организации отдела сибирского экспорта в Новосибирском краевом музее и о создании при музее школьной комнаты [35–37].

Оживление музееведческой деятельности, наблюдавшееся в стране в 1960–1980-х гг., нашло отражение и в историографии. В отдельных статьях и монографиях, наряду с другими темами, освещалось музейное дело Новосибирска [38–40]. Более подробно с опорой на впервые вводимые в научный

оборот архивные документы о Новосибирском музее писал омский музеевед, профессор Н.А. Томилов [41–42]. Он разработал периодизацию истории Новосибирского краеведческого музея, которая, на мой взгляд, требует все же определенной поправки.

Значительное обновление музейного дела России, в том числе и Новосибирска, внесли свои коррективы в историю его изучения. В 1990–2000-х гг. были изданы два тематических сборника статей, приуроченные к юбилейным и памятным датам Новосибирского краеведческого музея [43–44]. В этих сборниках впервые были освещены в комплексе важнейшие направления музейной деятельности: научно-фондовая работа, создание экспозиций, культурно-образовательная деятельность. В издании 2005 г. были опубликованы статьи И.В. Сальниковой и Н.В. Мелиховой, содержащие малоизвестные факты о зарождении Новосибирского музея, о его руководителе М.А. Кравкове [45–47]. Нужно также отметить обзорные статьи о Новосибирском музее, опубликованные в новейших энциклопедиях [48].

Интересные материалы о создании и деятельности Новосибирского краеведческого музея и других музеях города содержатся в монографиях О.Н. Шелегиной и Е.И. Красильниковой [50–51]. И поскольку в названных работах освещается история музеев всей Западной Сибири и Сибири в целом, это обеспечивает возможность сравнения музейного дела Новосибирска с другими музейными центрами и в то же время выявляет потребность более детального изучения истории музейной деятельности Новосибирска.

Литература

1. Разгон А.М. Исторические музеи в России (с начала XVIII века до 1861 г.) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 189–275.
2. Букипан П.Я. Работы по истории музейного дела в СССР // Вопросы истории. 1971. № 3. С. 144–149.
3. Ведерникова Г.И. Музейное дело в исторической и архивоведческой литературе 1920–1930-х годов // Историография и источниковедение архивного дела в СССР : межвузовский сб. / отв. ред. В.М. Устинов. М., 1984. С. 90–111.
4. Лозовая Л.А. Становление историографии музейного дела Западной Сибири (1920-е гг.) // Вестник Томского государственного университета. История. Томск, 2013. № 6. С. 199–201.
5. Лозовая Л.А. История изучения музейного дела Западной Сибири первого послереволюционного десятилетия (1920-е – начало 1990-х годов): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 222 с.
6. Дмитриенко Н.М., Лозовая Л.А., Бутенко М.А., Глухов В.С. Музееведение как комплекс знаний о музейном деле: к историографии проблемы // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2015. № 399. С. 34–41.
7. Дмитриенко Н.М., Бутенко М.А., Глухов В.С., Лозовая Л.А. Российское музееведение 1930–2010-х гг.: опыт историографического изучения // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2016. № 405. С. 70–81.
8. Жерновков Г. С чего начинать (о задачах краеведения) // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1923. № 8. С. 81–88.
9. Орлова Е. Общество по изучению производительных сил Сибири // Сибирские огни. Новониколаевск, 1925. № 6. С. 188–189.
10. Орлова Е. К предстоящему в Новосибирске научно-исследовательскому съезду // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 1–2. С. 236.
11. Орлова Е. Общество по изучению производительных сил Сибири // Сибирские огни. Новосибирск, 1926. № 3. С. 232–233.
12. Орлова Е. Музей и школа // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 1925. № 4. С. 66–70.

13. *Иванов С.* Краеведческая работа в школе // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск, 1925. № 5. С. 12–17.
14. *Грачев Л.А.* Школьный музей // Просвещение Сибири. Новосибирск, 1927. № 1. С. 82–84.
15. *Хроника* краеведения: Новосибирский музей // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 2. С. 121–123.
16. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1929. № 4. С. 125.
17. *Хроника* краеведения: В Обществе изучения производительных сил // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 1. С. 103–104.
18. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 2. С. 118–119.
19. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 3–4. С. 113.
20. *Новосибирск.* Общество изучения Сибири и ее производительных сил // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 6. С. 137–138.
21. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 7. С. 116.
22. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 9–10. С. 205.
23. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1929. № 1. С. 134–135.
24. *Хроника* краеведения: Новосибирск // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1930. № 6. С. 122–123.
25. *Кравков М.А.* Перспективы музейного строительства в Сибири // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 189–195.
26. *Соболев А.Н.* Выставка производительных сил края // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 196–199.
27. *Вегман В.Д.* Музеи революции, их цели и задачи // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 200–202.
28. *Маклашина Ф.К.* О структуре и деятельности музея революции // Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / отв. ред. Г.И. Черемных. Новосибирск, 1928. Т. 5. С. 203–204.
29. *Черемных Г.* Научно-исследовательская работа в Сибири // Жизнь Сибири. Новониколаевск, 1924. № 10. С. 95–101.
30. *Черемных Г.И.* Организационные формы научно-исследовательской деятельности на территории Сибирского края // Первый Сибирский научно-исследовательский съезд: материалы к докладам пленума. Новосибирск, 1926. С. 10.
31. *Черемных Г.* Первый сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1927. № 1. С. 43–48.
32. *Ауэрбах Н.К., Черемных Г.И.* Состояние музейного дела в Сибирском крае // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1928. № 9–10. С. 125–134.
33. *Луначарский А.В.* Месяц по Сибири. Л., 1929. 94 с.
34. *Черемных Г.И.* Музеи // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск : Зап.-Сиб. отделение ОГИЗ, 1932. Т. 3. Стб. 572–577.
35. *Работа* общества изучения Сибири по изучению сибирского экспорта // Жизнь Сибири. Новосибирск, 1930. № 6. С. 122–123.
36. *В.* Краевая выставка по 1905 году // Просвещение Сибири. Новосибирск, 1930. № 12. С. 95–96.
37. *В.Л.* Школьная краеведческая работа в Новосибирске // Просвещение Сибири. Новосибирск, 1935. № 2. С. 62–63.
38. *Боженко Л.И.* Из истории музейного строительства в Сибири в 1920–1925 гг. // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971. Вып. 5. С. 180–193.
39. *Соскин В.Л.* Сибирь, революция, наука / отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск : Наука, 1989. С. 173.
40. *Новосибирск.* 100 лет. События. Люди / отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1993. 472 с.

41. Томилов Н.А. Периодизация истории Новосибирского областного краеведческого музея // История культуры Западной Сибири. Омск, 1988. С. 46–48.
42. Томилов Н.А. К истории Новосибирского областного краеведческого музея // Этнографическое обозрение. М., 1993. № 1. С. 96–101.
43. 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею : сб. ст. / ред. К.И. Ватутин. Новосибирск, 1995. 147 с.
44. Образовательная деятельность музея: 85-летию музея посвящается / Департамент культуры Новосибирской области, Новосибирский государственный краеведческий музей. Новосибирск, 2005. 71 с.
45. Сальникова И.В. Документальная летопись Новосибирского государственного краеведческого музея // Образовательная деятельность музея: 85-летию музея посвящается. Новосибирск, 2005. С. 48–66.
46. Сальникова И.В. Первые коллекции Новосибирского государственного краеведческого музея и их собиратели // Образовательная деятельность музея: 85-летию музея посвящается. Новосибирск, 2005. С. 67–70.
47. Мелхова Н.В. Кравков Максимилиан Алексеевич – геолог, писатель, краевед, директор Новониколаевского городского музея // Образовательная деятельность музея: 85-летию музея посвящается. Новосибирск, 2005. С. 71–72.
48. Погорелова Л.А. Новосибирский областной краеведческий музей // Российская музейная энциклопедия. М. : Прогресс, РИПОЛ классик, 2005. С. 445–446.
49. Сальникова И.В. Новосибирский государственный краеведческий музей // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск : Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2010. Т. 2. С. 507.
50. Шелегина О.Н. Музеи Сибири : очерки создания, развития, адаптации. Новосибирск, 2010. 244 с.
51. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). 2-е изд., испр. и перераб. Новосибирск, 2015. 404 с.

Kristina O. Zhrebtsova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); State autonomous cultural institution of the Novosibirsk region “Novosibirsk State Museum of Local History & Nature” (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: zh.kristina.o@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 135–143.

DOI: 10.17223/22220836/32/14

ON THE HISTORIOGRAPHY OF MUSEUM BUSINESS IN NOVOSIBIRSK

Keywords: museology; museum science; historiography; historiography of museums in Novosibirsk.

Referring to the historiography of the museum of Novosibirsk it should be noted that a comprehensive study of this issue was not conducted. The period of the study covers the period from the 1920s. until now. A.M. Razgon was the first to write about the need to study the historiography of the museum work in the 1960s. In subsequent years, special articles by P.Ya. Bukshpan, G.I. Vedernikova were published. Against the background of the growing popularity of studying museum historiography, a large contribution to the study of museology in Russia and Western Siberia was made by Tomsk researchers N.M. Dmitrienko, L.A. Lozovaya, M.A. Butenko, V.S. Gluhov. Museum staff, local historians and members of the Society carried out the first museum studies of Novosibirsk for the Study of the Productive Forces of Siberia. Valuable information about the local history and museum activities of Novosibirsk is contained in the publications of the journal “Life of Siberia” in the section “Chronicle of Local History”. In connection with the current political situation in the second half of the 1920s, the articles were subordinated to socialist construction. One of the most active figures of the museum and local lore movement in Siberia of the 1920s and 1930s. is G.I. Cheremnykh. His works contain the history of scientific organizations, showing the importance of museums in the studies of Siberia. In collaboration with N.K. Auerbach, G.I. Cheremnykh published a large article “The State of the Museum in the Siberian Territory”. A detailed analysis of the activities of the Siberian museums of 1920–1926, which covers all areas of the museum work, allows us to compare and see the actual situation of the museum of Novosibirsk. Statesman A.V. Lunacharsky in his book “Month in Siberia” gave a positive review about the Novosibirsk Museum. In the early 1930s. G.I. Cheremnykh in the Siberian

Soviet Encyclopedia was forced to write about the need for all museums to become the basis for cultural and social construction. During the recession, historiography of museums publishes brief articles about exhibitions, about the organization of the Siberian export department in the Novosibirsk Regional Museum and about the creation of a schoolroom at the museum.

Since the 1960s, there is a revival of museum studies, including in historiography. L.I. Bozhenko covers the museum work of Novosibirsk in articles, in the works of V.L. Soskin. Omsk Professor N.A. Tomilov dedicates a number of articles to the Novosibirsk Museum, where he offers periodization of the history of the Novosibirsk Local History Museum. In 1995 and 2005, the Novosibirsk Regional Museum of Local History is publishing collections of articles for its anniversaries. In these collections, the main directions of museum activities are highlighted, articles by I.V. Salnikova and N.V. Melikhova with little-known facts about the history of the Novosibirsk Museum. O.N. Shelegina and E.I. Krasilnikova published monographs containing information about the museums of Siberia.

The presented works allow to compare the museum work of Novosibirsk with other museums of Siberia, but at the same time it requires more careful study and detail in studying the history of museums of the city.

References

1. Razgon, A.M. (1963) Istoricheskiye muzei v Rossii (s nachala XVIII veka do 1861 g.) [Historical museums in Russia (from the early 18th century – until 1861)]. In: Zaks, A.B. et al. *Ocherki istorii muzeynogo dela v SSSR* [Sketches of the History of Museum Work in the USSR]. Moscow: , 1963. Vyp. 5. pp. 189–275.
2. Bukshpan, P.Ya. (1971) Raboty po istorii muzeynogo dela v SSSR [Works on the history of museology in the USSR]. *Voprosy istorii*. 3. pp. 144–149.
3. Vedernikova, G.I. (1984) Muzeynoe delo v istoricheskoy i arkhivovedcheskoy literature 1920–1930-kh godov [Museum Business in the Historical and Archival Literature of the 1920–1930s]. In: Ustinov, V.M. (ed.) *Istoriografiya i istochnikovedenie arkhivnogo dela v SSSR* [Historiography and Archival Studies in the USSR]. Moscow. pp.90–111.
4. Lozovaya, L.A. (2013) The formation of historiography of Western Siberian museum science in the 1920s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6. pp. 199–201.
5. Lozovaya, L.A. (2013) *Istoriya izucheniya muzeynogo dela Zapadnoy Sibiri pervogo poslerevolutsionnogo desyatiletiya (1920-ye – nachalo 1990-kh godov)* [History of the study of the museology of Western Siberia of the first post-revolutionary decade (the 1920s – early 1990s)]. History Cand. Diss.
6. Dmitrienko, N.M., Lozovaya, L.A., Butenko, M.A. & Glukhov, V.S. (2015) Museology as complex of knowledge about museum science: historiography of the problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 34–41. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/399/7
7. Dmitriyenko, N.M., Butenko, M.A., Glukhov, V.S. & Lozovaya, L.A. (2016) Russian museology in the 1930s-2010s: an experience of a historiography study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 405. pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/405/9
8. Zhernovkov, G. (1923) S chego nachinat' (o zadachakh krayevedeniya) [Where to start (on the tasks of local history)]. *Zhizn' Sibiri*. 8. pp. 81–88.
9. Orlova, E. (1925a) Obshchestvo po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Sibiri [Society for the Study of the Productive Forces of Siberia]. *Sibirskie ogni*. 6. pp. 188–189.
10. Orlova, E. (1926a) K predstoyashchemu v Novosibirsk nauchno-issledovatel'skomu s"yezdu [To the upcoming scientific and research congress in Novosibirsk]. *Sibirskie ogni*. 1–2. pp. 236.
11. Orlova, E. (1926b) Obshchestvo po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Sibiri [Society for the Study of the Productive Forces of Siberia]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 232–233.
12. Orlova, E. (1925b) Muzei i shkola [Museum and School]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 4. pp. 66–70.
13. Ivanov, S. (1925) Kraevedcheskaya rabota v shkole [Local lore studies at school]. *Sibirskiy pedagogicheskij zhurnal*. 5. pp. 12–17.
14. Grachev, L.A. (1927) Shkol'nyy muzey [School Museum]. *Prosveshchenie Sibiri*. 1. pp. 82–84.
15. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: Novosibirskiy muzey [The chronicle of local history: Novosibirsk Museum]. *Zhizn' Sibiri*. 2. pp. 121–123.

16. Anon. (1929) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 4. pp. 125.
17. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: V Obshchestve izucheniya proizvoditel'nykh sil [The chronicle of local history: In the Society for the Study of Productive Forces]. *Zhizn' Sibiri*. 1. pp. 103–104.
18. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 2. pp. 118–119.
19. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 3–4. pp. 113.
20. Anon. (1927) Novosibirsk. Obshchestvo izucheniya Sibiri i ee proizvoditel'nykh sil [Novosibirsk. The Society for the Study of Siberia and Its Productive Forces]. *Zhizn' Sibiri*. 6. pp. 137–138.
21. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 7. p. 116.
22. Anon. (1927) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 9–10. p. 205.
23. Anon. (1929) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 1. pp. 134–135.
24. Anon. (1930) Khronika kraevedeniya: Novosibirsk [The chronicle of local history: Novosibirsk]. *Zhizn' Sibiri*. 6. pp. 122–123.
25. Kravkov, M.A. (1928) Perspektivy muzeynogo stroitel'stva v Sibiri [Prospects for museum construction in Siberia]. In: Cheremnykh, G.I. (ed.) *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda* [Proceedings of the First Siberian Territorial Research Congress]. Vol. 5. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 189–195.
26. Sobolev, A.N. (1928) Vystavka proizvoditel'nykh sil kraya [Exhibition of productive forces of the territory]. In: Cheremnykh, G.I. (ed.) *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda* [Proceedings of the First Siberian Territorial Research Congress]. Vol. 5. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 196–199.
27. Vegman, V.D. (1928) Muzei revolyutsii, ikh tseli i zadachi [Revolution museums, their goals and objectives]. In: Cheremnykh, G.I. (ed.) *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda* [Proceedings of the First Siberian Territorial Research Congress]. Vol. 5. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 200–202.
28. Maklashina, F.K. (1928) O strukture i deyatel'nosti muzeya revolyutsii [On the structure and activity of the museum of revolution]. In: Cheremnykh, G.I. (ed.) *Trudy Pervogo Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s"ezda* [Proceedings of the First Siberian Territorial Research Congress]. Vol. 5. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 203–204.
29. Cheremnykh, G.I. (1924) Nauchno-issledovatel'skaya rabota v Sibiri [Research in Siberia]. *Zhizn' Sibiri*. 10. pp. 95–101.
30. Cheremnykh, G.I. (1926) Organizatsionnye formy nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti na territorii Sibirskogo kraya [Organizational forms of research activities in Siberia]. In: *Pervyy Sibirskiy nauchno-issledovatel'skiy s"yezd: materialy k dokladam plenuma* [The First Siberian Research Congress: materials for the reports]. Novosibirsk: [s.n.]. p. 10.
31. Cheremnykh, G.I. (1927) Pervyy sibirskiy kraevoy nauchno-issledovatel'skiy s"ezd [The First Siberian Regional Research Congress]. *Zhizn' Sibiri*. 1. pp. 43–48.
32. Auerbakh, N.K. & Cheremnykh, G.I. (1928) Sostoyaniye muzeynogo dela v Sibirskom krae [Museology in the Siberian region]. *Zhizn' Sibiri*. 9–10. pp. 125–134.
33. Lunacharsky, A.V. (1929) *Mesyats po Sibiri* [A Month in Siberia]. Leningrad: Krasnaya gaseta.
34. Cheremnykh, G.I. (1932) Muzei [Museums]. In: Azadovskiy, M.K. (ed.) *Sibirskaya so- vetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 3. Novosibirsk: OGIZ. Col. 572–577.
35. Anon. (1930) Rabota obshchestva izucheniya Sibiri po izucheniyu sibirskogo eksporta [The work of the Siberian Study Society on the study of Siberian exports]. *Zhizn' Sibiri*. 6. pp. 122–123.
36. V. (1930) Kraevaya vystavka po 1905 godu [Regional exhibition of 1905]. *Prosveshchenie Sibiri*. 12. pp. 95–96.
37. V.L. (1935) Shkol'naya kraevedcheskaya rabota v Novosibirske [School study of local lore in Novosibirsk]. *Prosveshchenie Sibiri*. 2. pp. 62–63.
38. Bozhenko, L.I. (1971) Iz istorii muzeynogo stroitel'stva v Sibiri v 1920–1925 gg. [From the history of museum construction in Siberia in 1920–1925]. In: Flerov, V.S. (ed.) *Sibir' i Dal'niy Vostok v period vosstanovleniya narodnogo khozyaystva* [Siberia and the Far East in the period of recovery of the national economy]. Vol. 5. Tomsk: Tomsk State University. p. 18.

39. Soskin, V.L. (1989) *Sibir', revolyutsiya, nauka* [Siberia, revolution, science]. Novosibirsk: Nauka.
40. Goryushkin, L.M. (1993) *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 years. Developments. People]. Novosibirsk: Nauka.
41. Tomilov, N.A. (1988) Periodizatsiya istorii Novosibirskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [Periodisation of the history of the Novosibirsk Regional Local Lore Museum]. In: Ryzhenko, V.G. (ed.) *Istoriya kul'tury Zapadnoy Sibiri* [History of Western Siberian culture]. Omsk: Omsk State University. pp. 46–48.
42. Tomilov, N.A. (1993) K istorii Novosibirskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya [On the history of the Novosibirsk Regional Museum of Local Lore]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 1. pp. 96–101.
43. Vatutin, K.I. (ed.) (1995) *75 let Novosibirskomu oblastnomu kraevedcheskomu muzeyu* [75 years of the Novosibirsk Regional Museum of Local Lore]. Novosibirsk: [s.n.].
44. Salnikova, I.V. et al. (2005) *Obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: 85-letiyu muzeya posvyashchayetsya* [Educational activities of the Museum: Dedicated to the 85th anniversary of the Museum]. Novosibirsk: [s.n.].
45. Salnikova, I.V. (2005) Dokumental'naya letopis' Novosibirskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya [The documentary chronicle of the Novosibirsk State Museum of Local Lore]. In: Salnikova, I.V. et al. *Obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: 85-letiyu muzeya posvyashchayetsya* [Educational activities of the Museum: Dedicated to the 85th anniversary of the Museum]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 48–66.
46. Salnikova, I.V. (2005) Pervye kollektsii Novosibirskogo gosudarstvennogo kraevedcheskogo muzeya i ikh sobirately [The first collections of the Novosibirsk State Museum of Local Lore and their collectors]. In: Salnikova, I.V. et al. *Obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: 85-letiyu muzeya posvyashchayetsya* [Educational activities of the Museum: Dedicated to the 85th anniversary of the Museum]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 67–70.
47. Melikhova, N.V. (2005) Kravkov Maksimilian Alekseevich – geolog, pisatel', kraeved, direktor Novonikolaevskogo gorodskogo muzeya [Kravkov Maximilian Alekseevich – geologist, writer, local historian, director of the Novonikolaevsk City Museum]. In: Salnikova, I.V. et al. *Obrazovatel'naya deyatel'nost' muzeya: 85-letiyu muzeya posvyashchayetsya* [Educational activities of the Museum: Dedicated to the 85th anniversary of the Museum]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 71–72.
48. Pogorelova, L.A. (2005) Novosibirskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey [Novosibirsk Regional Museum of Local Lore]. In: Sundieva, A.A. (ed.) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopedia]. Moscow: Progress, RIPOL klassik. pp. 445–446.
49. Salnikova, I.V. (2010) Novosibirskiy gosudarstvennyy kraevedcheskiy muzey [Novosibirsk State Museum of Local Lore]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 2. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. p. 507.
50. Shelegina, O.N. (2010) *Muzei Sibiri: ocherki sozdaniya, razvitiya, adaptatsii* [Museums of Siberia: Essays of Creation, Development, and Adaptation]. Novosibirsk: SB RAS.
51. Krasilnikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember not forget . . . Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia (the late 1919 – mid 1941)]. 2nd ed. Novosibirsk: Novosibirsk State Agrarian University.

УДК 94:069(571.16)

DOI: 10.17223/22220836/32/15

Л.М. Плетнева, Э.И. Черняк

ВКЛАД СОТРУДНИКОВ ПНИЛ ИАЭС В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СИБИРИ

В статье впервые в исторической литературе рассматривается опыт взаимодействия и сотрудничества двух научных подразделений ТГУ – Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири и Музея археологии и этнографии Сибири. Прослеживается участие сотрудников Проблемной лаборатории в научно-фондовой и экспозиционной деятельности музея, характеризуются результаты их исследовательской работы, выполнявшейся на основе привлечения хранившихся в музее памятников археологии и этнографии.

Ключевые слова: ПНИЛ ИАЭС, исследования в области археологии и этнографии, музейное дело ТГУ.

Научная деятельность Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири (ПНИЛ ИАЭС) коротко освещалась в статьях Э.И. Черняка, Л.М. Плетневой, Н.В. Лукиной и др. [1–4]. Однако в год 50-летия научного подразделения имеется необходимость еще раз обратиться к истории создания, охарактеризовать участие его сотрудников в работе Музея археологии и этнографии Сибири.

Из имеющихся публикаций известно, что инициаторами создания исторической лаборатории стали преподаватели историко-филологического факультета ТГУ И.М. Разгон, В.С. Флеров, А.П. Бородавкин, А.А. Говорков. В январе 1968 г. они обратились с письмом (позже опубликованном) к ректору ТГУ А.П. Бычкову: «...После длительного обсуждения пришли к заключению, что целесообразно при историко-филологическом факультете создать проблемную лабораторию по истории, археологии и этнографии Сибири. В качестве материальной базы этой лаборатории использовать Музей материальной культуры, Научную библиотеку университета и музей Куйбышева университета, а также центральные архивы и архивы Томска и других городов Сибири» [1. С. 3].

В кратчайшие сроки в ректорате ТГУ были проделаны все необходимые подготовительные работы, министром высшего и среднего специального образования РСФСР был подписан приказ № 123 от 23 апреля 1968 г., в котором наряду с другими распоряжениями предписывалось открытие в ТГУ Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири. А 30 мая 1968 г. ректор ТГУ профессор А.П. Бычков подписал приказ об открытии лаборатории и о назначении ее заведующим доцента А.П. Бородавкина.

После утверждения на Ученом совете историко-филологического факультета тематики Проблемной лаборатории в штат были зачислены первые научные сотрудники. Так было положено начало формированию структуры нового научного подразделения, которая включала в себя сектор дореволю-

ционной истории Сибири, сектор истории Великой Октябрьской социалистической революции, социалистического и коммунистического строительства в Сибири, сектор археологии и этнографии Сибири. В дальнейшем в связи с изменениями проблематики названия и состав секторов также изменялись, но направленность их работы сохранялась, поскольку отвечала главной задаче коллектива – историческая реконструкция процессов освоения и развития Сибири с древности до современности. На решение этой задачи были нацелены работы по выявлению, изучению и введению в научный оборот всего комплекса исторических источников по истории Сибири [4. С. 17–19].

Вполне естественно, что первым приступом к решению поставленных перед лабораторией задач стало возрождение Музея истории материальной культуры (так университетское хранилище именовалось с начала 1930-х гг.). Дело в том, что Археологический музей Императорского Томского университета, созданный В.М. Флоринским в 1882 г., в последующие десятилетия не раз менял свое название и место расположения (в 1-м и 3-м корпусах ТГУ). В 1960-х гг., особенно когда на историко-филологическом факультете непродолжительное время действовала кафедра археологии и этнографии, в Музее истории материальной культуры сотрудничали специалисты-археологи В.И. Матюшенко и его ученица Л.М. Плетнева, которая по окончании историко-филологического факультета была лаборантом, а в 1962–1968 гг. – заведующей музеем. С открытием ПНИЛ ИАЭС за Музеем истории материальной культуры сохранялся статус учебно-вспомогательного учреждения историко-филологического факультета, хотя в литературе не раз утверждалось, что музей вошел в состав лаборатории. Официально в каждом из двух подразделений действовали свои отдельные штатные расписания, и сотрудники лаборатории в музее не числились, хотя и выполняли в нем большую работу. А что касается музейных штатов, в составе которых долгое время были только заведующий и лаборант, то они пополнялись за счет лаборатории. Так, в 1968–1970 гг. Л.М. Плетнева была младшим научным сотрудником, в 1970–1974 гг. заведовала музеем. В течение 1974–1993 гг. она занимала должность старшего, затем ведущего научного сотрудника ПНИЛ ИАЭС и одновременно много лет выполняла обязанности заведующего музеем. (Точно так же сотрудник лаборатории Ю.И. Ожередов стал заведовать музеем с 1987 г.).

Со времени подключения музея к ПНИЛ ИАЭС в 1968 г. ему было придано новое название, сохранившееся по сию пору, – Музей археологии и этнографии Сибири, или МАЭС. С помощью первых штатных сотрудников ПНИЛ ИАЭС был проведен ремонт занимаемого музеем помещения, на двух галереях двусветного зала (который при строительстве главного здания Императорского Томского университета предназначался под библиотеку) подготовлены места для размещения коллекций и работы сотрудников музея. Установленный в центре музейного зала стол использовался и для работы с музейными коллекциями, и для проведения общих собраний сотрудников ПНИЛ ИАЭС.

Включение МАЭС в орбиту Проблемной лаборатории, решение организационных вопросов, значительное улучшение материальных условий дали новый импульс в развитии музея, что отмечалось не раз в литературе как поворотный момент в его деятельности [4. С. 17; 5. С. 19; 6. С. 34]. Прежде все-

го были упорядочены и введены в научное русло работы с музейными фондами. Нужно сказать, что комплектованием музея еще в 1950-х гг. занимались Е.М. Пеняев и В.И. Матющенко, они возобновили археологические раскопки, материалы которых поступали на музейное хранение в университет [6. С. 34]. С открытием Проблемной лаборатории и созданием секторов археологии и этнографии, с конца 1960-х до начала 1980-х гг. (до закрытия помещения МАЭС на капитальный ремонт) ежегодно проводилось по 17–18 экспедиций стационарного и разведочного характера. В 1980-х, а особенно в 1990-х гг., количество экспедиций стало постепенно сокращаться. В период наиболее интенсивной работы археологов ТГУ было собрано и доставлено в музей несколько сотен больших и малых коллекций, документирующих культуру народов Северной Азии [4. С. 25; 6. С. 34]. В археологических экспедициях, проведенных сотрудниками ПНИЛ ИАЭС В.А. Посредниковым, Ю.Ф. Кирюшиным, М.В. Шуньковым, В.П. Васильевым, Ю.И. Ожередовым, были обнаружены и переданы в университетский музей коллекции по эпохам палеолита, неолита и бронзы. Памятники эпохи железа и эпохи средневековья изучались в экспедициях Л.А. Чиндиной, Л.М. Плетневой, А.Д. Гамана, О.Б. Беликовой, Л.А. Гребневой, А.И. Бобровой, Я.А. Яковлева и др. [7. С. 20–21].

Среди наиболее заметных открытий и находок археологов ПНИЛ ИАЭС, переданных на хранение в Музей археологии и этнографии, нужно отметить памятники басандайской культуры, шеломокской культуры, артефакты Тимирязевского курганного могильника I, II, городища Тимирязевское IV, раскопанные Л.М. Плетневой (частично совместно с О.Б. Беликовой) в 1980-х гг. Раскопки Л.М. Плетневой Савинского курганного могильника (вблизи с. Ярского) выявили уникальный предмет для эпохи раннего железа – бронзовый кистень на кожаном ремешке, а также бронзовые фигурки птиц, пантеры, бусы из халцедона, речного жемчуга и янтаря [8. С. 125; 9. С. 577]. В 1970–1990-х гг. О.Б. Беликова проводила раскопки в среднем течении Чулыма, откуда регулярно доставляла в МАЭС археологические материалы, характеризующие культуру енисейских кыргызов: вооружение, украшения, одежду. Так, при раскопках могильников ею были найдены бронзовая китайская монета начала XI в., бронзовые китайские зеркала, детали поясного набора из диопсидовой породы, бусины из опала, хрусталя, агата, подвески из лазурита [10. С. 213]. В 1986–1987 гг. сотрудник ПНИЛ ИАЭС Я.А. Яковлев проводил раскопки памятника эпохи раннего железа городища Карбинское-1, давшие бронзовую металлопластику, предметы поясной и ременной гарнитуры, образцы оружия, наконечники стрел, посуду из бронзы [11. С. 68].

Со времени открытия Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири и создания в ней сектора этнографии, по имеющимся в литературе сведениям, «были специально выдвинуты задачи по сбору новых этнографических коллекций преимущественно среди народов Западной Сибири» [12. С. 11]. Сотрудники ПНИЛ ИАЭС, прежде всего Н.А. Томилов, Н.В. Лукина, В.М. Кулемзин, развернули экспедиционные исследования сибирских татар, селькупов, хантов. По подсчетам Н.В. Лукиной, за первые 35 лет деятельности ПНИЛ ИАЭС ее сотрудниками было проведено 40 экспедиций и индивидуальных поездок для сбора этнографического материала,

большая часть которого передавалась в МАЭС [4. С. 30]. Самая представительная коллекция этнографических материалов, переданная на хранение в МАЭС, была собрана Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным во время их 7-месячного пребывания среди хантов на севере Томской области. Собранные материалы частично были опубликованы Н.В. Лукиной в бытность ее сотрудником лаборатории [13]. А впоследствии она подготовила к печати и издала материалы всех своих экспедиций и поездок по Сибири, представляющие большой научный интерес. Материалы систематизированы по следующим разделам: дневник; этнический состав и история; занятия; средства передвижения; жилища; пища и утварь; одежда; брак и семья; народные знания; верования; музыка; разные сведения; список информаторов [14].

Доставляемые в музей памятники археологического и этнокультурного наследия требуют обработки и сохранения, поэтому со времени основания Археологического музея Императорского Томского университета в нем велись работы по инвентаризации, учету и каталогизации фондов. После длительного перерыва эти работы были возобновлены в Музее истории материальной культуры, когда в конце 1950-х гг. В.И. Матющенко и помогавшие ему доцент Г.В. Трухин и студенты историко-филологического факультета ТГУ «перебрали, описали, зарисовали, составили паспорта» археологических коллекций. В.И. Матющенко начал подготовку каталога археологического отдела музея, но издать его не удалось [5. С. 16–17]. С созданием ПНИЛ ИАЭС сотрудники секторов археологии и этнографии приняли самое активное участие в научно-фондовой работе МАЭС. Под руководством Н.А. Томилова и при участии М.С. Усмановой, Д.П. Славнина, Т.И. Никитиной, В.М. Кулемзина были разобраны и размещены в новом музейном хранилище ранее законсервированные этнографические коллекции, начата их паспортизация [15. С. 177–178]. Результатом многолетней кропотливой работы с предметами этнографического собрания стало издание 2-томного иллюстрированного каталога, в подготовке которого участвовали все этнографы Проблемной лаборатории – Н.А. Томилов, Н.В. Лукина, П.Е. Бардина, В.М. Кулемзин, Д.П. Славнин, М.С. Усманова, а также привлеченные к этой работе Э.Л. Львова и А.М. Сагалаев [16, 17]. Издание каталога позволило упорядочить и ввести в научный оборот все этнографические фонды музея.

Оживление музейной работы, обусловленное открытием ПНИЛ ИАЭС, получило яркое воплощение в разработке и создании экспозиции, которой не было в музее с 1950 г. Подготовка экспозиции велась еще до создания лаборатории силами немногочисленных сотрудников музея и преподавателей историко-филологического факультета, а ремонт музейного помещения, формирование штата сотрудников лаборатории, конечно же, стимулировали экспозиционные работы. В них участвовали все сотрудники сектора археологии и этнографии Проблемной лаборатории, а также сотрудники музея и историко-филологического факультета: В.А. Дремов, Н.В. Лукина, В.И. Матющенко, Л.М. Плетнева, В.А. Посредников, В.А. Серебренникова, Н.А. Томилов, Л.А. Чиндина, Э.Л. Львова, В.Д. Славнин, Г.В. Сулев [18. С. 2].

Подготовленное в Проблемной лаборатории первое музеографическое издание, известное как «Описание экспозиции», позволяет воссоздать план и содержание музейной экспозиции. Она включала два отдела – археологический и этнографический, оба отдела формировались с целью «познакомить

посетителей с древними этапами развития человечества», а также «с хозяйственной деятельностью, бытом и культурой коренных народов Сибири... в дореволюционное время». В археологическом отделе экспозиции были охарактеризованы эпохи палеолита, неолита, ранней и поздней бронзы, раннего и позднего железа. В этнографическом отделе были представлены материалы о хантах, селькупках, эвенках, шорцах и нивхах. Для создания экспозиции использовались сохранившиеся в музее коллекции и отдельные предметы, начиная с первых поступлений конца XIX – начала XX в. и завершая материалами раскопок В.И. Матющенко, Л.М. Плетневой, Л.А. Чиндиной 1960-х гг. Экспонаты археологического отдела были размещены на 17 стендах, в этнографическом отделе было организовано 5 стендов. К некоторым стендам были приставлены витрины, а для раскрытия темы «Эвенки» подготовлена диорама. Не все намеченные в экспозиционном показе темы были обеспечены подлинными памятниками, поэтому в разделе «Происхождение человека. Палеолит» использовались муляжи и скульптурные реконструкции (ведь экспозиция строилась до начала интенсивного изучения палеолита сотрудниками ПНИЛ ИАЭС). Однако в абсолютном большинстве в музее демонстрировались подлинные памятники древней истории Сибири, например орудия труда из камня (в разделе «Неолит»), которые, как отмечалось в описании экспозиции, «поражали виртуозным мастерством исполнения, будь то ретушь или шлифовка» [18. С. 6].

Нацеленные на показ памятников археологии и этнографии народов Сибири сотрудники МАЭС не могли не вспомнить о других замечательных коллекциях. Поэтому на стенах второй галереи музея были размещены кольчуги, панцири, шлемы и щиты сибиряков Средневековья. А кроме того, в экспозиционном зале было смонтировано три стенда для размещения временных выставок из фондов музея. Конечно же, первая выставка демонстрировала предметы индейской коллекции, подаренной Археологическому музею в 1880-х гг. красноярским коллекционером И.П. Кузнецовым [18. С. 31–32].

Новая экспозиция была открыта в январе 1969 г. Присутствующие на торжестве открытия экспозиции ректор ТГУ А.П. Бычков, руководители тем ПНИЛ ИАЭС, профессора историко-филологического факультета И.М. Разгон, З.Я. Бояршинова, Б.Г. Могильницкий, В.С. Флеров сделали в книге отзывов музея первую запись: «Ура! Музей открыт! Он выстрадан коллективом историков университета». Чуть позже академик А.П. Окладников и его ученик, действительный член Академии наук СССР А.П. Деревянко, написали: «Дышим родной атмосферой и надышаться не можем! Так чудесно здесь – в старейшем и вечно молодом университетском музее археологии и этнографии Сибири. Радует успехам наших друзей и желаем новых».

С открытием постоянно действующей экспозиции МАЭС приобрел полноценный статус, стал популярен среди посетителей – любителей древности и специалистов-исследователей. Со времени создания ПНИЛ ИАЭС фонды музея стали рассматриваться как важнейшая источниковая база научных исследований в области археологии и этнографии Сибири, и сотрудники Проблемной лаборатории не могли ее не использовать. Для реализации научных разработок необходимы были публикации, и руководству лаборатории удалось добиться разрешения на создание участка оперативной печати, оборудованного ротاپринтом. Так была организована серия ротاپринтных изданий

«Из истории Сибири», вышло более 20 сборников, в которых наряду с другими публиковались археолого-этнографические материалы. Кроме того, статьи сотрудников ПНИЛ ИАЭС публиковались в других изданиях, а со временем стали издаваться монографии, практически целиком опиравшиеся на источники, хранившиеся в МАЭС [19–30].

Работая по сибирской проблематике и используя материалы МАЭС, сотрудники Проблемной лаборатории приступили к подготовке кандидатских, а позже и докторских диссертаций. В продолжение первых трех десятилетий деятельности ПНИЛ ИАЭС ее сотрудники подготовили и защитили 16 кандидатских диссертаций. А впоследствии (иногда уже за пределами лаборатории), продолжая разработки избранных тем, опиравшихся на фонды МАЭС, Н.А. Томилов, Н.В. Лукина, Л.А. Чиндина, В.М. Кулемзин, Л.М. Плетнева, О.М. Рындина, А.Н. Багашев защитили докторские диссертации.

Самым значимым итогом сотрудничества ПНИЛ ИАЭС и Музея археологии и этнографии Сибири стала подготовка многотомного издания, посвященного проблемам культурогенеза и расогенеза народов Западной Сибири. В редакционную коллегию издания, сформированную в середине 1980-х гг., вошли академик В.П. Алексеев, член-корреспондент АН СССР В.И. Молодин, профессора Омского госуниверситета В.И. Матющенко и Н.А. Томилов и сотрудники ПНИЛ ИАЭС: доктор исторических наук В.М. Кулемзин, кандидаты наук Л.М. Плетнева и В.А. Дремов. Общее научное руководство осуществляла доктор исторических наук, главный научный сотрудник Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Н.В. Лукина.

Идея издания, зародившаяся в Проблемной лаборатории во взаимных контактах, дискуссиях, обсуждениях, была сформулирована в предисловии к 1-му тому. В частности, в нем сообщалось: «В качестве объектов сквозного исследования избраны явления культуры, по которым накоплен достаточный археологический и этнографический материал, имеются типологические разработки, и археологическое изучение доведено до времени, отраженного уже в этнографических работах. Это поселения и постройки, орнамент и погребальный обряд. В связи с задачей выявления этнической специфики отметим, что по сложившимся представлениям она слабо отражается в поселениях и постройках, а наиболее выражена в погребальном обряде и орнаменте. Принимая это суждение как некую данность, мы намеревались проверить его истинность путем сопоставления археологических и этнографических материалов Западной Сибири» [31. С. 9].

Задавшись целью исследования материальной и духовной культуры народов Западной Сибири, участники проекта сосредоточили свое внимание на трех культуроопределяющих компонентах: поселение и жилище, погребальный обряд и орнамент. В первых двух томах были обобщены археологические материалы от эпохи камня и до современности, третий том из-за нехватки специалистов был выполнен только по этнографическим материалам, сохранившимся в основном в Музее археологии и этнографии Сибири. В подготовке четвертого тома использовались фонды кабинета антропологии ТГУ, материалы из археологических раскопок, проводившихся по всей Западной Сибири [32–35]. Подготовка и выпуск четырех томов по этнокультурной истории завершили очень важный этап во взаимодействии ПНИЛ ИАЭС и Музея археологии и этнографии Сибири. В не благоприятные

для науки 1990-е гг. коллектив лаборатории практически распался, но опыт сотрудничества, сложившийся в предшествовавшие десятилетия, поддерживает томских археологов и этнографов до сих пор.

Литература

1. Черняк Э.И. Проблемной лаборатории – 30 лет // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 3–7.
2. Кулемзин В.М., Рындина О.М. Сектор этнографии: итоги пройденного пути // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 8–16.
3. Зиновьев В.П. Исследования истории Сибири XVIII–XX вв. в Проблемной лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири // Из истории Сибири. К 30-летию лаборатории. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 73–80.
4. Из истории Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири Томского университета / Э.И. Черняк, Л.М. Плетнева, Н.В. Лукина и др. // Факторы формирования духовного мира и социального облика населения Западной Сибири с древности до современности : научный ежегодник Томского МИОН–2003. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. С. 14–63.
5. Матюченко В.И. Из истории Музея археологии и этнографии Томского государственного университета // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 13–20.
6. Ожередов Ю.И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета: 125 лет служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения : сб. Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского. Томск, 2008. Вып. 2. С. 21–38.
7. Боброва А.И. Археологические исследования Томской области // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 16–23.
8. Плетнева Л.М. Савинский курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 124–125.
9. Сизова И.А. Плетнева Людмила Михайловна // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2009. Т. 2. С. 577.
10. Беликова О.Б. Енисейских кыргызов культура // Энциклопедия Томской области : в 2 т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. Т. 1. С. 212–214.
11. Яковлев Я.А. Карбинское-1 городище // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья : материалы к энциклопедии Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 67–69.
12. Славнин Д.П., Томилов Н.А. Этнографические коллекции Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета // Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Томск, 1979. Ч. 1. С. 8–13.
13. Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов (восточная группа). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 240 с.
14. Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004–2012. Т. 1–6.
15. Томилов Н.А. Томский и омский опыт научной каталогизации этнографических фондов сибирских музеев // Томилов Н.А. Музееведение и музеи России : избранные научные работы : в 2 ч. Ч. 1 : Музееведение (музеология) : теоретические и историографические аспекты. Омск : Изд-во Ом. ун-та, 2016. С. 176–184.
16. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 1 : Народы Сибири / отв. ред. Н.А. Томилов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. 343 с. : ил.
17. Каталог этнографических коллекций Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Ч. 2 : Народы СССР (кроме Сибири) и зарубежных стран / отв. ред. Н.А. Томилов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1980. 251 с.
18. Музей археологии и этнографии: описание экспозиции / Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири. Томск, 1969. 32 с.
19. Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX – начале XX в. // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3–154.

20. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 234 с.
21. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III в. до н. э. Томск, 1977. 144 с.
22. Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. 191 с.
23. Томилов Н.А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978. 209 с.
24. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н. э. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1983. 244 с.
25. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 364 с.
26. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тысячелетия н. э. (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 350 с.
27. Плетнева Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 132 с.
28. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. Т. 1. 340 с.
29. Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
30. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 224 с.
31. Предисловие // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища / отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 5–11.
32. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1 : Поселения и жилища / Ю.Ф. Кирюшин, В.И. Матющенко, Ю.П. Чемякин и др.; отв. ред. Л.М. Плетнева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. Кн. 1–2.
33. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2 : Мир реальный и потусторонний / Л.Н. Корякова, В.М. Кулемзин, А.И. Боброва и др.; отв. ред. В.И. Матющенко. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1994. 477 с.
34. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3 : Орнамент / О.М. Рындина; отв. ред. Н.В. Лукина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. 640 с.
35. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4 : Расогенез коренного населения / А.Н. Багашев, В.А. Дремов, А.Р. Ким; отв. ред. А.Н. Багашев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. 354 с.

Lyudmila M. Pletneva, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: tspu_kae@mail.ru

Eduard I. Chernyak, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 144–154.

DOI: 10.17223/22220836/32/15

THE CONTRIBUTION OF PROBLEM LABORATORY OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SIBERIA STAFF TO THE WORKS OF MUSEUM OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SIBERIA

Keywords: Problem laboratory of history; archaeology and ethnography of Siberia; research in the field of archaeology and ethnography; museum science in Tomsk state university.

The article is devoted to the urgent problem of university museum and researchers interaction. The materials of Tomsk state university ensured shows how Problem laboratory of history, archaeology and ethnography of Siberia had contributed to the revitalization of the Museum of archaeology and ethnography of Siberia. Laboratory staff was formed in 1968, and just after that, the subjects of their work were confirmed. Both archaeology and ethnography of Siberia were in agenda of Problem laboratory. Organizers of the new scientific unit planned cooperation of members of the lab and the museum, which was in a critical situation at that time.

The Problem laboratory staff participated in all forms of Museum activity and helped the Museum much. It should be noted, that the scientific workers L.M. Pletneva, and later Y.I. Ozhheredov were directors of museum. Archeologists and ethnographers of laboratory participated in scientific stock works. They passed to the Museum many artifacts collected in archeological and ethnographical expe-

ditions. Thus, during the first 30 years of collaboration with the laboratory the Museum of archaeology and ethnography of Siberia increased up to 300 thousands units of custody. Annual archaeologist expedition organized at Problematic laboratory provided the Museum the subjects of Paleolithic, Neolithic, Bronze and Iron era. They have greatly enriched the Museum. Ethnographers of laboratory have created large collections, which documented the culture of Siberian Tatars, Khanty, Selkups. Replenishment of museum funds making by Problem laboratory demanded a hard work of description from the scientific workers. Under the leadership of N.A. Tomilov Catalogue of ethnographic collections of the Museum of archaeology and ethnography of Siberia had been prepared. Some later N.V. Lukina published a large array of ethnographic sources collected by her.

The creation of the exposition, which was not available at the Museum in the previous 20 years, said on the renewal of Museum works, related to the opening of a Problem laboratory. All of the first staff of archaeologists and ethnographers of the Problem laboratory, such as V.A. Dremov, N.V. Lukina, L.M. Pletneva, N.A. Tomilov, L.A. Chindina, participated in the creation of the exposition. Opened in January 1969, the exposition included two branches – archaeology and ethnography. A large number of authentic subjects visualized the ancient history, revealed the life and culture of the indigenous peoples of Siberia.

The Museum served as a good base for research in archeology and ethnography of the Siberian region. Basing on Museum collections Problem laboratory staff have produced numerous articles and monographs, wrote and defended the candidate and doctoral theses. The most notable result of cooperation of Problem laboratory and the Museum of archaeology and ethnography was received in the late 1980's – 1990's. It is associated with the creation of a multivolume work "Essays on the cultural genesis of Western Siberian peoples". This work was published under the editorship of N.V. Lukina, and it was highly appreciated by specialists. Sure, the volume became the main evidence of the fruitful collaboration between two research teams of Tomsk State University.

References

1. Chernyak, E.I. (1998) Problemnoy laboratorii – 30 let [Thirty years of the Problem Laboratory]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the History of Siberia. To the 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk: Tomsk State University, 1998. pp. 3–7.
2. Kulemzin, V.M. & Ryndina, O.M. (1998) Sektor etnografii: itogi proydennogo puti [Ethnography: The results of the Mileage]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the History of Siberia. To the 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk: Tomsk State University, 1998. pp. 8–16.
3. Zinoviev, V.P. (1998) Issledovaniya istorii Sibiri XVIII–XX vv. v Problemnoy laboratorii istorii, arkheologii i etnografii Sibiri [Studies of the history of Siberia of the 18th – 20th centuries in the Problem Laboratory of History, Archeology and Ethnography of Siberia]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Iz istorii Sibiri. K 30-letiyu laboratorii* [From the History of Siberia. To the 30th Anniversary of the Laboratory]. Tomsk: Tomsk State University, 1998. pp. 73–80.
4. Chernyak, E.I., Pletneva, L.M., Lukina N.V. et al. (2004) Iz istorii Problemnoy nauchno-issledovatel'skoy laboratorii istorii, arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [From the history of the Problem Research Laboratory of the History, Archeology and Ethnography of Siberia of the Tomsk University]. In: Chernyak, E.I. et al. *Faktory formirovaniya dukhovnogo mira i sotsial'nogo prisutstviya naseleniya Sibiri s drevnosti do sovremennosti* [Factors of the formation of the spiritual world and the social image of the population of Western Siberia from old times to modernity]. Tomsk: NTL. pp. 14–63.
5. Matyushchenko, V.I. (2008) Iz istorii Muzeya arkheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [From the history of the Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of North Asia and Neighbouring Territories in the Context of Interdisciplinary Study]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 13–20.
6. Ozheredov, Yu.I. (2008) Muzei arkheologii i etnografii Sibiri im. V.M. Florinskogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 125 let sluzheniya [Museum of Archeology and Ethnography of Siberia named after V.M. Florinsky in Tomsk State University: 125 years of service]. In: Ozheredov, Yu.I. (ed.) *Kul'tury i narody Severnoy Azii i sopredel'nykh territoriy v kontekste mezhdistsiplinarnogo izucheniya* [Cultures and Peoples of North Asia and Neighbouring Territories in the Context of Interdisciplinary Study]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. pp. 21–38. S.34.

7. Bobrova, A.I. (2001) Arkheologicheskie issledovaniya Tomskoy oblasti [Archaeological research of Tomsk region]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Priobye]. Tomsk State University. pp. 16–23.
8. Pletneva, L.M. (2001) Savinskiy kurgannyi mogil'nik [The Savino burial ground]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Priobye]. Tomsk State University. pp. 124–125.
9. Sizova, I.A. (2009) Pletneva Lyudmila Mikhaylovna [Pletneva Lyudmila Mikhailovna]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [The Encyclopedia of Tomsk Region: In 2 vols]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University. p. 577.
10. Belikova, O.B. (2008) Eniseyskikh kyrgyzov kul'tura [The Culture of Enisei Kyrgyz]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti: v 2 t.* [The Encyclopedia of Tomsk Region: In 2 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 212–214.
11. Yakovlev, Ya.A. (2001) Karbinskoe-1 gorodishche [Karbinskoe-1 Settlement]. In: Chernyak, E.I. (ed.) *Narody i kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya* [Peoples and Cultures of the Tomsk-Narym Priobye]. Tomsk State University. pp. 67–69.
12. Slavnin, D.P. & Tomilov, N.A. (1979) Etnograficheskie kollektsii Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta [Ethnographic collections of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk University]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Katalog etnograficheskikh kollektsiy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta* [Catalog of ethnographic collections of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 8–13.
13. Lukina, N.V. (1979) *Al'bom khantyyskikh ornamentov (vostochnaya grupa)* [Album of Khanty ornaments (Eastern group)]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Lukina, N.V. (2004–2012) *Khanty ot Vasyugan'ya do Zapolyar'ya. Istochniki po etnografii* [Khanty from Vasyugan to the Arctic. Sources on Ethnography]. Vol. 1–6. Tomsk: Tomsk State University.
15. Tomilov, N.A. (2016) *Muzeevedeniye i muzei Rossii: izbrannye nauchnye raboty: v 2 ch.* [Museumology and museums of Russia: Selected Works in 2 parts]. Omsk: Omsk State University. pp. 176–184.
16. Tomilov, N.A. (ed.) (1979) *Katalog etnograficheskikh kollektsiy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta* [Catalog of ethnographic collections of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Tomilov, N.A. (ed.) (1980) *Katalog etnograficheskikh kollektsiy Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo universiteta* [Catalog of ethnographic collections of the Museum of Archeology and Ethnography of Siberia, Tomsk University]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Chindina, L.A., Dremov, V.A., Lukina, N.V., Matyushchenko, V.I. & Pletneva, L.M. (1969) *Muзей arkheologii i etnografii: opisaniye ekspozitsii* [Museum of Archeology and Ethnography: Description of the Exposition]. Tomsk: Tomsk State University.
19. Kulemzin, V.M. (1976) Shamanstvo vasyugansko-vakhovskikh khantov v kontse XIX – nachale XX v. [Shamanism of the Vasyugan-Vakhov Khanty in the late 19th – early 20th centuries]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Iz istorii shamanstva* [From the History of Shamanism]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 3–154.
20. Kulemzin, V.M. & Lukina, N.V. (1977) *Vasyugansko-vakhovskie khanty v kontse XIX – nachale XX v.* [Vasyugan-Vakhov Khanty in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: Tomsk State University.
21. Pletneva, L.M. (1977) *Tomskoe Priob'ye v kontse VIII–III vv. do n. e.* [Tomsk Ob area in the late 8th – 3rd centuries BC]. Tomsk: Tomsk State University.
22. Chindina, L.A. (1977) *Mogil'nik Relka na Sredney Obi* [Roelka burial ground on the Middle Ob]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Tomilov, N.A. (1978) *Sovremennyye etnicheskie protsessy sredi sibirskikh tatar* [Modern ethnic processes among the Siberian Tatars]. Tomsk: Tomsk State University.
24. Belikova, O.B. & Pletneva, L.M. (1983) *Pamyatniki Tomskogo Priob'ya V–VIII vv. n.e.* [Monuments of Tomsk Priobye of the 5th – 8th centuries AC]. Tomsk: Tomsk State University, 1983. 244 s.
25. Lukina, N.V. (1985) *Formirovaniye material'noy kul'tury khantov (vostochnaya grupa)* [Formation of the Khanty material culture (Eastern group)]. Tomsk: Tomsk State University.
26. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'ye v nachale II tysyacheletiya n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob area in the early 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.

27. Pletneva, L.M. (1990) *Tomskoe Priob'e v pozdnem srednevekov'e (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob area in the late Middle Ages (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
28. Chindina, L.A., Yakovlev, Ya.A. & Ozheredov, Yu.I. (1990) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The Archaeological Map of Tomsk Region]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
29. Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [The Archaeological Map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
30. Bardina, P.E. (1995) *Byt russkikh sibiryakov Tomskogo kraya* [The Life of Russian Siberians in Tomsk Territory]. Tomsk: Tomsk State University.
31. Kiryushin, Yu.F., Matyushchenko, V.I., Chemyakin, Yu.P. et al. (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University. pp. 5–11.
32. Kiryushin, Yu.F., Matyushchenko, V.I., Chemyakin, Yu.P. et al. (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
33. Koryakova, L.N., Kulemzin, V.M., Bobrova, A.I. et al. (1994) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
34. Ryndina, O.M. (1995) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
35. Bagashev, A.N., Dremov, V.A. & Kim, A.R. (1998) *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri* [Essays on the Cultural Genesis of the Peoples of Western Siberia]. Vol. 4. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 008:378

DOI: 10.17223/22220836/32/16

**Д.Д. Родионова, Е.Н. Мастеница, О.Э. Мишакова,
Е.Ю. Степанова, И.А. Сизова**

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ПРИМЕРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «МУЗЕОЛОГИЯ И ОХРАНА ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ»: УСЛОВИЯ, ПРИНЦИПЫ, ОПЫТ

Новые образовательные стандарты (поколение 3++) разработаны с учетом профессиональных стандартов. В результате при разработке образовательной программы необходимо учитывать развитие не только профильной дисциплины, но и рынка труда в современном обществе. Данные обстоятельства были учтены авторами статьи при работе по проектированию примерной образовательной программы по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». В итоге были учтены интердисциплинарный характер музеологии как профильной дисциплины, а также требования работодателей к выпускнику по заявляемому направлению, что и представлено в статье.

Ключевые слова: музеология, образовательный стандарт, профессиональный стандарт, учебная программа, инновационный подход.

Интенсивное взаимопроникновение идей и концептуальных представлений европейских, американских и российских исследователей стало импульсом поступательного развития музеологии в последней четверти XX – начале XXI в. за рубежом и в России. Определение музеологии как исторически обусловленной и развивающейся социогуманитарной науки, связанной с познанием специфического, ценностно-познавательного, музейного отношения человека к действительности, является преобладающим в кругу российских ученых и преподавателей, осуществляющих подготовку музеологов [1. С. 75]. Но при этом не исключено существование различных подходов к пониманию музеологии и к трактовке дефиниций, что не становится препятствием для объединения усилий в разработке терминологического аппарата науки, ее теоретических и прикладных аспектов. Общепринятые определения объекта, предмета, структуры и языка науки получили обоснование в научных трудах зарубежных и российских музеологов, были закреплены в справочно-энциклопедической литературе и стали методологическим каркасом построения учебных дисциплин и модулей. Не ставя целью перечислить и описать все дисциплины, необходимые для формирования универсальных общепрофессиональных и профессиональных компетенций современного музеолога, считаем необходимым акцентировать подходы в выборе той или иной науки, важной для их формирования. Опыт проектирования и реализации образовательных программ позволяет констатировать, что указанная трактовка музеологии, особенно ее объект и предмет, служат методологической основой подготовки музеолога в сфере социальных и гуманитарных проблем. Структура науки, в основе которой лежат три взаимосвязанных элемента: генетический, структурных и прикладной, – служит концепту-

альной основой в области профессиональных знаний, умений и навыков, а также набора дисциплин, их формирующих.

Наряду с пониманием музеологии как науки культурологического толка, имеющей ярко выраженный когнитивный и аксиологический характер, осмысление интердисциплинарности музеологии и ее интегративной методологии явилось основополагающим при разработке концепции подготовки музеолога в вузе и продолжает оставаться фактором совершенствования учебных планов и программ. Реалии и динамика развития феномена музея и музейных практик стимулируют постоянные изменения в учебном процессе, учитывающие как трансформации самой науки (развитие новой музеологии, экомuzeологии, критической музеологии и других направлений музеологической мысли), так и изменения морфологии музейного мира (появление учреждений музейного типа, центров наследия и др.). В силу этого базовые дисциплины отражают концептуальную основу подготовки бакалавра-музеолога и являются общими для вузов разных городов и регионов, а выбор профиля или профилей подготовки и соответственно дисциплин, их обеспечивающих, является вариативным и позволяет учесть актуальные потребности в современных музейных кадрах.

На современном этапе модернизации высшего образования в короткие сроки внедряются федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. В настоящее время утверждены и с января 2019 г. будут внедряться образовательные стандарты ФГОС ВО 3++, имеющие следующие принципиальные отличия от предыдущих: упраздняется градация программ подготовки (академическая / прикладная); общекультурные компетенции (ОК) заменяются универсальными (УК); перечень профессиональных компетенций выпускника организация устанавливает самостоятельно исходя из направленности (профиля) программы (при наличии) с учетом ПООП; области профессиональной деятельности согласуются с реестром профстандартов Минтруда; вводятся положения об отборе и учёте профстандартов при формировании основных профессиональных образовательных программ; перечень сопряженных профстандартов приводится в приложении 1 к ФГОС ВО; описание объектов и задач профессиональной деятельности приводится в примерной ООП (могут устанавливаться самостоятельно).

Обратим внимание на то, что одним из принципиальных отличий утвержденных ФГОС ВО 3++ является унификация универсальных и общепрофессиональных компетенций, в том числе для укрупненной группы специальностей 510000 «Культуроведение и социокультурные проекты», в которую входит направление подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия». Теперь универсальные компетенции отражают требования сферы труда к компетенциям выпускника в области культуроведения в целом, к общекультурным и социально-личностным качествам выпускника программы высшего образования соответствующего уровня, а также включают профессиональные характеристики, определяющие встраивание уровня образования в национальную систему профессиональных квалификаций. Общепрофессиональные компетенции отражают запросы рынка труда в части владения выпускниками программ высшего образования по направлению подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» базовыми основами профессиональной деятельности в сфере куль-

туроведения и социокультурного проектирования с учетом потенциального развития области или областей деятельности (независимо от ориентации программы на конкретные объекты деятельности или области знания) [2]. В этой связи при проектировании Примерной образовательной программы возник вопрос о единообразии части дисциплин Блока 1 (Дисциплины (модули), обязательная часть) для всех направлений подготовки по УЦГНС 510000 «Культуроведение и социокультурные проекты». Сегодня в утвержденных образовательных стандартах последнего поколения в п. 2.2 четко обозначены дисциплины, которые должны быть реализованы в образовательной программе: философия, история (история России, всеобщая история), иностранный язык, безопасность жизнедеятельности, физическая культура и спорт. В то же время при разработке примерного учебного плана разработчиками уделялось особое внимание утвержденным компетенциям. Так, например, в ФГОС ВО 3++ 51.03.05 «Режиссура театрализованных представлений и праздников» отсутствует компетенция, связанная с государственной культурной политикой: «Способен ориентироваться в проблематике современной государственной политики Российской Федерации в сфере культуры» [3]. Однако на основании письма первого заместителя министра Министерства культуры Российской Федерации с 2016/17 учебного года в образовательные программы образовательных организаций, подведомственных данному министерству, дисциплина «Основы государственной культурной политики Российской Федерации» была включена как обязательная во все образовательные программы по всем направлениям подготовки. Для ее реализации коллективом авторов Санкт-Петербургского государственного института культуры было создано новое учебное пособие [4]. В этой связи стоит отметить, что коллективы авторов Кемеровского государственного института культуры, Санкт-Петербургского государственного института культуры, Орловского государственного института культуры по итогам Всероссийского конкурса авторских методических материалов по дисциплине «Основы государственной культурной политики в Российской Федерации» заняли призовые места в номинации «Рабочая программа учебной дисциплины» [5]. Разработчики ФГОС ВО 3++ по направлению 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» расширяют формулировку общекультурной компетенции «Способен решать стандартные задачи профессиональной деятельности с применением информационно-коммуникационных технологий с учетом основных требований информационной безопасности», добавляя в нее уточнение – «на основе информационной и библиографической культуры» [6]. И в этой связи унификация дисциплин части Блока 1 и их содержания для всей укрупнённой группы специальностей становится спорной. И это, на наш взгляд, дает возможность включить в примерный учебный план как дисциплины (модули), ставшие традиционными для подготовки музеолога в целом, так и дисциплины, выбранные с учетом региональных потребностей подготовки кадров и сложившейся научной школы конкретной образовательной организации и кафедры в частности.

С учетом того, что профессиональные компетенции в соответствии с модернизированным ФГОС ВО формулируются самостоятельно, разработчики ПООП приняли решение сохранить преемственность образовательных стандартов и сохранить формулировки профессиональных компетенций, не уве-

личивая их количество. Это позволит относительно безболезненно перейти со стандарта на стандарт и разработать дисциплины для Блока 1 (Дисциплины (модули), часть, формируемую участниками образовательных отношений). Однако разработчики ПООП разделили профессиональные компетенции на обязательные и рекомендуемые, тем самым дав возможность образовательным организациям и профильным кафедрам при отсутствии жесткой привязки к профессиональным компетенциям создавать востребованные для конкретного региона программы подготовки музейных специалистов.

На наш взгляд, задача актуализированного ФГОС ВО и соответственно основной профессиональной образовательной программы по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» – выстроить непрерывную связь «вуз–музей», где уделяется приоритетное внимание практико-ориентированной подготовке студентов, позволяющей им на протяжении четырех лет знакомиться с музеями, со сферой своей будущей деятельности, с ожиданиями работодателей.

Еще одним из отличий нового образовательного стандарта, направленного на совершенствование подготовки востребованного специалиста, является наличие в основной образовательной программе индикаторов достижения универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Они необходимы для планирования результатов обучения по элементам образовательной программы и соответствующих оценочных средств. Индикаторы достижения компетенций – это умения, знания и действия, совокупность которых обеспечивает достижение компетенций. Индикаторы являются обобщенными характеристиками, уточняющими и раскрывающими формулировку компетенции в виде конкретных действий, выполняемых выпускником, освоившим данную компетенцию. Индикаторы достижения компетенций должны быть измеряемы с помощью средств, доступных в образовательном процессе.

В этой связи разработчики ПООП постарались сформулировать индикаторы универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций на основе утвержденных профессиональных стандартов, рекомендуемых образовательной организации для реализации конкретного профиля подготовки [7].

Успешность проектирования образовательной программы во многом зависит от правильного построения календарного учебного графика и учебного плана, границы которого определяет «Раздел II. Требования к структуре программы бакалавриата» ФГОС ВО по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

Согласно «Порядку организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» (далее – «Порядок организации образовательной деятельности»), утвержденному приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. № 301, вузам предоставлены полномочия в самостоятельном выборе, например, объема времени и зачетных единиц в блоках программы, видов деятельности; принятии отдельных решений по корректировке содержания учебных дисциплин, учебного плана, календарного учебного графика и т.д. В табл. 1 представлены структура и объем программы бакалавриата в рамках ФГОС ВО 3++.

Таблица 1. Структура и объем программы бакалавриата

Структура программы бакалавриата		Объем программы бакалавриата и ее блоков в з.е.
Блок 1	Дисциплины (модули), обязательная часть	110
	Дисциплины (модули), часть, формируемая участниками образовательных отношений	100
Блок 2	Практика:	21*
	учебная	6**
	производственная	9***
	преддипломная	6****
Блок 3	Государственная итоговая аттестация	9*****
Объем программы бакалавриата		240

Особо отметим, что на все виды практики отводится 21 зачетная единица (из расчета 1 рабочая неделя – 54 часа, или 1,5 зачетной единицы), из которых учебная практика 4 недели, производственная практика 6 недель, преддипломная практика 4 недели и ГИА равняется 6 неделям из расчета 9 зачетных единиц ФГОС ВО.

При проектировании календарного учебного графика и учебного плана необходимо учитывать все требования, предъявляемые ФГОС ВО и современными нормативными документами. Результатом правильного их составления должно стать эффективное сочетание теоретического и практического обучения студентов, способствующее овладению ими не только универсальными, но и общепрофессиональными, профессиональными компетенциями; преодоление разрыва между подготовкой специалистов в вузах и реальными потребностями рынка труда. Таким образом, основополагающие документы образовательной программы напрямую должны быть связаны с качеством образования.

Грамотно спланированный календарный учебный график – это своего рода механизм построения всего образовательного процесса в рамках учебного плана и условий его организации.

По направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» календарный учебный график выстраивается по периодам обучения (учебным годам (курсам), семестрам) и объединяет основные составные части алгоритма образовательной программы: теоретическую и практическую части, промежуточную и итоговую (государственную итоговую) аттестацию. В графике учитываются сроки получения высшего образования: по очной форме обучения – четыре года. Поскольку в примерной образовательной программе учебный график носит рекомендательный характер, то образовательная организация вправе вносить в него коррективы, исходя из опыта своей деятельности.

С нашей точки зрения образовательный процесс в году целесообразно выстраивать по периодам обучения, разделяя его на два семестра, общий объем которых составляет более 39 недель, что допускается п. 22 «Порядка организации образовательной деятельности». В этот объем включены теоретическое обучение, реализация дисциплин (модулей) посредством учебных занятий, текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации, проведение итоговой (государственной итоговой) аттестации (п. 26 «Порядка организации образовательной деятельности») [8]. В каждом семестре на промежуточную аттестацию отводится в среднем по две-три недели из расчета, что на подготов-

ку и сдачу одного экзамена необходимо четыре дня. Таким образом, в одну сессию можно принять от трех до пяти экзаменов у студентов.

На каждом курсе запланировано прохождение того или иного вида и типа практики, в рамках которых возможно осуществить запросы работодателей или установить диалог с ними. Сочетание теоретических занятий с практической деятельностью в рамках практик и различного рода аттестациями позволяет студенту, во-первых, расширить свой профессиональный кругозор и уровень подготовленности, во-вторых, проявить склонность к тому или иному виду профессиональной музейной деятельности. Отдельные виды практик предлагается проводить дискретно: путем выделения в календарном учебном графике непрерывного периода учебного времени для проведения каждого вида (совокупности видов) практики [9]. В табл. 2 представлена возможная структура календарного графика по направлению 51.03.04.

Таблица 2. Структура календарного учебного графика по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»

Мес	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
Число	1-7 8-14 15-21 22-28	29-5 6-12 13-19 20-26 27-2	3-9 10-16 17-23 24-30	1-7 8-14 15-21 22-28	29-4 5-11 12-18 19-25	26-1 2-8 9-15 16-22	23-1 2-8 9-15 16-22	30-5 6-12 13-19 20-26	27-3 4-10 11-17 18-24	25-31 1-7 8-14 15-21 22-28	29-5 6-12 13-19 20-26 27-2	3-9 10-16 17-23 24-31
I												
II												
III												
IV	П	П										

Условные обозначения при построении календарного учебного графика: виды практик: У – учебная практика, П – производственная, Пд – преддипломная практика; Э – экзаменационные сессии; Д – выполнение и защита выпускной квалификационной работы; Г – подготовка к сдаче и сдача государственного экзамена (если организация включила государственный экзамен в состав государственной итоговой аттестации); К – каникулы.

При планировании календарного учебного графика учитывались также требования п. 23–25 «Порядка организации образовательной деятельности»: учебный год начинается 1 сентября; общая продолжительность каникул в течение учебного года варьируется от 8 до 10 недель; в учебном году 52 недели, в которые входит продолжительность обучения без включения нерабочих праздничных дней, обучение в которые не должно проводиться [9]. Например, согласно ст. 112 Трудового кодекса РФ от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ и Постановлению Правительства РФ от 14 октября 2017 г. № 1250 «О переносе выходных дней в 2018 году» официальными нерабочими праздничными днями в России в году являются: 1, 2, 3, 4, 5, 6 и 8 января – Новогодние каникулы; 7 января – Рождество Христово; 23 февраля – День защитника Отечества; 8 марта – Международный женский день; 1 мая – Праздник Весны и Труда; 9 мая – День Победы; 12 июня – День России; 4 ноября – День народного единства [10, 11].

На основе календарного учебного графика и учебного плана вуз в дальнейшем формирует расписание учебных занятий на соответствующий

период обучения и учитывает также обучение по периодам освоения модулей.

Таким образом, календарный учебный график – это своеобразная форма индивидуализации конкретной образовательной программы, способствующей повышению качества образования, в данном случае – по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

При проектировании примерной основной профессиональной образовательной программы (далее – ПОПОП) 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», квалификация «бакалавр» на основе нового ФГОС ВО № 1180 (от 6 декабря 2017 г.) в разделе 5.2 «Рекомендуемые типы практик» содержательной части ПОПОП перед рабочей группой встала задача в рамках учебного плана разработать рекомендации и аннотированные программы практик.

Как было сказано выше, новый ФГОС ВО, вступающий в силу с 01 января 2019 г., соотносится с утвержденными профессиональными стандартами, а именно с обобщенными трудовыми функциями и трудовыми функциями, имеющими отношение к профессиональной деятельности выпускника программ бакалавриата по определенной направленности (профилю).

Разработчиками ПОПОП были детально проработаны основные профессиональные стандарты («хранитель музейных ценностей», «специалист по учету музейных предметов», «экскурсовод (гид)») и привлечены дополнительные профессиональные стандарты («специалист в области воспитания», «специалист по информационным ресурсам» и «специалист по выставочной деятельности в сфере торгово-промышленных выставок»), которые бы позволили в своей будущей трудовой практике бакалавру-музеологу применить конкретные умения и навыки, полученные за годы учебы, и расширили бы область профессиональной деятельности. Данный подход не противоречит установкам ФГОС, так как федеральный стандарт не запрещает выпускнику осуществлять профессиональную деятельность в других областях при условии соответствия уровня образования и полученных компетенций требованиям к квалификации работника [12. С. 4].

Кроме того, было учтено, что любая профессиональная деятельность регулируется законами и нормативно-правовыми актами. Не исключение и сфера музейной деятельности. Федеральный закон от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» ст. 27 «Цели создания музеев в Российской Федерации» изложил в следующей редакции:

«Целями создания музеев в Российской Федерации являются: осуществление просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности; хранение музейных предметов и музейных коллекций; выявление и собирание музейных предметов и музейных коллекций; изучение музейных предметов и музейных коллекций; публикация музейных предметов и музейных коллекций. Целями создания музеев-заповедников в Российской Федерации наряду с целями, указанными в части первой настоящей статьи, являются обеспечение сохранности переданных музею-заповеднику объектов культурного наследия и доступа к ним граждан, осуществление сохранения, изучения и популяризации указанных объектов. Целями создания музеев-

заповедников в Российской Федерации наряду с целями, указанными в частях первой и второй настоящей статьи, могут являться обеспечение режима содержания достопримечательного места, отнесенного к историко-культурному заповеднику, или ансамбля, сохранение в границах территории музея-заповедника исторически сложившихся видов деятельности (в том числе поддержание традиционного образа жизни и природопользования), осуществляемых сложившимися, характерными для данной территории способами народных художественных промыслов и ремесел, осуществление экскурсионного обслуживания, предоставление информационных услуг, а также создание условий для туристской деятельности. Создание музеев в Российской Федерации для иных целей не допускается» [13].

Как видим, положения данной статьи ФЗ четко соотносятся и с трудовыми функциями перечисленных выше профессиональных стандартов, и с основными квалификационными характеристиками музейных специалистов разных должностей.

Следует особо отметить тот факт, что профильные профессиональные стандарты по укрупненной группе специальностей имеются лишь у направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия».

Таблица 3. Соотнесение ФГОС ВО (бакалавриат) с профессиональными стандартами

Культурология	Народная художественная культура	Социально-культурная деятельность	Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия	Режиссура театрализованных представлений и праздников	Библиотечно-информационная деятельность
ПС 01.001 «Педагог»	ПС 01.001 «Педагог»	ПС 01.001 «Педагог»	—	—	ПС 01.001 «Педагог»
ПС 01.003 «Педагог дополнительного образования»	ПС 01.003 «Педагог дополнительного образования»	ПС 01.003 «Педагог дополнительного образования»	—	ПС 01.003 «Педагог дополнительного образования»	ПС 01.003 «Педагог дополнительного образования»
	01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»	01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»	04.003 «Хранитель музейных ценностей»	11.009 «Режиссер средств массовой информации»	01.005 «Специалист в области воспитания»
		03.007 «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере»	04.004 «Специалист по учету музейных предметов»		06.013 «Специалист по информационным ресурсам»
	04.002 «Специалист по техническим процессам художественной деятельности»	04.002 «Специалист по техническим процессам художественной деятельности»			07.002 «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией»
		04.005 «Экскурсовод (гид)»	04.005 «Экскурсовод (гид)»		

Новый ФГОС ВО в разделе II «Требования к структуре программы бакалавриата» на Блок Б.2 «Практики» отводит не менее 20 з.е. [1. С. 5]. Учебный план, разработанный рабочей группой членов Федерального учебно-методического объединения, рекомендует из 240 з.е., отводимых на всю программу бакалавриата, установить общий объем для всех типов практик – 21 з.е. (756 ч). Из них на учебную практику (ознакомительная практика по получению первичных профессиональных умений и навыков, в том числе в научно-исследовательской работе) выделить 6 з.е., производственную (технологическая (проектно-технологическая) практику по получению профессиональных умений и опыта профессиональной деятельности) – 9 з.е. и преддипломную – 6 з.е.

Таким образом, в зависимости от выбранного профиля образовательной программы, сферы деятельности (хранение и учет музейных предметов и музейных коллекций, экскурсионная деятельность, проектирование экспозиций и выставок, разработка и реализация программ охраны, использования и популяризации объектов культурного и природного наследия, формирование и реализация культурно-просветительских и научно-просветительных программ) и типов задач будущей профессиональной деятельности (технологическая, организационно-управленческая, проектная, культурно-просветительская) рабочая группа конкретизировала и рекомендовала на выбор образовательным организациям при составлении ОПОП следующие виды практик: музейная ознакомительная (учебная), археологическая (учебная), фондовая (производственная), архивная (учебная), экспозиционная (производственная), экскурсионная (производственная), музейная педагогическая (производственная), памятниковедческая (учебная).

При этом необходимо обратить внимание на то, что при составлении учебных планов и матрицы компетенций логично за каждым типом и конкретным видом практик фиксируется абсолютно идентичная компетенция, что и за учебной дисциплиной, в ходе изучения которой студент получает теоретические знания, умения и навыки, закрепляющиеся на практике. Например, музейная ознакомительная практика должна идти параллельно с дисциплиной «Основы музеологии» (ОПК-1, ПК-1) (рекомендована как рассредоточенная), фондовая практика закрепляется за дисциплиной «Комплектование, учет и хранение музейных фондов» (ОПК-1, ПК-6, ПК-7, ПК-8, ПК-9), педагогическая практика – за дисциплиной «Музейная педагогика (культурно-образовательная деятельность музея)» (ОПК-1, ПК-13), экспозиционная – «Научное проектирование экспозиции» (ПК-10) и т.д.

Подготовка музейных кадров в России на базе высших учебных заведений в 2018 г. отмечает свой столетний юбилей с момента открытия музейного профиля в Петроградском институте внешкольного образования в 1918 г. [14. С. 18]. За это время музейная специальность в вузах России прошла большой путь своего становления, который нельзя признать завершенным. Становление музеологии как науки и академической дисциплины, с одной стороны, а также развитие рынка труда в современном обществе – с другой, диктуют новые требования к уровню квалификации специалистов музейного дела и охраны наследия с высшим образованием. В силу этого, на наш взгляд, актуальна разработка предложенных инновационных подходов и к процессам подготовки специалистов в области музеологии, чья деятельность направлена

на сохранение, изучение и интерпретацию культурного наследия регионов России, а также развитие внутреннего туризма.

Литература

1. Мастеница Е.Н., Шляхтина Л.М. Конституирование науки как фактор развития музееологического образования // Мировое культурное наследие и музеи : история, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Томск, 18–20 мая 2017 г. / отв. ред. И.А. Сизова. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. С. 74–82.
2. Методические рекомендации по актуализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования на основе профессиональных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <http://media.rsp.ru/document/1/5/1/51bc3be202eca942e7404502c502a8b0.pdf> (дата обращения: 15.08.2018).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.05 «Режиссура театрализованных представлений и праздников» [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510305_B_3_12012018.pdf (дата обращения: 18.08.2018).
4. Основы государственной культурной политики: учеб. пособие / А.С. Тургаев, Л.В. Востряков, В.В. Брежнева и др.; под ред. А.С. Тургаева; ред.-сост. Л.Е. Востряков; М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ин-т культуры. СПб. : СПбГИК, 2017. 336 с.
5. Всероссийский конкурс авторских методических материалов по дисциплине «Основы государственной культурной политики в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3505&Itemid=2271 (дата обращения: 18.08.2018).
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 51.03.06 «Библиотечно-информационная деятельность» [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510306_B_3_12012018.pdf (дата обращения: 18.08.2018).
7. Родионова Д.Д. Корреляция ФГОС ВО и профессиональных стандартов в свете современных тенденций развития подготовки музеологов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2017. № 4 (28). С. 28–33.
8. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. № 301 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621568/> (дата обращения: 21.05.2018).
9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 ноября 2015 г. № 1383 «Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования» // <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71188178/> (дата обращения: 21.05.2018).
10. ФЗ-197 «Трудовой кодекс РФ». 30 декабря 2001 г. URL: <http://base.garant.ru/12125268/> (дата обращения: 21.05.2018).
11. Постановление Правительства РФ от 14.10.2017 № 1250 «О переносе выходных дней в 2018 году». URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51177.html/> (дата обращения: 21.05.2018).
12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 51.03.04 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», введенный в действие приказом Минобрнауки России № 1180 от 06.12.2017 г. Портал федеральных государственных образовательных стандартов ФГОС ВО по направлениям бакалавриата: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4> (дата обращения: 29.05.2018).
13. Федеральный закон от 23 февраля 2011 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»» / Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/ (дата обращения: 29.05.2018).
14. Мастеница Е.Н. Истоки, традиции и перспективы музееведческого образования: к 25-летию кафедры музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств // Музей. Традиции. Этничность. 2013. № 1 (3). С. 18–24.

Daria D. Rodionova, Kemerovo State Institute of Culture and Arts (Kemerovo, Russian Federation).

E-mail: kafedramd@yandex.ru

Elena N. Mastenica, St. Petersburg State Institute of Culture (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: muzeologkaf@spbguki.ru

Oksana E. Mishakova, East Siberian State Institute of Culture (Ulan-Ude, Russian Federation).

E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Elena Yu. Stepanova, Oryol State Institute of Culture (Oryol, Russian Federation).

E-mail: stepanovaey@rambler.ru

Irina A. Sizova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sizova_i@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 155–166.

DOI: 10.17223/22220836/32/16

DESIGN OF THE EXEMPLARY TRAINING PROGRAM IN THE DIRECTION “MUSEOLOGY AND PROTECTION OF CULTURAL AND NATURAL HERITAGE OBJECTS”: CONDITIONS, PRINCIPLES, EXPERIENCE

Keywords: museology; educational standard; professional standard; training program; innovative approach of design.

This article describes the exemplary training program in a degree in “Museology and protection of cultural and natural heritage objects”, taking into account existing and developed professional standards.

The significance of the museology as an interdisciplinary science as well as the importance of innovative approaches of training in museology are demonstrated.

The possibility of the formation of universal and general professional competencies is presented through specific disciplines. The combinations of internship and specialized disciplines are shown for forming the professional competencies through the acquisition of professional skills.

The main task of the educational standard and an exemplary training program is to create a continuous relationship “university-museum”, where main attention is paid to the practice-oriented training of students, allowing them to get acquainted with museums, with the scope of their future activities, with employers for four years.

The formation of an effective curriculum on the basis of a calendar educational schedule is shown.

Thus, when creating an educational program, it is necessary to take into account not only the core discipline but also the labor market needs in modern society. These data are recorded in the new educational standards in accordance with professional standards.

The authors of the article took into account the mentioned-above circumstances when create an exemplary training program in “Museology and protection of objects of cultural and natural heritage” degree. A variety of subjects that meet the interdisciplinary nature of museology were included in the exemplary curriculum, as well as employers' requirements for graduates.

References

1. Mastenitsa, E.N. & Shlyakhtina, L.M. (2017) [The constitution of science as a factor in the development of museological and logical education]. *Mirovye kul'turnoe nasledie i muzei: istoriya, problemy i perspektivy* [World Cultural Heritage and Museums: History, Problems and Perspectives]. Proc. of the All-Russian Conference. Tomsk. May 18–20, 2017. Tomsk: Tomsk State University. pp.74–82. (In Russian).

2. Minister of Education and Science of the Russian Federation. (2016) *Metodicheskie rekomendatsii po aktualizatsii federal'nykh gosudarstvennykh obrazovatel'nykh standartov vysshego obrazovaniya na osnove professional'nykh standartov* [Methodical recommendations on updating the federal state educational standards of higher education on the basis of professional standards]. [Online] Available from: <http://media.rsp.ru/document/1/5/1/51bc3be202eca942e7404502c502a8b0.pdf>. (Accessed: 15th August 2018).

3. Russian Federation. (2018) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.05 “Rezhissura teatralizovannykh predstavleniy i prazdnikov”* [Federal State Educational Standard of Higher Education 51.03.05 “Directing theatrical

performances and holidays”]. [Online] Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510305_B_3_12012018.pdf. (Accessed: 18th August 2018).

4. Turgayev, A.S., Vostryakov, L.V., Brezhneva, V.V. et al. (2017) *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki* [Fundamentals of the State Cultural Policy]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Culture.

5. Kemerovo State Institute of Culture. (n.d.) *Vserossiyskoe issledovanie avtorskikh metodicheskikh materialov po distsipline “Elektronnye resursy”* [All-Russian competition of copyright materials on the discipline “Fundamentals of the State Cultural Policy in the Russian Federation”]. [Online] Available from: http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3505&Itemid=2271. (Accessed: 18th August 2018).

6. Russian Federation. (2018) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 51.03.06 “Bibliotечно-informatsionnaya deyatel'nost'”* [Federal State Educational Standard of Higher Education 51.03.06 “Library and information activities”]. [Online] Available from: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/510306_B_3_12012018.pdf. (Accessed: 18th August 2018).

7. Rodionova, D.D. (2017) Correlation of federal state educational and professional standards in the light of modern trends of museologist training development. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom – Professional Education in Russia and Abroad*. 4(28), pp. 28–33. (In Russian).

8. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2017) *Order No. 301 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of April 5, 2017 “On approval of the procedure for organizing and carrying out educational activities for educational programs of higher education – undergraduate, specialty, and graduate programs”*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621568/>. (Accessed: 21st May 2018). (In Russian).

9. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. (2015) *Order No. 1383 of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 27, 2015 “On the approval of the Regulations on the practice of students who master the basic professional educational programs of higher education”*. [Online] Available from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71188178/>. (Accessed: 21st May 2018). (In Russian).

10. Russian Federation. (2001) *FZ-197 “Labor Code of the Russian Federation”*. December 30, 2001. [Online] Available from: <http://base.garant.ru/12125268/>. (Accessed: 21st May 2018). (In Russian).

11. The Government of the Russian Federation. (2018) *Resolution N 1250 of the Government of the Russian Federation of October 14, 2017 “On the transfer of days off in 2018”*. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/51177.html/>. (Accessed: 21st May 2018). (In Russian).

12. Russian Federation. (2017) *Federal State Educational Standard of Higher Education - bakalavriat in the direction of training 51.03.04 Museology and protection of cultural and natural heritage sites, enacted by order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 1180 of December 6, 2017*. [Online] Available from: <https://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/4>. (Accessed: 29th May 2018).

13. Russian Federation. (2011) *Federal Law N 19-FZ of February 23, 2011 “On Amendments to the Federal Law On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation”*. [Online] Available from: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110917/. (Accessed: 29th May 2018). (In Russian).

14. Mastenitsa, E.N. (2013) Origins, Traditions and Prospects of Museological Education: to 25 Anniversary of Museology and Cultural Heritage Department of St. Petersburg State University of Culture and Arts. *Muzej. Traditsii. Etnichnost' – Russian Museum of Ethnography*. 1(3). pp. 18–24. (In Russian).

УДК 069.01(571.65)«199»
DOI: 10.17223/22220836/32/17

Е.В. Хазан

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ЭКСПОЗИЦИЯХ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ МУЗЕЕВ (1990–2000-е гг.)

В статье раскрываются особенности формирования экспозиций провинциальных музеев Магаданской области в 1990–2000-е гг. в ретроспективе истории их деятельности. Рассматриваются основные направления музейной работы, развитие научного и творческого потенциала. Освещается роль музеев периферии в сохранении и репрезентации историко-культурного наследия местного сообщества. Исследование в данном направлении обусловлено необходимостью заполнить пробел об истории музейного дела Магаданской области в региональной и общероссийской научной литературе, что позволяет глубже понять традиции и специфику культурного пространства обозначенной территории.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, Магаданская область, экспозиция, историко-краеведческий зал, музей «Память Колымы».

Музеи играют значительную роль в социокультурном развитии общества. Растущий интерес к деятельности музеев связан с осознанием того, что именно они являются хранителями исторической памяти и достояния прошедших эпох. В условиях развития российского регионализма на первый план выходят культуротворческие функции музеев, их способность не только сохранять, но и выработать и актуализировать культурное наследие региона.

В современном российском обществе остаются распространенными представления о провинции как вторичном пространстве, лишенном собственной культурной динамики и перспектив дальнейшего развития.

Изучение истории становления и деятельности провинциального музея как центра региональной культуры позволяет раскрыть его особенности функционирования и творческий потенциал, место и роль в развитии музейного дела региона, сохранении исторического наследия местного сообщества.

На рубеже XX–XXI вв. в музейном деле страны происходят значительные перемены, связанные с изменениями в социально-экономической и политической сферах российского общества. Деидеологизация, приоритетность развития краеведения в отдельных регионах, деятельность энтузиастов-краеведов при активной помощи общественности способствовали росту числа провинциальных музеев по стране [1. С. 88–90]. С этого времени сеть культурно-просветительных учреждений периферии северо-восточного региона начинает увеличиваться за счет музеев, открытых на общественных началах.

Ввиду указанных тенденций музейной практики интерес представляет изучение истории становления и развития провинциальных музеев Магаданской области на примере деятельности музеев п. Ягодное и Усть-Омчуг.

30 октября 1994 г. был открыт музей «Память Колымы» (до 2003 г. – музей Памяти жертв политических репрессий) в п. Ягодное Ягоднинского района Магаданской области. Основателем, директором и единственным работ-

ником музея является краевед Иван Александрович Паникаров. В 1981 г. по договору он прибыл на Колыму, на прииск им. М. Горького. После окончания договора переехал жить в п. Ягодное, где работал на Ягоднинском участке Сусуманского монтажного управления треста «Северовостоксантахмонтаж» [2. С. 55].

С 1989 г. занимал должность журналиста в редакции газеты «Северная правда» [3], одновременно осуществляя краеведческие исследования по истории репрессий 1930–1950-х гг. Деятельность по сбору необходимых сведений способствовала установлению связей, в форме переписки, с бывшими заключенными и их родственниками, с учреждениями Магаданской области и центральных районов страны [4].

Для расширения поисковой работы по изучению истории края и её популяризации в 1990 г. И.А. Паникаров создал в п. Ягодное общество «Поиск незаконно репрессированных», входящее в состав Международного общества «Мемориал», и в течение пяти последующих лет обращался в областные и районные газеты более 30 регионов России и ближнего зарубежья, а также в СМИ Польши, Германии, Англии, Франции с просьбой откликнуться бывших репрессированных [5].

Всего с 1994 по 2014 г. написано более 5 000 писем.

С 1989 г. начинается организация экспедиций по местам деятельности ликвидированных лагерей, населенных пунктов, предприятий. Первые найденные атрибуты – чугунный дырокол, чайник, миска и кайло, привезенные И.А. Паникаровым вместе с журналистом районной газеты «Северная правда» С. Тимченко из лагеря «Кинжал», легли в основу музейной экспозиции, на базе которой образовался музей Памяти жертв политических репрессий [6].

Основная масса уникальных документов и фотографий была найдена в ходе экспедиций, организованных на территории лагерей «Днепровский», «Кинжал», «Спокойный», «Эльген», следственной тюрьмы «Серпантинка» [7]; на местные предприятия Ягоднинский горно-обогатительный комбинат, промкомбинат, совхоз «Эльген»; прииски «Бурхала», «Штурмовой», им. Горького, им. Берзина [6], в населенные пункты п. Рыбный, Дебин, Пищевой, Усть-Таскан, Беличья [8]. Стоит отметить, что некоторые предприятия, переезжая на новое место деятельности, оставляли на прежнем месте работы множество ценных бумаг, имеющих историческую значимость. И.А. Паникаров вспоминал: *«Вот отсюда я и черпал бесценные исторические документы, которые просто-напросто были брошены как ненужный хлам»* [4].

С 1994 по 2015 г. осуществлено более 20 пеших, вело- и автоэкспедиций. В том числе 5 историко-краеведческих экспедиций расстояниями от 20 до 300 км с учащимися средних общеобразовательных школ п. Ягодное, Дебин, Оротукан [6, 9]. В результате экспедиций учащиеся привезли большое количество фотоснимков и экспонатов для школьных музеев: предметы быта и орудия труда заключенных, образцы оловянной руды.

На основе обработки собранных экспедиционных материалов, регулярного сотрудничества с научными, культурными, историко-просветительскими учреждениями страны – Международным и Российским обществом «Мемориал», музеем им. А.Д. Сахарова, мемориальным музеем истории политических репрессий «Пермь-36», фондом А. Солженицына – происходило

комплектование фондов музея [2. С. 56]. Важную роль в процессе формирования фондов играли редкие вещи и уникальные фотографии прошлых лет, переданные в дар музею от жителей Колымы [10].

На 2015 г. в музее насчитывается свыше 10 000 фотографий разных лет, изображающих жизнь северян в 1930–1950-е гг., технику, населенные пункты, остатки лагерей; около 20 000 экземпляров региональных газет 1930–1980-х гг.; более 3 000 книг, из которых около 1 000 – об истории освоения и развития Северо-Востока России; более 500 книг российского и зарубежного издательства, посвященных теме репрессий, большая часть из них с дарственными надписями авторов; 40 «Книг памяти» из регионов России и стран СНГ.

В фондах музея содержатся сведения почти о 30 000 бывших заключенных колымских лагерей – справки, выписки, копии приговоров, оригиналы следственных дел.

Музейное собрание включает более 500 предметов быта и лагерного обихода (кухонная посуда, изготовленная из консервных банок, шкатулки, поделки и др.), орудия труда местного производства, личные вещи заключенных. Есть в музее и бесценные экспонаты – пишущая машинка, фотоаппарат, выпущенные в 1930-х гг., телефонный аппарат 1941 г., патефон 1954 г. и к нему пластинки, на которых записаны выступления В.И. Ленина, И.В. Сталина, М.И. Калинина, А.В. Луначарского и других известных деятелей советской эпохи [6].

Имеются произведения живописи, выполненные заключенным художником С. Ковалевым в лагерьной больнице п. Беличья. Картины написаны в 1943 г. маслом на мешковине (в таких мешках в годы войны по ленд-лизу на Колыму приходили мука и другие продукты, о чем свидетельствует надпись на обратной стороне «холста»). Еще один исключительный экспонат – альбом черного цвета, в котором более сотни фотографий п. Эльген расположились на 18 страницах. Фотографии свидетельствуют о производственных и сельскохозяйственных объектах населенного пункта, занятиях населения [11. С. 89–92].

Сформированные фонды способствовали репрезентации историко-культурного наследия северо-восточного региона в экспозиционно-выставочной работе музея. С 2014 г. экспозиция состоит из следующих разделов: «Колыма и её люди», «Добыча полезных ископаемых», «Тяжёлая промышленность и машиностроение», «Вторая мировая война и колымчане», «Транспорт и дороги Дальстроя и Магаданской области», «Лёгкая и пищевая промышленность», «Сельское хозяйство», «Энергетика», «Медицина», «Образование и культура», «Спорт», «Населенные пункты Дальстроя и Магаданской области», «Газеты Дальстроя и Магаданской области», «Немые свидетели прошлого». В ней отражены сведения об истории освоения Северо-Востока России, деятельности государственного треста «Дальстрой», исправительно-трудовых лагерей в 1930–1950-е гг., социально-экономическом развитии, образовании и культуре региона в 1930–1990-х гг. [6].

Интерес посетителей музея вызывают абсолютно все экспонаты. Впечатления об экспозициях, записанные в книгу отзывов музея, в целом положительны. К примеру, одно из них: *«Низкий поклон сотрудникам музея за ваше благородное дело, которое вы выполняете для нас и наших потомков, за вашу неиссякаемую энергию, которой вы заряжаете всех в поисках новых*

экспонатов, за ваше усердие и кропотливое трудолюбие в создании музея. Спасибо за память, которой вы не даёте угаснуть. С вами прошлое, настоящее и будущее нашего края! Семья Селеверстовых» [12].

С целью привлечения населения Магаданской области к изучению истории родного края и расширения музейной аудитории подготовлено более 10 стационарных и передвижных историко-краеведческих выставок [6]. В практике музея получили распространение организация публичных лекций по истории Магаданской области в школах и библиотеках Ягоднинского района и трансляция цикла тем по радио. Для этого директором музея неоднократно приглашался А.Г. Козлов – старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (далее – СВКНИИ ДВО РАН) [13].

Еще одной формой культурно-просветительной деятельности музея явилась публикация И.А. Паникаровым результатов проводимых исследований в виде статей и заметок в периодической печати, отдельных брошюр и книг. Широкую известность приобрела книжная серия «Архивы памяти», выпускавшаяся с 1995 г. В ней содержатся воспоминания старожилов Колымы, бывших заключенных, их литературные произведения [14]. По материалам музея опубликовано более 20 изданий, посвященных истории края и его людям, например, сборники «История поселков центральной Колымы» [15], «Эхо ГУЛАГа» [16]. Книги высылаются в региональные организации общества «Мемориал», научно-исследовательские и культурные учреждения страны, раздаются районным школам и библиотекам, ветеранам Колымы. Часть книг хранится в музее и предназначена для посетителей в качестве подарка.

За время существования музея с 1994 по 2014 г. его посетило более 10 000 человек. Это не только жители Магаданской области, но и люди из центральных районов России, из других государств – Швейцарии, Австрии, Ирландии, Англии, Франции, Германии, США [6, 10].

Для музея в населенном пункте со слаборазвитой инфраструктурой, расположенном в 528 км от областного центра – г. Магадана, числовые данные посещаемости имеют высокий показатель. Стоит принять во внимание тот факт, что к 1999 г. в условиях нестабильности общества резко падает количество посетителей музеев по всей стране [1. С. 90].

Реализуя задачу популяризации своей деятельности, И.А. Паникаров устанавливает контакты с колымской общественностью, организуя в июне 2004 г. в п. Ягодное первый слет краеведов Колымы, приуроченный к 10-летию музея. В его работе участвовало около 30 человек: сотрудники библиотек г. Магадана, Среднеканского, Хасынского, Ягоднинского районов, СВКНИИ ДВО РАН, Магаданского областного краеведческого музея и др., выступившие с докладами, отражающими результаты собирательской и просветительной работы [13].

Музей «Память Колымы» является активным участником международных конференций: «Наследие ГУЛАГа» (г. Париж, Франция, 2007 г.) [17], «Музеография режимов насилия в Центральной Европе и бывшем СССР» (г. Париж, Франция, 2014 г.) [2. С. 57], конференция коалиции Мемориальных музеев Сознания (п. Кучино, Пермский край, Россия, 2006 г.) [18], III Международный симпозиум «Мир после ГУЛАГа» (г. Сыктывкар, Республи-

ка Коми, Россия) [19], в ходе которых происходил обмен опытом работы между участниками конференций и обсуждение дискуссионных вопросов, связанных с проблемами сохранения исторической памяти и увековечивания жертв тоталитарных режимов XX в., интеграцией экспозиций, посвященных теме ГУЛАГа, в единое виртуальное пространство.

В 2010 г. музей выиграл грант VII Конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина. Полученные средства были использованы на издание книг, организацию экспедиций по остаткам лагерей и реализацию проекта «Эхо ГУЛАГа». Цель проекта – исследование территорий бывших лагерей и создание на основе собранного историко-краеведческого материала экспозиции под открытым небом. Как отмечает директор музея, воплотить в жизнь идею о создании «открытой» экспозиции в настоящее время так и не удалось ввиду абсолютной незаинтересованности и отсутствия помощи со стороны представителей районной администрации. Частично осуществление проекта отразилось в одноименной передвижной выставке 24 сентября 2011 г., организованной на площадке Ягоднинской начальной школы, которая представляла собой 16 щитов-витрин с атрибутами лагерной эпохи, 12 стендов с сотнями фотографий, освещающих историю Северо-Востока России в 1930–1950-е гг. Выставку посетило более 300 жителей п. Ягодного и гостей [16. С. 4–6].

За культурно-просветительную и экспозиционно-выставочную деятельность по истории Магаданской области в 1998 г. Ягоднинский музей «Память Колымы» был принят в Международную ассоциацию «Открытый музей», а в 2016 г. – в Российскую ассоциацию музеев памяти [2. С. 56].

Историко-краеведческий зал в п. Усть-Омчуг открыл свои двери 28 февраля 1996 г. С момента организации по настоящее время музей возглавляет Инна Васильевна Грибанова. Она же является единственным сотрудником музея. В 1968 г. по направлению приехала работать на Колыму в Северо-Восточное геологическое управление. До 1979 г. работала геофизиком в Тенькинской геологоразведочной экспедиции, а затем в Детринской экспедиции. После её ликвидации в 1992 г. устроилась в районный отдел культуры делопроизводителем, где и смогла реализовать свою мечту – организовать историко-краеведческий зал. В этом помогли знания, приобретенные за годы работы в экспедициях. Увлечшись проектом музея, И.В. Грибанова осуществляла целенаправленную работу по поиску источников поступления музейных предметов.

Как вспоминает Инна Васильевна, *«после того как Тенькинская экспедиция переезжала в Магадан, половину минералов выбросили, а мы забрали их, сделав коллекцию»*. В результате излишки геологической коллекции, собранной за долгие годы работы экспедиции в Тенькинском районе, стали первой коллекцией музея [20]. Систематизировать её помогали геологи Л.С. Кислёва и С.Д. Вознесенский.

Экспедиции на территории лагерных зон рудников «Бутугычаг», «Урчан», «Дусканья», дары от местных жителей, контакты, установленные с Российским историко-просветительным обществом «Мемориал», явились основой для сбора материала по истории Теньки.

Комплектование фондов проходило в результате научных исследований И.В. Грибановой в архивном отделе администрации Тенькинского района,

Государственном архиве Российской Федерации, что позволило пополнить экспозицию музея историческими, статистическими и картографическими сведениями [21]. Значительный объем материала был собран из местной периодики и научных публикаций, посвящённых региональной тематике, геологических отчетов, воспоминаний старожилов и бывших заключенных [22].

Итогом научных изысканий стала публикация в 2013 г. обобщающего исследования по истории Тенькинского района «Тенька. Виток спирали». Книга сразу же стала библиографической редкостью, поэтому в 2017 г. была переиздана. В ней содержится уникальная информация о возникновении и развитии поселений, существующих ныне и ранее располагавшихся на территории района, о людях, живших и работавших многие годы на Теньке [23]. Результаты исследований И.В. Грибанова подробно освещает в своих публикациях в местной печати – «Тенька», «Магаданская правда», а также в изданиях Международного историко-просветительского общества «Мемориал» – газете «30 октября», бюллетене «Мемориал», российской политической энциклопедии «Экономическая история. Ежегодник» и др. Всего с 1996 по 2011 г. И.В. Грибановой опубликовано более 80 статей [21].

Из тематически разрозненных материалов И.В. Грибанова создала одну из самых интересных экспозиций, связанных с социальной, геологической и лагерной историей Тенькинского района и Магаданской области. В ней тесно сплелись романтика первых географических и геологических открытий, эпоха Дальстроя и бурно развивающейся горной промышленности, история ГУЛАГа, постдальстроевский период, эпоха «перестройки» и современность.

Внимание в музейной экспозиции привлекают фотоальбомы о лагере «Бутугычаг», предметы лагерного быта, карта Тенькинского района с обозначенными на ней населенными пунктами, составленный И.В. Грибановой каталог репрессированных. В музее хранятся рукописные воспоминания бывших тенькинских заключенных, биографические материалы, небольшая библиотека из книг, подаренных обществом «Мемориал», жителями поселка, И.А. Паникаровым. Особая часть экспозиции – раздел, посвященный художественной самодеятельности района в 1940–1950-е гг. [22]. Вся информация изложена в плакатах, картограммах, исторических справках, что придает экспозиции красочность и единую стилистику, доступную восприятию любого посетителя.

На основе созданной экспозиции музей проводит тематические вечера, лекции, беседы в культурных и образовательных учреждениях п. Усть-Омчуг – средней общеобразовательной школе, Центре досуга и народного творчества, библиотеке, центре дополнительного образования для детей. С 1996 по 2011 г. проведено 21 мероприятие, где присутствовало 870 человек.

Периодически проводятся выставки, приуроченные к знаменательным датам и событиям района и страны в целом. В работе музея распространены передвижные тематические выставки в ближайшие населенные пункты – Омчак и Мадаун.

За период с 1996 по 2011 г. проведено 26 выставок. Их посетило более 7 000 человек.

Активное использование разнообразных форм массовой работы привело к тому, что с 1996 по 2011 г. музей посетили 6 913 человек, в том числе из городов России и стран ближнего зарубежья, США, Швейцарии, Англии,

Италии. Директором историко-краеведческого зала проводились экскурсии на территорию бывших лагерных зон – рудник «Бутугычаг», «Хениканджа», прииск им. Будённого, которые посетило 227 человек, в том числе из Магадана и других регионов РФ – 40 человек; из стран ближнего зарубежья – 41 человек.

В сложившейся обстановке в стране постсоветского периода ввиду постоянного оттока населения из Тенькинского района показатели посещаемости историко-краеведческого зала п. Усть-Омчуг являются высокими [21].

Таким образом, музеи Магаданской области являются уникальными культурными центрами, которые сохраняют историко-культурное наследие местного сообщества, отражают специфику и самобытность конкретного «месторазвития».

В становлении музеев периферии определяющую роль сыграли творческие личности, «укорененные» в местном культурном пространстве.

Благодаря научно-исследовательской и собирательской работе сотрудников музеев сформировано уникальное музейное собрание по истории северо-восточного региона.

Проводимая экспозиционно-выставочная и массовая работа способствовала просвещению, распространению и популяризации краеведческих знаний среди населения, формированию целостной картины об историческом прошлом края, его природных богатствах, жизни и занятиях колымчан в северных условиях, развитию патриотизма, осознанию причастности к истории территории и преемственности региональных традиций, что остается актуальным при стабильных отрицательных показателях миграционных процессов Магаданской области последних десятилетий.

Литература

1. Тельчаров А.Д. Музееведение. 2-е изд. М. : Научный мир, 2011. 184 с.
2. Календарь дат и событий по Магаданской области на 2015 г. / сост. С.И. Симонова, Н.О. Старикова ; Магадан. обл. универ. науч. б-ка им. А.С. Пушкина. Магадан : ОУНБ, 2014. 110 с.
3. Горюхина Э. Другая жизнь сантехника Паникарова // Новая газета. 2010. 16 авг.
4. Паникаров И.А. И долго будет он тревожить людям души // Магаданская правда. 2014. 31 окт.
5. Кнейс Н. Через тернии – к правде // Магаданская правда. 2009. 30 окт.
6. Архив музея «Память Колымы»: Коллекция документов.
7. Паникаров И.А. Интернационалом... по медведю // Магаданская правда. 2014. 22 авг.
8. Паникаров И.А. Что было, то было... // Северная правда. 2002. 10 авг.
9. Паникаров И.А. По «местам не столь отдаленным» // 30 октября. 2007. № 71.
10. Паникаров И.А. У памяти начало есть, но нет конца // Северная правда. 2015. 30 окт.
11. Паникаров И.А. Музей колымской истории Ивана Паникарова // Магаданский краевед / под ред. О.А. Толоконцевой; М-во культуры и туризма Магадан. обл., Магадан. обл. универ. науч. б-ка А.С. Пушкина. Магадан : Охотник, 2015. Вып. 2. С. 88–94.
12. Орский А. Не теряя времени // Магаданская правда. 2007. 30 янв.
13. Алексеева Н. В поисках истины // Регион. 2004. 28 окт. – 3 нояб.
14. Архивы памяти / Ягоднинское общество «Поиск незаконно репрессированных» ; сост. И.А. Паникаров. Магадан, 1996, 1998, 2003, 2005. Вып. 1–18.
15. Паникаров И.А. История поселков Центральной Колымы. Магадан : АО МАОБТИ, 1995. 192 с.
16. Паникаров И.А. Эхо Гулага. Магадан : Новая полиграфия, 2011. 163 с.
17. Паникаров И.А. Как я ездил в Париж... // 30 октября. 2007. № 76.
18. Миронова Н. Музеи совести // Северная надбавка. 2006. 19 июля.
19. Паникаров И.А. Виртуальный музея ГУЛАГа // Колымский тракт. 2004. 6 окт.

20. Даныко Г. Хранительница Тенькинской истории // Тенька. 2017. 17 нояб.

21. Архив историко-краеведческого зала муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая централизованная клубная система» п. Усть-Омчуг : Коллекция документов.

22. Грибанова И.В. Лагерная Тенька // 30 октября. 2002. № 22.

23. Грибанова И.В. Тенька. Виток спирали. 2-е изд. Магадан: Охотник, 2017. 467 с.

Evgeniya V. Khazan, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); North-Eastern State University (Magadan, Russian Federation).

E-mail: shanya93@rambler.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 167–175.

DOI: 10.17223/22220836/32/17

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE MAGADAN REGION IN EXPOSITIONS OF THE PROVINCIAL MUSEUMS (1990–2000S)

Keywords: historical and cultural heritage; Magadan region; exposition; local history hall; museum “Memory of Kolyma”.

The purpose of article to show a role of the provincial museums of the Magadan region in preservation of historical and cultural heritage of local community, on the example of activity of the museum “Memory of Kolyma” in the settlement Yagodnoe and the local hall of history in the settlement of Ust-Omchug. Tasks of article include the analysis of results of socially important activity of the museums, a contribution of employees to the organization and distribution of local work of history, representation of history of the region.

As a result of a research the author has come to the following conclusions: on border of XX–XXI of centuries the network of cultural institutions of the periphery of the Magadan region begins to increase at the expense of the museums opened on a voluntary basis. The significant role in this process was played by enthusiasm and creative potential of local amateur historians. On October 30, 1994 the museum “Memory of Kolyma”, its founder I.A. Panikarov is organized. On February 28, 1996 under the leadership of I.V. Gribanova the local history hall is organized in the settlement of Ust-Omchug. The research of historical and natural heritage, material and cultural richness of the North-East has been executed in the form of expeditions to places of activity of the liquidated camps, settlements, the enterprises. Results of the conducted researches have been published in the form of articles in periodicals, separate brochures and books. On the basis of processing of collected materials, the analysis of archival documents, scientific publications, regular cooperation with scientific and cultural institutions of the country the unique museum collection on stories of the Magadan region has been created. The important role in formation of funds was played by gifts from locals. Funds of the museums include collections of rare books on a regional subject, the photo about life of people of the North in 1930–1950s, household goods and uses of the camp, personal things of prisoners, biographic materials. The created funds promoted realization of the exposition and exhibition direction. Data on history of development of the North-East of Russia, activity of the state trust “Dalstroy”, labor camps in 1930–1950s, social and economic development, education and the culture of the region in 1930–1990s are reflected in expositions. For participation of the population in studying of history of the Magadan region, expansion of audience of the museum thematic exhibitions, public lectures, conversations in cultural and educational institutions were organized. Cultural and mass work promoted public awareness of local history knowledge among the population, to formation of a full picture about the historical past of edge its natural resources, life locals of Kolyma, to development of patriotism, continuity of regional traditions which remains popular at negative indicators of processes of migration of the Magadan region of the last decades.

Reference

1. Telcharov, A.D. (2011) *Muzevedenie* [Museology]. 2nd ed. Moscow: Nauchnyy mir.
2. Simonova, S.I. & Starikova, N.O. (2014) *Kalendar' dat i sobyitiy po Magadanskoy oblasti na 2015 g.* [Calendar of dates and events in Magadan region for 2015]. Magadan: OUNB.
3. Goryukhina, E. (2010) *Drugaya zhizn' santekhnika Panikarov* [Another Life of plumber Panikarov]. *Novaya gazeta*. 16th August.
4. Panikarov, I.A. (2014) *I dolgo budet on trevozhit' lyudyam dushi* [For long he will disturb the souls of people]. *Magadanskaya pravda*. 31st October.

5. Kneys, N. (2009) Cherez ternii – k pravde [Through thorns to truth]. *Magadanskaya pravda*. 30th October.
6. The Archive of the Museum “Memory of Kolyma”.
7. Panikarov, I.A. (2014) Internatsionalom... po medvedyu [The Internationale . . . against the bear]. *Magadanskaya pravda*. 22nd August.
8. Panikarov, I.A. (2002) Chto bylo, to bylo... [Whatever happened, happened]. *Severnaya pravda*. 10th August.
9. Panikarov, I.A. (2007) Po “mestam ne stol' otdalennym” [On “places not so remote”]. *30 oktyabrya*. 71.
10. Panikarov, I.A. (2015) U pamyati nachalo est', no net kontsa [Memory has a beginning, but no end]. *Severnaya pravda*. 30th October.
11. Panikarov, I.A. (2015) Muzei kolymской istorii Ivana Panikarova [Ivan Panikarov's Museum of the Kolyma History]. In: Tolokontseva, O.A. (ed.) *Magadanskiy kraeved* [Magadan Ethnographer]. Magadan: Okhotnik. pp. 88–94.
12. Orskiy, A. (2007) Ne teryaya vremeni [Losing no time]. *Magadanskaya pravda*. 30th January.
13. Alekseeva, N. (2004) V poiskakh istiny [In search of truth]. *Region*. 28th October – 3rd November.
14. Panikarov, I.A. (1996, 1998, 2003, 2005) *Arkhivy pamyati* [Archives of Memory]. Magadan: Yagodninsk Society “Search for Illegally Repressed”.
15. Panikarov, I.A. (1995) *Istoriya poselkov Tsentral'noy Kolymy* [The history of the Central Kolyma settlements]. Magadan: AO MAOBTI.
16. Panikarov, I.A. (2011) *Ekho Gulaga* [Echo of the Gulag]. Magadan: Novaya poligrafiya.
17. Panikarov, I.A. (2007) Kak ya yezdil v Parizh... [How I traveled to Paris]. *30 oktyabrya*. 76.
18. Mironova, N. (2006) Muzei sovesti [Museums of Conscience]. *Severnaya nadbavka*. 19th July.
19. Panikarov, I.A. (2004) Virtual'nyy muzey GULAGA [The GULAG Virtual Museum]. *Kolymskiy trakt*. 6th October.
20. Danko, G. (2017) Khranitel'nitsa Ten'kinskoy istorii [The keeper of the Tenka history]. *Ten'ka*. 17th November.
21. The Archive of the Local History Hall of the Municipal Budgetary Institution of Culture “Intersettlement Centralized Club System”, Ust-Omchug.
22. Gribanova, I.V. (2002) Lagermaya Ten'ka [The Camp Tenka]. *30 oktyabrya*. 22.
23. Gribanova, I.V. (2017) *Ten'ka. Vitok spirali* [Tenka. A spiral turn]. 2nd ed. Magadan: Okhotnik.

БИБЛИОТЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 021.64 (571)

DOI: 10.17223/22220836/32/18

Т.В. Дергилева

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ БИБЛИОТЕК НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Актуальность формирования стратегии по взаимодействию библиотек научных организаций Сибирского отделения (СО РАН) обусловлена реформированием Российской академии наук (РАН), в ходе которого произошла интеграция трех академий – РАН, Академии медицинских наук (РАМН) и Академии сельскохозяйственных наук (РАСХН), реструктуризацией научных учреждений и организацией принципиально новой формы научно-исследовательских учреждений – федеральных исследовательских центров. В период реформирования науки изменилась модель информационно-библиотечной системы СО РАН, трансформируется деятельность библиотек. С целью определения стратегических направлений взаимодействия библиотек в новых условиях функционирования СО РАН потребовалось проведение методического мониторинга за 2012–2017 гг.

Ключевые слова: академические библиотеки, методический мониторинг, направления деятельности, стратегия, взаимодействие.

В настоящее время стратегическое планирование в России идет на разных уровнях: общероссийском, городском и профессиональном. В Правительстве РФ разрабатывается «Стратегия пространственного развития России до 2025 года», частью которой должна стать и научная составляющая [1]. В Новосибирске началась работа над стратегией развития мегаполиса до 2030 г. [2], а ко Дню библиотек был разработан проект «Стратегии развития библиотечного дела Новосибирской области на 2018–2030 годы». В последние годы уже были разработаны библиотечные стратегии четырнадцати регионов России, поскольку официально утвержденная стратегия развития библиотечного дела РФ отсутствует [3].

Термин **стратегия (strategy)** интерпретируется как план действий в условиях неопределенности. Это набор правил, согласно которым предпринимаемые действия должны зависеть от обстоятельств, включая естественные события и действия других людей [4]. Задача **стратегии** – модернизация и обеспечение инновационного развития библиотек. Под модернизацией понимается качественное улучшение форм, методов и результатов деятельности библиотек, а также совершенствование способов управления библиотечной системой страны [5].

Стратегии подразделяются на базовые и функциональные. Базовая стратегия должна содержать определение миссии, цели, задач и функции библиотек, а также пути, методы и средства достижения этих целей. Функциональные стратегии включают комплексы мероприятий и программ для отдельных функциональных сфер или подразделений библиотеки. Единой модели инновационной стратегии не существует, поэтому содержание стратегического управления инновационным процессом является уникальным, а его формы и методы не могут тиражироваться для многих библиотек [6. С. 7–8].

Для академической информационно-библиотечной системы (ИБС) в целом и отдельных централизованных библиотечных систем, входящих в нее, ранее разрабатывались концепции развития. Так, например, в ГПНТБ СО РАН: «Модернизация ИБС СО РАН» в 2011, 2013, 2016 гг. «Концепция развития Централизованной библиотечной системы Библиотеки по естественным наукам Российской академии наук» была представлена в 2015 г. на семинаре «Информационное обеспечение науки: новые технологии» [7]. Позднее, в 2016 г., был опубликован проект концепции «Единая система информационного обслуживания науки Федерального агентства научных организаций (ФАНО)», в котором был определен состав функций системы по информационному обслуживанию научных учреждений ФАНО России [8. С. 2–5]. Однако *единой* концепции в плане взаимодействия библиотек всех централизованных библиотечных систем (ЦБС) РАН быть не может, поскольку ЦБС РАН имеют разные организационные формы. Библиотеки институтов, входящих в ЦБС СО РАН, являются их структурными подразделениями, а центральные научные библиотеки (ЦНБ) научных центров (НЦ) – президиумов НЦ и фактически никак не связаны с головной библиотекой ЦБС – ГПНТБ СО РАН. Библиотеки учреждений, входящих в другие ЦБС РАН: Библиотеки академии наук (БАН), Библиотеки по естественным наукам (БЕН), Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН), ЦНБ Уральского (УрО) и ЦНБ Дальневосточного (ДВО) отделений РАН – являются их отделами. Это означает, что библиотеки-отделы БАН, БЕН, ИНИОН, УрО и ДВО работают как одно учреждение с общим штатом сотрудников, фондом документов, единым руководством и финансированием, централизованными технологическими процессами и т.д. Следовательно, если ЦБС РАН изначально имеют разные основы организации, то и стратегические направления взаимодействия библиотек в системах будут разными. Взаимодействие библиотек является главным системообразующим признаком организации, функционирования и развития библиотечной системы. По определению Н.С. Карташова и В.В. Скворцова, взаимодействие библиотек – это «совокупность определенных связей, отношений, сотрудничества библиотек, которые направлены на наиболее полное удовлетворение информационных потребностей, рациональное формирование и эффективное использование библиотечных ресурсов и предопределяют приобретение библиотечной системой новых свойств (новых библиотечных ресурсов, процессов, функций, результатов), обеспечивающих взаимодополнение и взаимопомощь библиотек, их мобильность и эффективность» [9].

Итак, целью данного исследования является разработка функциональной стратегии взаимодействия библиотек СО РАН, которая должна строиться на принципах кооперации информационно-библиотечных ресурсов и координа-

ции деятельности библиотек, реализуемых на практике. Для достижения поставленной цели необходимо изучить состояние и условия функционирования библиотек ведомства, а также рассмотреть все изменения, произошедшие в библиотечном деле СО РАН за период реформирования науки. Стратегические направления по взаимодействию библиотек СО РАН будут зависеть от условий функционирования библиотек и результатов анализа статистических показателей деятельности библиотек по данным методического мониторинга¹ за 2012–2017 гг.

Методический мониторинг деятельности библиотек научных организаций Сибирского отделения за 2012–2017 гг.

В январе 2017 г. в составе СО РАН находилось 144 научные организации, а через год, в 2018 г., эта цифра сократилась до 83 научно-исследовательских институтов (НИИ) и девяти федеральных исследовательских центров (ФИЦ). Однако это не означает, что какое-то количество институтов было ликвидировано, поскольку в основном все они вошли в ФИЦ [11]. В 2015–2018 гг. были организованы федеральные исследовательские центры на основе объединения разнопрофильных институтов, подведомственных Сибирскому отделению Академии наук (РАН, РАМН, РАСХН). Это ФИЦ Института цитологии и генетики (ИЦГ), ФИЦ Красноярского научного центра (КНЦ) СО РАН, Сибирский ФИЦ агробιοтехнологий (СФНЦА РАН), Томский национальный исследовательский медицинский центр (НИМЦ) [12]. В 2018 г. были организованы ФИЦ «Тюменский научный центр СО РАН» [13] и ФИЦ фундаментальной и трансляционной медицины (ФИЦ ФТМ), этот проект становится первым в ФАНО России, объединяющим в процессе реформы структурные подразделения из всех трех академий (РАН, РАМН, РАСХН) [14]. «Сильная научная база в области цитологии и генетики укрепляется исследовательской и клинической базой институтов, входящих в интеграционный проект, суть которого: объединение потенциала коллективов РАН, РАМН и РАСХН для прорывных исследований в области генетики и клеточной биологии» [15]. Кроме того, интегрированы две крупнейшие библиотеки СО РАН: Сибирская научная сельскохозяйственная библиотека (СибНСХБ) стала филиалом ГПНТБ СО РАН.

Вследствие реструктуризации научно-исследовательских учреждений – системы более высокого порядка – подверглась трансформации и система информационно-библиотечных подразделений, входящих в структуру научных организаций, в деятельности которых также произошли качественные изменения и значительное снижение количественных показателей. Наибольшее количество библиотек научных организаций СО РАН насчитывалось в 2012–2015 гг. – 70 библиотек, с 2017 г. – 62: уменьшение произошло за счет их закрытия в трех институтах и объединения шести библиотек КНЦ в одну (рис. 1).

Помимо объединения и закрытия библиотек, наметилась устойчивая тенденция сокращения занимаемых ими площадей. Например, в институтах СО РАН: цитологии и генетики, физики полупроводников, органической химии и

¹ Методический мониторинг – это система постоянного наблюдения с целью сбора информации для оценки, анализа и прогноза количественных и качественных изменений в деятельности организаций, оказывающая общедоступные библиотечные услуги [10].

некоторых других. Одновременно осложняется ситуация с размещением книжного фонда, зачастую библиотеки вынуждены размещать книги и журналы на стеллажах «под потолком» или списывать еще пользующиеся спросом у читателей издания прошлых лет, в том числе приобретенные ранее за валюту.

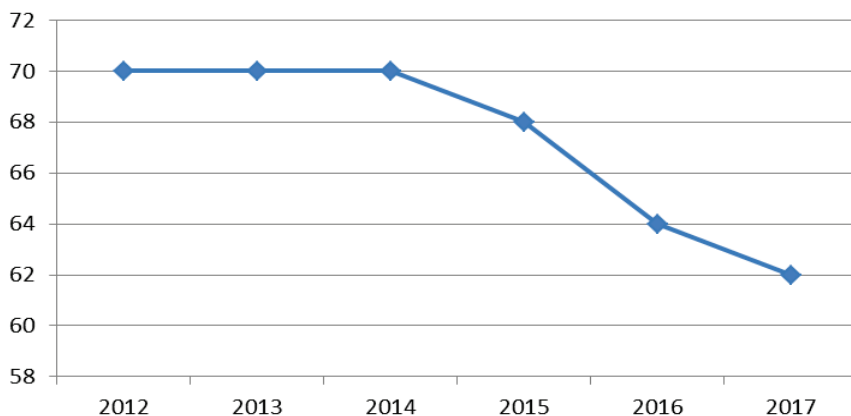

Рис. 1. Количество библиотек СО РАН в 2012–2017 гг.

Анализ количества пользователей библиотек НИУ СО РАН по составу показывает, что их общее суммарное число по сравнению с 2012 г. сократилось на 17%, зарегистрированных читателей (физических лиц) стало меньше на 19%; в то же время на 58% увеличилось число пользователей, обратившихся в библиотеки через электронные сети (рис. 2).

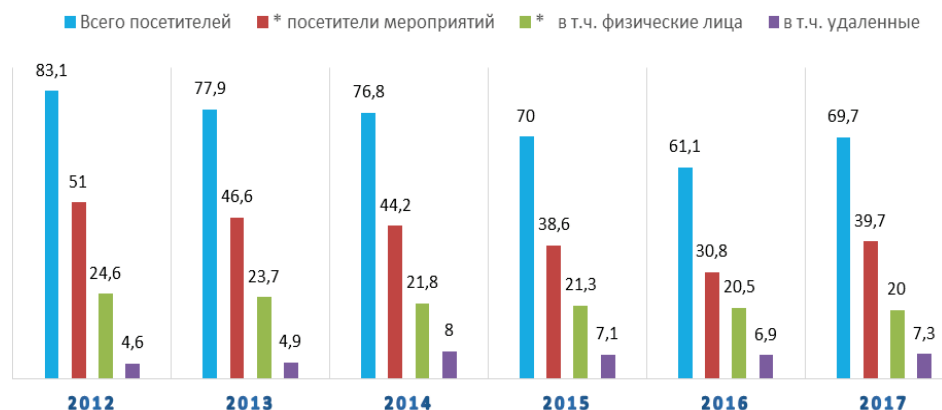

Рис. 2. Число пользователей библиотек научных организаций СО РАН в 2012–2017 гг., тыс. человек

Посещаемость библиотек физическими лицами снизилась на 48%, что объясняется как общемировыми тенденциями снижения посещаемости библиотек, так и значительным сокращением новых поступлений литературы в библиотеки СибТУ ФАНО в связи с прекращением централизованного комплектования их фондов (рис. 3). Одновременно с сокращением числа посещений увеличилось количество обращений пользователей библиотек через электронные сети к зарубежным и отечественным электронным ресурсам (ЭР), данный показатель вырос в 6,5 раза.

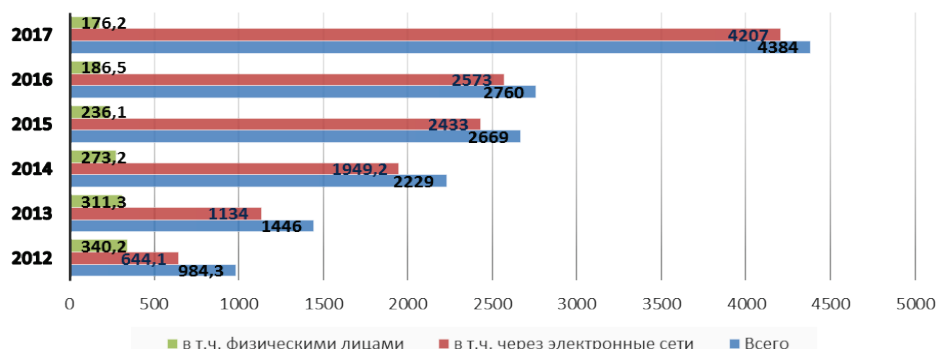

Рис. 3. Число посещений библиотек научных организаций СО РАН в 2012–2017 гг.

Помимо ведомственной принадлежности, главным системообразующим звеном ЦБС СО РАН являлось централизованное комплектование библиотек сети отечественными и зарубежными документами, осуществляемое через ГПНТБ СО РАН на основе централизованного финансирования. Законодательные документы, принятые в связи с реформированием РАН¹, не позволяют объединять финансовые средства НИУ, в том числе на приобретение документов и других источников информации, а также их передачу с баланса ГПНТБ на баланс библиотек сети СО РАН. Таким образом, в 2014 г. ГПНТБ СО РАН прекратила централизованное комплектование библиотек сети, в которые перестали поступать зарубежные и отечественные научные издания, что отрицательно сказалось на информационном обеспечении учёных и специалистов СО РАН. В то же время меняется система издательского бизнеса, расширяются номенклатура и объем электронных ресурсов, возрастают требования к информационно-библиотечному обеспечению науки и сохранению научного наследия. Сокращение новых поступлений документов: с 61 тыс. экз. в 2012 г. до 28 тыс. экз. в 2017 г. (рис. 4).

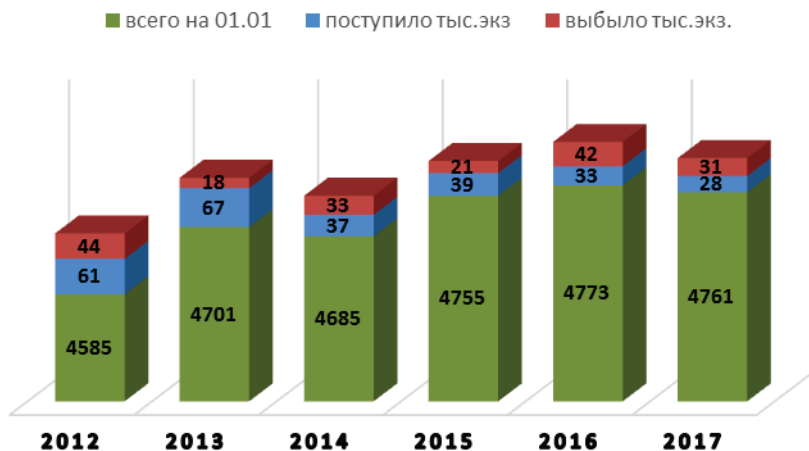

Рис. 4. Движение фонда библиотек научных организаций СО РАН в 2012–2017 гг. Количество поступлений, выбытия, тыс. экз.

¹ Федеральный закон № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Совокупный документный фонд библиотек на 01.01.18 г. составляет 4 млн 761 тыс. экз. На слайде показано значительное уменьшение новых поступлений документов в фонды библиотек в 2014–2017 гг. в сравнении с показателями 2012–2013 гг., когда фонды библиотек комплектовались централизованно, через ГПНТБ СО РАН. С 2014 г. институты выделяли средства библиотекам в основном на подписку отечественной периодики. Практически прекратилось комплектование зарубежной литературы, библиотеки пополняли свои фонды только научными изданиями, переданными сотрудниками институтов «в дар». Общая книговыдача документов сократилась практически наполовину и составила по отношению к 2012 г. 57%; выдача зарубежных изданий – 33,5%, при этом количество запрошенных документов из удаленных полнотекстовых библиотек и БД возросло на 28% (рис. 5).

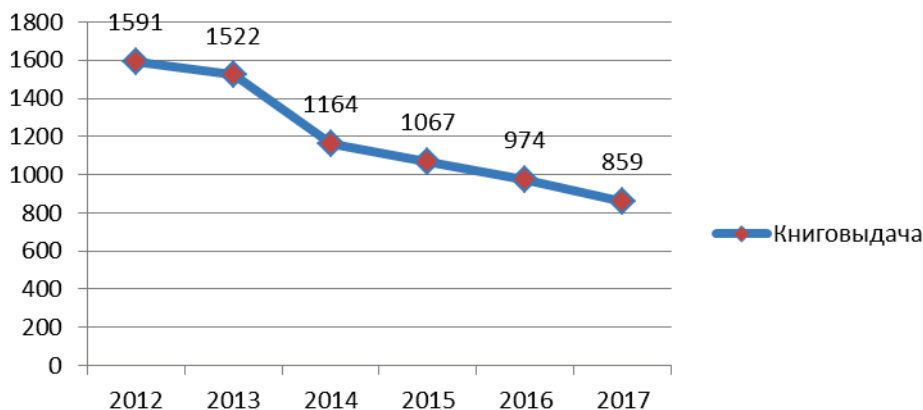

Рис. 5. Количество книговыдачи, тыс. экз., в библиотеках научных организаций СО РАН в 2012–2017 гг.

Библиотечный персонал библиотек за рассматриваемый период сократился на 30 человек, число сотрудников с высшим образованием уменьшилось на 10 человек, с высшим библиотечным – на 16 (рис. 6).

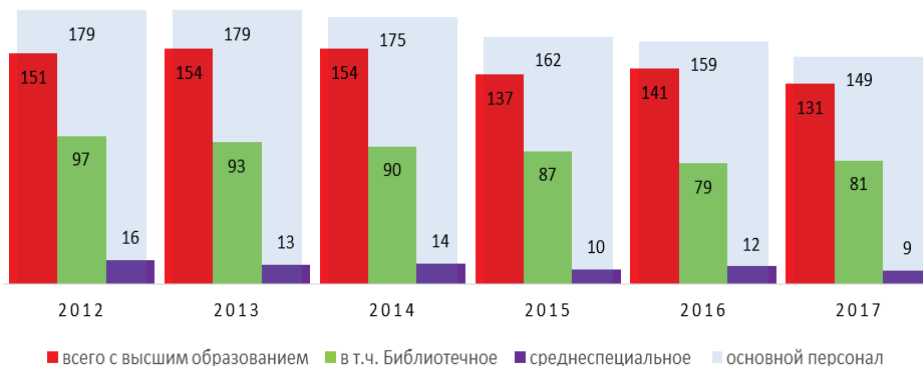

Рис. 6. Состав и образовательный уровень библиотечного персонала научных организаций СО РАН в 2012–2017 гг.

Таким образом, проведенный мониторинг статистических показателей деятельности библиотек СО РАН за 2012–2017 гг. показал, что изменилась

структура библиотечной сети, сократилось число библиотек, занимаемые ими площади в НИУ и число библиотечных специалистов. Отрицательно сказалась отмена централизованного комплектования фондов библиотек, в результате количество поступлений документов сократилось более чем наполовину. В то же время доступ к отечественным и зарубежным ЭР предоставляется не на постоянной основе и не всем институтам, причем уровень и темпы информатизации в библиотеках достаточно разные, в большинстве библиотек – не удовлетворительные. Ежегодно снижается число пользователей библиотек – физических лиц и увеличивается количество пользователей и запрошенных ими документов в электронной среде.

Как показывает практика, библиотеки СО РАН нуждаются в профессиональной поддержке, а ГПНТБ СО РАН – методический центр, в свою очередь, может оказать им содействие по таким направлениям работы, как:

- внедрение облачных технологий: централизованный подход и виртуализация обслуживания позволяют быстро внедрять лучшие практики;
- оцифровывать фундаментальные документы и труды сотрудников институтов, создавая полнотекстовые БД с открытым доступом к ним;
- организовывать информационные выставки новых поступлений изданий в ГПНТБ СО РАН для комплектования фондов библиотек;
- осуществлять централизованное предоставление доступов к отечественным электронным ресурсам и подписку отечественных периодических изданий;
- предоставлять издания по межбиблиотечному абонементу и электронной доставке документов;
- генерировать сводный (распределенный) электронный каталог на фонды библиотек СО РАН;
- консультировать по всем направлениям библиотечной работы;
- повышать квалификацию библиотечного персонала и обучать новым технологиям;
- информировать о мероприятиях Министерства науки и образования, Министерства культуры, Российской библиотечной ассоциации, о профильных научно-практических конференциях и т.д.

Библиотеки научных организаций СО РАН должны ежегодно представлять отчеты о работе за год и участвовать в мероприятиях по повышению профессиональной квалификации, организуемых ГПНТБ СО РАН.

Все перечисленные направления взаимодействия библиотек СО РАН найдут отражение в «Стратегии развития взаимодействия библиотек Сибирского отделения Российской академии наук», выполнение которых позволит мобилизовать усилия коллективов библиотек в достижении прогрессивных результатов и гарантировать устойчивое, динамичное функционирование по информационному обеспечению научных исследований на долгосрочный период.

Литература

1. *Цена науки* // Российская газета. Неделя. № 78 (7541). С. 3. URL: <https://rg.ru/2018/04/11/putin-prizval-uvelichit-finansirovanie-fundamentalnyh-issledovanij.html> (дата обращения: 13.04.2018).
2. *Городу нужен особый статус*. В Новосибирске разрабатывают план стратегического развития до 2030 года // Российская газета. Неделя. № 78 (7541). С. 3. URL:

<https://rg.ru/2018/04/12/reg-sibfo/v-novosibirsk-razrabotaiut-plan-strategicheskogo-razvitiia-do-2030-goda>. (дата обращения: 13.04.2018).

3. Смирнова И.П. Стратегические направления развития библиотек России: региональный аспект. (Обзор) // Библиотека в эпоху перемен. 2016. Вып. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/BEP/2016/02/2016-02_bep-1.pdf © Российская государственная библиотека (дата обращения: 13.05.2018).

4. Экономический словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/19736 (дата обращения: 6.03.2018).

5. Стратегия модернизации библиотечного дела России. Проект для обсуждения. URL: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Ur6UFwgngzcl:https://er.ru/news/55229/+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 6.03.2018).

6. Семенова Е.В., Матвеева И.Ю. Роль и технология стратегического управления в инновационной деятельности библиотек // Инновационное восхождение библиотек : сб. материалов третьей и четвертой межрегион. школ инноватики / под ред. И.Ю. Матвеевой. Челябинск, 2013. С. 7–8.

7. Каленов Н.Е. Концепция развития ЦБС БЕН. URL: http://www.benran.ru/SEM/Sb_15/sbornik/7.pdf (дата обращения: 27.03.2018).

8. Антопольский А.Б., Каленов Н.Е., Серебряков В.А. Единая система информационного обслуживания науки ФАНО // Информационные ресурсы России. 2016. № 5. С. 2–5.

9. Карташов Н.С., Скворцов В.В. Общее библиотековедение. Общая теория библиотечного дела : учебник : в 2 ч. М. : Изд-во Московского государственного университета культуры, 1997. С. 189.

10. Стандарт методической деятельности Корпоративной сети общедоступных библиотек Санкт-Петербурга. URL: http://fulltext.pl.spb.ru/unor/metod/Standart_metodicheskoy_deyatelnosti_2015.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

11. Научные институты СО РАН получают статус федеральных автономных учреждений. URL: <http://www.sib-science.info/rusbras/instituty-21122017> (дата обращения: 18.04.2018).

12. Дергилева Т.В. Диверсификация как способ организации функционирования информационно-библиотечной среды научных организаций ФАНО России // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2017. № 28. С. 207–212.

13. Структуризация организаций, подведомственных ФАНО России, расположенных в Тюменской области. URL: http://www.tmnsc.ru/?page_id=450. (дата обращения: 5.04.2018).

14. В Новосибирске создан Федеральный исследовательский центр фундаментальной и трансляционной медицины. URL: http://fano.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=39381 (дата обращения: 6.04.2018).

15. Российская академия наук. НИИ объединились в один исследовательский центр медицины. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=078dbe61-0035-4017-b5ac-100d66e39c47> (дата обращения: 30.04.2017).

Tatiana V. Dergileva, The State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL of SB RAS) (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: dergileva@spsl.nsc.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 176–185.

DOI: 10.17223/22220836/32/18

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF STRATEGIC DIRECTIONS OF INTERACTION OF LIBRARIES OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS OF THE SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Keywords: academic libraries; activities; methodological monitoring; strategy; interaction.

The relevance of the formation of the strategy for cooperation of libraries, research organizations of the Siberian branch (SB RAS) due to the reform of the Russian Academy of Sciences (RAS), during which occurred the integration of three academies: Russian Academy of Sciences, Academy of medical (RAMS) and agricultural Sciences (RAAS), the restructuring of scientific institutions and organizations of a fundamentally new form of scientific research institutions – Federal research centers. During the reformation of science, the model of information and library system of SB RAS has changed, the activity of libraries is being transformed. In order to determine the strategic directions of interaction of libraries in the new conditions of functioning of SB RAS, it was necessary to conduct methodological monitoring for 2012–2017.

Monitoring of statistical indicators of the RAS libraries' activity for 2012–2017 showed that the structure of the library network has changed, the number of libraries, their space in the institutes and the number of library specialists have decreased. The changes of the centralized acquisition of library funds by SPSTL of SB RAS, as a result, the number of receipts of documents decreased by more than half. At the same time, access to domestic and foreign ERs is not provided on a permanent basis and not for all institutions, and the level and scope of information in libraries are quite different, in most libraries – not satisfactory. Every year the number of users of libraries – individuals decreases and the number of users and documents requested by them in the electronic environment increases.

As practice shows, the library of SB RAS needs professional support of SPSTL SB RAS – methodological center, in turn, can assist them in such areas as:

- implementation of cloud technologies: centralized approach and virtualization service allows you to quickly implement best practices;
- digitize fundamental documents and work of employees of institutions, creating a full-text database with open access to;
- electronic delivery of documents;
- provide centralized access to domestic electronic resources and subscription of internal periods;
- formation of a consolidated (distributed) electronic catalogue of library collections of SB RAS;
- consulting on all areas of library work;
- professional development of library staff and training in new technologies.

Library of scientific organizations of SB RAS to present annual reports on its work for the year and participate in activities to improve their professional skills, organized by GPNTB SB RAS.

All these areas of cooperation of the libraries of the SB RAS will be reflected in the “Strategy of development of cooperation of the libraries of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences”, which will mobilize the efforts of groups of libraries in the achievement of progressive results and to ensure sustainable, dynamic functioning of the information support of scientific research in the long term.

References

1. Kuzmin. V. (2018) Tsena nauki [The price of science]. *Rossiyskaya gazeta. Nedelya*. 78 (7541). p. 3. [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/04/11/putin-prizval-uvlechit-finansirovanie-fundamentalnyh-issledovaniy.html>. (Accessed: 13th April 2018).
2. Reshetnikova, N. (2018) Gorodu nuzhen osobyy status. V Novosibirsk razrabatyvayut plan strategicheskogo razvitiya do 2030 goda [The city needs a special status. Novosibirsk develops a strategic development plan until 2030]. *Rossiyskaya gazeta. Nedelya*. 78 (7541). p. 3. [Online] Available from: <https://rg.ru/2018/04/12/reg-sibfo/v-novosibirsk-razrabotaiut-plan-strategicheskogo-razvitiya-do-2030-goda.html>. (Accessed: 13th April 2018).
3. Smirnova, I.P. (2016) “Strategicheskie napravleniya razvitiya bibliotek Rossii: regional'nyy aspekt” [“Strategic Directions for the Development of Russian Libraries: Regional Aspect”]. *Biblioteka v epokhu peremen*. 2. [Online] Available from: http://infoculture.rsl.ru/donArch/home/BEP/2016/02/2016-02_bep-1.pdf © Rossiyskaya gosudarstvennaya biblioteka. (Accessed: 13th May 2018).
4. Dis.academic.ru. (n.d.) *Ekonomicheskiy slovar'* [Economic Dictionary]. [Online] Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/19736. (Accessed: 6th March 2018).
5. The United Russia. (n.d.) *Strategiya modernizatsii bibliotchnogo dela Rossii. Proekt dlya ob-suzhdeniya* [The strategy of modernization of library service in Russia]. [Online] Available from: <https://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:Ur6UFwgngzCJ:https://er.ru/news/55229/+&cd=2&hl=ru&ct=clnk&gl=ru>. (Accessed: 6th March 2018).
6. Semenova, E.V. & Matveeva, I.Yu. (2013) Rol' i tekhnologiya strategicheskogo upravleniya v innovatsionnoy deyatel'nosti bibliotek [The role and technology of strategic management in the innovative activity of libraries]. In: Matveeva, I.Yu. (ed.) *Innovatsionnoe voskhozhdenie bibliotek* [Innovative Ascent of Libraries]. Chelyabinsk: [s.n.]. pp. 7–8.
7. Kalenov, N.E. (n.d.) *Kontseptsiya razvitiya TSBS BEN* [The concept of development of the Centralized Library System of the Library for Natural Sciences of the Russian Academy of Sciences]. [Online] Available from: http://www.benran.ru/SEM/Sb_15/sbornik/7.pdf. (Accessed: 27th March 2018).
8. Antopolskiy, A.B., Kalenov, N.E. & Serebryakov, V.A. (2016) Unified system of information services for the Sciences of FANO (the draft concept). *Informatsionnye resursy Rossii – Information Resources of Russia*. 5. pp. 2–5. (In Russian).
9. Kartashov, N.S. & Skvortsov, V.V. (1997) *Obshchee bibliotekovedenie* [General Library Science]. Moscow: Moscow State University of Culture.

10. The Corporate Network of St. Petersburg Public Libraries. (n.d.) *Standart metodicheskoy deyatel'nosti Korporativnoy seti obshchedostupnykh bibliotek Sankt-Peterburga* [The standard of methodical activity of the Corporate Network of St. Petersburg Public Libraries]. [Online] Available from: http://fulltext.pl.spb.ru/unor/metod/Standart_metodicheskoy_deyatelnosti_2015.pdf. (Accessed: 18th April 2018).

11. Anon. (n.d.) *Nauchnye instituty SO RAN poluchat status federal'nykh avtonomnykh uchrezhdeniy* [Scientific institutes of the SB RAS will receive the status of federal autonomous institutions]. [Online] Available from: <http://www.sib-science/info/rusbras/instituty-21122017>. (Accessed: 18th April 2018).

12. Dergileva, T.V. (2017) Diversification as a way of organizing the functioning of the library information environment for scientific organizations FANO Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 28. pp. 207–212. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/28/20

13. Tyumen Research Centre SB RAS. (n.d.) *Strukturizatsiya organizatsiy podvedomstvennykh FANO Rossii, raspolozhennykh v Tyumenskoy oblasti* [Structurization of organizations subordinate to the FANO of Russia located in Tyumen Region]. [Online] Available from: http://www.tmnsc.ru/?page_id=450. (Accessed: 5th April 2018).

14. The Federal Agency for Scientific Organizations. (2018) *V Novosibirsk sozdan Federal'nyy issledovatel'skiy tsentr fundamental'noy i translyatsionnoy meditsiny* [The Federal Research Center for Fundamental and Translational Medicine has been established in Novosibirsk]. [Online] Available from: http://fano.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=39381. (Accessed: 6th April 2018).

15. Russian Academy of Sciences. (2015) *NII ob"edinilis' v odin issledovatel'skiy tsentr meditsiny* [Research institutes united in one research center of medicine]. [Online] Available from: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=078dbe61-0035-4017-b5ac-100d66e39c47>. (Accessed: 30th April 2017).

УДК 002

DOI: 10.17223/22220836/32/19

О.Л. Лаврик, М.А. Плешакова, Т.А. Калюжная

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПРОДУКТЫ В НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

В статье изучается систематический обзор как типологическая разновидность аналитического и реферативного. Проводится сравнительный анализ систематического и аналитического обзоров и делается вывод о том, что первый – это, скорее, разновидность второго, отличающаяся узостью исследуемой проблемы, стратегией отбора источников данных, методами оценки данных, характером выводов и т.д. Показано, как научные библиотеки могли бы участвовать в подготовке систематических обзоров в рамках своей научно-информационной деятельности.

Ключевые слова: систематический обзор, аналитический обзор, информационно-аналитические продукты библиотек, информационно-аналитическая деятельность библиотек, поддержка научных исследований, информационная работа, академическая библиотека.

Введение

Одной из задач работы над НИР «Научно-информационная деятельность академических библиотек в контексте современного развития науки» является анализ деятельности академических библиотек в области развития информационно-аналитической продукции. Постановка этой задачи была вызвана тем, что актуальность аналитической информации для ученых в современных условиях подтвердилась нашим исследованием – анкетированием специалистов СО РАН, проведенным в 2017 г. с целью изучения информационных потребностей и информационного поведения ученых и специалистов. По данным анкеты, около 10% респондентов (130 человек) хотели бы получать от библиотек информационно-аналитическую поддержку [1].

Для того чтобы понять и обобщить современную практику подготовки аналитических продуктов¹ и их специфику, были проведены:

– мониторинг сайтов вузов, в том числе их библиотек, и академических библиотек РФ²,

– анализ документопотока в РИНЦ, Scopus и Web of Science по теме подготовки информационно-аналитической продукции библиотеками с 2001 г.

Для мониторинга сайтов вузов, в том числе их библиотек, были выбраны первые 100 вузов из 756 в соответствии с их рейтингом по числу цитирований в РИНЦ. Для исследования интерес представляла не любая аналитическая работа, проводимая вузами (они ведут экспертно-аналитическую работу, готовят статистические и аналитические материалы для отчетов о выполнении НИР, обобщают данные различных собственных исследований). Важно

¹ Напомним, что существуют следующие основные виды аналитических информационных продуктов: аналитическая справка, обзор, отчет об исследованиях различного характера, рубрикаторы перспективных направлений и карты науки, доклады для руководителей [2. С. 168–193].

² Как известно, в стране наукой занимаются в Академии наук и вузах, поэтому изучалась деятельность в области подготовки аналитической продукции именно этих библиотек.

было понять, какие *вторичные информационно-аналитические продукты* готовят в вузах для поддержки НИР.

По результатам мониторинга их перечень (вторичных информационно-аналитических продуктов) оказался невелик: обзорные статьи, тематические обзоры, дайджесты, лишь в нескольких вузах – аналитические обзоры. Как видим, это направление работы в российских вузах не сильно развито или по крайней мере не отражено на сайтах.

В академических библиотеках России из информационно-аналитических продуктов готовят только дайджесты и аналитические обзоры и только ГПНТБ СО РАН¹.

Однако в периодической печати по естественным наукам, особенно по медицине, все чаще можно встретить такие понятия, как «систематический обзор» и «интеграционный обзор». Но нами не было найдено ни одного упоминания о подготовке такого рода информационно-аналитических продуктов на сайтах российских научных библиотек². Хотя сейчас они все шире используются для систематизации и синтеза информации, за рубежом это направление уже осваивается библиотеками. Так, на сайте Национального университета Сингапура (The National University of Singapore) на веб-страницах университетской библиотеки в разделе, посвященном поддержке исследований, есть подраздел «Systematic Reviews», включающий обширную информацию по вопросам подготовки и поиска систематических обзоров³.

Анализ документопотока в РИНЦ, Scopus и Web of Science по запросу на основе ключевых слов позволил выявить огромное количество (более 300 тыс.) публикаций, в названии которых значится systematic review – систематический обзор.

В Scopus поиск проводился следующим образом: по названию статьи, краткому описанию и ключевому слову, по запросу «Systematic review» было получено более 208 тыс. документов. В Web of Science поиск проводился аналогично, по теме «Systematic review» было получено более 118 тыс. публикаций.

Приведенные Scopus и Web of Science данные о количестве публикаций за каждый год (табл. 1) позволяют сказать, что количество такого рода публикаций ежегодно нарастает, особенно наглядно это прослеживается по статистике, полученной из Web of Science (табл. 1, 2-й столбец), где прослеживается неуклонный рост количества систематических обзоров начиная с 1990-х гг.⁴.

¹ Серия аналитических обзоров мировой литературы «Экология» представлена на сайте ГПНТБ СО РАН (<http://www.spsl.nsc.ru/o-biblioteke/osnovnye-strukturnye-podrazdeleniya/o-laboratorii-informacionno-sistemnogo-analiza/napravleniya-raboty/seriya-analiticheskix-obzоров-mirovoj-literatury-ekologiya/>). Дайджест прессы по проблемам российской науки «РАН. СО РАН. СИБИРЬ» представлен на сайте отделения ГПНТБ СО РАН (<http://www.prometeus.nsc.ru/science/digest/2018.ssi>).

² В то же время в качестве примера можно привести такие научно-информационные организации, как Кокрейновское сотрудничество (медицина) (<http://www.cochrane.org/ru/evidence>) и Кэмпбелловское сотрудничество (социальная сфера – образование, борьба с преступностью, правосудие, социальное обеспечение и международное развитие) (<https://www.campbellcollaboration.org/>), деятельность которых направлена на составление, регулярное обновление и распространение систематических обзоров, позиционируемых как доказательства, полученные на основе синтеза научных данных, высокого качества.

³ Раздел сайта Сингапурского национального университета, содержащий информацию о систематических обзорах. <http://libguides.nus.edu.sg/c.php?g=145717&p=2476270>.

⁴ Очевидно, что первыми такого рода обзорами были составленные еще в XVII в. английским натуралистом, выпускником Кембриджского университета Джоном Реем *Synopsis Methodica Animalium Quadrupedum et Serpenti Generis* («Synopsis of Quadrupeds») («Синописис четвероногих животных»), опубликованный в 1693 г.) и *Methodica Avium et Piscium* («Synopsis of Birds and Fish») («Синописис птиц и рыб»), опубликованный посмертно в 1713 г.) [3, 4].

Таблица 1. Распределение публикаций систематических обзоров в Scopus и Web of Science по году издания 100 первых публикаций по данным Web of Science

Год	Количество публикаций в Scopus*	Количество публикаций в Web of Science
2019	12	—
2018	16 174	10 036
2017	28 980	19 213
2016	25 810	16 979
2015	22 837	14 345
2014	19 830	11 274
2013	16 401	9 453
2012	13 050	7 531
2011	10 569	5 951
2010	7 972	4 791
2009	—	4 170
2008	—	3 216
2007	—	2 725
2006	—	2 074
2005	—	1 696
2004	—	1 333
2003	—	978
2002	—	866
2001	—	602
2000	—	500
1999	—	384
1998	—	284
1997	—	167
1996	—	92
1995	—	54
1994	—	43
1993	—	20
1992	—	17
1991	—	14
1990 и ранее	—	35

* В Scopus даются данные за 10 последних лет.

Для того чтобы понять, насколько деятельность по созданию систематических обзоров развита в России, был проведен поиск по запросу «Систематический обзор» в РИНЦ. Было найдено 3 758 публикаций¹, среди которых и систематические обзоры как таковые, и публикации по вопросам их создания, в том числе методология и их роль для науки и практики, написанные небиблиографами или специалистами в области информационной деятельности.

Возникает естественный вопрос о том, почему библиотеки не являются участниками подготовки этого вида аналитической продукции и как могли бы это делать. Полагаем, что одна из причин — это отсутствие в профессиональной литературе по аналитико-синтетической переработке информации типологического описания этого вида информационно-аналитического продукта.

Рассмотрим в этой статье особенности систематических обзоров.

Анализ профессиональной литературы по вопросам систематических обзоров

Из профессиональной информационно-библиотечной литературы, в том числе и главным образом учебной [2, 6–19], ясно следует, что вопросы истории и подготовки (вплоть до детальных методик) информационно-

¹ Был выявлен интересный факт: первый систематический обзор, зафиксированный в РИНЦ, — это «Систематический обзор грибов, обитающих на бумаге», он вышел в 1961 г. и был подготовлен сотрудником Библиотеки АН Ю.П. Нюкшей [5].

аналитической продукции хорошо изучены. Нам известно, что история обзорно-аналитической деятельности в том виде, как мы ее понимаем сегодня, начинается с последней четверти XIX в., когда обзоры стали активно публиковаться в научной и технической периодике, хотя единичные аналитические обзоры появлялись уже во второй четверти XIX в. В России, например, они публиковались в «Журнале Министерства просвещения» [15]. Однако достаточно широкое развитие этого вида литературы и формы анализа документов связано лишь с промышленной революцией в пореформенной России. Постепенно значение обзоров столь возросло, что начали появляться специальные обзорные журналы типа «Успехи... наук» (за рубежом это многочисленные журналы – *Reviews*¹). В России в 1918 г. появился первый специальный обзорный журнал «Успехи физических наук»².

С течением времени интерес ученых к обзорно-аналитической информации только возрастает. Такая тенденция отмечается специалистами и сегодня [13]. Причин этому много, и прежде всего – экспоненциальный рост мирового документального потока, увеличение дублирования и степени рассеяния публикаций по теме, быстрое устаревание научной информации и др. Возрастающий интерес к обзорно-аналитической информации можно связать с ее возможностями и функциями³, причем самыми актуальными сейчас являются интегрирующая и оценочная. Это определяет научную ценность обзорно-

¹ Например, издательство *Annual Reviews* публикует 40 журналов, которые считаются одними из наиболее авторитетных и цитируемых в своих областях. Это ежегодники *Annual Review of Analytical Chemistry* (издается с 2008 г.), *Annual Review of Anthropology* (с 1972 г.), *Annual Review of Astronomy and Astrophysics* (с 1963 г.), *Annual Review of Biochemistry* (с 1932 г.), *Annual Review of Biomedical Engineering* (с 1999 г.), *Annual Review of Biophysics* (паче – *Biophysics and Biomolecular Structure*) (с 1972 г.), *Annual Review of Cell and Developmental Biology* (с 1985 г.), *Annual Review of Clinical Psychology* (с 2005 г.) и др.

² Дата создания журнала может навести науковедов на очень интересные рассуждения о возможном влиянии социально-экономических условий на развитие науки и параллели с сегодняшним уровнем развития науки в России.

³ Напомним основные функции обзоров. *Информационная функция* является основной для всех видов обзоров, поскольку они создаются прежде всего для ориентации в документальных и информационных потоках. *Сигнальная функция* присуща библиографическому обзору, так как он позволяет оперативно оповестить пользователей о вновь вышедших произведениях. *Подытоживающая функция* выполняется теми обзорами, которые подводят итоги определенному этапу развития научного направления и определяют в то же время контуры нерешенных проблем. *Интегрирующая функция* – одна из важнейших функций любого обзора, поскольку они обобщают информацию из большого числа разнородных источников информации (аналитический и реферативный) или включают информацию о большом количестве разнородных источников информации (библиографический обзор). *Концентрирующая функция* в каком-то смысле схожа с интегрирующей, поскольку одной из задач обзора является объединение (концентрация) данных из большого числа разнородных источников информации в одном вторичном документе. *Оценочная функция* присуща только аналитическому обзору, целью которого является оценка существующих фактов, концепций и пр. *Учебная функция* выполняется обзорами в тех случаях, когда отсутствуют учебники и учебные пособия, всесторонне и последовательно излагающие ту или иную дисциплину. В настоящее время быстроразвивающиеся области знания, как правило, не обеспечены учебными материалами, отражающими последние достижения этих областей. *Эвристическая функция* обзора реализуется тогда, когда он используется для эвристического поиска, сутью которого является сокращение числа перебираемых вариантов решения задачи (проблемы) без потери его (решения) качества. Эвристическая функция обзора выражается в том, что он показывает минимальное количество ресурсов (источников информации), необходимых пользователю для удовлетворения его информационных потребностей. *Кумулятивная функция*. Как показали исследования, объем готового реферативного обзора меньше объема исходных документов в 6–8 раз, а объем аналитического обзора – в 8–10 раз. Таким образом, коэффициент свертывания, который отражает кумулятивную функцию, достигает весьма значительной величины: в малом объеме текста содержится огромный пласт информации. При этом экономится время, затрачиваемое на розыск документов и их перевод [12, 15, 18].

аналитической продукции для информационной поддержки научных исследований, бизнеса, принятия решений в любой области деятельности.

Теоретические вопросы обзорно-аналитической информации также хорошо изучены [6, 10–12, 15, 17–19 и др.]: это виды обзоров (традиционно называют библиографический, реферативный и аналитический), классифицируемые так на основе вида информационного анализа¹, методики их подготовки, требования к профессиональным качествам составителей, характера получаемых выводов, функций этих документов в информационном потоке [12]. Известна и практика организации подготовки разного рода обзоров в ВИНТИ, ИНИОН, ГПНТБ СО РАН [11, 20–27]. Различные аспекты потребности и подготовки этих базовых обзорно-аналитических продуктов и их разновидностей (критических и прогностических обзоров, аналитических справок) также широко были освещены в научной литературе [7, 10–13, 16, 26, 27], причем особую группу и интерес представляют аналитические обзоры, которые имеют существенно качественное отличие от других разновидностей обзоров благодаря характеру анализа, используемого при их подготовке.

Отметим еще одну немаловажную особенность подготовки обзорно-аналитической информации, указанную в ряде источников [2, 6, 7, 12, 27 и др.]: если библиографический обзор должен уметь делать любой выпускник вуза культуры по специальности «библиотечно-информационная деятельность», для подготовки реферативного иногда привлекаются специалисты той отрасли, в рамках которой готовятся обзоры, то подготовить аналитический обзор может только специалист в определенной области, поскольку он (обзор) должен обладать оригинальными выводами.

Однако в библиотечно-информационной литературе не найти публикаций о систематических обзорах, о них пишут специалисты в области медицины, педагогики и образования, естественных и экономических наук и т.д. Именно в этих областях можно выявить методики подготовки систематических обзоров, подробно описанные зарубежными авторами [28–35]. Ими созданы практические руководства по подготовке систематических обзоров (в том числе по проведению метаанализа), в которых объясняется, как формулировать тему (вопрос), находить исследования для включения в обзор, извлекать и оценивать данные и др. Зарубежный опыт хорошо изучен, описан и применяется нашими соотечественниками [36–41]². Есть и работы обобщающего характера, отражающие специфику систематических обзоров как средства обобщения и распространения результатов научных работ [42]. В настоящее время деятельность по созданию систематических обзоров настолько распространена и востребована, что появилась такая разновидность, как обзор систематических обзоров («review of systematic reviews» или «overview of systematic reviews») [43, 44].

Таким образом, можно прийти к заключению, что в отечественной информационно-библиотечной теоретической и учебной литературе ранее не

¹ Документографический анализ порождает библиографический (документографический) обзор, фактографический – реферативный, а концептографический – аналитический обзор [12].

² Отметим, что в отечественной методической литературе такие публикации стали появляться лишь в XXI в.

был описан и обобщен комплекс вопросов, связанных с систематическими обзорами.

Сделаем попытку провести типологический анализ систематических обзоров.

Типологический анализ систематических обзоров как вида издания

Из самого названия – «систематический обзор» ясно, что он является разновидностью обзорной информации. Поэтому проведем его сравнение с реферативным и аналитическим обзорами.

Типологический анализ был начат нами с рассмотрения определения понятия «систематический обзор». Нам не удалось найти какого-либо устоявшегося определения, каждый автор приводит свою трактовку этого термина, стараясь отразить в ней существенные характеристики и отличительные особенности систематического обзора от других видов информационно-аналитических продуктов. Наиболее характерные приведены в табл. 2.

Таблица 2. Существенный анализ понятия «систематический обзор»

Определение	Суть	Ссылка
<i>Систематический обзор</i> – это анализ (вторичное исследование) всех опубликованных и неопубликованных научных работ, релевантных заданной теме исследования	Использование данных как из опубликованных, так и неопубликованных источников; применение строгих принципов отбора данных по релевантности заданной теме	[39]
<i>Систематический обзор (systematic review, systematic overview)</i> – особый вид научного исследования, выполненный по специально разработанной методике, объектом которого являются результаты других, оригинальных научных исследований. Анализ и обобщение результатов исследований, включенных в обзор, можно проводить с применением статистических методов и без них	Принадлежность к научным исследованиям; наличие специально разработанных методик; применение статистических методов анализа и обобщения данных (метаанализ)	[41]
<i>Систематический обзор</i> направлен на всестороннее выявление и обобщение исследований по конкретному вопросу, с использованием «прозрачных» и воспроизводимых процедур на каждом этапе процесса. Методика подготовки систематических обзоров минимизирует возможные ошибки и не допускает предвзятость. Систематический обзор подготавливается по протоколу (подробному плану), который заранее определяет его основные цели, концепции и методы. Все шаги и решения тщательно документируются. Метаанализ может (и должен) быть встроен в систематический обзор, но это не всегда делается	Нацеленность на выявление и обобщение информации; конкретизация исследуемого вопроса; воспроизводимость процедур; минимизация возможных ошибок с помощью выбранной методики; точность в следовании заранее разработанному протоколу; обязательность документирования всех шагов; применение метаанализа	[29]
<i>Систематическим обзором</i> называют синтетическое исследование, в котором с помощью современных методов осуществляется поиск всех первичных исследований, измеряющих эффективность анализируемого вмешательства, оценивается качество этих исследований, а затем путем синтеза результатов доказательственных исследований выводится итоговая оценка вмешательства	Выбор только первичных исследований; обязательность обеспечения полноты; отбор только качественных исследований; синтез результатов отобранных исследований	[42]

Теперь сравним суть систематического обзора с сутью аналитического¹ и реферативного².

Определения показывают, что систематический обзор обладает чертами и реферативного, и аналитического обзора: реферативная составляющая определяется четкой систематизацией отобранного материала, а аналитическая – в задании строгих границ отбора и самом отборе материала.

Теперь обратимся к тематике. Реферативные и аналитические обзоры можно найти по *любой* тематике. Систематические же преобладают в области медицины, биохимии и сестринского дела (табл. 3).

Таблица 3. Распределение публикаций систематических обзоров в Scopus и Web of Science по отраслям знания

Отрасль знания*	Количество публикаций в Scopus	Количество публикаций в Web of Science
Medicine / Медицина	175 100	–
Biochemistry, Genetics and Molecular Biology / Биохимия, генетика и молекулярная биология	22 904	1 385
Nursing / Сестринское дело	12 082	2 532
Surgery / Хирургия	–	10 186
Pharmacology, Toxicology and Pharmaceutics / Фармакология, токсикология и фармацевтика	10 044	5401
Medicine General Internal	–	9,587
Public Environmental Occupational Health	–	8,574
Neuroscience / Неврология	9 456	8 340
Psychology / Психология	8 362	429
Health Professions / Медицинские профессии	8 107	–
Social Sciences / Социальные науки	7 238	489
Oncology	–	7,213
Agricultural and Biological Sciences / Сельскохозяйственные и биологические науки	6 260	–
Immunology and Microbiology / Иммунология и микробиология	5 540	2 776

* В Scopus и Web of Science по-разному происходит тематическое распределение публикаций (в Scopus – по отрасли знания, в Web of Science – по категориям Web of Science), поэтому при построении таблицы возникла сложность сопоставления данных из этих баз данных.

Из табл. 4 видно, что среди организаций, занимающихся подготовкой систематических обзоров, преобладают учебные заведения, в том числе медицинские и медицинские организации, библиотек в этом списке нет. Это также подтверждает то, что библиотеки пока не участвуют в подготовке систематических обзоров.

По типу документов и в Scopus, и в Web of Science преобладают обзоры (reviews) (107 700 и 71 433 соответственно) и статьи (articles) (77 606 и 28 369 соответственно)³.

¹ Аналитический обзор – это документ, который является результатом всестороннего анализа первичных научных документов, содержащий аргументированную оценку материала и дающий обоснованные рекомендации относительно перспектив развития и использования соответствующих достижений науки и техники; аналитические обзоры могут рассматриваться как научно-исследовательские работы и нередко составляют важную часть этих работ [17].

² Реферативный обзор строится на основе извлечения и систематизации определенных данных из первичных научных документов. Он обычно содержит сведения о новейших достижениях в той или иной области и позволяет судить о состоянии и тенденциях развития определенной отрасли или отдельного вопроса [17].

³ Данные получены из БД Scopus и Web of Science, в которых в области корректировки поискового запроса («Уточнение результатов») есть возможность сортировки найденных публикаций по типу документа.

Таблица 4. Распределение публикаций систематических обзоров в Scopus и Web of Science по организациям

Организация	Количество публикаций в Scopus*	Количество публикаций в Web of Science
University of London	–	6 053
University of Toronto	4 995	4 129
McMaster University	3 624	2,533
University College London	3 266	2 452
The University of Sydney	3 191	2 553
University of Oxford	3 071	2 054
Harvard University	–	2 962
Harvard Medical School	2 823	–
King's College London	2 805	1 960
University of California System	–	2 630
VA Medical Center	2 470	–
[No Affiliation ID found]	2 456	–
Academic Medical Centre, University of Amsterdam	2 363	3 548
Johns Hopkins University	–	1 875
Imperial College London	–	1 652
Imperial College London	–	1,652
Academic Medical Center Amsterdam	–	1,644
University of Ottawa	–	1,612
University of Texas System	–	1,577
Mayo Clinic	–	1,515

* В Scopus приводятся данные только по первым 10 рейтинговым пунктам в каждой категории параметров.

Теперь определим, чем отличается систематический обзор от аналитического по следующим категориям: цель, тематика, составители, источники данных, стратегия поиска, принципы отбора данных, методы оценки данных, способы информационного анализа, обобщение и представление данных, выводы и результаты.

Для этого были изучены публикации по методике подготовки систематических обзоров [28–30, 34, 36–41]. Выявленные характеристики и проведение сравнительного анализа позволили выделить еще ряд типологических особенностей систематических обзоров. Они приведены в табл. 5.

Таблица 5. Сопоставление основных характеристик аналитического и систематического обзоров

Аспект	Характеристика	
	Аналитический обзор	Систематический обзор
Цель	Обобщить основные тенденции научной мысли, научные школы, теории, взгляды [6], дать рекомендации, провести сравнение, выразить свою точку зрения по вопросу на основе собранной и обобщенной информации	Синтезировать имеющиеся данные по конкретному вопросу [29]. Сопоставить результаты экспериментальных исследований [39]. Объединить количественные результаты нескольких исследований, резюмировать эмпирические знания по исследуемому вопросу. Проанализировать центральные тенденции и различия в результатах исследований. Устранить ошибки и предвзятость в исследовании вопроса [31]. Изложить и синтезировать результаты отдельных исследований (объектами описания в систематическом обзоре не могут быть люди или школы). Перенести результаты научных исследований в практику [42]

Аспект	Характеристика	
	Аналитический обзор	Систематический обзор
Тематический охват	Широкий диапазон проблем, связанных с определенной темой [19], или определенная тема, касающаяся какой-либо комплексной проблемы, часто довольно широкая [6]	Глубокий анализ конкретного вопроса [37, 39]. Исследовательский вопрос хорошо сфокусирован и релевантен
Составители	Один автор или группа специалистов, авторитетных в данной области [6, 7]	Часто группа специалистов различных специальностей [39]
Источники данных	Опубликованные научные работы	Опубликованные научные работы и неопубликованные исследования ¹ [39, 42]
Стратегия поиска	Стратегия поиска не всегда указана	Стратегия поиска точно изложена и запро-токолирована
Отбор данных	Исчерпывающая полнота документов по теме, но использование уставревших или вызывающих сомнение сведений не допустимо [7]	Строгие критерии, применяемые одинаковым образом (учитываются методы исследования, количество и состав участников, источники финансирования, исходы или результаты), не допускающие произвольности в отборе литературы и изменений, инициируемых уже после начала поиска [3, 37]
Методы оценки данных	Различные или вообще не указаны	Строгие, критические методы оценки
Способы информационного анализа	Различные или вообще не указаны	Согласованные, объективные для каждого конкретного случая
Обобщение данных	Часто качественное	Количественное (метаанализ) ²
Представление данных	Различное, чаще описательное	Статистическое с использованием оценочных таблиц или графических форм представления данных (например, лесовидной диаграммы, воронкообразного графика и др.), позволяющее выявлять систематические ошибки, связанные с преимущественным опубликованием положительных результатов исследований [34, 35, 39]
Выводы	Научно обоснованные, но субъективные, поскольку основываются на собственных суждениях составителя, его критического отношения к первичной информации [19]	Научно обоснованные, системные ошибки исключены [37]
Результат	Характеристика современного состояния и перспектив развития предмета исследования. Мотивированные выводы по каждому разделу. Общие выводы по теме обзора и предложения по дальнейшему исследованию темы [7]	Объективно обобщенные большие объемы информации. Выявленные лакуны в научных исследованиях [38]. Объединенные результаты нескольких исследований [42]

¹ «...общераспространенной практикой стало не публиковать результаты всех исследований. Как правило, публикуются результаты лишь тех исследований, которые подтверждают гипотезу исследователя или подтверждают интересы спонсора. Такое расхождение между всей совокупностью результатов исследований и опубликованными результатами исследований называют публикационным смещением, или систематической ошибкой опубликования» [42. С. 12]. Известно, что в социальной практике доля неопубликованных результатов исследований составляет 25%. А, например, с 2004 г. некоторые крупные медицинские журналы стали отказывать авторам в публикации материалов их исследований, если эти клинические исследования предварительно не были зарегистрированы, для того чтобы общество имело возможность получать полную и неискаженную информацию [42].

² Метаанализ – это методика «системной интеграции результатов отдельных научных исследований», «складывающаяся из качественного компонента (например, использование таких заранее определенных критериев включения в анализ, как полнота данных, отсутствие явных недостатков в организации исследования) и количественного компонента (статистическая обработка имеющихся данных) [38. С. 88–89].

В результате сопоставления основных характеристик аналитического и систематического обзоров были выявлены специфические особенности и отличительные черты этих разновидностей информационно-аналитических продуктов (табл. 6).

Таблица 6. Общие и частные качественные характеристики аналитических и систематических обзоров

Общие черты	Отличительные черты
Обобщение, синтез, объединение данных из первоисточников по теме обзора	Источниками данных для аналитического обзора являются публикации (а анализу и синтезу подвергаются теории, научные взгляды, описанные тенденции, т.е. научно осмысленные и переработанные результаты исследований), а для систематического обзора – опубликованные и неопубликованные результаты эмпирических исследований. Тема аналитического обзора включает широкий диапазон проблем (комплексную проблему) (например, «Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения», «Экология и этика: ориентиры цивилизационных перемен», «Современное состояние и перспективы развития ядерной медицины», «Химия и науки о материалах», «Сенсорные сети. Проблемы и перспективы», «Энергетика, энергоэффективность, энергосбережение» и др.), а в систематическом обзоре изучается конкретный узкий вопрос (например, «Attachment and aged care» (Помощь и уход за пожилыми людьми), «Guidelines for the management of paediatric cholera infection» (Руководство по детской инфекции (холера)), «Guidelines for the treatment of dysentery (shigellosis)» (Рекомендации по лечению дизентерии (шигеллеза), «Assessing self-regulated learning in higher education» (Оценка саморегулируемого обучения в высшем образовании), «The role of future-oriented technology analysis in e-Government» (Роль ориентированного на будущее технологического анализа в электронном правительстве), «Electrical load forecasting models» (Модели прогнозирования электрической нагрузки), «Связь между применением диоксида и смертностью», «Систематический обзор рода риса», «Образование инженерии программного обеспечения» и т.п.
Составителями могут являться только высококвалифицированные специалисты	Авторы аналитического обзора должны быть компетентными в теме обзора, и их круг, как правило, ограничен, поскольку требуются личная авторитетная авторская оценка и обоснованность выводов, а систематический обзор может быть подготовлен группой авторов различных специальностей, включая профессиональных статистиков, но, <i>вероятно</i> , под руководством специалиста именно в той области, по которой готовится систематический обзор (чтобы производилась оценка адекватности полученных результатов на всех этапах)
Следование принципам полноты и всеобъемлемости при поиске данных для обзора	При подготовке аналитического обзора принцип полноты и всеобъемлемости сохраняется и на стадии отбора данных для анализа, а для создания систематического обзора отбор источников обязателен и производится по строгим критериям (таким, как методы исследования, количество и состав участников, источники финансирования, исходы или результаты и др., в соответствии с протоколом каждого конкретного систематического обзора), определенным в самом начале работы над обзором
Научность методов оценки данных и способов информационного анализа	Методы оценки данных и способы информационного анализа при подготовке аналитического обзора могут не указываться, а при составлении систематического обзора строго фиксированы и запротоколированы
Научно обоснованное обобщение и представление данных	В аналитическом обзоре обобщение и представление данных, как правило, качественное и описательное, а в систематическом обзоре – чаще количественное с использованием графических форм представления данных
Научно обоснованные выводы	В аналитическом обзоре выводы субъективные, построенные на собственных суждениях авторов, их критическом отношении к первичной информации, а в систематическом обзоре – строго объективные, исключающие системные ошибки

Выводы

Систематический обзор – явление не новое, но в научной литературе в области библиотечно-информационной деятельности, учебной литературе по аналитико-синтетической переработке информации оно не описано.

Проведенный анализ показал, что систематический обзор – это, скорее, разновидность аналитического обзора, который имеет следующие основные особенности, отличающие его от аналитического: узкая направленность исследуемой проблемы; круг и стратегия поиска и отбора источников данных; требования к специализации авторов; методы оценки данных и способы информационного анализа; способы обобщения и представления данных; характер выводов.

Научные библиотеки пока не принимают участия в подготовке систематических обзоров, хотя в силу традиционно присущей им информационной функции могли бы включиться в этот процесс. Являясь специалистами в области информационного поиска и систематизации, библиотечно-информационные специалисты могут:

- проводить поиск информации по заданному специалистом вопросу;
- выделять необходимую фактографическую информацию из отобранных специалистами надежных источников информации;
- систематизировать (возможно, с использованием специальных формализованных методов [45]) фактографическую информацию по заданной специалистом схеме и готовить исходный текст систематического обзора;
- участвовать в оформлении публикации.

Таким образом, можно сказать, что участие в подготовке систематического обзора может стать одним из видов научно-информационной деятельности научной библиотеки, прежде всего академической и университетской.

Литература

1. Лаврик О.Л. и др. Анализ информационных потребностей специалистов и ученых СО РАН // НТИ. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2018. № 1. С. 15–25.
2. Брежнева В.В., Минкина В.А. Информационное обслуживание: продукты и услуги, предоставляемые библиотеками и службами информации предприятий : учеб.-практ. пособие. 2-е изд., перераб. СПб. : Профессия, 2006. 303 с.
3. John Ray. English naturalist [Электронный ресурс] // Encyclopedia Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/biography/John-Ray-English-naturalist> (дата обращения: 25.07.2018).
4. Raven Ch.E. John Ray: Naturalist: His Life and Works. Cambridge University Press, 1986. 506 p.
5. Нюкина Ю.П. Систематический обзор грибов, обитающих на бумаге // Ботанический журнал. 1961. Т. 46, № 1. С. 70–79.
6. Виноградов В.А. Общественные науки и информация. М. : Наука, 1978. 263 с.
7. Старикова Л.Н. Информационное обеспечение социологического образования: ресурсы, технологии. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1998. 375 с.
8. Захарчук Т.В., Кузнецова И.П. Аналитико-синтетическая переработка информации : учеб.-практ. пособие. СПб. : Профессия, 2011. 104 с.
9. Гордукалова Г.Ф. Анализ информации: технологии, методы, организация: учеб.-практ. пособие. СПб. : Профессия, 2009. 506 с.
10. Журавель Е.Ш., Корсунская Г.В. Классификация обзоров // НТИ. Сер. 1. М., 1974. № 7. С. 14–17.
11. Бабенко В.Н. Актуальные проблемы теории и методики научной информации в области исторических наук // Теория и практика общественно-научной информации. 2000. Вып. 16. С. 25–57.

12. Блюменау Д.И. Информационный анализ / синтез для формирования вторичного потока документов : учеб.-практ. пособие. СПб. : Профессия, 2002. 235 с.
13. Гордукалова Г.Ф. Информационно-аналитическая работа библиотек в сфере культуры : дорогу осилит идущий // Библиотековедение. 2015. № 6. С. 15–18.
14. Гречихин А.А. Развитие системы информационных изданий (историко-книгovedческий и типологический анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 23 с.
15. Суминова Т.Н. Аннотирование, реферирование и обзорно-аналитическая деятельность : учеб. пособие. М. : МГУКИ, 2001. 74 с.
16. Сюнтюрено О.В. Производство информационно-аналитических продуктов и услуг с использованием методов наукометрии и анализа данных // Информация в современном мире : междунар. конф. посвящается 65-летию ВИНТИ РАН, Москва, 25–26 октября 2017 г. : материалы конф. М., 2017. С. 317–321.
17. Черный Ю.Ю. Школа научной информации. Лекция 4: Документальные источники информации. Вторичные документы и издания (часть 1) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/316300.html> (дата обращения: 09.07.2018).
18. Гречихин А.А., Здоров И.Г. Информационные издания : типология и основные особенности подготовки. М. : Книга, 1988. 312 с.
19. Гречихин А.А., Здоров И.Г. Информационные издания: основные особенности и требования. М. : Книга, 1979. 160 с.
20. Лаврик О.Л. Использование информационных ресурсов ГПНТБ СО РАН при подготовке аналитических обзоров по экологии // Региональные библиотечные системы : история, современное состояние, перспективы : сб. науч. тр. / отв. ред. Е.Б. Артемьева. Новосибирск, 1996. С. 195–205.
21. Лаврик О.Л. Подготовка обзорно-аналитической информации по проблемам экологии и охраны окружающей среды в ГПНТБ СО РАН // Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества : 4-я междунар. конф. «Крым 97», Судак, Авт. Респ. Крым, Украина, 7–15 июня 1997 : материалы конф. : в 2 т. М., 1997. С. 566–569.
22. Лаврик О.Л., Калужная Т.А. Интернет как источник информации для подготовки научного обзора // Оптимизация информационно-библиографического обслуживания ученых и специалистов : сб. науч. тр. Новосибирск, 2000. С. 51–57.
23. Евдокимова Н.Ю. Проблемы распространения информационной продукции в традиционной и электронной средах (на примере серии аналитических обзоров мировой литературы «Экология» ГПНТБ СО РАН) // Научные библиотеки в новом тысячелетии: проблемы взаимодействия ресурсов : материалы регион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2002. С. 155–158.
24. Лаврик О.Л., Бондарь А.В. Исследование социальной роли информационных изданий: (на прим. сер. аналит. обзоров «Экология») // Четвертые Макушинские чтения, 6–7 мая 1997 г., г. Омск. Новосибирск, 1997. С. 308–311.
25. Лаврик О.Л. Обзорно-аналитическая информация по экологии в структуре конъюнктурной информации // Патентно-конъюнктурная информация в условиях формирования рынка : сб. науч. тр. Новосибирск, 1995. С. 198–206.
26. Подчернин В.М. Некоторые вопросы информационного обеспечения и информационно-аналитической деятельности // Библиосфера. 2007. № 1. С. 21–23.
27. Сляднева Н.А. Информационно-аналитическая деятельность: проблемы и перспективы // Информационные ресурсы России. 2001. № 2 (57). С. 14–21.
28. Glasziou P., Irwig L., Bain C., Colditz G. Systematic reviews in health care. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001. 137 p.
29. Kitchenham B. Guidelines for performing Systematic Literature Reviews in Software Engineering. EBSE Technical Report. Keele University & Department of Computer Science University of Durham. 2007. 57 p.
30. Kitchenham B. et al. Systematic literature reviews in software engineering – a systematic literature review // Inform Software Tech. 2009. 51 (1). P. 7–15.
31. Littell J.H. Corcoran Jacqueline, Pillai Vijayan. Systematic Reviews and Meta-Analysis. Oxford University Press, USA, 2008. 202 p.
32. Petticrew M. Systematic reviews from astronomy to zoology : Myths and misconceptions // British Medical Journal, 2001. 322 p.
33. Sutton A.J., Abrams K.R., Jones D.R., Sheldon T.A., Song F. Systematic reviews of trials and other studies // Health Technology Assessment. 1998. Vol. 2, № (19). 276 p.
34. Torgerson C.J. Systematic Reviews. London : Continuum, 2003. 102 p.
35. Lau J. Quantitative synthesis in systematic reviews / Joseph Lau, John P.A. Christopher H. Schmid // Ann Intern Med. Vol. 127, Issue 9. 1 Nov. 1997. P. 820–826.

36. Лукина Ю.В., Марцевич С.Ю., Кутишенко Н.П. Систематический обзор и метаанализ: подводные камни методов // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2016. Т. 12, № 2. С. 180–185.
37. Доказательная медицина. Систематические обзоры. Метаанализ [Электронный ресурс]. URL: <http://zodovrov.ru/dokazatelenaya-medicina-sistematicheskie-obzori-metaanaliz.html> (дата обращения: 09.07.2018).
38. Котельников Г.П., Шпигель А.С. Систематические обзоры и метаанализ // Доказательная медицина. Научно-обоснованная медицинская практика. Самара, 2000. С. 87–93.
39. Низгораев И.И. Методика систематических обзоров: Torgerson C. Systematic reviews. London: continuum, 2003 // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 169–175.
40. Потапов А.Л. Что такое «систематический обзор» и зачем он нужен практическому врачу? // Крымский терапевтический журнал. 2014. № 1 (22). С. 55–59.
41. Сопоставление доказательств // Студопедия. URL: <https://studopedia.info/3-5235.html> (дата обращения: 09.07.2018).
42. Власов В.В. Осторожно, человек! Систематический обзор как средство от опасных вмешательств // Человек. 2005. № 3. С. 121–129.
43. Monasta L., Batty G.D., Cattaneo A., Lutje V., Ronfani L., Van Lenthe F.J. Early-life determinants of overweight and obesity: a review of systematic reviews // *Obes Rev.* 2010. 11(10). P. 695–708.
44. Green K.E., Taylor C.A., Torgerson C. An overview of systematic reviews in medical education and a focused review in prescribing // *Effective Education.* 2012. 4(2). P. 147–167.
45. Гендина Н.И., Колкова Н.И., Скипор И.Л., Стародубова Г.А. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях : учеб.-метод. пособие. 2-е изд., перераб. М. : Школьная библиотека, 2003. 295 с.

Olga L. Lavrik, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Lavrik@spsl.nsc.ru

Mariya A. Pleshakova, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Pleshakova@spsl.nsc.ru

Tatyana A. Kalyuzhnaya, The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: Kalyuzhnaya@spsl.nsc.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 186–201.

DOI: 10.17223/22220836/32/19

INFORMATION AND ANALYTICAL PRODUCTS IN RESEARCH LIBRARIES FOR INFORMATION RESEARCH SUPPORT

Keywords: a systematic review; an analytical review; information-analytical products of libraries; information-analytical activity of libraries; research support; information work; research library.

The relevance of analytical information for scientists, confirmed by a survey of specialists of SB RAS, held in 2017 to study the information needs and information behavior of scientists and specialists, resulted in studying the activities of academic and research libraries on preparing information and analytical products. The purpose of the article is to make a typological analysis of systematic reviews, to reveal their peculiarities and features and to evaluate the possibility of libraries' participation in preparing this type of information and analytical products. The analysis was made on the material obtained during the monitoring of the websites of universities, including their libraries, and research libraries of the Russian academy of Sciences and that of information flow in the Russian science citation index, Scopus, and Web of Science on preparing information and analytical products in libraries since 2001. It was stated that their activities in this direction are poorly developed or are not reflected on the websites of these organizations. Few libraries produce review articles, thematic reviews, digests, and only some of them – analytical reviews, and they are not involved in the creation of systematic reviews that have been widely disseminated in the scientific environment in recent decades. The analysis of the document flow in the RSCI, Scopus and Web of Science in the field of medicine, pedagogy and education, natural and economic Sciences, etc. allowed to reveal the methods and practical guides for preparing systematic reviews (including meta-analysis), but in information and library theoretical and educational literature has such data were not discovered. Therefore, the authors attempted to con-

duct a typological analysis of systematic reviews as a type of publication, starting with a review of the definition of "systematic review" and finished with a comparative analysis of typological characteristics of the analytical and systematic reviews, which identified the specific and distinctive features of the systematic one.

The authors came to the conclusion that a systematic review is rather a kind of an analytical review, characterized by the narrowness of the problem; the range and strategy of information search and information sources selection; requirements to the specialization of authors; methods of data evaluation and methods of information analysis; methods of data synthesis and presentation; the nature of conclusions. Libraries due to their traditional information function could be incorporated into the process. Participation in preparing a systematic review can be a form of scientific and information activity of an academic and research library.

References

1. Lavrik, O.L. et al. (2018) Analiz informatsionnykh potrebnostey spetsialistov i uchenykh SO RAN [Analysis of the information needs of specialists and scientists of the SB RAS]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*. 1. pp. 15–25.
2. Brezhneva, V.V. & Minkina, V.A. (2006) *Informatsionnoe obsluzhivanie: produkty i uslugi, predostavlyaemye bibliotekami i sluzhбами informatsii predpriyatiy* [Information service: products and services provided by libraries and enterprise information services]. St. Petersburg: Professiya.
3. Westfall, R. (n.d.) *John Ray. English naturalist*. [Online] Available from: <https://www.britannica.com/biography/John-Ray-English-naturalist>. (Accessed: 25th July 2018).
4. Raven, Ch.E. (1986) *John Ray: Naturalist: His Life and Works*. Cambridge University Press.
5. Nyuksha, Yu.P. (1961) Sistematicheskiy obzor gribov, obitayushchikh na bumage [Systematic review of paper-based fungi]. *Botanicheskiy zhurnal*. 46(1). pp. 70–79.
6. Vinogradov, V.A. (1978) *Obshchestvennye nauki i informatsiya* [Social sciences and information]. Moscow: Nauka.
7. Starikova, L.N. (1998) *Informatsionnoe obespechenie sotsiologicheskogo obrazovaniya: resursy, tekhnologii* [Information support of sociological education: resources, technologies]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Zakharchuk, T.V. & Kuznetsova, I.P. (2011) *Analitiko-sinteticheskaya pererabotka informatsii* [Analytical-synthetic processing of information]. St. Petersburg: Professiya.
9. Gordukalova, G.F. (2009) *Analiz informatsii: tekhnologii, metody, organizatsiya* [Analysis of information: technology, methods, organization]. St. Petersburg: Professiya.
10. Zhuravel, E.Sh. & Korsunskaya, G.V. (1974) Klassifikatsiya obzorov [Classification of reviews]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*. 7. pp. 14–17.
11. Babenko, V.N. (2000) Aktual'nye problemy teorii i metodiki nauchnoy informatsii v oblasti istoricheskikh nauk [Topical problems of the theory and methodology of scientific information in history]. *Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoy informatsii*. 16. pp. 25–57.
12. Blumenau, D.I. (2002) *Informatsionnyy analiz/sintez dlya formirovaniya vtorichnogo potoka dokumentov* [Information analysis / synthesis for the formation of a secondary flow of documents]. St. Petersburg: Professiya.
13. Gordukalova, G.F. (2015) Information and Analytical Work of Libraries in the Sphere of Culture: "Walk and Ye Shall Reach". *Bibliotekovedenie – Library and Information Science*. 6. pp. 15–18. (In Russian).
14. Grechikhin, A.A. (1973) *Razvitie sistemy informatsionnykh izdaniy (istoriko-knigovedcheskiy i tipologicheskii analiz)* [The development of a system of information publications (historical, bibliographical and typological analysis)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
15. Suminova, T.N. (2001) *Annotirovanie, referirovanie i obzorno-analiticheskaya deyatel'nost'* [Annotation, reviewing and analysis activities]. Moscow: Moscow State University of Culture and Arts.
16. Syuntyurenko, O.V. (2017) [Production of information and analytical products and services using the methods of scientometrics and data analysis]. *Informatsiya v sovremennom mire* [Information in the Modern World]. Proc. of the Conference. Moscow. October 25–26, 2017. Moscow. pp. 317–321.
17. Chernyy, Yu.Yu. (n.d.) *Shkola nauchnoy informatsii. Lektsiya 4* [School of scientific information. Lecture 4]. [Online] Available from: <http://www.bogoslov.ru/text/316300.html>. (Accessed: 9th July 2018).

18. Grechikhin, A.A. & Zdorov, I.G. (1988) *Informatsionnye izdaniya: tipologiya i osnovnye osobennosti podgotovki* [Informational publications: typology and specificity of preparation]. Moscow: Kniga.
19. Grechikhin, A.A. & Zdorov, I.G. (1979) *Informatsionnye izdaniya: osnovnye osobennosti i trebovaniya* [Informational editions: main features and requirements]. Moscow: Kniga.
20. Lavrik, O.L. (1996) Ispol'zovanie informatsionnykh resursov GPNTB SO RAN pri podgotovke analiticheskikh obzorov po ekologii [Information resources of the State Public Scientific Technical Library SB RAS in the preparation of analytical reviews on ecology]. In: Artemieva, E.B. et al. (eds) *Regional'nye bibliotekhnnye sistemy: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy* [Regional Library Systems: History, Current State, Prospects]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 195–205.
21. Lavrik, O.L. (1997) [Preparation of overview and analytical information on the problems of ecology and environmental protection in the SPSTL SB RAS]. *Biblioteki i assotsiatsii v menyayushchemsya mire: novye tekhnologii i novye formy sotrudnichestva* [Libraries and Associations in a Changing World: New Technologies and Forms of Cooperation]. Proc. of the 4th International Conference. : Sudak, Crimea, Ukraine. June 7–15, 1997. Moscow: [s.n.]. pp. 566–569. (In Russian).
22. Lavrik, O.L. & Kalyuzhnaya, T.A. (2000) Internet kak istochnik informatsii dlya podgotovki nauchnogo obzora [The Internet as a source of information for the preparation of a scientific review]. In: Soboleva, E.B. & Artemieva, E.B. (eds) *Optimizatsiya informatsionno-bibliograficheskogo obsluzhivaniya uchennykh i spetsialistov* [Optimization of Information and Bibliographic Services for Researchers and Specialists]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 51–57.
23. Evdokimova, N.Yu. (2002) Problemy rasprostraneniya informatsionnoy produktsii v traditsionnoy i elektronnoy sredakh (na primere serii analiticheskikh obzorov mirovoy literatury "Ekologiya" GPNTB SO RAN) [Problems of dissemination of information products in the traditional and electronic environments (a case study of a series of world literature analytical reviews "Ecology" of the SPSTL SB RAS)]. In: Elepov, B.S. (ed.) *Nauchnye biblioteki v novom tysyacheletii: problemy vzaimopol'zovaniya resursov* [Research Libraries in the New Millennium: Problems of the Interuse of Resources]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 155–158.
24. Lavrik, O.L. & Bondar, A.V. (1997) [The study of the social role of informational publications: (a case study of the commentary series "Ecology")]. *Chetvertyye Makushinskiye chteniya* [The Fourth Makushin Readings]. Omsk – Novosibirsk. May 6–7, 1997. pp. 308–311. (In Russian).
25. Lavrik, O.L. (1995) Obzorno-analiticheskaya informatsiya po ekologii v strukture kon'yunkturnoy informatsii [Survey and analytical information on ecology in the structure of conjunctural information]. In: *Patentno-kon'yunkturnaya informatsiya v usloviyakh formirovaniya rynka* [Patent and conjunctural information under market formation]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 198–206.
26. Podchernin, V.M. (2007) Nekotorye voprosy informatsionnogo obespecheniya i informatsionno-analiticheskoy deyatel'nosti [Some issues of information support and analytical activities]. *Bibliosfera*. 1. pp. 21–23.
27. Slyadneva, N.A. (2001) Informatsionno-analiticheskaya deyatel'nost': problemy i perspektivy [Information and analytical activities: problems and prospects]. *Informatsionnye resursy Rossii – Information Resources of Russia*. 2(57). pp.14–21.
28. Glasziou, P., Irwig, L., Bain, C. & Colditz, G. (2001) *Systematic reviews in health care*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
29. Kitchenham, B. (2007) *Guidelines for performing Systematic Literature Reviews in Software Engineering. EBSE Technical Report*. Keele University & Department of Computer Science University of Durham.
30. Kitchenham, B. et al. (2009) Systematic literature reviews in software engineering – a systematic literature review. *Inform Software Tech*. 51(1). pp. 7–15. DOI: 10.1016/j.infsof.2008.09.009
31. Littell, J.H., Corcoran, J. & Pillai, V. (2008) *Systematic Reviews and Meta-Analysis*. Oxford University Press.
32. Petticrew, M. (2001) Systematic reviews from astronomy to zoology: Myths and misconceptions. *British Medical Journal*. 322. DOI: 10.1136/bmj.322.7278.98
33. Sutton, A.J., Abrams, K.R., Jones, D.R., Sheldon, T.A. & Song, F. (1998) Systematic reviews of trials and other studies. *Health Technology Assessment*. 2(19).
34. Torgerson, C.J. (2003) *Systematic Reviews*. London: Continuum.
35. Lau, J. Ioannidis, J.P. & Schmid, Ch.P. (1997) Quantitative synthesis in systematic reviews. *Annals of Internal Medicine*. 127(9). pp. 820–826.
36. Lukina, Yu.V., Martsevich, S.Yu. & Kutishenko, N.P. (2016) Sistematicheskii obzor i meta-analiz: podvodnye kamni metodov [A systematic review and meta-analysis: the pitfalls of methods]. *Ratsional'naya farmakoterapiya v kardiologii – Rational Pharmacotherapy in Cardiology*. 12(2). pp. 180–185.

37. Zdorov.ru. (n.d.) *Dokazatel'naya meditsina. Sistematicheskie obzory. Metaanaliz* [Evidence-based medicine. Systematic reviews. Meta-analysis]. [Online] Available from: <http://zodorov.ru/dokazatelenaya-medicina-sistematicheskie-obzori-metaanaliz.html>. (Accessed: 9th July 2018).
38. Kotelnikov, G.P. & Spiegel, A.S. (2000) *Dokazatel'naya meditsina. Nauchno-obosnovannaya meditsinskaya praktika* [Evidence-based medicine. Scientific-based medical practice]. Samara: [s.n.]. pp. 87–93.
39. Nizgoraev, I.I. (2005) Metodika sistematicheskikh obzorov: Torgerson C. Systematic reviews. London: continuum, 2003 [Systematic reviews method: Torgerson C. Systematic reviews. London: Continuum, 2003]. *Sotsiologicheskii zhurnal – Sociological Journal*. 3. pp. 169–175.
40. Potapov, A.L. (2014) What is the “systematic review” and why it is necessary for practitioner? *Krymskiy terapevticheskiy zhurnal – Crimean Journal of Internal Diseases*. 1(22). pp. 55–59. (In Russian).
41. Anon. (n.d.) *Sopostavlenie dokazatel'stv* [Comparison of evidence]. [Online] Available from: <https://studopedia.info/3-5235.html>. (9th July 2018).
42. Vlasov, V.V. (2005) Ostorozhno chelovek! Sistematicheskii obzor kak sredstvo ot opasnykh vmeshatel'stv [Caution, man! A systematic review as a means of dangerous interventions]. *Chelovek*. 3. pp. 121–129.
43. Monasta, L., Batty, G.D., Cattaneo, A., Lutje, V., Ronfani, L. & Van Lenthe, F.J. (2010) Early-life determinants of overweight and obesity: a review of systematic reviews. *Obesity Review*. 11(10). pp. 695–708. DOI: 10.1111/j.1467-789X.2010.00735.x
44. Green, K.E., Taylor, C.A. & Torgerson, C. (2012) An overview of systematic reviews in medical education and a focused review in prescribing. *Effective Education*. 4(2). pp. 147–167.
45. Gendina, N.I., Kolkova, N.I., Skipor, I.L. & Starodubova, G.A. (2003) *Formirovanie informatsionnoy kul'tury lichnosti v bibliotekakh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh* [Formation of the information culture of the individual in libraries and educational institutions]. 2nd ed. Moscow: Shkol'naya biblioteka.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ТЕМАТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Уважаемый читатель!

Возвращаемся к обсуждению актуальных проблем современной гуманитаристики в рубрике, посвященной исследованиям идентичности. В продолжение предыдущего материала, посвященного многообразию форм и трансформациям идентичности, в рамках данного раздела авторы предлагают поиск ответов на очередные интеллектуальные запросы времени. Среди таковых попытка концептуализации установок метамодернистского творчества и его идентификационных стратегий, отражающих метаморфозы художественной культуры на современном этапе, последовавшем за постмодернизмом. Не менее увлекательным предметом интереса становится феномен селфи, манифестирующий эпохальные изменения форм конструирования идентичности средствами цифровых технологий. Продолжает данную проблематику автор, выявляющий особенности влияния визуальных медийных кодов на формирование идентификационной модели. Далее в качестве уникального опыта индивидуальной самоидентификации рассматривается такая характеристика фандомного творчества, как соединение исследовательской и научной стратегий. В свою очередь, автор, исследующий зин-культуру, выявляет значение ее практик в формировании идентичности участников сообщества. В пространстве проблематики развития изобразительного искусства предлагается оригинальный взгляд на формирование национально-культурной идентичности художника и ее трансформации, связанные с утратой исторической родины.

Между тем заявленная тема предполагает дальнейшие новые исследования и интересные открытия.

УДК 7.01

DOI: 10.17223/22220836/32/20

А.В. Венкова

ПОЛИТИКИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ИСКУССТВЕ МЕТАМОДЕРНИЗМА

В статье рассматриваются установки искусства метамодернизма в отношении практик опознавания (идентификации) художественного высказывания, его рецепции, а также в отношении установления статуса произведения искусства. Дается характеристика основных теоретических установок метамодернизма, описывается специфическая метамодернистская «чувствительность», последовательно раскрываются идентификационные стратегии художника в отношении позиционирования своего высказывания относительно других современных форм художественного творчества, описываются зрительская тактика и основные рецептивные установки, заключенные в метамодернистском визуальном материале. Отдельно описываются структура метамодернистского произведения, его организация и заключенные в нем рецептивные техники.

Ключевые слова: метамодернизм, осцилляция, неоромантизм, атмосфера, иммерсия.

Идентификация метамодернизма

Метамодернизм – новое эстетическое чувство, структура ощущений, характеризующая мироощущение, стиль поведения, выбор жизненных установок и художественные сюжеты последних лет. Понятие концептуализируется в 2011 г. в манифесте британского художника Люка Тернера [1], а затем теоретически осмысливается голландскими культурологами Тимотеусом Вермюленом и Робинот ван ден Аккером преимущественно в ключевом тексте «Заметки о метамодернизме» [2]. Идентификация метамодернизма как культурной практики и художественной образности идет по двум направлениям. С одной стороны, это разработка теоретических тезисов Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Аккера, направленная прежде всего на уточнение типологических характеристик метамодернизма и его отличий от модернизма и постмодернизма. В теоретическом отношении метамодернизм имеет амбиции становления новым культурным «измом» доминирующего свойства, наиболее универсальным на настоящий момент времени. Если термином «модернизм» описывалась основная линия культурных устремлений первой половины XX в., постмодернизм занимал вторую половину, то метамодернизм претендует на то, чтобы охватить наше время. С другой стороны, метамодернизм старается дистанцироваться от увлечения теоретической проработкой собственных установок, чтобы отдаться эстетическому экспериментированию. В обоих случаях теоретики и художники настаивают на том, что метамодернизм не столько культурная логика, сколько «чувствительность». Подразумевается, что именно одна и та же чувствительность объединяет иногда диаметрально противоположные художественные высказывания под зонтиком метамодернизма.

Для прояснения того, что лежит в основе отнесения того или иного художественного высказывания к метамодернизму как изнутри этого высказывания, т.е. самими художниками, так и извне – критиками и комментаторами, нужно прежде всего присмотреться к параметрам метамодернистской чувствительности, определенной эмоциональной карте движения, а также базовым эстетическим установкам, которые легко опознаются во всех произведениях метамодернизма, независимо от вида искусства и характера «медиума».

Идентификация художника

В 2011 г. Люк Тернер опубликовал на своем сайте «Манифест метамодерниста». Он состоит из 8 тезисов:

Тезис 1. «Мы признаем, что колебания – естественный миропорядок». Уже в первом тезисе метамодернистский характер проявляет себя в виде подростковой настойчивости в своем праве быть капризным, спонтанным и непоследовательным. В этом слышится дадаистское стремление не только не придерживаться планов, но и вовсе их не иметь.

Тезис 2. «Мы должны освободиться от столетия модернистской идеологической наивности и циничной неискренности его внебрачного ребёнка». Внебрачный ребенок – это постмодернизм. Тезис развивает право на непоследовательность, поскольку оба, и модернистское и постмодернистское отношение к жизни, уже кажутся устаревшими.

Тезис 3. «Впредь движение должно осуществляться путем колебаний между положениями с диаметрально противоположными идеями, действующими как пульсирующие полюса колоссальной электрической машины, приводящей мир в действие». Интересно, что несмотря на знакомство с делезианскими идеями и тезисами «темной экологии», здесь сохраняется логика бинаризма. Причина, очевидно, кроется в попытке разобраться с двумя «прототипами» – модернизмом и постмодернизмом.

Тезис 4. «Мы признаем ограничения, присущие всякому движению и восприятию, и тщетность любых попыток вырваться за пределы, означенные таковыми. Неотъемлемая незавершенность системы влечет необходимость приверженности ей не ради достижения заданного результата и рабского следования ее курсу, но скорее ради возможности нечаянно косвенно подглядеть некую скрытую внешнюю сторону. Существование обогатится, если мы будем браться за свою задачу, как будто эти пределы могут быть преодолены, ибо таковое действие раскрывает мир». Ключевой здесь является идея незавершенности, важная для самоидентификации метамодернизма. Незавершенность предполагает известную свободу, возможность «уйти от системы».

Тезис 5. «Всё сущее захвачено необратимым сползанием к состоянию максимального энтропийного несходства. Художественное творение возможно лишь при условии происхождения от этой разницы или раскрытия таковой. На его зенит воздействует непосредственное восприятие разницы как таковой. Ролью искусства должно быть исследование обещания его собственных парадоксальных амбиций путем подталкивания крайности к присутствию». Художник снимает с себя задачу поиска эстетического или пластического абсолюта. В этом метамодернизм принципиально отличен от модернизма.

Тезис 6. «Настоящее является симптомом двойственного рождения безотлагательности и угасания. Сегодня мы в равной степени отданы ностальгии и футуризму. Новые технологии дают возможность одновременного восприятия и разыгрывания событий с множества позиций. Эти возникающие сети, отнюдь не сигнализирующие о его угасании, способствуют демократизации истории, освещению развилки, вдоль которых ее грандиозное повествование может странствовать здесь и сейчас». Здесь Люк Тернер приоткрывает завесу над эмоциональной картой метамодернизма. Важное сочетание, заложенное в его поэтике, – ностальгия и футуризм.

Тезис 7. «Точно так же, как наука стремится к поэтической эlegantности, художники могут пуститься в искания истины. Вся информация являет почву для знания, будь то эмпирического или афористического, независимо от ее правдоценности. Мы должны принять научно-поэтический синтез и информированную наивность магического реализма. Ошибка порождает смысл». Научно-поэтический синтез является следствием одновременного стремления к ностальгии и футуризму.

Тезис 8. «Мы предлагаем прагматичный романтизм, не скованный идеологическими устоями. Таким образом, метамодернизм следует определить как переменчивое состояние между и за пределами иронии и искренности, наивности и осведомлённости, релятивизма и истины, оптимизма и сомнения, в поисках множественности несоизмеримых и неуловимых горизонтов. Мы должны двигаться вперёд и колебаться!». Здесь вводится, как считается, ключевое для метамодернизма понятие «осцилляции» – колебания, но, возможно, более важным будет указание на источник чувственных впечатлений метамодернизма – это романтизм. Здесь он становится более «прагматическим», т.е. «технологичным», адаптированным к разным контекстам и медиумам [1].

В метамодернизме просматривается несколько направлений самоидентификации художника, восходящих к разным генеалогическим линиям возникновения самого явления. В своей корневой системе метамодернизм обнаруживает наследие не только модернизма и постмодернизма, что эксплицитно закреплено в его манифестах, но также и романтизма и сентиментализма, что вытекает из ностальгического усиления некоторых как модернистских, так и постмодернистских черт. **Неоромантическая константа** лучше всего обнаруживает себя в творчестве художников-живописцев.

Митч Гриффитс, Адам Миллер, Дэн Атто каждый по-своему апеллируют к романтизму, сохраняя и высвечивая те или иные его черты. Их живопись объединяют искренность, техническая наивность и метафорическая сложно-сочиненность.

Работающий в технике фотографии Грегори Крюдсон, часто относимый к метамодернистскому ряду, соединяет романтически-сентименталистскую ноту с сюрреализмом.

Настя Саде Ронко, художник, входящий в ведущее трио метамодернистских авторов, работающих совместно и идентифицирующих себя внутри этой поэтики, работает в жанре перформанса, инсталляции, в том числе медиаинсталляции, и фотографии. Трио составляют помимо нее Люк Тернер и Шайа Ла Баф. «Все мои истории, – говорит Настя Саде Ронко, – о чувствах, эмоциях и ощущениях. Что такое чувство само по себе и как разные чувства про-

живаются в обществе и проявляются в разных социальных взаимодействиях, например, в повседневной жизни, политике, в любой другой сфере? Я стремлюсь исследовать идеи – нежности, любви, заботы, родства, близости и присутствия» [3]. Настя Саде Ронко говорит здесь о ключевом параметре самоидентификации художника в метамодернизме – о работе с эмоциями как главным медиатором взаимодействия между художником и публикой. Еще один важный момент этого взаимодействия – техническая медиальность. Метамодернисты соединяют новейшие медиа и эмоциональную непосредственность, даже наивность. Это важный элемент метамодернистского соучастия. «Мы используем разные технические устройства, поэтому основная форма нашей работы – это медиа- или видеоперформанс, в рамках которого мы исследуем колебания современной культуры от апатии к соучастию» [Там же].

Неоромантическая чувственность в метамодернистском дискурсе восходит прежде всего к Новалису, в его текстах художники видят первоначальное выражение своих эстетических установок: «Наш мир нужно представлять в романтическом ключе, идеализировать. Так мы сможем обнаружить его истинный смысл. Идеализация есть не что иное, как качественное преувеличение (Potenzierung). В этом процессе низшее «я» отождествляется с лучшим «я»... Насколько я представляю банальное – значимым, обычное – загадочным, близкое – подобающим, чуждым, и конечное – подобием бесконечного, настолько я его и идеализирую» [4].

Важным слагаемым неоромантического мироощущения является рефлексия над какой-либо **мифологической реальностью**. Миф может быть персональным, искусственно сконструированным, просто выдуманным, но обязательно искренне проживаемым. «В моих картинах много отсылок к психологии, экзистенциальной философии и «Звездным войнам», которые я считаю современной мифологией, – говорит художник Дэн Атто, – ...психологические и философские идеи действуют... прежде всего посредством метафоры и аллегории» [5].

Этот искренний эмоциональный неомифологизм соседствует в метамодернизме с **аффективностью, иллюзорностью, сентиментальностью, необычностью, странностью**. При этом художники тяготеют скорее к перформативному предъявлению элементов персональной мифологии, чем к выстраиванию мифа на дискурсивно-понятийном уровне. Такой миф латентен и плохо поддается вербализации. Вместо сакральных действий по поддержанию мифа здесь можно увидеть детское простодушие в процессе его разыгрывания. Включенность соседствует с отстраненностью. Прежде всего в этом и проявляется метамодернистская осцилляция – раскачивание от одного состояния к другому: «Главное понятие – это **«осцилляция»**, – пишут Тимотеус Вермюлен и Робин ван дер Аккер, – раскачивание между типично модернистской приверженностью и отличительно постмодернистской отчужденностью. Префикс „мета“ относится к таким понятиям, как „с“, „между“ и „за“. Мы настаиваем, что метамодернизм должен быть эпистемологически расположен „с“ (пост-)модернизмом, онтологически „между“ (пост-) модернизмом, и исторически „за“ (пост-)модернизмом». Эти позиции наиболее уместно обобщить при помощи различий между постмодернистской насмешкой (включающей в себя нигилизм, сарказм, недоверие и деконструкцию великих нарративов, единственности и истины) и модернистским

энтузиазмом (включающим всё, от утопизма, до безусловной веры в Разум)» [2]. Энергия метамодернистской чувствительности придает движение между какими-либо точками напряжения. Возможность отступить на шаг назад, вновь оценить ситуацию, прожить эмоцию, передумать, изменить свое мнение принципиально важна для этой самоидентификации. «И эпистемологию метамодерна (как если бы), и его онтологию (между) следует, таким образом, рассматривать как динамику „оба – никто“. Они оба одновременно модерн и постмодерн, и ни один из них» [2]. Наиболее ярко сочетание персонального мифа, иронии, правды, аффекта, сентиментальности выражает себя в фильмах Уэса Андерсона, который по праву считается центральным манифестантом метамодернистской поэтики. Его фильмы сочетают абсурд и доброту, искренность и серьезность.

Идентификация зрителя

Осцилляция порождает особый оттенок **включенности**, сохраняющей иронию и **отстраненность**, позволяющей холодность, а иногда и иронию, она раскачивается «между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомлённостью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью. Всякий раз, как энтузиазм метамодерна качнёт в сторону фанатизма, гравитация вытягивает его обратно к насмешке; в миг, когда насмешка качнётся в апатию, гравитация вытягивает его обратно в энтузиазм» [2].

В метамодернистской чувствительности обнаруживают себя компоненты **кэмп** и **«плохого вкуса»**. С кэмпом метамодернизм роднит прежде всего то, что оба они описываются их теоретиками как «род чувствительности» и «эстетизма». Сьюзен Зонтаг называет кэмп «последовательно эстетическим мировосприятием» [6. С. 60]. Важную роль играет и проблема вкуса, поскольку именно вкус становится опорой чувствительности как способа освоения мира. «Во вкусе нет ни системы, ни доказательств. Однако существует нечто вроде логики вкуса: постоянная чувствительность, которая лежит в основе и возвращает тот или иной вкус. Чувствительность почти, но не вполне, невыразимая. Всякая чувствительность, которая может быть втиснута в жесткий шаблон системы или схвачена грубыми орудиями доказательства, больше уже не чувствительность» [Там же. С. 49]. Здесь Зонтаг указывает на то, что излишняя рационализация и вербализация вредят логике выражения чувствительности, поскольку стремятся подменить ее собой. Кэмп, как и метамодернизм, невинны в своей искренности, позволяющей вписаться в мир прежде всего эмоционально.

Отличия кэмп от метамодернизма также вполне ощутимы. Кэмп, порожденный постмодернистским андеграундом, тяготеет к кавычкам и цитации: «Кэмп видит все в кавычках цитации. Это не лампа, но „лампа“, не женщина, но „женщина“. Ощутить кэмп – применительно к людям или объектам – значит понимать бытие как исполнение роли. Это дальнейшее расширение на область чувствительности метафоры жизни как театра» [Там же. С. 52]. Такой подход не характерен для метамодернизма. Если это цитата, то не отсылка, а присвоение, если роль – то не разыгрывание, а становление другим, проживание. Кэмп серьезен, поскольку являет собой пример экзистенциальной ширмы, скрывающей боль, метамодернизм легок и наивен, для

него характерна легкая грусть, а не трагический разрыв. «В кэмпе неотъемлемый элемент – это серьезность, серьезность вплоть до полного провала. ...Кэмп – это искусство, которое ставит своей целью быть полностью серьезным, но не может быть воспринято как серьезное всеми, потому что оно всегда „слишком“ [6. С. 55–56]. Метамодернизм в своей чувствительности не стремится к переходу черты, искажению нормы. Зритель здесь всегда сохраняет дистанцию, позволяющую удерживать собственные границы в неприкосновенности. На трагическое он смотрит скорее с сентиментальной грустью, чем со стремлением к барочному вытеснению, характерным для кэмпа.

Идентификация произведения

Эстетические элементы преувеличенной фантазийности метамодернизм превращает в пастиш. От постмодернистского пастиша его отличают искренность, сентиментализм и наивность в использовании кодов культуры. «Плохой вкус», характерный и для кэмпа, вырабатывает в метамодернизме свое понятие, им становится «бедный образ», отрефлексированный художником и теоретиком Хито Штейерль. «„Бедный образ“ – это самостоятельное творение, созданное при помощи демократичных медиатехнологий, вручивших каждому человеку в руки инструмент создания и распространения образов любого свойства и природы. Такие образы создаются обычными людьми и заполняют все каналы медиареальности, становясь первичной средой, заменяющей природу как эталон художественной соразмерности в домедиальную эпоху. ...Экономика плохой картинки, с ее возможностями непосредственной глобальной дистрибуции и ее этикой ремикса и присвоения, дает возможность участвовать в производстве гораздо большему числу людей, нежели это было раньше. ...Территория плохой картинки дает доступ к исключенным образам, но одновременно заражена новейшими технологиями коммодификации. ...Она дает возможность пользователю активно участвовать в создании и распространении контента и ведет его к производству. Юзер становится редактором, критиком, переводчиком и (со)автором плохой картинки. ...Плохие картинки – это популярные образы, которые могут быть созданы и увидены многими» [7].

Основными приемами работы с такими образами будут ремикширование, коллажирование, сэмплирование – все то, что Николя Буррио объединил в понятии «постпродукции». Буррио утверждает, что для данного состояния культуры характерен «коммунизм форм» [8. С. 142], что очень важно для метамодернизма. В этой чувствительности генеалогия образа не столь важна или не важна совсем. Здесь важно эмоциональное удовлетворение от его использования, получаемое и художником, и зрителем.

В метамодернизме образ никогда не доводится до состояния полной ясности, это позволяет создать эмоциональный и экзистенциальный «люфт» при его использовании в художественном высказывании. Об этом писал еще Эдмунд Берк, актуализированный метамодернизмом: «Одно дело – сделать идею ясной, другое – сделать так, чтобы она воздействовала на воображение» [9. С. 90]. Второе кажется более важным и Берку, и метамодернистским авторам. Новое заключается в том, как стимулируется работа воображения. Здесь закрепляются два понятия, прорабатываемые и на уровне теории, и в художе-

ственной практике, отвечающие за новые способы работы с эмоциональностью и воображением зрителя. Это «**атмосфера**» и «**иммерсия**».

Понятие «атмосферы» теоретически разрабатывается немецким теоретиком Гернотом Беме, который в свою очередь возводит собственные построения к идеям Германа Шмица и Вальтера Беньямина. Атмосфера – это сложно поддающееся артикуляции состояние, возникающее между объектом и субъектом при определенных условиях, проживаемое преимущественно эмоционально и телесно. «Атмосферы остаются неопределенными прежде всего в отношении их онтологического статуса. Мы не уверены, стоит ли относить их к объектам или к элементам среды, из которых они исходят, или к субъектам, которые испытывают их на себе. Мы также не уверены, где, собственно, атмосферы находятся. Кажется, что они, словно туман, заполняют пространство определенным тоном ощущений» [10. Р. 21].

Художественное высказывание выстраивается здесь в пространстве между человеком и средой, в которую он погружен. Беме подчеркивает **телесность** ауры и атмосферы: «Ощутить ауру (Вальтер Беньямин) – значит поглотить ее собственным телесным существом. Воспринимаемое мной – неопределенное, протяженное в пространстве качество чувства. Здесь важны „энергия чувств“ и „пространственный характер атмосферы“ (Герман Шмиц). Пространственно атмосферы всегда „не обладают границами, рассеяны и не имеют точного местоположения, то есть они не локализуемы“. Они представляют собой эмоционально заряженную энергию чувств; они – пространственные носители настроений» [11].

В выстраивании понятия «атмосферы» Г. Беме видна феноменологическая традиция, уделяющая большое место ощущениям. Тело воспринимается как пронизанное чувствами и эмоциями. Именно это позволяет создавать то, что Роман Ингарден называл «интенциональными продуктами», своеобразными «феноменологическими портретами» произведений искусства. Старт созданию такого «портрета» дает телесный импульс. «Атмосферы – то, что ощущается в телесном присутствии в отношении людей и вещей или в пространствах» [Там же].

Атмосферы как феноменологические конструкции работают с идеей «присутствия». В терминологии Ханса Ульриха Гумбрехта здесь производится «**присутствие**», а не «высказывание» [12]. Присутствие, в отличие от высказывания, представляет собой ситуацию, снимающую традиционную дихотомию субъект-объектных или субъект-субъектных отношений. «Атмосфера – это общая реальность воспринимающего и воспринимаемого» [11].

Для метамодернизма новая эстетика заключается в создании атмосфер, восприятие которых связано с идеей телесно-эмоционального опыта присутствия, воздействия среды на все органы чувств. Люди, объекты и связующая их среда погружены в единое пространство. Атмосфера – это то, что схватывается непосредственным восприятием, а не реконструируется на основе дискурсивных или интеллектуальных процедур.

Интересно заметить, что таким образом достигается идея дематериализации произведения искусства, но реализуется она не так, как это было представлено Люси Липпард [13]. У Липпард речь шла о развитии процесса доминирования идеи над формой (материальным объектом), здесь же прорабатывается возможность обходиться и без идеи, и без формы (объекта).

Связанный с ней тип рецепции раскрывается в понятии «иммерсии» (погружения), находящей широкое воплощение в метамодернистском контексте.

Наиболее крупные художники, соотносимые с метамодернизмом, Пьер Юиг, Олафур Элиасон, Томас Сарацено, Джеймс Таррел, работают с различного типа иммерсивными энвайронтами, превращая зрителя в реципиента особого эмоционального ландшафта.

Иммерсивные среды уже не опираются только на визуальное или телесное воздействие, они включают, например, и аудиальный опыт зрителя, что позволяет использовать наработки теоретиков *sound studies*. Внутри данного направления существует понятие «акустемологии». «Акустемология предполагает внутреннюю телесную среду, воспринимающую идущий снаружи звук. Благодаря ей сами границы между внутренним и внешним становятся взаимопроникающими – слушатель может испытать погружение» [14]. Звуковой ландшафт разворачивается как иммерсивная среда «когда слушатели начинают чувствовать себя одновременно внутри пространства и – иногда – внутренне едиными с ним» [Там же].

Штефан Хельмрайх ссылается на Жилия Делеза и Феликса Гваттари с их понятием «трансдукции», структуры, «в которой один контекст служит основанием другого или, наоборот, создается поверх другого контекста, размывает его или встраивается в него» [15. Р. 313]. Идея размыкания и наложения сред, лежащая в основе трансдукции, близка понятию «деавтономии», где фиксируются взаимопроникновение и взаимосвязь сред, в которых исчезает идея автономного существования произведения искусства (медиума) [16, 17]. В случае с иммерсивным искусством метамодернизма понятие деавтономии, лучше, чем тезис Люси Липпард о дематериализации объекта искусства, отражает стремление художников создавать телесные эмоциональные вызовы посредством погружающих ландшафтов и сред.

Трансдукция, как и деавтономия, понимаются как своеобразное преобразование энергии, где свет и звук «развертываются, являют себя во времени и представляют собой живой процесс, энергию в действии» [18. Р. 65].

Работа **эмоций** составляет основную питательную среду для формирования иммерсивных ландшафтов, в них эмоции превращаются в энергии, позволяющие создавать и поддерживать атмосферы. «Только широкий взгляд открывает для нас те непрерывные энергии, – пишет исследователь иммерсивного опыта в искусстве Оливер Грау, – которые связаны с поиском и созданием новых пространств иллюзий и иммерсий» [19. С. 46].

Погружение в иммерсивные среды сродни ностальгии по бескрайнему и запредельному, столь характерной для искусства романтизма. Тоска по неизвестному, утраченному или еще не обретенному лежит в самом сердце метамодернистской поэтики с ее сентиментализмом, наивностью и футуристическим ретроспективизмом.

Завершая рассуждение о идентификационных тактиках художника, зрителя и произведения искусства в метамодернизме, необходимо подчеркнуть, что для данного направления уточнение своих позиций по отношению к модернизму и постмодернизму является принципиально важным. Эта эстетическая практика претендует на главенство в новой культурной ситуации последних лет. При этом важно понимать, что несмотря на очевидное доминирование многих черт метамодернизма в современном искусстве во-

обще, это направление все же является одним из возможных эстетических ландшафтов, при наличии многих других вкусовых ниш и форм искусства. Повышенная «видимость» метамодернизма связана с достаточно ясной теоретической артикуляцией, что выделяет ее среди других опытов искусства, еще ожидающих своих теоретиков.

Литература

1. *Luke Turner*. Metamodernist // Manifesto <http://www.metamodernism.org> (Люк Тернер. Манифест метамодерниста). URL: <http://metamodernizm.ru/manifesto/> / пер. на русский язык Артемий Гусев (дата обращения: 22.09.2018).
2. *Тимотеус Вермюлен, Робин ван ден Аккер*. Заметки о метамодернизме. URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 20.09.2018).
3. *Интервью с Настей Саде Ронко: Чувственность в искусстве метамодерна* / Полина Чубарь. URL: <http://metamodernizm.ru/nastja-sade-ronko/> (дата обращения: 19.09.2018).
4. *Novalis Fragmente und Studien 1797–1798* // Novalis Werke, ed. G. Schulz. Munchen: C.H. Beck, 2001. P. 384–385 (цит. по: *Тимотеус Вермюлен, Робин ван ден Аккер*. Заметки о метамодернизме) (русский пер.) URL: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 19.09.2018).
5. *Interview: Dan Attoe by Bill Donovan*. URL: <http://www.beautifuldecay.com/2010/06/28/interview-dan-attoe/> (дата обращения: 24.09.2018).
6. *Зонntag С.* Заметки о Кэмпе // Зонntag С. Мысль как страсть. М. : Русское феноменологическое общество, 1997. С. 48–64.
7. *Хито Штейерль*. В защиту плохой картинки. URL: <http://os.colta.ru/art/projects/111/details/15533/page1/> (дата обращения: 20.09.2018).
8. *Буррио Н.* Постпродукция. Культура как сценарий: искусство перепрограммирует современный мир // Буррио Николая. Реляционная эстетика. Постпродукция. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. (Garage pro). 216 с.
9. *Берк Э.* О различении между Ясностью и Неопределенностью в отношении аффектов // Философское исследование о происхождении наших идей возвышенного и прекрасного : пер. с англ. / общ. ред., вступ. статья и коммент. Б.В. Мееровского. М. : Искусство, 1979. С. 90–91.
10. *Gernot Böhme*. Atmosphäre als Grundbegriff einer neuen Ästhetik // Atmosphäre: Essays zur neuen Ästhetik. Suhrkamp Verlag, 2013. P. 21–48.
11. *Gernot Böhme*. Atmosphäre als Grundbegriff einer neuen Ästhetik // Atmosphäre: Essays zur neuen Ästhetik. Suhrkamp Verlag. 2013. P. 21–48. Цит. по: *Гернот Беме*. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики. URL: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/> / пер. Стаса Онасенко (дата обращения: 20.09.2018).
12. *Гумбрехт Х.У.* Производство присутствия: чего не может передать значение. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 184 с.
13. *Lucy R. Lippard Six Years: The Dematerialization of the Art Object from 1966 to 1972*. University of California Press, 1997. 296 p.
14. *Хельмрайх Ш.* Звуковые ландшафты с эффектом погружения и трансдукция как альтернатива / пер. с англ. Т. Пирусской // НЛО. 2017. № 148. URL: https://www.nlo-books.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/148_nlo_6_2017/article/19348/ (дата обращения: 18.09.2018).
15. *Deleuze G., Guattari F.* A Thousand Plateaus : Capitalism and Schizophrenia. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1987.
16. *Степанов М.А.* Де-автономные среды: от расширения человека к расширению машины // Научное искусство: Тезисы 1 Международной научно-практической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова, 04–05.04.2012 / под ред. В.В. Миронова. М. : МИЭЭ, 2012. С. 211–212.
17. *Степанов М.А.* Куратор как результат разделения труда (по П. Вайбелю) Теоретические пролегомены к кураторству в технологическом искусстве // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 132–139.
18. *Chion M.* Un langage pour décrire les sons // Nattiez J.-J. Music and Discourse : Toward a Semiology of Music. Princeton, N.J. : Princeton University Press, 1990.
19. *Груу О.* Эмоции и иммерсия : ключевые элементы визуальных исследований / пер. с нем. А.М. Гайсина. СПб. : Эйдос, 2013. 56 с.

Alina V. Venkova, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation), Russian Scientific Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D. Likhachev (Moscow, Russian Federation).

E-mail: venkova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 203–213.

DOI: 10.17223/22220836/32/20

IDENTIFICATION POLITICS OF METAMODERN ART

Keywords: metamodernism; oscillation; neoromantism; atmosphere; immersion.

The article discusses the art of metamodernism in relation to the practice of recognizing (identifying) an artistic expression, its reception, and also regarding the establishment of the status of a work of art. These identification strategies are shown based on the aesthetic attitudes of metamodernism, as well as in the context of its artistic practice.

The characteristic of the basic theoretical attitudes of metamodernism is described, specific metamodernist “sensitivity” is described, the artist's identification strategies regarding the positioning of his statement with respect to other contemporary forms of artistic creativity are consistently disclosed, the spectator tactics and the main receptive attitudes embodied in metamodernist visual material are described. These attitudes are associated with the dominant forms of sensuality in metamodernism. The structure of the metamodernist work, its organization and the receptive techniques contained therein are separately described.

The aim of the article is to define the basic identification settings of metamodernism in relation to both the aesthetic statement and the parameters of the artistic material and receptive responses to it.

To achieve this goal, the article reviews the general theoretical and aesthetic attitudes of metamodernism, among which particular emphasis is placed on the concept of oscillation introduced by the first metamodernists who proposed the term and its primary description, Timotheus Vermeulen and Robin van den Akker in the text “Notes on metamodernism”.

Further analysis concerns the identification of the artist. Reveals the main provisions of the “The Metamodernist Manifesto” by Luke Turner. The parameters of the neoromantic turn in metamodernism, based on the creation and deconstruction of myths, performativity, affectivity, illusory, sentimental, interest in the unusual and strange, the combination of childish simplicity and detachment are considered.

The consideration of the discovery of the implicit parameters of the work of art, aimed at forming a metamodernist identification of the viewer, is the next step of the article. Among them, the concepts of pastish, “poor image”, dematerialization, atmosphere, immersion, nostalgia are subjected to analysis.

The conclusions of the article concern the derivation of the basic attitudes of aesthetic and artistic practices of metamodernism, among which the most important role is played by the perception parameters that determine the emotional map of the receptive attitudes of the viewer. Postulate that the most important in this respect are the concepts of atmosphere, dematerialization and immersion.

References

1. Turner, L. (n.d.) *Metamodernist*. Translated from English by A. Gusev. [Online] Available from: <http://metamodernizm.ru/manifesto>. (Accessed: 22.09.2018).
2. Vermeulen, T. & Acker, R. van den. (n.d.) *Zametki o metamodernizme* [Notes on Metamodernism]. [Online] Available from: <http://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/>. (Accessed: 20th September 2018).
3. Sade Ronkko, N. (n.d.) *Interv'yu s Nastey Sade Ronkko: Chuvstvennost' v iskusstve metamoderna* [Interview with Nastya Sade Ronkko: Sensuality in the art of metamodern]. [Online] Available from: <http://metamodernizm.ru/nastja-sade-ronkko/>. (Accessed: 19th September 2018).
4. Novalis. (2001) *Werke* [Works]. Munich: C.H. Beck. pp. 384–385.
5. Attoe, D. (2010) *Interview: Dan Attoe by Bill Donovan*. [Online] Available from: <http://www.beautifuldecay.com/2010/06/28/interview-dan-attoe/>. (Accessed: 24th September 2018).
6. Sontag, S. (1997) *Mysl' kak strast'* [Mind as Passion]. Translated from English. Moscow: Russian Phenomenological Society. pp. 48–64.
7. Steyerl, H. (n.d.) *V zashchitu plokhoy kartinki* [In Defense of the Bad Picture]. [Online] Available from: <http://os.colta.ru/art/projects/111/details/15533/page1/>. (Accessed: 20th September 2018).

8. Burrio, N. (2016) *Relyatsionnaya estetika. Postproduksiya* [Relational aesthetics. Postproduction]. Moscow: Ad Marginem Press.
9. Burke, E. (1979) *Filosofskoe issledovanie o proiskhozhdenii nashikh idey vozvyshennogo i prekrasnogo* [A Philosophical Enquiry into the Origin of Our Ideas of the Sublime and Beautiful]. Translated from English by B.V. Meerovskiy. Moscow: Iskustvo. pp. 90–91.
10. Böhme, G. (2013) *Atmosphäre: Essays zur neuen Ästhetik* [Atmosphere: Essays on the new aesthetics]. Suhrkamp Verlag. pp. 21–48.
11. Böhme, G. (2013) *“Atmosfera” kak fundamental'noe ponyatie novoy estetiki* [Atmosphere: Essays on the new aesthetics]. Translated from German by S. Onasenko. [Online] Available from: <http://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics/>. (Accessed: 20th September 2018).
12. Humbrecht, H.U. (2006) *Proizvodstvo prisutstviya: chego ne mozhет peredat' znachenie* [Production of Presence: What Meaning Cannot Convey]. Translated from English. Moscow: NLO.
13. Lippard, L.R. (1997) *Six Years: The Dematerialization of the Art Object from 1966 to 1972*. University of California Press.
14. Helmrays, S. (2017) *Zvukovye landshafty s efektom pogruzeniya i transduksiya kak al'ternativa* [Sound landscapes with the effect of immersion and transduction as an alternative]. Translated from English by T. Pirusskaya. *Novoe literaturnoe obozrenie*. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/148_nlo_6_2017/article/19348/. (Accessed: 18th September 2018).
15. Deleuze, G. & Guattari, F. (1987) *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
16. Stepanov, M.A. (2012) [De-autonomous environments: from human to machine expansion]. *Nauchnoye iskusstvo* [Scientific Art]. Proc. of the International Conference. April 4–5, 2012. Moscow: MIEE. pp. 211–212. (In Russian).
17. Stepanov, M.A. (2013) The Curator as a Result of the Division of Labor (by P. Weibel) Theoretical Prolegomenon to Curating in the Technological Arts. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 1(10). pp. 132–139. (In Russian).
18. Chion, M. (1990) *Un langage pour décrire les sons* [A Language to Describe Sounds]. In: Nattiez, J.-J. *Music and Discourse: Toward a Semiology of Music*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.
19. Grau, O. (2013) *Emotsii i immersiya: klyuchevye elementy vizual'nykh issledovaniy* [Emotions and immersion: key elements of visual research]. Translated from German by A.M. Gaysin. St. Petersburg: Eydos.

УДК 008

DOI: 10.17223/22220836/32/21

А.В. Конева, А.А. Лисенкова

«ДЕНЬ БЕЗ СЕЛФИ ПРОЖИТ ЗРЯ», ИЛИ ЦИФРОВЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

В статье анализируются различные подходы к определению феномена селфи в тесной взаимосвязи с развитием информационно-коммуникационного пространства.. На основании полученных эмпирических данных в статье представлен анализ различных стратегий идентификации и репрезентации, позволяющий сделать вывод о том, что селфи сегодня становятся не только технологией сохранения своей истории, форматов визуализированного дневника и явления себя миру, но и позволяют быть человеку постоянно включенным во все сферы жизни, получая социальное признание в процессе виртуального артикулирования, верифицирования и репрезентации собственной идентификации.

Ключевые слова: селфи, визуализация, цифровизация, идентичность, виртуализация, репрезентация, мобильность, интернет, фотография.

Первыми селфи, наверное, правильно было бы считать автопортреты, о которых написано немало. Взгляд художника на самого себя – это всегда поэтично, психологично и на самом деле может многое рассказать о способах и формах построения его, художника, идентичности и взгляда на мир. Но по сути, как нам представляется, проблема селфи связана не столько с попыткой изобразить или запечатлеть себя, сколько с трансформацией форм фиксации человеческого опыта и модификацией идентификационных стратегий, после чего, как следствие, с трансформацией форм коммуникаций. Потому что селфи – это явление эпохи цифровой фотографии и мобильного телефона, где каждый становится «самым большим фаном самого себя, личным папарацци» [1].

Новые технологии и проблематизация идентичности

Цифровая фотография возникла как технологическое новшество в 70-х гг. XX в. вместе с первым персональным компьютером и первой сетью (APRANET, прототипом современной сети Интернет) [2. С. 66]. Использование цифровой матрицы для записи информации приравнивало образ как «след реального объекта» (как это было в фотографии аналоговой) к модели образа. И эта технологическая разница весьма символична. Образ словно стал уже виртуальным, но оценить это по достоинству смогли только добрых полвека спустя после самого изобретения [3], когда стало ясно, насколько изменило наш опыт и нашу идентичность это изобретение¹. Использование цифровой фотографии долгое время лишь подчеркивало разделение на любителей и профессионалов, и только с появлением мобильного телефона и мобильной камеры мы по-настоящему вошли в другую реальность.

¹ ПЗС-матрица фотоаппарата была изобретена в 1969 г., а Нобелевскую премию за это изобретение У. Бойл и Дж. Смит получили в 2009 г.

Мобильный телефон существенным образом изменил наши представления о себе и о другом. Вопрос «Ты где?» породил новую онтологию мобильности [4]: это коммуникация, которая всегда со мной, и, следовательно, моя непрекращающаяся доступность к общению. Обратная сторона вопроса – я постоянно востребован, увиден, а следовательно (вероятно), признан другими. В пространстве между мной и другим возникает множество тем, и главная из них – проблема моей идентичности и того, как эту идентичность я представляю другим. Современность, ставшая digital reality, создает пространство перманентной презентации и ре-идентификации. В цифровой реальности идентичность человека становится конструктивной, представляя собой воплощение тоффлеровского «модульного «Я», отражающего принцип детского конструктора LEGO. В этой связи нахождение единого связующего стержня, уравнивающего контекстуально-лабильную идентичность (Е. Данилова), уже не необходимость, а единственная точка опоры в условиях постоянных трансформаций. Непрерывный процесс идентификации побуждает человека искать устойчивые позиции, которые могли бы сделать ясной и определенной его ориентацию в мире. Это касается в первую очередь формирования систем представлений, на основе которых происходит выработка типологий, критериев самоопределения, самопрезентации, коммуникации и паттернов действия различных порядков. Это вопрос работы воображения, идентификационной образности, который приобретает в современности особое значение.

Что же влияет на эту идентификационную образность? Ответ, кажется, лежит на поверхности – технологии, трансформации систем и каналов общения, социальные перемены, размывание границ времени и пространства. В этой связи мобильность становится одним из ключевых критериев изменения идентификационных стратегий, который определяется новым корпусом ценностных установок, где в основании заложена новая система координат: «свобода быть, действовать, передвигаться, знать, узнавать новое» [5. С. 9]. Мобильность как модус ценности свободы становится, пожалуй, на первое место в современной культуре. Сегодня мы понимаем, что эта сетка координат шире, чем просто «среднеклассное мировоззрение успеха», это мировоззрение успеха человека информационной эпохи, поколения digital native, для которого цифровой способ передачи информации, коммуникации и презентации себя оказывается естественным и единственно возможным образом жизни, более того, опираясь на цифровые инновации и новые способы деятельности, человек входит в новую эпоху познания, меняя ценностные ориентации и изменяя саму культуру. Таким образом, при вхождении в новую культурную среду, среду, пронизанную мультикультурными, геополитическими и макроэкономическими глобальными изменениями, человек испытывает все усиливающиеся давление и все повышающиеся требования к собственной постоянной включенности во все эти процессы. Мобильность в условиях всеобъемлющей глобальности является одной из главных ценностей, теснейшим образом связанных с ценностью быть. «Я есть там, где я есть» – так можно было бы определить ценность мобильности. В этом отношении визуализированные коммуникации и социальные сети позволяют не только быть всегда «в контакте», но и создают возможности для «обживания» и «очеловечивания» цифровой среды.

Вместо устойчивой привязки к месту и времени возникает вопрос «ты где?»: «в „бытии у телефона“ кроется проблема вездесущности и индивидуальности: повсюду (вездесущность) могут найти только тебя (индивидуальность)» [4. С. 44]. Таким образом ставится под сомнение моя изначальная способность быть анонимным. Я оказываюсь в постоянном присутствии другого, как только этот другой захочет обнаружить меня своим вопросом. Этот вопрос – словно взгляд Другого, как его описывал Сартр, своего рода «война экзистенций», соревнование, кто для кого объект, кто на кого смотрит. Я в отражении – это Другой и одновременно я сам, контролирующий свое «Я». Но этот же вопрос в современной цифровой культуре оказывается вопросом индивидуальной значимости, потому что взгляд другого приобретает новое звучание – он высвечивает субъектность, наше присутствие. Субъект в своей мобильности оказывается доступен, он может присутствовать здесь и сейчас, находясь в любом месте и в любое время, будучи постоянно включенным, осуществляя множество различных интеракций на ходу. И словно реакцией на не прозвучавший еще вопрос «ты где?» мы делаем селфи-фото и ставим хэштэг с геолокацией, подтверждая свое присутствие перед взглядом другого.

Google вас не находит, существуете ли вы на самом деле?

Мое присутствие в цифровую эпоху есть присутствие в зоне действия Сети. Лукавая шутка «Google вас не находит, существуете ли вы на самом деле?» оказывается важным идентификатором социального признания. П. Бурдье писал о механизмах социального признания в культуре XX в. и анализировал их как признание равных. Признание равных – признание «своего круга». Сегодня свой круг расширяется, он становится виртуальным, и мы обозначаем свое присутствие, обретаем свою идентичность в цифровом формате, используя «силу слабых связей» (М. Грановеттер), закрываясь от реального мира, но полностью открываясь миру виртуальному в так называемом «сетевом индивидуализме» [6. Р. 123] цифрового автопроекта. Таким образом, мы констатируем, что дигитальные практики идентификации и презентации – симптом наших дней, пронизывающий все сферы жизни современного человека. Мы все живем в «галактике Цукерберга», присутствуя или отсутствуя в «книге лиц» facebook'е и других социальных сетях. Мы заявляем о своем присутствии лайками, комментариями, постами и репостами, фотографиями и изменениями статусов, предьявляя себя миру и другим людям в режиме реального времени и практически непрерывно, так как в мире тотальной визуализации и маркетинга всех сфер оставаться вне этого поля невозможно.

Современная культура сетевого взаимодействия порождает новые потребности, и потребность «быть видимым» – одна из них. В сложившихся условиях мы можем говорить об изменении господствующего типа общественного сознания, определяя его как «подиумное сознание», которое выводит на первый план потребность быть замеченным, видимым, оцененным. Это черта современной информационной культуры, в которой движущим механизмом идентификации становится мода [7. С. 55]. Мода как специфическая форма социального поведения сформировалась в эпоху индустриализации, хотя ее истоки, разумеется, лежат в бинарных потребностях в принадлежности и индивидуализации, свойственных человеческой природе, о чем

писали уже философы XIX столетия [8. С. 270]. Исследователи модного поведения подчеркивают, что механизм подражания, которое изначально было символом статуса, со временем «демократизировался». Современные модные тренды затрагивают все социальные группы и слои, мода сама по себе сильно «помолодела», и со второй половины XX в. (т.е. примерно со времени начала цифровизации) именно молодежь задает и демонстрирует основные тренды. «Подiumное сознание» – явление в первую очередь молодежной культуры, его базовая потребность – в социальном признании, и именно эта потребность удовлетворяется презентацией себя в социальных сетях.

Говоря о потребности в признании и принадлежности, которая сегодня определенно довлеет над потребностью в индивидуализации, мы опираемся на исследования в области социологии повседневности М. Маффесоли. Маффесоли полагает, что современную повседневную культуру определяют деиндивидуализирующие процессы, которые являются своеобразной реакцией на индивидуализацию самой культуры. Маффесоли вводит термин «новый трайбализм», чтобы подчеркнуть, что это новое есть хорошо забытое (но укорененное в социальном воображении) старое. Характерными чертами нового трайбализма он называет телесное переживание, механизм участия, потребность в совместном переживании эмоций: «Повседневность и её ритуалы, коллективные эмоции и страсти, дионисийское переживание удовольствия, равно как возрастание значения телесности, зрелищности и получение удовольствия от созерцания являются чертами постмодернистского трайбализма» [9]. Это по большей части, ритуалы заполнения и просмотра ленты социальных сетей, в том числе создание селфи. Селфи – авторская версия себя – требует (и вызывает) эмоциональную реакцию. Ниже мы проанализируем типы и особенности этих реакций, пока же отметим лишь важность эмоционального отклика на селфи. Совместно проживаемые эмоции дают чувство сопричастности и принятия, т.е. те чувства, в которых нуждается более всего молодой человек в своём переходном возрастном и социальном состоянии. (Заметим, что сегодня переходный возраст и переходное социальное состояние не исчерпываются возрастом тинейджерства, и в возрасте проживания кризисов среднего возраста и кризисов профессиональной идентификации также проявляется подобная потребность). Маффесоли подчеркивает, что «в противовес экзистенциальной анемии, спровоцированной слишком рационализированным социумом, городские племена подчёркивают важность социальной эмпатии: совместного проживания эмоций, разделения аффектов» [Там же]. Мы бы в данном контексте предложили говорить «цифровые племена», потому что разделение эмоций происходит в первую очередь именно в виртуальной реальности социальных сетей.

Итак, селфи неотделимо от состояния мобильности, поскольку снимается на камеру мобильного телефона, оно является индикатором присутствия и призвано вызывать эмоции сопричастности. Первая встроенная в мобильный телефон камера появилась в 2000 г., тогда же появились и первые селфи. Википедия определяет селфи следующим образом: «Сёлфи – разновидность автопортрета, созданного с помощью фотоаппарата, иногда при помощи зеркала, монопода или автоспуска. Термин приобрёл известность в конце 2000-х – начале 2010-х гг. благодаря развитию встроенных функций фотоаппарата мобильных устройств. Поскольку селфи чаще всего выполняется с расстоя-

ния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию – под углом, чуть выше или ниже головы», в уважаемых академических словарях определения пока не появилось, несмотря на то, что в 2013 г. selfie стало «словом года», по версии исследователей Оксфордского университета [10].

Я и мой образ: координаты идентичности и волшебство ретуши

Определение селфи как автопортрета отсылает нас к двум «ракурсам» исследования автопортрета – как самоопределения или самоисследования, с одной стороны, и как самосознания культуры – с другой.

Начнем с селфи-автопортрета как фотографии себя в ракурсе самоопределения. Р. Барт выделял три точки анализа фотопортрета, которые могут быть применены и к фото-автопортрету. «Фото, по моему наблюдению, может быть предметом трех способов действия, тройкого рода эмоций или интенций: его делают, претерпевают и разглядывают. Operator – это сам фотограф. Spectator – это все мы, те, кто просматривает собрания фотографий в журналах, книгах, альбомах, архивах. А тот или та, кого фотографируют и кто представляет собой мишень, референта, род небольшого симулякра, eidolon'a, испускаемого объектом, – я бы назвал его и ее фотографическим Spectrum'ом, ибо это слово благодаря своему корню сохраняет связь со „спектаклем“, добавляя к нему еще нечто, отдающее кошмаром, что содержится в любой фотографии, – возвращение покойника», – пишет Барт [11. С. 26–27]. Селфи – это совмещение трех способов действия в одном первоначально, после чего в некоторых, как мы увидим, случаях, фото-автопортрет переходит к публичному разглядыванию.

Сосредоточимся на первых двух действиях: делать и претерпевать. Селфи, как правило, делается с расстояния вытянутой руки либо при помощи специального устройства, так называемой селфи-палки. И в том и в другом случае мы получаем специфический ракурс, который публичная цифровая энциклопедия вынесла в определение селфи. Чтобы сделать селфи, необходима твердая рука и навык нажать на одну или две одновременно кнопки фотопуска в тот самый момент, когда взгляд переводится с собственного изображения на экране на объектив фотокамеры. В этом моменте мы оказываемся в интересном состоянии перехода от «разглядывания» еще не сделанной фотографии к ее «деланию». Здесь – момент работы воображения, воображаемого переноса с экрана на фотографию того лица, которое мы видим, и одновременно продолжение – воображаемый перенос к разглядыванию теми, кто станет «публикой», потому что селфи делается не для себя, но для публики, мы помним о задаче «быть видимым». И в этом воображаемом переносе фотограф-фотографируемый попадает в двойной зазор между виртуальной реальностью и реальным образом. Во-первых, селфи-камера производит «зеркальное» изображение, т.е. фотограф видит на экране одно, а на фото-селфи получает зеркальное отображение того, что было видно на экране. Специфика селфи в том, что этот автопортрет на самом деле дает нам реальный взгляд со стороны – так, как нас видят другие, а не так, как мы видим себя в зеркале или на экране. В этот момент мы переходим к «претерпевать». Наши лица не симметричны. И поэтому отзеркаливание фотокамерой (тем более несовершенной фронтальной камерой мобильного телефона) существенным образом

искажает наши представления о себе. Первое, с чем мы сталкиваемся, снимая селфи, это с тем, что мир видит нас не так, как мы сами. Это касается асимметрии, искажения привычной мимики, упоминавшегося выше несовпадения взгляда, а также искажения черт лица, неизбежного при близкой съемке с расстояния вытянутой руки. Мы оказываемся в «зазоре», «складке» между реальным и идеальным образом себя. Поэтому селфи оказывается инструментом самоидентификации, который «сдвигает» границы идеального – «оказывается, я выгляжу вот так».

Разумеется, у operator'a селфи есть право либо забраковать снимок, либо отредактировать его. И в большом количестве случаев селфи подвергается фоторедактированию, ретуши при помощи различных эффектов, также доступных на мобильном телефоне. Это и удаление морщин, и придание большей выразительности взгляду, и легкая «пластика», включая виртуальный грим и парикмахерское искусство, и, наконец, использование фильтров. Опираясь на результаты проведенного исследования, в котором приняли участие 102 респондента, мы можем сделать вывод о том, что пользователи предпочитают использовать фильтры (53,61%) и ретушь (17,53%) [12]. Таким образом, селфи выявляет и делает зримым зазор между «Я» и «Образ Я», причем оставляет фотографу-фото модели свободу выбора в отношении того, как с этим зазором обойтись.

Итогом селфи-снимка оказывается фото, одобренное автором как «пригодное к публикации» и выложенное в Сети. Фактически селфи позволяет отредактировать свой образ, сделав виртуальный автопортрет, и привести его в соответствие собственному восприятию таким образом, чтобы было возможным, как отмечает Дж. Килнер «фальсифицировать себя» [13]. Этот автопортрет создан для разглядывания. Разглядывает его некий «обобщенный Другой», который, заметим, в процессе восприятия себя интериоризируется. О подобном «обобщенном Другом» писал Дж. Мид [14. С. 225], который подчеркивал важность понятия Другого и представления о другом для обретения понятия, и, мы бы сказали, переживания Самости. В исследованиях идентичности после Мида подчеркивается ее коммуникативный характер. Идентичность верифицируется в поле признания другими, более того, Мид доказал, что идентичность формируется благодаря «обратной связи», индивид создает себя таким, каким его видят другие. Идентичность теснейшим образом связана с интеракцией, восприятием образа другого и воображением того, как другой воспринимает меня. Дж. Мид показывает, что процесс идентификации предполагает динамическую связанность систем представлений и образов, которые формируют «окрестности» Я, а собственно устойчивая целостность Самости достигается в противовес постоянно выявляемой динамике и изменчивости порядков Другого. Глобальная сеть уже давно стала значимым полем для экспериментов с созданием и трансляцией своей Самости, создавая среду опосредованного и упрощенного взаимодействия не только с Другими, но и с собой. И если раньше камера была всегда обращена «во вне» к Другим, то сегодня она направлена внутрь «к себе». Таким образом, мы видим смещение ракурса с созерцания Других к созерцанию, пониманию и присвоению себя, где селфи из развлекательного контента трансформируется в акт самопознания.

Селфи словно подтверждает устойчивость индивида в разных обстоятельствах и местах: вне зависимости от места и времени это всегда тот же самый Я. Для нашего исследования важно, что большинство современных теорий идентичности, на каком бы аспекте её они не фокусировали внимание, акцентируют значимость коммуникации в становлении идентичности и её определенности. Коммуникация как основа идентичности проявляется как на личностном (идентичность через общение, доверие, одобрение), так и на социальном уровне. Мы не будем здесь отвлекаться на теории «зеркального Я» (Ч. Кули) или «приспособления» (Дж. Ховард), отметим лишь, что идентификация действительно зависит от образа (голоса) Другого, что доказано многими теориями. Механизм идентификации включает «образ Другого», но... ведет, как показывают исследователи современной виртуальной культуры, к одиночеству.

Здесь мы переходим к мобильному автофотопортрету как саморефлексии культуры. Проблема одиночества «в Сети» (Я. Вишневский) и вне нее, как утверждают исследователи культуры электронных носителей информации, становится глобальной. Парадокс «бытия на связи», постоянной «видимости» и доступности «в зоне действия Сети» приводит человека к утрате экзистенциально значимых переживаний, что также маркирует проблему общекультурную. Об этом пишет Ш. Теркл: «Мы ставим себя в такие условия, что можем в конце почувствовать себя еще более одиноким, даже когда мы производим действия, которые предполагают, что мы более постоянно связаны. Во всем этом есть другая потеря: думаю, что мы потеряли способность к одиночеству, состоянию, которое освежает и восстанавливает, положению, которое позволяет нам установить контакт с другим человеком» [15]. Неспособность находиться в одиночестве, наедине с собой, постоянное стремление заполнить лакуны, порожденные повышенной тревожностью, неуверенностью, провоцируют еще большую зависимость от Других, их суждений, оценок, одобрения, создавая иллюзию перманентной включенности и совместного проживания жизни.

Мобильный телефон как «универсальный инструмент» (М. Феррарис) позволяет нам постоянно быть «в присутствии» других. Селфи как один из аспектов этого универсального инструмента заставляет нас постоянно демонстрировать себя, все более остро переживая свое одиночество. Это и простой аспект: что, больше некому тебя сфотографировать? И более сложный: бесконечная потребность в самоселфизации (авторский термин) переворачивает идентификационный принцип и условия стабильной основы собственной идентичности. «Идентификационный принцип подразумевает возможность дифференцировать рассматриваемое поле представлений при сочетании множественных позиций, трансформирующихся во взаимодействии, основанном на опыте взаимного определения границ и самоопределении. Следовательно, идентификационный принцип предполагает динамику связанных репрезентативно-символических образов, формирующих „окрестности“ Я, когда устойчивая целостность Самости достигается посредством выявления непрерывной изменчивости порядков Другого», – пишет Е.Э. Сурова, обосновывая понятие «идентификационного принципа» [16. С. 8]. Собственно, на этих позициях строится вся теория идентичности, начиная с Э. Эриксона и заканчивая постмодернистскими теориями.

Современная цифровая эпоха стимулировала кардинальные изменения ранее принятых положений, реверсивно трансформируя не только основания идентификационного принципа, но и демонстрируя неустойчивость всех принятых порядков формирования идентичности, которые сегодня неотделимы от непрерывного процесса подтверждения собственной экзистенции Другим. Благодаря визуальным формам фиксации опыта, начиная с фотографии и заканчивая современными сетевыми формами визуальной коммуникации, такими как Instagram или Facebook, индивидуальный опыт становится достоянием многих, а привычное соотнесение с идеальной моделью утрачивает свою значимость. Происходит девалоризация идеала и усиление роли индивидуальности. Однако, как мы видим, этот процесс также неоднозначен, поскольку «фриковость» и непохожесть должны быть соотнесены с приемлемым и общепринятым, должны быть «в тренде» для того, чтобы получить социальное признание. Это, собственно, то, что можно назвать «брендированной идентичностью» – идентичность, сочетающая уникальные индивидуальные черты с типологизированными приемами узнавания и запоминания, технологиями бренда. Миф бренда оказывается современной идентификационной тактикой, причем это касается идентификационных процессов всех уровней – от брендов государств до брендов товаров и брендов личностей. Бренд личности «живет» 5–7 лет, как и другие бренды, после чего нуждается в ребрендинге [17. С. 167]. Но селфи как фотоавторпортрет ни брендингу, ни ребрендингу не помогает. За селфи стоит другая, хотя и тоже идентификационная история – более личная, интимная и одновременно симптоматичная для культуры в целом.

Существенным отличием идентификационных процессов современности мы полагаем их перформативность – идентичность не может быть зафиксирована как этнос, статус или роль, она постоянно подтверждает и верифицирует саму себя в перформативном процессе демонстрации актуальности жизненных стратегий. Идентичность, неустойчивая экзистенциально, вынуждена постоянно «присваивать» себя через взгляд Другого, пусть даже это собственный взгляд селфи-камеры мобильного телефона. С. Сонтаг видела в фотографии «присвоение фотографируемого» [18. С. 2], и селфи, таким образом, может быть определено как экзистенциальная операция присвоения себя. Поэтому селфи мы также рассматриваем в контексте смысложизненных, экзистенциальных стратегий, изучая формы и способы нового визуального явления. Селфи – в контексте идентификационных практик – может быть рассмотрено не как конструирование идентичности, а скорее как деконструкция себя. Улавливание присутствия в множестве различных моментов – как в сдвигании границы, внесении различия внутрь. Не случайно появились новые фотоформы, в которых становится возможным быстро при помощи телефона сделать коллажи, «я с разных сторон, на фоне и вокруг».

Я с разных сторон, на фоне и вокруг: феноменология селфи

Феномен селфи развивается, находя новые форматы и ниши для удовлетворения запросов пользователей. Так, в последние годы создана национальная портретная галерея селфи, музей селфи, существуют ресурсы, позволяющие оценить свое селфи, множатся стартапы, направленные на развитие контента с использованием селфи. Google аналитики сообщают, что за год

пользователи сети загрузили через сервис Google Photos 24 миллиарда селфи [19]. По данным другого исследования, средний миллиennial (18–34 года) за свою жизнь сфотографирует самого себя 25 700 раз [20].

В современной литературе, посвященной селфи, выделяют семь основных типов:

- селфи со знаменитостью;
- «здоровое селфи» (в тренажерном зале или с иными атрибутами фитнеса и спорта);
- селфи с едой;
- селфи в примерочной (сюда также относятся фотографии, сделанные дома в момент примерки разных нарядов);
- селфи на пляже (или другом месте отдыха);
- селфи-уточки (с характерно вытянутыми губами);
- экстремальные селфи [21].

В результате проведенного опроса (сентябрь 2018 г., социальные сети facebook, vk, instagram) мы можем сделать некоторые обобщающие выводы, отражающие основные тенденции современного селфи-бума.

Основной аудиторией, наиболее часто делающей селфи, являются молодые люди 16–22 лет (39%), тем не менее пользователи сетей в возрасте 23–49 лет также проявляют значительную активность, связанную с селфи. Так, от 12 до 17% опрошенных данной возрастной категории отметили, что делают селфи, но и те и другие нерегулярно, от случая к случаю (69%), таким образом, можно говорить о том, что единой стратегии виртуальной самопрезентации и управляемого имиджа в отношении селфи нет. Хаотичность реакций, съемки под впечатлением складывающихся обстоятельств являются основным трендом сетевой самопрезентации. Эта тенденция также связана с мобильностью пользователей, их постоянным движением, когда все действия осуществляются «на бегу», а селфи играет роль отражения той действительности, эмоций и настроения, которые человек испытывает в данный конкретный момент времени и в определенных обстоятельствах в попытке остановить течение времени, оглянуться и найти себя в этом моменте. В этой связи с особой актуальностью звучит фаустовское «Остановись мгновение, ты прекрасно!» в попытке сохранить память для себя и о себе в виртуальной хронике жизни ускользающих многочисленных образов. Более 70% опрошенных респондентов отмечают, что для них селфи – это дневник, хроника и своя персонализированная история, при этом образы в этой хронике должны быть максимально светлыми (56%), яркими (33%) и веселыми (51%), словно призванные раскрашивать угрюмую повседневность бытия всполохами карнавальной идентичности парадных изображений.

В связи с тем, что цифровая тотальная визуальность породила новые форматы образности, на первый план активно выступила жизнь тела и представление его в физическом присутствии в коммуникационном пространстве виртуальной среды. В этом отношении конструирование виртуальной идентичности представляется не как результат, но как образный путь к познанию себя через самосозерцание и отождествление с Другими в опосредованном взаимодействии череды телесных образов.

Мобильность селфи – это не только съемка мобилографией, но и свобода передвижения. Мир стал мал, а путешествовать модно: «...современный гло-

бальный мир, благодаря развитию транспортных коммуникаций, миграции и туризма, предоставляет почти каждому человеку возможность в той или иной степени сменить цивилизационный контекст и соприкоснуться с иными формами опыта» [22. С. 113]. Изменяя цивилизационный контекст, мы ставим под сомнение границы идентичности, любое путешествие является в глубинной своей сути «путешествием героя», а значит, включает в себя как открытие мира, так и открытие себя [23. С. 149]. Поэтому селфи в поездках, на фоне достопримечательностей и природы (49 и 46% ответов респондентов соответственно) получает значительный приоритет перед остальными. Это и своего рода дневник. Так, некоторые респонденты утверждают, что делают селфи в поездке каждый день, чтобы потом можно было восстановить события дня. Селфи служат «аналогом материальных тотемов (сувениры, открытки и т.п.)» [24], соединяя в себе экранное восприятие окружающего и внутреннее переживание момента. Селфи в мобильном телефоне в таком случае словно открывает галерею фотографий дня, а собственный образ служит точкой отсчета. Галерея фотографий (и видео, но это другая тема) мобильного телефона выступает тут своеобразным «путешествием в путешествии», позволяет пересматривать и рефлексировать события дня, не упуская из вида (в прямом смысле слова) того, кто утром отправился в путешествие. Это важно, особенно в ситуации существенной смены контекстов повседневных практик: «западный человек, как правило, лишается привычных для себя атрибутов быта (например, ест непривычную ему пищу руками, носит универсальную азиатскую одежду, спит под открытым небом, на полу и т.д.) и социальных маркеров, существует в обстановке дефицита языка и необходимости переориентироваться со слов на эмоции, практикует безмолвие. Это вызывает перезагрузку цивилизационного контекста, перестройку на уровне сознания и тела, способствует инициации и пробуждению архетипа героя» [22. С. 115]. И это вызывает беспокойство, вызванное внутренней трансформацией, и потребность в подтверждении собственной значимости в прежнем, привычном и постоянном культурном и социальном контексте. Многие выкладывают селфи в социальные сети или в «истории», которые отличаются недолговечностью. За этим мы видим два важных сюжета идентификационных практик: во-первых, это соотнесение «себя изменившегося» с «собой прежним» и попытка удержать текущие границы идентичности за счет обращения к привычному окружению; во-вторых, это демонстрация собственной трансформации как достижения, своего рода инициация он-лайн, т.е. демонстрация и подтверждение «героизма» путешествия. И, разумеется, идентификационный проект путешественника не завершается с возвращением, но благодаря историям в фото- и видеоблогах получает возможность длиться в новых контекстах.

Другим популярным сюжетом оказываются так называемые «кулинарные селфи», или селфи с едой и напитками. Зачастую этот вид селфи также связан с путешествиями, но, помимо знакомства с кулинарными традициями иной культуры и утверждения себя как «пробующего новое», большой массив селфи посвящен еде как в местах публичных (рестораны, кафе, банкеты, фуршеты), так и дома. Фотографирование еды, которая вот-вот будет съедена (автором фотографии, селфи), напоминает о бартовском контрасте *studium*'а и *punctum*'а. Как в случае с приговоренным к смертной казни Льюисом Пей-

ном, снятом фотографом в камере смертников, Барт отмечает: «фотография прекрасна, красив и изображенный на ней юноша, подсказывает *studium*, но *punctum* в том, что ему предстоит умереть. Я одновременно читаю: это случится и это уже случилось, и с ужасом рассматриваю предшествующее будущее время...» [11. С. 143]. Фотографирование еды не для рекламы, а для подтверждения собственного существования и качества этого существования в глазах других – я ем, я есть, более того, я ем красиво и в красивом месте – точно так же погружает и фотографа-оператора, и зрителя-разглядывателя (в том числе и самого себя) в состояние предшествующего будущего времени. Время предстает здесь закольцованным желанием жить. По сути, это желание жить вечно и нарциссическое стремление к тому, чтобы найти этому подтверждение в каждый момент своего бытия. С другой стороны, селфи с едой воплощают чистую социальность формата «я то, что я ем», тут каждый получает возможность отредактировать собственную жизнь через приобщение к значимым, престижным или важным потребляемым образам, будь то трюфели, рябчики с ананасами, изысканное вино, любое блюдо в престижном месте, здоровая еда, экзотическая пища и т.д.

Тему потребления продолжают так называемые модные селфи, или селфи в примерочной. Изначально они появились как часть нарратива моды в модных блогах, т.е. модные селфи существуют с 2003 г. [25. С. 78] Делая модные селфи, автор снимка примеряет на себя роли различных модных профессий: стилиста, модели, визажиста, фотографа. При этом модные селфи имплицитно включают критическое суждение моды, но не артикулируют его как слово или оценку. Их выбор достаточен, чтобы выразить суждение, а сама фотография, при условии, что она опубликована в блоге или в социальной сети, оказывается предметом обсуждения, комментирования, критики или восхищения. Порой реакцией на селфи-снимок может быть и профессиональная оценка. Так, «в 2009 году Сюзи Лоу вывесила в своем блоге свою фотографию во время примерки в магазине комбинезона Pam Hogg. Через некоторое время она была ошарашена Хоггом, который оценил ее постинг как „плохую рекламу“. Ее запись об этом получила рекордное количество комментариев – 422. ...множество читателей бросились ее защищать и поддерживать» [26. С. 326]. В истории блоггинга есть множество примеров, как модные селфи стали ступенью к профессионализации блогера и трансформации его в формат «электронного СМИ». Впрочем, то же можно сказать и о селфи в путешествиях, и о селфи с едой – здесь также встречаются примеры, когда путешественник становится признанным тревел-журналистом, а гурман – кулинарным критиком или поваром-изобретателем. Все это также позволяет нам ставить вопрос о селфи как способе самоидентификации.

И все же развлечение или технология будущего?

Если говорить о дальнейшем активном использовании и развитии селфи, то мы видим целый спектр опережающих технологий, которые позволят вывести селфи из технологий создания своей визуальной истории в формат постоянной технической включенности во все сферы жизни. Говоря о возможностях развития цифровых технологий на основе селфи, мы имеем в виду не только программы аутентификации и идентификации на основе селфи-изображений с целью совершения различных транзакций (например, *selfipay*),

такие программные продукты уже существуют и ежегодно набирают свою популярность, визуализируя обезличенный цифровой профиль любого жителя планеты, но и целый спектр программных решений в различных областях.

Благодаря программным продуктам на основе селфи становится возможным отслеживать состояние здоровья и показатели тела для тренировок, что, безусловно, является существенным прорывом и в медицине, и в спорте, позволяя дистанционно оказывать необходимые услуги в данных сферах.

В современных VR-технологиях с помощью селфи возможны конструирование персонажей и встраивание их в различные миры, многопользовательские игры, сетевые приложения, конструируемую дополненную реальность и т.п. Эти же технологии используются для «оживления» различных произведений искусства непосредственно с участием зрителя, что превращает процесс образования в уникальный интересный сюжет с эффектом полного погружения.

В отношении модных тенденций виртуальные примерочные активно включены в мировой маркет и доступны уже сегодня, 3D Make up и виртуальные салоны красоты – давно обыденные приложения для смартфонов, а стилисты и модные порталы используют селфи, чтобы давать советы и подбирать необходимые товары.

Активно развиваются технологии безопасности на основе Self-аутентификации для обеспечения доступа к домам и автомобилям.

На основе анализа лиц популярных сегодня совместных селфи возможно будет понимать, что в действительности о вас думает партнер и как к вам относится.

Развитие искусственного интеллекта и элементы машинного обучения отчасти и сейчас способны превращать обычные двумерные изображения лиц людей в полноценные 3D-модели, угадывая, как выглядит лицо человека в трёхмерном пространстве, включая области, которые не видно на фото, сравнивая его со своей базой данных, в дальнейшем эти элементы могут быть развиты до создания полноценных моделей 3D-человека.

Бытие под взглядом: выводы и перспективы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что использование селфи в качестве способа верификации личности, замены части его функций, развития образовательных технологий и медицины будет входить повсеместно в нашу жизнь и станет через несколько лет обыденным явлением. Селфи можно рассматривать как идентификатор социальных трансформаций, причем это касается и механизмов социального признания, и механизмов обретения эмоциональной приобщенности. Селфи как способ разглядывания и делания себя позволяет артикулировать, верифицировать и репрезентировать собственные идентификации, полифоничные, согласно информационной эпохе. Селфи может стать частью профессионализации, частью личного бренда, способом самопродвижения, а также формой самопознания и практик осознанности, личного дневника, в зависимости от того, какую форму избирает его автор. Селфи стало частью нашей повседневной жизни, более того, обязательной частью нашей жизни. Так, публичные персоны охотно и напоказ делают селфи, как собственные, так и с поклонниками, не только селфи со звездами, но и звездные селфи становятся частью информационного

пространства, и в этот процесс включены не только звезды шоу-бизнеса, но и политики, включая первых лиц многих государств¹. Селфи институционализируется, уже есть сериал «Селфи» (2014), проходят выставки селфи, а 2018 г. в Санкт-Петербурге был организован «Селфи-парк», в котором соединились аттракционы, виртуальный кинотеатр и профессиональные условия для съемок высококачественных селфи. Констатируя новые практики презентации и присутствия, мы можем говорить об изменившихся экзистенциальных параметрах идентификационных стратегий, требующих все большего и большего подтверждения присутствия взглядами других. Мир, в котором день без селфи прожит зря, – это мир тотального «бытия под взглядом», мир, в котором сбылись опасения Сартра, утверждавшего, что «ад – это другие».

Литература

1. Eler A. Theory of the Selfie. URL: <http://hyperallergic.com/94461/theory-of-the-selfie/> (дата обращения: 12.09.2018).
2. Деникин А.А. Цифровая фотография и современное искусство: учеб. пособие для студентов гуманитарных вузов. М. : Нестор-История, 2016. 224 с.
3. The Nobel Prize in Physics 2009. The Official web site of the Nobel Prize. URL: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/2009/ (дата обращения: 10.08.2018).
4. Феррарис М. Ты где? Онтология мобильного телефона. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 352 с.
5. Конева А.В. Средний класс: мифология успеха // Вестник Самарского государственного университета. 2004. № 1 (31). С. 5–15.
6. Rainie L., Wellman B. Networked. The New Social Operating System. London : MIT Press, 2012. 212 p.
7. Конева А.В. «Подиумное сознание» в эпоху культуры различия // Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. 2009. Вып. 4, т. 189. С. 53–58.
8. Зimmel Г. Мода // Созерцание жизни. Т. 2. М. : Юрист, 1996. С. 266–291.
9. Maffesoli M. Tribalisme postmoderne De l'identité aux identifications. URL: <http://www.la-science-politique.com/revue/revue2/papier5.htm> (дата обращения: 14.09.2018).
10. Позанцева Д.В. Selfie как современный социо-психологический феномен // Концепт. 2013. № 12. URL: <http://e-koncept.ru/2013/13263.htm>. (дата обращения: 09.09.2018).
11. Барм Р. Camera Lucida. Комментарии к фотографии. М. : AdMarginum, 1997. 221 с.
12. Авторский опрос «Селфи». URL: <https://www.testograf.ru/ru/oprosi/aktualnie/b0083ed0315166eba.html> (дата обращения: 14.09.2018).
13. Kilner James. The Curated Ego: What Makes a Good Selfie? BBC News Magazine on Twitter and on Facebook. URL: <https://www.bbc.com/news/blogs-magazine-monitor-25763704> (дата обращения: 5.09.2018).
14. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М., 1996. 496 с.
15. Turkle S. Alone together. Why we expect more from technology and less from each other. New York, 2011 (цит. по: Почецов Г. Трансформации человечества под влиянием интернета). URL: <http://psyfactor.org/lib/web-media-2.htm> (дата обращения: 15.09.2018).
16. Сурова Е.Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та, 2010. 268 с.
17. Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2013. 280 с.
18. Сонтаг С. О фотографии / пер. В. Голышева. М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. 272 с.
19. Google Photos: One year, 200 million users, and a whole lot of selfies. URL: <https://www.blog.google/products/photos/google-photos-one-year-200-million/> (дата обращения: 05.09.2018).

¹ Ким Чен Ын сделал фото с сингапурскими министрами. https://www.gazeta.ru/lifestyle/news/2018/06/11/n_11645275.shtml; Дональд Трамп селфи с собой оценил в 70 000 долларов. <https://www.vladtime.ru/polit/691402>; По пути на саммит Макрон сделал селфи с таллинцами. <http://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=79671066>.

20. *Millennials Selfies: Young Adults Will Take More Than 25,000 Pictures Of Themselves During Their Lifetimes: Report* <https://www.ibtimes.com/millennials-selfies-young-adults-will-take-more-25000-pictures-themselves-during-2108417> (дата обращения: 06.09.2018).

21. *Гринькова Е.А.* Селфи – взгляд на историю культурного феномена // *Современные научные исследования и инновации*. 2015. № 1, ч. 3. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/40930> (дата обращения: 16.09.2018).

22. *Шичанина Ю.В.* Личностные трансформации в условиях интенсивных межцивилизационных коммуникаций: смысловая рефлексия // *Социум и власть*. 2016. № 3. С. 112–116.

23. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. М.: Ваклер, Рефл-бук, АСТ, 1997. 336 с.

24. *Бургер Пётр.* Пользователи становятся идиотами. Главные теории селфи. URL: <https://republic.ru/biz/1100720/> (дата обращения: 14.09.2018).

25. *Конева А.В.* Нарративы идентичности: модные блоги в пространстве Сети // *Вопросы культурологии*. 2015. № 4. С. 78–84.

26. *Рокамора А., Бартлет Дж.* Модные блоги: новые пространства рассуждения о моде // *Теория моды: Одежда. Тело. Культура*. 2011. № 20. С. 319–326.

Anna V. Koneva, St. Petersburg State Institute of culture (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: akoneva@list.ru

Anastasia A. Lisenkova, Perm State Institute of culture (Perm, Russian Federation).

E-mail: oskar46@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 214–228.

DOI: 10.17223/22220836/32/21

“A DAY WITHOUT A SELFIE IS A WASTED DAY” OR DIGITAL VISUAL STRATEGIES OF SELF-IDENTIFICATION

Keywords: selfie; visualization; digitalization; identity; virtualization; representation; mobility; Internet; photography.

Various approaches to the definition of the Selfie phenomenon in their close relationship with the development of the information and communication space are analyzed. We note that, under the influence of digital technologies, there have been changes in the formats of communication and representation that have displaced a significant part of communication in the visualized space of the virtual network, which is associated with the transformation of identification strategies in general. Thanks to new technologies, a person who does not have professional skills can quickly make many of his own photos on the move. This process can be treated as a process of identification, because this person visualizes, attributes and appropriates the “image of I” through relationships to Others and through experiments with his own Self. This constant desire to fix one's being is a performance of identity, which is expressed in the need for self-categorization through a visual narrative. Bright carnival images of the “edited Me” became signs of the modern world, in which the instability of all identification processes becomes the basis for the manifestation of these changes. In this stream of technological change and the pressure of new technologies, Selfi allowed to make visible the presence of a person in the global network space. This presence acquires emotional humanized features and gives rise to a new imagery and modularity of the Self, allowing to see (look) myself through the eyes of the Other, making a figurative path to self-knowledge through self-contemplation and identification with the Other.

The analysis of the received empirical data is presented, on the basis of which results different strategies of identification and representation are revealed. The conclusion is made that Selfi today becomes not only a technology of preserving its history, formats of a visualized diary and the appearance of itself to the world, but it ensures the inclusion of a person in all spheres of life, social recognition, verification and representation of one's own identity.

References

1. Eler, A. (n.d.) *Theory of the Selfie*. [Online] Available from: <http://hyperallergic.com/94461/theory-of-the-selfie/>. (Accessed: 12th September 2018)

2. Denikin, A.A. (2016) *Tsifrovaya fotografiya i sovremennoe iskusstvo* [Digital Photography and Contemporary Art]. Moscow: Nestor-Istoriya.

3. The Official Web Site of the Nobel Prize. (2009) *The Nobel Prize in Physics 2009*. [Online] Available from: https://www.nobelprize.org/nobel_prizes/physics/laureates/2009/. (Accessed: 10th August 2018)

4. Ferraris, M. (2010) *Ty gde? Ontologiya mobil'nogo telefona* [Where are you? Ontology of mobile phone]. Translated from Italian by K. Timenchik, M. Ustyuzhaninova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Koneva, A.V. (2004) *Sredniy klass: mifologiya uspekha* [Middle class: mythology of success]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik of Samara State University*. 1(31). pp. 5–15.
6. Rainie, L. & Wellman, B. (2012) *Networked. The New Social Operating System*. London: MIT Press.
7. Koneva, A.V. (2009) “Podiumnoe soznanie” v epokhu kul'tury razlichiya [“Podium consciousness” in the era of cultural differences]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 4(189). pp. 53–58
8. Zimmel, G. (1996) *Sozertsanie zhizni* [Contemplation of Life]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Yurist". pp. 266–291
9. Maffesoli, M. (n.d.) *Tribalisme postmoderne De l'identité aux identifications* [Postmodern Tribalism From identity to identifications]. [Online] Available from: <http://www.la-science-politique.com/revue/revue2/papier5.htm>. (Accessed: 14th September 2018)
10. Pogantseva, D.V. (2013) Selfie kak sovremenniy sotsio-psikhologicheskii fenomen [Selfie as a modern socio-psychological phenomenon]. *Kontsept*. 12. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2013/13263.htm>. (Accessed: 9th September 2018)
11. Barthes, R. (1997) *Camera Lucida. Kommentarii k fotografii* [Camera Lucida. Comments on the photo]. Translated from French by M. Ryklin. Moscow: AdMarginem.
12. Testograf. Ru. (n.d.) *Avtorskiy opros "Selfi"* [Author's survey “Selfie”]. [Online] Available from: <https://www.testograf.ru/ru/oprosi/aktualnie/b0083ed0315166e6a.html>.
13. Kilner, J. (n.d.) *The Curated Ego: What Makes a Good Selfie?* [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/blogs-magazine-monitor-25763704>. (Accessed: 5th September 2018)
14. Mead, G. (1994) Internalizovannye drugie i samost' [Internalized others and self]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociology]. Moscow: Moscow State University.
15. Turkle, S. (2011) *Alone together. Why we expect more from technology and less from each other*. New York: Basic Books.
16. Surova, E.E. (2010) *Identichnost'. Identifikatsiya. Obraz* [Identity. Identification. Form]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
17. Tulchinskii, G.L. (2013) *Total Branding: mifodizayn postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total Branding: the post-information society myth design. Brands and their role in modern business and culture]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
18. Sontag, S. (2013) *O fotografii* [On Photography]. Translated from English by V. Golyshev. Moscow: Ad Marginem.
19. Google. (n.d.) *Google Photos: One year, 200 million users, and a whole lot of selfies*. [Online] Available from: <https://www.blog.google/products/photos/google-photos-one-year-200-million/>. (Accessed: 5th September 2018)
20. Glum, J. (2015) *Millennials Selfies: Young Adults Will Take More Than 25,000 Pictures Of Themselves During Their Lifetimes: Report*. [Online] Available from: <https://www.ibtimes.com/millennials-selfies-young-adults-will-take-more-25000-pictures-themselves-during-2108417>. (Accessed: 6th September 2018)
21. Grinkova, E.A. (2015) Selfi – vzglyad na istoriyu kul'turnogo fenomena [Selfies – a look at the history of the cultural phenomenon]. *Sovremennyye nauchnye issledovaniya i innovatsii – Modern Scientific Researches and Innovations*. 1(3). [Online] Available from: <http://web.snauka.ru/issues/2015/01/40930>. (Accessed: 16th September 2018).
22. Shichanina, Yu.V. (2016) Personal transformations in the context of intensive civilizational communications: life-purpose reflexion. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 3. pp. 112–116. (In Russian).
23. Campbell, J. (1997) *Tsyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Translated from English by A. Khomik. Moscow: Vakler, Refl-buk, AST.
24. Birger, P. (n.d.) *Pol'zovateli stanovyatsya idiotami. Glavnye teorii selfi* [Users become idiots. The main theory of selfie]. [Online] Available from: <https://republic.ru/biz/1100720/>. (Accessed: 14th September 2018).
25. Koneva, A.V. (2015) Narrativy identichnosti: modnye blogi v prostranstve Seti [Identity narratives: fashion blogs in the Web space]. *Voprosy kul'turologii*. 4. pp. 78–84.
26. Rocamora, A. & Bartlet, J. (2011) Modnye blogi: novye prostranstva rassuzhdeniya o mode [Fashion blogs: new spaces of fashion discourse]. *Teoriya mody: Odezhda. Telo. Kul'tura*. 20. pp. 319–326.

УДК 008

DOI: 10.17223/22220836/32/22

В.Г. Водопьян, К.В. Хамаганова

ВИЗУАЛЬНЫЕ КОДЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассматриваются особенности формирования культурной идентичности в современных условиях, исследуются исторические предпосылки осмысления понятий «идентичность» и «культурный код» в зарубежной и российской науке. Авторы выявляют некоторые аспекты формирования культурной идентичности и особенности влияния визуальных медийных кодов на формирование новой идентификационной модели.

Ключевые слова: культурная идентичность, культурный код, визуальные коммуникации, идентификационная модель, медиaprостранство.

Вводная часть

В статье мы обращаемся к популярному и до сих пор дискуссионному феномену культурной идентичности, который, как мы уверены, претерпевает существенные трансформации под влиянием современной информационной культуры, в частности визуальных медиа. Культурная идентичность рассматривается нами как перманентный процесс, в котором, с одной стороны, формируются личностные культурные концепты, а с другой – этот процесс является своего рода итогом становления новой идентификационной модели, основанной на влиянии визуальных медийных кодов.

Концепт идентичности: от психологии к культурологии

Человек, будучи существом биосоциальным по своей природе, испытывает потребность в изучении окружающего мира и коммуникаций в обществе, которое происходит путем самоотождествления себя с целями, идеями и взглядами, принятыми в окружающих его группах и культурах. С точки зрения гуманитарных наук, этот процесс самоотождествления и обозначается термином «идентичность». Так, Э. Эриксон, характеризуя понятие идентичности, отмечал, что она выступает фундаментом любой личности и показателем ее психосоциального благополучия. При этом автор актуализирует идентичность через тождественность: как осознание личностью своей автономной индивидуальности, как личностную идентичность (тождество личных и социально принятых мировоззренческих установок) и включенность личности в некоторую общность [1].

Психологический аспект идентичности предложен Е. Якимовой, которая определяет идентичность как «психологическое представление человека о своём Я...» [2. С. 239].

С точки зрения философии, «идентичность – это не свойство (нечто присущее индивиду изначально), но отношение. И в строгом смысле слова идентичность может быть атрибутирована только индивидами, поскольку только

индивиды обладают качеством субъектности и соответственно способны относить или не относить к себе определенные значения» [3. С. 77]. Продолжает данную мысль О.Н. Павлова: «...идентичность – относительно устойчивая и в большей или меньшей степени осознанная система представлений индивида о самом себе, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и других людей» [4. С. 3].

В современной культурологии широко используется понятие культурной идентичности, что связано с необходимостью упорядочения человеком своей жизнедеятельности, особенно важного в условиях сосуществования с другими людьми. Для этого человек должен добровольно принять господствующие в данном сообществе элементы сознания, вкусы, привычки, нормы, ценности и иные средства взаимосвязи, принятые окружающими его людьми. **Культурная идентичность, таким образом,** формирует ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом, а также предопределяет формирование у индивида устойчивых качеств, благодаря которым формируются его бинарное мышление, система оценочных суждений, возможность выбора ценностных ориентиров, что выступает основанием для построения собственной коммуникативной модели. Следовательно, «сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценностных ориентаций и языка, понимании своего Я с позиций тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, самоотождествлении себя с культурными образцами данного общества» [5. С. 57].

Собственно культурологический аспект идентичности раскрывается через осмысление «культурной идентификации как самоощущения человека внутри конкретной культуры» [6. С. 72]. Такое определение очень близко понятию «этничность», означающему комплекс чувств от осознания собственной принадлежности или «индивидуальное соотнесение личности с культурно-отличительной общностью» [7. С. 214]. Отождествление индивида с этносом, к которому он принадлежит, а также выработка культурного осознания на основе общих исторических символов, принятых в среде обитания, является этнической культурной идентичностью. При этом происходит отождествление себя относительно других этнических групп [8]. Вследствие возникновения сложностей в самоидентификации по социокультурным признакам и распространению межкультурной коммуникации, индивид ищет способы и механизмы распознавания неких культурных знаков и символов, дающих ощущение принадлежности к группе, стабильности и безопасности. Продолжая рассуждения, отметим, что здесь мы уже имеем дело с выявлением, описанием и систематизацией культурных форм, выступающих важнейшим механизмом транслирования культуры посредством определенных знаков и правил. Под последними мы понимаем тот культурный код, который формирует культурную идентичность.

Культурный код

Культурный код представляет собой традиционный устойчивый способ передачи знаний о мире, а также навыков и умений в данной культурной эпохе.

С.А. Халеева дает определение культурного кода: «Код – это модель, четкие правила и устоявшиеся принципы для формирования информацион-

ного ряда, т.е. последовательности конкретных сообщений. Все коды могут быть сопоставлены между собой на базе общего кода – более простого и всеобъемлющего. Сообщение, культурный текст может открываться разным прочтением в зависимости от используемого кода. Код позволяет проникнуть на смысловой уровень культуры, и без знания кода культурный текст окажется закрытым, не понятным, не воспринятым» [9. С. 79].

Индивид воспринимает не систему значений, а только систему знаков. Для функционирования культурному коду необходимы такие качества, как универсальность, открытость к изменениям, самодостаточность для производства, передачи и сохранения.

В соответствии с классификацией глобальных типов культуры М. Маклюэна авторы Г. Аванесова, И. Купцова, В. Красных выделяют: коды дописьменных культур; коды письменных культур; коды экранных культур [10–12].

Дописьменная (традиционная) культура, берущая свое начало в ранне-первобытную эпоху (1 000 000–40 000 лет назад), основывалась на необходимости сопряжения предметного мира и природы. Складывался мифологический культурный код. Развиваясь и видоизменяясь, он сохранял связи с предыдущими «версиями», обеспечивая культурную самодостаточность.

На смену дописьменной культуре на рубеже IV–III тысячелетий до н. э. пришла письменная (книжная) культура, существующая по настоящее время и развивающаяся в соответствии с потребностями представителей локальных культур. Знания передаются на основе визуальных средств коммуникации, имеют ясную форму своего выражения, а значит, главным органом становится зрение.

Развитие информационных технологий к середине XX в. формирует коды экранной культуры, меняя основные компоненты воздействия культурного кода. Формируется информационно-знаковая концепция культуры, для которой характерна и новая идентификационная модель, основанная на сращивании логического и образного, синтезе понятийного и наглядного, актуализации «интеллектуальной образности» и чувственного моделирования.

Вышеперечисленные культурные коды можно сопоставить с историко-культурным процессом развития, описанным М.С. Каганом. Так, первая фаза обусловлена переходом от первобытной культуры к культуре традиционной, патриархальной, что определяет появление кодов дописьменных и письменных культур. Вторая фаза соответствует переходу от культуры традиционной к культуре креативной. Третья фаза – переломная и глубоко кризисная – эпоха постмодернизма. Здесь, очевидно, уместно говорить о формировании экранного кода культуры, когда реализация знаков в новом культурном формате значительно расширяет область культурного воздействия на трансформацию социума. «С середины XX века цивилизация переходит к стадии антропоцентризма, концентрируя свои силы и возможности на реальном человеческом существовании» [13. С. 8–9].

Если рассматривать культурный код как совокупность знаков и систему определенных правил, то возникает вопрос о необходимости его применения. И здесь мы имеем дело с проблемой перехода от мира сигналов к миру смысла. Культурный код – это то, что позволяет дешифровать преобразованные значения в смысл. Особенно актуально декодирование в процессе расшифровки визуальных сигналов, поступающих из масс-медиа.

Современная визуальная среда выступает одновременно актуальной информационной площадкой и инструментом моделирующей коммуникации. Основой кода визуальных медиа выступает потребность трансляции определенной информации в режиме «реального присутствия», что обеспечивается изобразительными возможностями коммуникации (особенно посредством ТВ и Интернет). Характерной чертой визуальных кодов выступает и их способность конструировать социальное пространство посредством репрезентации различных точек зрения и культурных моделей. Универсальность и открытость визуальных кодов проявляются в отсутствие четких границ их контента, временных периодов, социокультурных моделей, условий конструирования и трансляции.

Визуальные коды масс-медиа и идентичность

Важнейшим инструментом ориентации в пространстве является визуальное восприятие окружающей среды и объектов. Визуальная коммуникация осуществила активную экспансию в различные сферы человеческой деятельности, определив появление новой идентификационной модели. Ее характерные черты связаны с важностью визуального восприятия в процессе коммуникации. Одной из основных причин формирования нового идентификационного кода стала информационная перенасыщенность. При этом зрительно воспринимаемые образы должны быть максимально простыми и наглядными, т.е. максимально «визуальными», что позволит аудитории быстрее декодировать и усваивать получаемую информацию.

Технологический прогресс ускорил процесс получения и анализа информации, а также за счет технических устройств расширил сферу восприятия визуальной информации, существенно увеличив количество искусственно созданных визуальных сигналов появлением виртуального пространства. Визуализация контента создает для индивида эффект вовлеченности, тотальной видимости происходящего, а также дает возможность трансляции и контроля информации. Это, в свою очередь, способствует формированию новой идентификационной культурной модели, при которой получаемая информация подвергается эмоциональной и ценностной интерпретации, основанной на восприятии индивидом самого себя. Другими словами, происходит трактование образов «в плане их существования, т.е. с точки зрения действия или способа бытия, который уже связан с ними в мире. С этой же точки зрения мы понимаем и себя, только в отношении нашего участия с другими и в контексте общих смыслов социального мира» [14. С. 115]. Следовательно, выводы, получаемые в процессе обработки, напрямую связаны с самоидентификацией индивида. «Видимость идентичности как фактор современной социокультурной ситуации чрезвычайно важна в понимании сути современных визуальных коммуникаций. Визуальные коммуникации (в рациональном смысле) есть как раз то, что происходит между разными идентичностями, что посредством языка визуальных образов позволяет различным субъектам вести такой содержательный диалог, результатом которого становится осмысленное отстраивание субъектов друг от друга, т.е. прочерчивание границ собственной идентичности и их последующая коррекция» [15. С. 69].

Процесс самоидентификации обладает высокой степенью динамичности, оставляя индивиду полную свободу выбора вариантов самопрезентации, вы-

страивания образа и системы ценностей. Подвижные границы в выборе идентификационной модели делают социальные связи менее значимыми в процессе формирования идентичности за счет возможности избегания разрушения связей между индивидом и его окружающим миром. Таким образом, индивид в процессе жизнедеятельности формирует, корректирует культурную идентичность посредством персональной адаптации к происходящим внешним и внутренним культурным изменениям. Последние уместно рассматривать в качестве идентификационных процессов, определяющих глобализацию, динамичность XX–XXI вв. и построение общей картины мира. Возможность свободного выбора и смешение традиций создают сложную современную модель культурной идентичности. При этом важно, что каждый появляющийся тип идентичности представляет собой новую тенденцию в идентификационной программе, сохраняя и предшествующие версии, что подтверждает отсутствие жестких рамок в существующей модели.

Современная идентификационная модель имеет собственные характерные особенности и проблемные аспекты:

- осознание своей принадлежности к какой-либо социальной группе и противопоставление себя другой делают индивида «чужим»;
- индивидуализм, проявляющийся в ослаблении привязанности к семье и культурным обычаям места рождения, а также дроблении глобальных групп (религия, гражданство, национальность и т.д.);
- смешение малых групп самоидентификации с традиционными группами стирает границы между ценностями, стереотипами этнических групп и национальных общностей, усложняет процесс выбора личностной идентификационной модели;
- частичное упразднение языковых, временных, технических и географических коммуникационных барьеров является источником проблемы культурной идентичности;
- упразднение семейных и национальных культурных ограничений приводит к сложности отождествления индивида с той или иной социальной группой;
- расширение культурного выбора посредством дистанционного образования, удаленной работы, виртуальных экскурсий усложняет осознание вовлеченности в общее, создает некоторую дистанцированность;
- нарушение преемственности, причиной которой стала глобализация. Предыдущие модели самосознания становятся недееспособными, не выработаны механизмы компенсации и замены, что приводит к идентификационному дискомфорту.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что идентификационная модель представляется размытой, что связано с пересечением в социокультурном пространстве различных культурных кодов. Визуальные коды, создаваемые и транслируемые в медиапространстве, являются актуальными и глобальными инструментами формирования культурной идентичности. В то же время культурная идентичность определяет контекст и характер визуальных кодов современного медиапространства. Подобное рассмотрение особенностей формирования культурной идентичности получает в наше время не только социально-философскую значимость, но и реальный социокультурный смысл.

Литература

1. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ., общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Флинта: МПСИ : Прогресс, 2006. 352 с.
2. Якимов Е.В. Идентичность психосоциальная // Культурология. XX век : Энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. СПб. : Университетская книга : Алетейя, 1998. С. 239–241.
3. Борисова О.А. Проблематизация выделения социологии идентичности в структуре социологического знания // Вестник Удмуртского университета. Сер. Социология и философия. 2003. Сентябрь. С. 75–88.
4. Павлова О.Н. Идентичность: история развития взглядов и ее структурные особенности. М., 2001. 4 с.
5. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. М. : Кнорус, 2014. 254 с.
6. Тюрменко И.И., Горбула А.Д. Культурология: теория и история культуры : учеб. пособие. Киев : Центр учебной литературы, 2004. 427 с.
7. Тишков В.А. Реквием по этносу : Исследования по социально-культурной антропологии. М. : Наука, 2003. 544 с.
8. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. : Либроком, 2012. 440 с.
9. Халева С.А. Экспликация биоморфного культурного кода в английских суевериях // Журнал Университетские чтения–2017. Пятигорск: ПГЛУ, 2017. С. 79–83
10. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2007. 464 с.
11. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства : вопросы филологии, искусствоведения и культурологии : сб. ст. по материалам XLVII Междунар. науч.-практ. конф. № 4 (47). Новосибирск : СибАК, 2015. С. 157–167.
12. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 282 с.
13. Запесоцкий А.С. М.С. Каган : Выдающийся теоретик культуры // Творческое наследие М.С. Кагана : традиции и трансформации в современной культуре. СПбГУП, 2011. URL: <http://www.gup.ru/uni/rektor/511.pdf> (дата обращения: 01.10.2018).
14. Aho K. Existentialism: An Introduction. Cambridge (UK), 2014. 224 p.
15. Салмин Л.Ю. Визуальные коммуникации. Новая реальность // Архитектон: известия вузов. 2016. № 56. Декабрь. URL: http://www.archvuz.ru/2016_4/5 (дата обращения: 01.10.2018).

Veniamin G. Vodopyan, Saint-Petersburg State University of Culture and Arts (Saint-Petersburg, Russian Federation).

E-mail: vodopyan.v@gmail.com

Ksenia V. Hamaganova, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint-Petersburg, Russian Federation).

E-mail: khamaganova@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 229–235.

DOI: 10.17223/22220836/32/22

VISUAL CODES OF CULTURAL IDENTITY IN MODERN MEDIA SPACE

Keywords: cultural identity; culture code; visual communications; identification model; media space.

The article considered the features of the cultural identity formation in modern reality, examines the historical background of understanding of “identity” and “cultural code” concepts in foreign and Russian science. The author reveals some aspects of the cultural identity formation and features of the visual media codes influence on the new identification model formation.

We consider cultural identity as a permanent process, in which, on the one hand, personal cultural concepts are formed, and on the other, this process is a result of the formation of a new identification model based on the visual media codes influence.

Cultural identity forms a person's value attitude to himself, other people, society and the world as a whole, and also predetermines the formation of an individual's stable qualities, which form his binary thinking, value judgment system, the possibility of choosing value orientations, which acts as the basis for building individual communicative model.

Due to the emergence of difficulties in self-identification based on sociocultural characteristics and the spread of intercultural communication, an individual is looking for ways and mechanisms to

recognize certain cultural signs and symbols. By symbols we mean cultural code that forms the cultural identity.

The cultural code allows to decrypt the transformed values into meaning. Decoding is especially important in the process of decrypting visual signals from the mass media. A modern visual environment is at the same time a relevant information platform and a tool for modeling communication. Its characteristics are related to the importance of visual perception in the communication process. Content visualization creates for the individual the effect of involvement, the total visibility of what is happening, and also enables the transmission and control of information. This contributes to the formation of a new identification cultural model, it means that conclusions obtained in the course of processing are directly connected with the self-identification of the individual.

The process of self-identification has a high degree of dynamism, leaving the individual complete freedom to choose options for self-presentation. The possibility of free choice and blending of traditions create a complex modern model of cultural identity. At the same time, it is important that each emerging type of identity represents a new trend in the identification program, while preserving the previous versions, which confirms the absence of a rigid framework in the existing model.

Identification model appears blurry, which is associated with the intersection of various cultural codes in the socio-cultural space. Visual codes, created and broadcast in the media space, are relevant and global tools for the formation of cultural identity. At the same time, cultural identity determines the context and nature of the visual codes of the modern media space.

References

1. Erikson, E. (2006) *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Translated from English by A.V. Tolstykh. Moscow: Flinta.
2. Yakimova, E.V. (1998) Identichnost' psichosotsial'naya [Psychosocial identity]. In: Levit, S.Ya. (ed.) *Kul'turologiya. XX vek* [Culturology. The 20th century]. Vol. 1. St. Petersburg: Universitetskaya kniga; Aletyeya. pp. 239–241.
3. Borisova, O.A. (2003) Problematizatsiya vydeleniya sotsiologii identichnosti v strukture sotsiologicheskogo znaniya [Problematization of the identification of sociology of identity in the structure of sociological knowledge]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Sotsiologiya i filosofiya – The Bulletin of Udmurt University. Sociology and Philosophy*. September. pp. 75–88.
4. Pavlova, O.N. (2001) *Identichnost': istoriya razvitiya vzglyadov i ee strukturnye osobennosti* [Identity: the history of development of views and its structural features]. Moscow: [s.n.].
5. Sadokhin, A.P. (2014) *Vvedenie v teoriyu mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Introduction to the theory of intercultural communication]. Moscow: KIORUS.
6. Tyurmenko, I.I. & Gorbula, A.D. (2004) *Kul'turologiya: teoriya i istoriya kul'tury* [Cultural Studies: Theory and History of Culture]. Kyiv: Tsentr uchebnoy literatury.
7. Tishkov, V.A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for ethnos: Research on the socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka.
8. Bromley, Yu.V. (2012) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Librokom.
9. Khaleeva, S.A. (2017) *Eksplikatsiya biomorfnoy kul'turnogo koda v angliyskikh suyeveryiyakh* [Explication of the biomorphic cultural code in English superstitions]. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University. pp. 79–83
10. McLuhan, M. (2007) *Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka* [Media Understanding: External Human Extensions]. Translated from English. Moscow: Kuchkovo pole.
11. Avanesova, G.A. & Kuptsova, I.A. (2015) Kody kul'tury: ponimanie sushchnosti, funktsional'naya rol' v kul'turnoy praktike [Culture codes: understanding of the essence, functional role in cultural practice]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii*. 4(47). Novosibirsk: SibAK. pp. 157–167
12. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow: Gnozis.
13. Zapesotskiy, A.S. (2011) M.S. Kagan: Vydayushchiysya teoretik kul'tury [M.S. Kagan: An outstanding cultural theorist]. In: Kaisarov, E.A. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie M.S. Kagana: traditsii i transformatsii v sovremennoy kul'ture* [M.S. Kagan: traditions and transformations in modern culture]. [Online] Available from: <http://www.gup.ru/uni/rektor/511.pdf>. (Accessed: 1st October 2018).
14. Aho, K. (2014) *Existentialism: An Introduction*. Cambridge (UK).
15. Salmin, L.Yu. (2016) Vizual'nye kommunikatsii. Novaya real'nost' [Visual communication. New reality]. *Arkhitekton: izvestiya vuzov*. 56. [Online] Available from: http://www.archvuz.ru/2016_4/5. (Accessed: 1st October 2018).

УДК 304

DOI: 10.17223/22220836/32/23

Л.В. Пейгина

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ, ПОСТРОЕННЫЕ В ГРАНИТЕ: СОЕДИНЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРАТЕГИЙ В ПРАКТИКАХ ФАНДОМНОГО ТВОРЧЕСТВА

В статье предпринята попытка показать, как члены фандомных сообществ соединяют в своём творчестве исследовательскую и художественную стратегии, на примере текстов фанфиков, комментариев к ним и прочих материалов, относящихся к фан-сообществам. Проведённый анализ позволил выделить ряд характеристик исследовательской стратегии членов фандомных сообществ в её взаимосвязи с художественной стратегией, что позволило заключить, что фанфикшн является наглядной иллюстрацией процессов, происходящих в современной науке и культуре. Опровергая бинарные оппозиции, он размывает границы в целом, в том числе границы между объективностью научного поиска и субъективностью художественного творчества, но одновременно придаёт вес индивидуальному опыту и верифицирует индивидуальные границы, выстраиваемые членами фандомных сообществ.

Ключевые слова: фанфикшн, фандомная культура, постмодерн, бинарные оппозиции, стратегии чтения-письма.

Фанфикшн – творчество на основе уже созданного, поэтому часто подвергается нападкам в связи со своей сущностной «вторичностью» как не приводящее к созданию ничего принципиально нового. Правда, многие исследователи считают фанфикшн важным источником информации о том, как меняются в современном мире стратегии чтения и письма, и обращают внимание на то, что феномен фанфикшн необходимо рассматривать в контексте всей современной культуры, в которой размываются границы между автором и читателем, создателем и потребителем. Некоторые исследователи идут ещё дальше, доказывая, что преобразующие возможности фанфикшн гораздо шире, чем принято представлять это даже в рамках фандомных исследований [1].

Однако важным ключом к пониманию фанфикшн как феномена современной культуры служит тот факт, что фандомные сообщества не только изобретают уникальные стратегии чтения-письма, но и в процессе своей творческой деятельности заимствуют стратегии из других областей жизни. В частности, в данной статье в фокусе исследовательского внимания окажется пересечение «художественной» и «исследовательской» стратегий, и в этом смысле фанфикшн служит наглядной иллюстрацией процессов, происходящих в современной культуре.

Для того чтобы показать, как члены фандомных сообществ соединяют в своём творчестве исследовательскую и художественную стратегии, были проанализированы тексты фанфиков, комментарии к ним и прочие материалы, относящиеся к фан-сообществам. Была поставлена задача выявить специфические характеристики исследовательской стратегии членов фандомных сообществ в её взаимосвязи с художественной стратегией и раскрыть их влияние друг на друга.

Постмодернистская культура, дробя картину мира, одновременно стирает границы между различными областями жизни и упраздняет иерархию. Классический подход к науке предполагает старательное «очищение» научного метода от всякой субъективности с целью создания единственно верной, объективной картины мира. Постмодернистская позиция, напротив, «предполагает наличие в картине мира как научного, так и вненаучного знания» [2. С. 11], настаивая на невозможности создания единой для всех универсальной модели. Новое отношение к миру, согласно И. Пригожину, «предполагает сближение деятельности ученого и литератора» [3].

Это сближение основано на смешении и взаимопроникновении стратегий. Существуют исследования, показывающие, как современная наука постепенно «допускает» в себя компоненты, которые прежде отвергала; указывается на то, что научное знание персонализируется и индивидуализируется, что сближает науку с литературой. Однако поскольку этот процесс происходит из изменений, происходящих в культуре и способах осмысления реальности, он одновременно направлен и в обратную сторону. «Поэтому можно утверждать, что художник сознательно или подсознательно всегда является одновременно ученым. ...В этой связи можно говорить о наличии своеобразной «научной компоненты» в художественном творчестве» [2. С. 17]. В научной литературе, однако, можно встретить сравнительно немного исследований, посвящённых этому самому «научному компоненту» в художественном творчестве. По мнению автора данной статьи, исследование феномена фанфикшн может раскрыть новые аспекты процесса взаимопроникновения этих стратегий, как они протекают в современной культуре.

Исследователи обращают внимание на то, что источником вдохновения авторов фанфикшн часто являются некие «пробелы» или «лакуны» в исходном произведении. Существует даже специальный термин для работ, призванных «воссоздать» сцены, которые по тем или иным причинам были опущены или недостаточно раскрыты в каноне, – «пропущенный эпизод» («missing scene»). Обычно считается, что пропущенный эпизод должен полнее раскрывать канонные сюжетные ходы. Например, в фанфике «Желчь броненосца» автора Кицунэ Миято по миру «Гарри Поттера» [4] описываются события седьмой книги с точки зрения Невилла Лонгботтома, который противостоит Пожирателям смерти в Хогвартсе, в то время как Гарри Поттер с друзьями занят поиском крестражей. В каноне повествование сосредоточено на Гарри, и читатель лишь в общих чертах знает о том, что происходило в это время в Хогвартсе, хотя роль Невилла, который в отсутствие главных героев взял на себя руководство студенческим сопротивлением, вполне ясно следует из канона. В «Желчи броненосца» эта часть истории показана, а не просто обозначена – фикрайтер выступает в качестве исследователя-реконструктора, который, основываясь на общих сведениях, почерпнутых из канона, достраивает события. Но это исследование нельзя назвать беспристрастным. Например, в фанфике Северус Снейп остаётся в живых (о чём знает лишь Невилл), что казалось бы прямо противоречит канону (более подробно проблема восприятия смерти Снейпа в фандоме будет рассмотрена далее). Становится ясно, что понятие «пропущенного эпизода» трактуется фикрайтером более широко, чем могло показаться изначально. Хотя сама Кицунэ Миято в комментариях в ответ на сетования одного из читателей по

поводу краткости фанфика замечает: «Если расписывать, то это уже совсем перепись канона (а я такое не очень люблю), лучше просто заложить фундамент мысли, а читатели могут строить воздушные замки своих размышлений и фантазий». Из этого комментария следует, что автор, с одной стороны, сознательно ограничивает свою фантазию, чтобы не переписать канон «уже совсем», а с другой – желает вовлечь читателей в диалог с текстом, предлагая им карт-бланш на выстраивание собственных интерпретаций.

Довольно часто в комментариях к текстам фанфикшн разворачиваются подробные обсуждения тех или иных аспектов текста или шире – канона вообще, в которых автор и читатели могут коммуницировать на равных. В этом смысле тексты фанфикшн являются подлинно полифоническими текстами культуры, в терминологии Ж. Деррида, т.е. «текстами, осуществляющими деконструкцию сложившихся бинарных оппозиций, на которых основана классическая культура» [5. С. 122]. Эти тексты снимают противостояние между «автором» и «читателем», а также между исследовательской и художественной стратегиями.

На примере «Желчи броненосца» можно проследить сложное взаимодействие между «исследованием канона» и выстраиванием художественного мира нового текста, который обладает собственной художественной правдой. Часто можно увидеть, что разные пользователи полярно расходятся в своих оценках того, насколько автору фанфика удалось сохранить «каноничный» характер персонажей. Это важное следствие «полифоничности» фанфикшн. Анализ текстов и комментариев к ним демонстрирует, что не существует какой-то чёткой, единой для всех границы перехода от «следования канону» к авторскому произволу, хотя бы потому, что не существует общего для всех понимания характеров и мотивов героев первоисточника. Этот факт отразило бытование в фандомной среде термина «хэдканон», означающего индивидуальное понимание и интерпретацию членом фандома тех или иных персонажей и реалий канона. Зачастую члены фандома с пониманием относятся к существованию чужих хэдканонов, отличных от их собственных. Например, в комментариях к фанфику «Архивариус» автора La donna [6] можно прочесть диалог между автором и пользователем под ником skafka, в котором комментатор утверждает, что видение автора интересно, хотя и не совпадает с его хэдканоном. На что La donna отвечает, что ожидала критики, поскольку, будучи знакомой с текстами skafka, «видела полное несовпадение хэдканонов»; skafka на это возражает, что отнюдь не считает свой хэдканон истиной в последней инстанции, поскольку знает за собой склонность к излишне смелым интерпретациям.

Но всё-таки далеко не всегда несовпадение в трактовке характеров персонажей воспринимается спокойно и благожелательно, будучи отнесённым к несовпадению хэдканонов (о которых, как о вкусах, не спорят). Часто представители сообщества вовлекаются в яростные споры по поводу тех или иных деталей, настаивая на своём и аргументируя свою точку зрения. В этих спорах также прослеживается исследовательская стратегия членов фандома. Например, в комментариях к статье автора Золнышко «Мать Героя – далеко не идеальна!» [7] разыгрываются жаркие дискуссии по поводу личности Лили Эванс – матери Гарри Поттера. Пользователь под ником Скрывающиеся под масками, доказывая, что Лили свойственна гордыня, обращает внимание на её имя: «Фактически, через её имя получается Лилит Ева – обе жены Ада-

ма!»). На что пользователь Мелания Кинешемцева парирует: «Думаю, Роулинг как христианка вряд ли могла дать матери главного положительного героя имя, отсылающее к дьяволице». Затем пользователем анализируется символическое значение цветка лилии в культуре. Далее в комментариях к той же статье пользователь Obscurial_girl приводит целый ряд аргументов в защиту «аутизма» Снейпа, опираясь на разные эпизоды из книг и фильмов, а пользователь под ником Джарет, также с опорой на канон, доказывает, что Снейп не аутист, а созависимый.

Мы видим, что члены фандома примеряют на себя то роли искусствоведов, пытаясь через интерпретацию символов расшифровать код текста, то психиатров, стремящихся поставить диагноз персонажу. Зачастую исследования их весьма оригинальны. Так, в середине 2000-х пользователь под ником Friyana подробно рассмотрела главных персонажей поттерианы с точки зрения астрологии [8]. В снискавшем необыкновенную популярность в фандомной среде фанфике «Гарри Поттер и методы рационального мышления» Элизер Юджовски анализирует и проверяет на прочность разные аспекты магического мира, используя для этого скорректированную версию главного героя: в его фанфике Гарри растёт в семье университетских профессоров и привык подвергать критическому анализу буквально всё, что встречается на его пути. Например, оказываясь перед сейфом с золотом в волшебном банке Гринготтс, он начинает задавать гоблину-проводнику вопросы о магической экономике. Пользователь под ником MajorJerry, вдохновившись этой идеей, выдвигает собственную теорию золотого галеона как «своеобразного биткоина» [9]. Пользователь Genesyum выражает сомнения в целесообразности подобных построений: «Серьёзно, искать финансовую логику в детском (изначально) произведении?». На что MajorJerry отвечает: «По мне это так наоборот интересно – сделать конструкцию логичной и непротиворечивой. Мало авторов серьёзно задумывается об устройстве экономики в своих произведениях. А зря».

Genesyum здесь выступает как бы от лица человека, внешнего по отношению к фандомному сообществу (и, шире – внешнего по отношению к фандомным практикам чтения-письма), искренне не понимая, зачем предпринимать лишние интеллектуальные усилия, изначально не предусмотренные форматом «детской» книжки. С точки зрения классического чтения, подчиняющегося авторитету автора и конвенциям жанра, в этом нет смысла. Но фандомное исследовательско-художественное, деконструктивно-реконструктивное чтение, «смесь аналитического интереса с синтетическим» [1], видит несомненную ценность в том, чтобы выйти за пределы прямо сказанного в каноне. Это поиск скрытых намёков в тексте, как если бы автор произведения думал об этом, хотя сам автор теории признаёт сомнительность этого, говоря, что мало авторов серьёзно задумывается об этом. Но вопрос о том, что хотел или не хотел сказать автор, в данном случае уходит на второй план (хотя в других фандомных дискуссиях может извлекаться на свет – см. выше аргумент Мелании Кинешемцевой о Роулинг-христианке): если конструкция не отличается логичностью и непротиворечивостью, нужно сделать её таковой, воссоздав имеющийся воздушный замок в мраморе и граните.

Всё это наводит на мысль о том, что в воображении фандомных сообществ вымышленный мир обретает «онтологический» статус, так как предполагается, что он не ограничивается фантазией автора-создателя, «прорабо-

тавшего» и воплотившего лишь отдельные его фрагменты, а выходит далеко за её рамки, становясь самостоятельным объектом, пригодным для коллективного исследования в рамках творческой преобразующей деятельности вовлечённого фандомного сообщества.

Исследовательская стратегия фанфикшн апеллирует к «онтологическому» статусу вымышленного мира, тогда как художественная – к его принципиальной вариативности.

Например, в фандоме «Гарри Поттера» существует целое движение по спасению Северуса Снейпа (который, как известно, умирает в конце седьмой книги поттерианы). В фанфиках существует множество версий его спасения, в 2007 г. пользователем под ником Уна Андель в диалоге с группой пользователей была создана «Декларация о Снейпе» [10], где приводятся доводы в защиту версии о том, что Снейп выжил. При внимательном изучении этого материала, а также ему подобных бросается в глаза противоречивое отношение к канону в фандомной среде. С одной стороны, защищается именно «каноничность» выживания Снейпа – доказывается, что Роулинг могла подразумевать это и намекать на это. Сама автор декларации завершает свой материал словами: «Снейп жив. По канону». С другой стороны, в конце всего поста с обсуждением аргументов в пользу версии о спасении Снейпа даётся следующее краткое резюме: «Давайте не будем собственными руками хоронить профессора (с этим вполне справится сама ЖКР). А профессор жив. Разными способами». Это ироничное «разными способами» как бы снова возвращает нас к концепции вариативности вымышленного мира, когда много разных людей придумывают много разных миров, в каждом из которых Северус Снейп остаётся жив, но само спасение обставляется многообразно. В какой-то момент сообщество снова переходит границу между стратегией «выискивания» в каноне доказательств этого спасения (исследовательской стратегией) и стратегией «изобретения» различных возможностей для этого спасения (художественной). Кроме того, автор-создатель Дж.К. Роулинг предстаёт то как тайный союзник, запрятавший в тексте намёки, которые лишь внимательный читатель может расшифровать, получив в награду уверенность в неизбежности желательного исхода, то как убийца, желающий во что бы то ни стало уничтожить неугодного героя вопреки справедливости, желаниям читателей и здравому смыслу. Последнее особенно важно, поскольку именно нелепость, невозможность этой смерти, исходя из логики развития событий и образа персонажа, члены сообщества пытаются доказать. Снейп не мог умереть, потому что он слишком умён и должен был предугадать дальнейшее развитие событий. В конце концов, он Мастер зелий, которому ничего не стоит сварить противоядие от яда змеи. Такие рассуждения неизбежно приводят к выводу о том, что Роулинг злонамеренно убила персонажа, которого легче лёгкого было спасти, и гнев фандома обращается на неё.

И это важное следствие из «онтологичности» вымышленного мира. Если мир выходит за рамки произведения, разрастается, обретает плоть, то точно так же он выходит за рамки воображения своего автора-создателя и, следовательно, из-под его контроля. В нём начинают действовать собственные законы, он становится самоорганизующейся, саморазвивающейся системой, и автор-создатель может по недосмотру или преследуя какие-то собственные цели «нарушить» эти законы, вызвав негодование сообщества.

Исследовательская стратегия членов фандома – это попытка лучше понять подобные «высшие» законы функционирования вымышленного мира, обретшего «онтологический» статус, и следствия этих законов, которые повлияют на жизнь персонажей и события произведения. Однако важно помнить, что стратегии никогда не отграничены друг от друга. Авторы фанфикшн, обладая меньшими правами на текст, по сравнению с автором-создателем канона, обладают и большей свободой в создании смелых и неожиданных интерпретаций и версий. Исследовательская стратегия, переплетаясь с художественной, рождает игровую – «что, если» – стратегию. Автор фанфикшн исследует уже не исходный вариант мира, а преобразованный, пытается понять, как будет выглядеть мир и будут вести себя персонажи, если внести в канон те или иные изменения. Многие авторы прямо обозначают свои мотивы как игровые. Например, Ace Ryn Knight, автор англоязычного фанфика «Deception», переведённого Riste [11], помечает в шапке фанфика: «Мне не принадлежат эти персонажи, я просто играю с ними, что-то вроде извращённой разновидности Барби для взрослых».

Однако и у фикрайтеров есть определённые «обязанности» перед «высшим законом». Ранее мы отмечали, что сообщество может выразить неудовольствие тем фактом, что характер канонных персонажей в фанфике слишком изменён (хотя взгляды членов сообщества на этот счёт могут сильно разниться). Но есть и некая более фундаментальная ответственность. Хотя фандом в целом благожелательно относится к «удовлетворению кинков¹» в тексте, это отношение уравнивается желанием сообщества видеть всё-таки художественный текст. Об этом исчерпывающе пишет в своём блоге пользователь под ником vonstrang, используя в заголовке своего поста цитату из пьесы Е. Шварца «Обыкновенное чудо»: «Стыдно убивать героев для того, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных» [12]. Он утверждает, что существуют «эстетически более ценные» способы вызвать у читателя катарсис, чем убийство героев. С другой стороны, по его мнению, недопустимо намеренно спасать героя, когда «логика развития сюжета... диктует неизбежность гибели того или иного персонажа».

Анализ комментариев к текстам фанфиков показывает, что сообщество ругает и хвалит авторов не только за следование канону или отхождение от него, но и оценивает литературные качества текста. Конечно, здесь существует ряд важных нюансов. Н.В. Самутина отмечает: «И все же не объективные качества формы и письма интересуют фандомных читательниц в первую очередь. Их интересует возможность установить персональные отношения с текстом, прочесть и пережить то, что по-настоящему волнует их самих» [13]. Для того чтобы фанфик нашёл своего адресата, в фанфикшн существует специализированная система фильтрации, призванная подготовить читателя к тому, к чем он столкнётся в тексте до того, как начнёт его читать.

В основе письма и чтения фанфикшн лежит некоторое соглашение между читателем и автором. Здесь можно видеть продолжение традиции массо-

¹ Кинк – термин, «восходящий к сленговому обозначению специфики сексуальных предпочтений. Но в современном языке фикрайтеров и читателей кинк далеко не всегда связан именно с сексуальными особенностями. Это вообще практически любая ситуация, конфигурация отношений, образ, которые вызывают наибольший отклик у конкретного фандомного читателя» [13].

вой литературы, построенной на «формулах» (Дж. Кавелти). Согласно подходу Дж. Кавелти, «литературная формула представляет собой структуру повествовательных или драматургических конвенций, использованных в очень большом числе произведений» [14]. Соответственно литературу такого рода ещё называют «конвенциональной». Это отражает тот факт, что она содержит набор некоторых условностей, порой достаточно грубых, которые читатель соглашается принимать. Это своеобразные «очки», которые читатель надевает, чтобы обрести способность адекватно взаимодействовать с текстом. В фанфикшн это соглашение во многом является гласным – применительно к каждому конкретному тексту многие пункты его зафиксированы в «шапке» фанфика. Являясь конвенцией между автором фанфика и читателем, а также набором художественных возможностей и ограничений для авторской фантазии, эти условия (жанр, размер фанфика, персонажи и т.д.) могут также рассматриваться как подобие «методологии», в рамках которой автор фанфика «исследует» мир исходного произведения. Исследовательская и художественная стратегии, сливаясь, дают возможность, изучая разные грани канона, одновременно удовлетворять специфические эмоциональные потребности. В реальной практике создания текстов фанфикшн нет возможности чётко разделить одно от другого.

Одни и те же формулы, обретающие популярность и закрепляющиеся в фандомной среде, используются фанатами вновь и вновь для исследования самых разных вымышленных миров (см., например, статью М.А. Федорчук о фандоме, сложившемся вокруг романа А.К. Толстого «Князь Серебряный» [15]: в фокусе основного внимания фанатов оказываются второстепенные персонажи романа – Иван Грозный и Фёдор Басманов, чьи отношения оказывается легко «подогнать» в рамках текстов фанфикшн под популярную формулу «Барышня и Хулиган»). Фанаты движутся как бы по пути «наименьшего усилия» по изменению канона, идут на своеобразный «компромисс» с ним. В поиске именно минимального необходимого преобразования проявляется опять-таки исследовательская стратегия членов сообщества. Позволяя «формуле», или специфической эмоциональной потребности, увлечь себя на путь явной трансформации канона, сообщество всё-таки старается внимательно следить за тем, чтобы в остальном текст следовал правилам.

В этих сообществах аффективное чтение не ограничено полностью от чтения критического [13], и сознательная вовлечённость фандомного сообщества является следствием специфического отношения к миру канона. Условная «онтологичность», которую придают вымышленному миру характерные для фандома стратегии чтения-письма, сама по себе ставит под сомнение существование чёткой границы между исследованием и фантазией и, шире, между жизнью и искусством вообще.

Дмитрий Бак, директор Государственного литературного музея, в своём интервью, посвящённом преподаванию литературы [16], доказывая, что литература «по природе своей вовсе не равна жизни», разделяет «читательскую» (созерцательную, эстетическую) и «жизненную» (деятельную) реакцию. Реакцию, когда зритель или читатель пытается повлиять на события произведения или помочь героям, как если бы они были реальными людьми, Д. Бак называет «детской». В фандомных сообществах эта «детская» реакция амнистируется, закрепляясь в качестве социальной нормы, и вовсе не потому,

что члены фандома не понимают специфики искусства. Одновременно они могут вставать в позицию бесстрастных критиков или выступать в качестве исследователей канона.

В фанфикшн не существует чёткой и единой для всех границы между чтением и письмом, индивидуальным и коллективным авторством, дописыванием и переписыванием, канонем и фаноном, критическим и аффективным чтением, разумом и чувством, а также художественной и исследовательской стратегиями чтения-письма.

В то же время оговорка о «единственности» границы очень важна, поскольку для каждого конкретного члена сообщества или группы единомышленников эта граница может представляться весьма чёткой. На примерах того, как по-разному члены фандомных сообществ могут понимать ту или иную проблему, могут одновременно защищать идею вариативности миров и отстаивать свою версию событий как единственно правильную, мы в данной работе делаем попытку приблизиться к пониманию противоречивости и многоплановости явления фанфикшн.

Итак, проведённый анализ материалов фандомных сообществ позволил выделить следующие характеристики исследовательской стратегии членов фандомных сообществ в её взаимосвязи с художественной стратегией:

1. Отсутствие единой для всех границы между «дописыванием» и «переписыванием». Заполняя «лакуны» канона, фикрайтер в какой-то момент может начать прямо противоречить ему. Часто текст фанфика в процессе написания начинает подчиняться собственной «художественной» правде. Иногда текст является своеобразным экспериментом: попытка выстроить версию мира по определённой модели может обнаружить несостоятельность этой модели.

2. Существование своеобразной «исследовательской этики», заключающейся, в частности, в стремлении к «чистоте эксперимента», т.е. поиске минимально необходимого для достижения цели преобразования канона.

3. Наличие «методологии исследования» – характеристик фанфика, зафиксированных в его «шапке». Эти условия описывают фанфик в качестве художественного текста (жанр, размер, персонажи и т.д.), но также являются конвенцией между автором фанфика и читателями относительно условий-условностей, в рамках и с помощью которых исследуется мир канона. Часто мир канона «подгоняется» под популярные в фанфикшн формулы, подобно тому, как исследователь, составляя план работы, исходит из тех инструментов и методов, которыми располагает, задавая лишь те вопросы, ответы на которые можно получить, используя имеющиеся у него материалы.

4. Варьирующаяся степень доверия к имеющимся «документам»: автор-создатель может восприниматься как не вполне достоверный и надёжный летописец. Мир канона и текст исходного произведения, представляющий описание этого мира, в фандомном сознании разделяются. Аргументируя свою позицию, члены сообщества могут как обращаться к авторитету канона, так и оспаривать его, стремясь доказать его нелогичность, или «починить» его, или «восстановить» нарушенную логику. Точно так же вопрос доверия к конкретному фикрайтеру – личный выбор каждого читателя. Полифоничность фанфикшн и отсутствие единой чёткой границы между читателем и автором дают возможность обсуждения – и иногда фикрайтер, под влиянием мнения сообщества, может вносить изменения в текст.

5. Специфическое отношение к самому миру канона, который, с одной стороны, выходя за пределы, обозначенные автором-создателем, как бы обретает «онтологический» статус, что позволяет исследовать его как реальный мир, а с другой стороны, этот мир принципиально вариативен и доступен для интерпретаций.

6. Отсутствие единой «парадигмы», а также единого мнения о том, возможно ли достижение подобного единообразия: с одной стороны, сообщество зачастую демонстрирует толерантность к иным мнениям и интерпретациям; с другой стороны, некоторые члены сообщества могут защищать свою позицию как единственно верную.

7. «Научный поиск» фандомных сообществ в целом не стремится очиститься от субъективности, и сам фандомный «исследователь» отнюдь не пытается занять внешнюю по отношению к тексту позицию. Напротив, субъективность и вовлечённость закрепляются как социальная норма (одновременно отдельные члены сообщества могут стремиться к объективности, как они её понимают, и настаивать на ней).

8. Исследовательская и художественная стратегии, соединяясь, рожают стратегию игровую, стратегию «что, если», когда исследуется преобразованный вариант мира канона. Это позволяет членам сообщества удовлетворять специфические потребности, но не значит, что они полностью свободны от необходимости создавать художественный текст.

Выявление указанных характеристик позволяет заключить, что фанфикшн является наглядной иллюстрацией процессов, происходящих в современной науке и культуре. Опровергая бинарные оппозиции, он размывает границы в целом, в том числе границы между объективностью научного поиска и субъективностью художественного творчества, но одновременно придаёт вес индивидуальному опыту и верифицирует индивидуальные границы, выстраиваемые членами фандомных сообществ.

Литература

1. Samutina N. Fan fiction as world-building: transformative reception in crossover writing // *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. 2016. Vol. 30, № 4. P. 433–450.
2. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб. : Петрополис, 1999. 240 с.
3. Пригожин И. Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–52.
4. Кицунэ Миято. Желчь броненосца [Электронный ресурс] // Интернет-архив «Книга фанфиков». URL: <https://ficbook.net/readfic/3670181> (дата обращения: 09.10.2018).
5. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... д-ра культурологии. Екатеринбург, 2015. 329 с.
6. La donna. Архивариус [Электронный ресурс] // Интернет-архив «Книга фанфиков». URL: <https://ficbook.net/readfic/4746570> (дата обращения: 09.10.2018).
7. Золнышко. Мать Героя – далеко не идеальна! [Электронный ресурс] // Интернет-архив «Книга фанфиков». URL: <https://ficbook.net/readfic/946778> (дата обращения: 09.10.2018).
8. Friyana. «ГП и компания» с точки зрения астрологии – попытка анализа [Электронный ресурс] // Интернет-форум «Астрономическая башня». URL: <http://ab.fanrus.com/articles/8727454173> (дата обращения: 09.10.2018).
9. MajorJerry. Экономика мира Гарри Поттера [Электронный ресурс] // Интернет-сообщество «pikabu». URL: https://pikabu.ru/story/yekonomika_mira_garri_pottera_3539090 (дата обращения: 09.10.2018).
10. Уна Андель. Декларация о Снейпе [Электронный ресурс] // Интернет-сайт «Дом Северуса Снейпа». URL: <http://severus-snape.ru/library/treatise/deklaraciya.php> (дата обращения: 09.10.2018).

11. *Ace Ryn Knight*. Заблуждение [Электронный ресурс] // Интернет-архив «HogwartsNet». URL: <http://hogwartsnet.ru/mfanf/ffshowfic.php?fid=18046&l=0> (дата обращения: 09.10.2018).
12. *vonstrang*. «стыдно убивать героев...» [Электронный ресурс] // Запись в блоге «Barony of Strang» от 11.07.2009. URL: <https://vonstrang.livejournal.com/271701.html> (дата обращения: 09.10.2018).
13. *Самутина Н.В.* Практики эмоционального чтения и любительская литература (фан-фикшн) // Новое литературное обозрение. 2017. Т. 143, № 1. С. 246–269.
14. *Кавелти Дж.Г.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
15. *Федорчук М.А.* Особенности интерпретации персонажа в литературе фанатов (на материале фандома «Князь Серебряный») [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2017. № 3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-interpretatsii-personazha-v-literature-fanatov-na-materiale-fandoma-knyaz-serebryanuy> (дата обращения: 09.10.2018).
16. *Бак Д.П.* Главный враг классики тот, кто под прикрытием лозунгов о ее «вечности» провоцирует имитационное освоение классических романов : интервью / беседу вел К. Белый // Интернет-портал «Православие. Ру». 2016. URL: <http://www.pravoslavie.ru/94088.html> (дата обращения: 09.10.2018).

Larisa V. Peigina, National Research Tomsk State University (Russian Federation).

E-mail: larisa.mareeva@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 236–246.

DOI: 10.17223/22220836/32/23

AIR CASTLES BUILT OF GRANITE: A COMBINATION OF RESEARCH AND ARTISTIC STRATEGIES IN THE PRACTICE OF FANDOM CREATIVITY

Keywords: fanfiction; fandom culture; postmodern; binary oppositions; reading-writing strategies.

The article attempts to show how members of fandom communities combine research and artistic strategies in their work, using the examples of fanfiction texts, comments on them and other materials related to fan communities.

The analysis made it possible to identify the following characteristics of the “research” strategy of members of fandom communities, in its relationship with the “artistic” strategy.

1. The lack of a common border between “addition” and “change”. The ficwriter can fill in the “gaps” of the canon, and then start directly contradict it.

2. The existence of a kind of “research ethics”, which consists, in particular, in the pursuit of “purity of experiment”, that is, the search for the minimum transformation of the canon necessary to achieve the goal.

3. The presence of “research methodology”, that is, the characteristics of fan fiction, recorded in the annotation. These conditions describe fanfic as an artistic text (genre, size, characters, etc.), but are also a convention between the author of the fanfic and the readers regarding conditions, within which (and through) the world of canon is explored.

4. A varying degree of confidence in the existing “documents”: the author-creator can be perceived as a not quite reliable chronicler. The world of canon and the text of the original work representing the description of this world are separated in the fandom consciousness.

5. The specific attitude to the world of canon, which, on the one hand, going beyond the limits indicated by the creator-author, acquires an “ontological” status, which makes it possible to explore it as the real world, and on the other hand, this world is fundamentally variable and accessible to interpretations.

6. The lack of a single “paradigm”, as well as a consensus on whether such uniformity can be achieved: on the one hand, the community often demonstrates tolerance to different opinions and interpretations, on the other hand, some members of the community can defend their position as the only correct one.

7. The “scientific search” of fandom communities as a whole does not seek to be cleansed of subjectivity, and the fandom “researcher” does not try to take an external position in relation to the text. On the contrary, subjectivity and involvement are fixed as a social norm (although, at the same time, some members of the community may strive for objectivity, as they understand it, and insist on it).

8. Research and artistic strategies are combined and give rise to a gaming strategy, a “what if” strategy, when a transformed version of the canon world is explored. This allows community members

to meet specific needs, but this does not mean that they are completely free from the need to create an artistic text.

The selection of these characteristics leads to the conclusion that fanfiction is a clear illustration of the processes occurring in modern science and culture. Refuting binary oppositions, it blurs traditional boundaries, including the boundaries between the objectivity of scientific research and the subjectivity of artistic creation, but at the same time lends credibility to individual experience and verifies the individual boundaries built by members of fandom communities.

References

1. Samutina, N. (2016) Fan fiction as world-building: transformative reception in crossover writing. *Continuum: Journal of Media & Cultural Studies*. 30(4). pp. 433–450. DOI: 10.1080/10304312.2016.1141863
2. Dianova, V.M. (1999) *Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost'* [Post-modern Philosophy of Art: Origins and Modernity]. St. Petersburg: Petropolis.
3. Prigogine, I. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 46–52.
4. Miyato, K. (n.d.) *Zhelch' bronenostsa* [Armadillo bile]. [Online] Available from: <https://ficbook.net/readfic/3670181>. (Accessed: 9th October 2018).
5. Gudova, M.Yu. (2015) *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz* [Reading in the era of post-literacy: cultural analysis]. Culture Studies Dr. Diss. Ekaterinburg.
6. Anon. (n.d.) *La donna. Arkhivarius*. [Online] Available from: <https://ficbook.net/readfic/4746570>. (Accessed: 9th October 2018).
7. Anon. (n.d.) *Zolnyshko. Mat' Geroya – daleko ne ideal'na!* [Zolnyshko! The Hero's Mother is Far From Perfect!]. [Online] Available from: <https://ficbook.net/readfic/946778>. (Accessed: 9th October 2018).
8. Ab.fanrus.com. (n.d.) *“GP i kompaniya” s tochki zreniya astrologii – popytka analiza* [“HP and Company” from the point of view of astrology – an attempt of analysis]. [Online] Available from: <http://ab.fanrus.com/articles/8727454173>. (Accessed: 9th October 2018).
9. MajorJerry. (n.d.) *Ekonomika mira Garri Pottera* [The economy of Harry Potter's world]. [Online] Available from: https://pikabu.ru/story/yekonomika_mira_garri_pottera_3539090. (Accessed: 9th October 2018).
10. Una Anel. (n.d.) *Deklaratsiya o Sneype* [Snape's Declaration]. [Online] Available from: <http://severus-snape.ru/library/treatise/deklaraciya.php>. (Accessed: 9th October 2018).
11. Ace Ryn Knight. (n.d.) *Zabluzhdeniye* [Fallacy]. [Online] Available from: <http://hogwartsnet.ru/mfanf/ffshowfic.php?fid=18046&l=0>. (Accessed: 9th October 2018).
12. Von Strang. (n.d.) *Stydno ubivat' geroyev...* [It is shameful to kill heroes ...]. Blog entry “Barony of Strang” dated July 11, 2009. [Online] Available from: <https://vonstrang.livejournal.com/271701.html>. (Accessed: 9th October 2018).
13. Samutina, N.V. (2017) *Praktiki emotsional'nogo chteniya i lyubitel'skaya literatura (fan-fikshn)* [Emotional reading practices and amateur literature (fan-fiction)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 143(1). pp. 246–269.
14. Cavelti, J.G. (1996) *Izuchenie literaturnykh formul* [The study of literary formulas]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 22. pp. 33–64.
15. Fedorchuk, M.A. (2017) The particular interpretation of the character in the literature of the fans (based on the fandom “Kn'az' Serebr'any”). *Vestnik BGU – The Bryansk State University Herald*. 3(33). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-interpretatsii-personazha-v-literature-fanatov-na-materiale-fandoma-knyaz-serebryanyy>. (Accessed: 9th October 2018). (In Russian).
16. Bak, D.P. (2016) *Glavnyy vrag klassiki tot, kto pod prikrytiem lozungov o ww “vechnosti” provotsiruet imitatsionnoe osvoiniye klassicheskikh romanov* [The main enemy of the classics is the one who, under the guise of slogans about its “eternity,” provokes the imitational mastering of classic novels] [Online] Available from: <http://www.pravoslavie.ru/94088.html>. (Accessed: 9th October 2018).

УДК 130.2

DOI: 10.17223/22220836/32/24

А.О. Теплякова

ЗИН-КУЛЬТУРА КАК ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ МИКРОСОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается зин-культура до эпохи Web 2.0. Раскрывается понятие зина, зин-культуры, а также особенности её содержания и форм в исторической ретроспективе. Показывается, как практика зин-культуры акцентирует значимость отдельной личности как центра культурного производства, что противопоставлено формализованному институционализированному подходу, и выявляется ее влияние на формирование идентичности участников сообщества.

Ключевые слова: зин-культура, микросоциальная идентичность, печатный зин, DIY.

Одним из первых уровней социальной идентификации является принадлежность к чему-либо, так называемая микросоциальная идентичность, формируемая через круг общения, в котором проявляется индивидуальность [1]. Довольно традиционным для формирования и проявления идентичности является принадлежность к какому-либо сообществу, субкультуре. В данной статье анализируется сообщество зин-культуры, представляющей собой плодотворную почву для самовыражения. Цель – представить зин-культуру как современную практику формирования групповой идентичности.

Поскольку тема зин-культуры недостаточно проработана в русскоязычных исследованиях, для начала необходимо обратиться к дефиниции данного понятия, его формам и содержаниям в исторической ретроспективе.

В большинстве западных стран широкое распространение получила практика создания зинов (zine). Слово «Zine» произошло от сокращения «magazine» («журнал») или fanzine («фанатский журнал»). В русский язык и ряд других европейских языков слово вошло в обиход в калькированном варианте. В основе создания зинов лежит этика DIY (от англ. «do-it-yourself – «сделай сам»).

Как пишет Стивен Данкомб (Stephen Duncombe) в авторитетном исследовании об истории зинов в субкультурах – «Notes From Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture», зины это – «некоммерческие, непрофессиональные журналы малого тиража, которые их создатели создают, публикуют и распространяют самостоятельно» [2. Р. 11].

Элисон Пьепмайер (Alison Piermeier) связывает зины с другими историческими практиками самостоятельных публикаций и самовыражения, таких как альбомы для вырезок, радикальные манифесты и информационные бюллетени различных сообществ. Пьепмайер пишет, что каждый из этих жанров документов имеет сходные качества: они «создаются вручную, воспроизводятся в небольшом количестве и распространяются в тесных кругах» [3. Р. 39].

Что касается материального воплощения, как правило, зины – это мало-страничные издания, в среднем количество страниц варьируется от 8 до 48. Большинство из них имеет формат А5 или А6, что объясняется печатью на

бумаге форматом А4 с последующим складыванием листа вдвое или вчетверо соответственно. Зины, сделанные из одного листа бумаги, не требуют скрепления, те, что изготавливаются из большего количества листов, либо подшиваются нитками, либо скрепляются металлическими скобами, либо корешок проклеивается.

Практика создания зинов имеет корни в фанатской среде. В 1920–1930-е гг. поклонники научной фантастики выпускали «фэнзины» (фанатские журналы), содержащие их собственные истории по мотивам любимых произведений (фанфикшн), которые затем обменивали или продавали в сообществе за символическую цену. Эти фэнзины также содержали обширные разделы читательских писем, которые позволяли поклонникам общаться друг с другом на страницах этих журналов или посредством обмена почтовыми адресами.

В конце 1970-х гг. субкультура панков переняла эстетику и техники DIY, создавая собственные зины. В основном первые панк-зины тяготели к периодике и коллективной работе над ними. Основными темами тогда являлось обсуждение творчества музыкальных групп, т.е. фанатское мнение, поэтому и название этих печатных практик поначалу оставалось «фэнзин», которое в дальнейшем редуцировалось до «зин».

Первым панк-зином принято считать «Punk Magazine», который выпускался в Нью-Йорке в середине 1970-х гг. и был посвящен первым панк-группам («Ramones», «Patti Smith» и др.). Первый британский панк-зин «Sniffin' Glue» стал выпускать в 1976 г. Марк Перри, впоследствии основавший панк-группу «Alternative TV». На страницах пятого номера этого зина автор одним из первых выразил этику DIY, бросив вызов читателям: «Все вы, кто читает «Sniffin' Glue», не будете в восторге от того, что мы пишем. Уходите и начинайте делать свои собственные фэнзины» [4. Р. 230].

Исследователь постсоветской панк-субкультуры О. Аксютин выделяет в качестве первых зинов на территории бывшего СССР: «Бегимец» из Риги (1993), «Play Hooky!» из Кирова (1995), «Плюсминусбесконечность» (1996) и «Эхокамеру» (1998) из Волжского, Волгоградской области, «Punk Hardcore Magazine» и «Взорванное небо» из Москвы (1997), «Yes Future» из Татарска, Новосибирской области (1998), «Xerotika» из Гусева, Калининградской области (1998) и «Ножи и вилки» из Санкт-Петербурга (1998), многие из которых имели продолжительную историю выпуска [5].

Зины создавались панками для панков и затрагивали множество тем, касающихся различных общественных проблем, музыки, в том числе были распространены жанр интервью с музыкантами, обзорные статьи на новые треки и альбомы и прошедшие концерты. Все это указывало на активность и критическое мышление, поскольку вовлекало читателя в творческий процесс, провоцируя рефлексию, в отличие от пассивности и бездумного восприятия в господствующей культуре.

Вслед за панк-субкультурой многие другие сообщества за последние десятилетия также подхватили практику создания зинов, среди них: футбольные фанаты, феминистки третьей волны, представители сексуальных меньшинств, анархисты, «зеленые» и многие другие.

Рассмотрим процесс создания зинов более подробно. Чаще всего зины создаются авторами без каких-либо формальных знаний в области издательской деятельности, вследствие чего часто реализуют «эстетику беспорядоч-

ности», руководствуясь DIY-принципом «cut and paste»¹, когда из разных печатных источников вырезаются фрагменты, служащие материалом для зина.

Можно сказать, что этот принцип восходит еще к художественным экспериментам Ситуационистского Интернационала, к практикам так называемых «détournement» (искажение, переворачивание), смысл которых состоял в использовании уже созданных культурных объектов, которые при изменении контекста приобретали противоположный, деконструктивный смысл.

При создании зина автор использует собственные навыки и все доступные средства: советы и консультации в сообществе, различные мастер-классы и советы, которые дают авторы в зинах. Анна Полетти (Anna Poletti) подчеркивает, что «все читатели зина позиционируются как потенциальные зинмейкеры» [6. Р. 62]. Одним из способов достижения такого позиционирования является попытка вдохновить, обучить и побудить читателя заниматься производством зинов посредством рассказов о том, как определенные зины замотивировали и вдохновили других на собственное производство зинов. Полетти называет эти истории «рассказами о вдохновении». По её утверждению, у таких историй есть важная функция – демистификация для читателя сложности процесса изготовления зинов [Ibid. Р. 65].

Таким образом, само зин-сообщество постоянно воспроизводит ключевую идею о том, что каждый может самостоятельно заниматься творческим процессом, что зины представляются свободным пространством для самовыражения, не ставящим никаких границ.

Также такая хаотичная эстетическая форма зинов и то, как они производятся, служат иллюстрацией зин-сообщества в целом, для которого характерно отсутствие иерархичности, строгой системы. Описанный способ производства разрушает границы, разделяющие профессиональное и любительское культурное производство. Стивен Данкомб пишет: «В условиях все большего нарастания профессионализма в мире культуры, производители зинов несомненно являются любителями. Своей практикой размывания границ между производителем и потребителем они бросают вызов дихотомии между активным творцом и пассивным зрителем, которая характеризует нашу культуру и общество» [2. Р. 33].

Зины часто имеют сходство с размноженным фотокопировальным способом скрапбук-альбомом², а не с тем, что принято идентифицировать как «публикацию»: создатели могут заимствовать, комментировать и повторно печатать изображения, тексты и другие материалы, защищенные авторским правом. Этот метод иллюстрирует главную составляющую основ зин-культуры – пренебрежение к институциональным правилам и профессиональным методам.

Данкомб видит в практике зин-мейкинга «радикально демократичный и партисипаторный идеал того, чем культура и общество могут быть... должны быть» [Ibid. Р. 7]. Участвовать в деятельности зин-сообщества, чтобы стать его частью, можно либо путем создания или распространения зинов, либо помогая и взаимодействуя с теми, кто их создает. Этот формат со-участия и со-производства является важной составляющей зин-культуры, как пишет Жюли Бартель (Julie Bartel), «идея о том, что каждый может что-то изменить,

¹ «Cut and paste» – в пер. с англ. дословно: «вырезать и вставить» или «вырежи и наклей».

² Альбом для наклеивания вырезок.

что каждое мнение или опыт имеет значение, что у каждого участника есть власть, является основой зин-культуры. Акт публикации зина – это, в какой-то мере, политический акт сам по себе» [7. Р. 19].

Таким образом, процесс производства зинов является неиерархическим, сетевым пространством без строго регламентированных правил и ролей, коллективно определяемых в процессе производства только самими производителями и теми, кто с ними взаимодействует. Подобно тому, как вид зинов сам по себе указывает на отсутствие у создателей профессиональных навыков и методов, контекст и культура, в которых они созданы, подчеркивают важность того, что зины формируются и редактируются всеми участниками процесса, а не только теми, кто обладает навыками, знаниями и культурным капиталом, которые так важны в профессиональном книгоиздании и прессе.

Такая позиция с явной контркультурной направленностью также указывает на то, что зин-культура в целом осуждает основные средства массовой информации за недооценку личных свидетельств событий, за стратегию реагирования, в центре которой должна находиться важность мнения любого человека, его «повседневного голоса», а не одностороннее освещение событий. Поэтому, как пишет Данкомб, «личный (персональный) зин – это голос демократии: свидетельство неосвещенного мнения, неслышанное – от каждого человека... зины – иллюстрация противоречий в обществе» [2. Р. 29]. Такая значимость отдельной личности как центра культурного производства выступает в качестве символического опровержения формализованного, институционализированного и структурного подхода основного культурного производства. В процессе создания своих публикаций без большого количества ресурсов, поддержки со стороны других людей, необходимых навыков и формальной аттестации и регистрации, которых требует индустрия, создатели зинов деконструируют основные убеждения о том, что такое культура, кому разрешено в ней участвовать и как ее следует создавать.

Зины часто выражают сильное отвращение к общественному «мейн-стриму» и централизации искусства. Стивен Данкомб характеризует важность зин-культуры по отношению к тем, кто находится на периферии: «В эпоху, отмеченную быстрой централизацией корпоративных СМИ, зины сделаны на кухонном столе, они независимы и локализованы, их можно найти на окраинах города, в пригородах и небольших городах по всей территории США. Зины будут прославлять любого человека, в отличие от мира знаменитостей» [Ibid. Р. 7]. Далее он описывает содержательную часть зинов, которая «несет в себе честность, доброту, гнев, которые невозможно встретить в коммерческих изданиях».

Концепция DIY и контркультурная стратегия также влияют на то, как зины циркулируют внутри субкультуры. Зин-мейкеры являются не просто создателями, а также теми, кто управляет распространением и дистрибуцией тиража по социальной сети сообщества – как индивидуально, так и через «дистро»¹, информационные ресурсы и другие проекты или фестивали, свя-

¹ Дистро (от англ. distro) – система дистрибуции в панк-движении – сеть распространения различной DIY-продукции, включающая в себя аудио- и видеозаписи групп, печатные издания (фэнзины, книги, брошюры), атрибутику (футболки, нашивки, значки, наклейки и пр.). Дистро является уникальным средством коммуникации, распространяющим DIY-продукцию в обход официальных, коммерческих структур.

занные с зин-культурой. Как пишет Джесси Лимн (Jessie Lymn), важны не только сами зины, но и то, «как они существуют в сообществах... как люди, которые пишут их, часто являются продюсерами, дистрибьюторами, коллекционерами и потребителями – производство и дальнейший жизненный цикл зина не разделимы» [8. Р. 45]. Создатели зинов, таким образом, не только контролируют содержание своих журналов, но и то, кто будет иметь к ним доступ.

Поскольку форматы распространения зинов позволяют в определенной степени контролировать читательскую аудиторию, трудно рассматривать их как полностью общедоступные и / или опубликованные или изданные документы. Как пишет Рэд Чиджей (Red Chidgey), такие методы циркуляции продукции выступают «в качестве сети безопасности, предоставляющей авторам зинов больше свободы высказываться об их личной жизни, зная при этом, что их самораскрытие останется недоступным для широкой общественности или их ближайших родственников» [9. Р. 6]. Эти методы не только позволяют создателю контролировать, кто получает доступ к их работам, но также обеспечивают защиту анонимности, необходимой, чтобы выражать и публиковать свое мнение.

Владлен Тупикин, один из российских зин-мейкеров, выпускающих зины с 1987 г., так описывал опыт обмена панк-зинами: «Обычно кто-то приезжает в другой город – на концерт, конференцию, в гости – и привозит с собой Что-то – пачку отскеренных или отпечатанных на плохом ризографе листов, результат чьих-то раздумий о своей судьбе и о судьбах родины, крик о помощи, закодированный и отправленный в безвоздушное пространство, или просто какой-то веселый бред, сочиненный в минуты праздности. Эта пачка листов попадает к кому-то, и тот либо хоронит ее у себя в углу, либо пускает дальше – совсем как когда-то, в 70-е...» [10]. Автор, таким образом, также акцентирует проблему большого размера нашей страны, из-за чего в 1990-е – начале 2000-х гг. было довольно сложно получить какой-либо зин, а зачастую даже узнать о нем не представлялось возможным. В связи с этим в зинах на постсоветском пространстве успешно закрепились и западная практика взаимного цитирования, и упоминания в обзорах: во многих зинах велись колонки с подробной информацией о других изданиях с указанием адреса и даже отводились целые разделы с рецензиями.

Таким образом, сеть, возникшая в среде зин-культуры, создает и поддерживает сообщество и пространство, в котором часто маргинализированные группы (будь то феминистки, сексуальные меньшинства, анархисты или любая другая маргинальная группа) способны обмениваться опытом, идеями и ресурсами.

Создатели зинов могут никогда не встретиться в реальности, в основном они взаимодействуют посредством писем или комментариев в журналах. Это позволяет участникам поделиться своим негативным или травматичным опытом переживания повседневности. Вследствие этого образуются прочные социальные связи между создателями и читателями зинов. В то же время это побуждает и ранее пассивных участников коммуникации на активные действия по созданию личных зинов.

Таким образом, проведенный анализ истории зин-сообщества, а также способов производства и циркулирования зинов позволяет сделать следую-

ший вывод: зин-культура является неиерархической системой, в которой любой участник может включиться в процесс зин-производства. Отсутствие регламентации действий и осуждения со стороны сообщества, как фактора внешнего контроля – с одной стороны, и возможность регулировать доступность читательской аудитории к своему зину – с другой, делают практику зин-мейкинга свободным пространством для общения единомышленников и плодотворного выражения индивидуальности, что в результате обуславливает особенности микросоциальной идентичности субъектов зин-культуры.

Литература

1. Буденкова В.Е., Савельева Е.Н. Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
2. Duncombe S. Notes From Underground : Zines and the Politics of Alternative Culture. Portland : Verso, 1997. 240 p.
3. Piepmeyer A. Girl Zines: Making Media, Doing Feminism. New York : NYU Press, 2009. 264 p.
4. Savage J. England's dreaming: Sex Pistols and Punk Rock. L. : Faber and Faber, 1991. 656 p.
5. Аксюткина О.А. Если я не могу танцевать, это не моя революция! DIY панк/хардкор сцена в России. М. : Нота-Р, 2008. 335 с.
6. Poletti A. Intimate ephemera: Reading young lives in Australian zine culture. Melbourne : Melbourne University Press, 2008. 310 p.
7. Bartel J. From A to Zine: Building a Winning Zine Collection in Your Library. Chicago : American Library Association, 2004.
8. Lynn J. The Zine Anthology as Archive: Archival Genres and Practices // Journal Archives and Manuscripts. 2013. Vol. 41 (1).
9. Chidgey Red. The Resisting Subject: Per-zines as life story data // University of Sussex Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 10.
10. Тупикин В. Самиздат после перестройки // Журнал «Неволя» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.index.org.ru/journal/13/tupikin1301.html> (дата обращения: 08.08.2018).

Anastasia O. Teplyakova, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: castalia@inbox.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 247–253.

DOI: 10.17223/22220836/32/24

ZINE-CULTURE AS A PRACTICE OF FORMATION OF SOCIAL MICRO-IDENTITY

Keywords: zine-culture; microsocial identity; printed zine; DIY.

The article discusses the zine-culture before the era of Web 2.0. The word “Zine” comes from the abbreviation “magazine” or “fanzine” (“fan magazine”). In the Russian language and a number of other European languages, the word came into use in the tracing variant. At the heart of the creation of zine is DIY ethics (“Do-it-yourself”). Zines are non-commercial, nonprofessional journals with small circulation, which their creators create, publish and distribute by themselves.

The practice of creating zines has roots in the fan community. In the late 1970s, the punk subculture adopted aesthetics and DIY techniques and created their own zines. Zines was created by punks for punks and covered many topics related to various social issues, music, including the genre of interviews with musicians, review articles on new music tracks and albums, and concerts. All this indicated activity and critical thinking, since it involved the reader in the creative process, provoking reflection, oppose passivity and thoughtless perception in the dominant culture.

The production process of zines is a non-hierarchical network space without strictly regulated rules and roles that are collectively defined in the production process only by the producers themselves and those who interact with them. Just as the type of Zines indicates the lack of professional skills and methods of the creators, the context and culture in which they are created emphasizes the importance of the fact that Zines are formed and edited by all participants in the process, and not only by those

with skills knowledge and cultural capital that are so important in professional publishing and the press.

The network within the subculture allows you to define reader access to zines. This allows achieving safety and gives to zine-makers more freedom to speak about their personal lives, knowing that their self-disclosure will remain inaccessible to a wide audience. Thus, the network that has emerged in the zine-culture environment creates and supports a community and space in which often marginalized groups (feminists, sexual minorities, anarchists, or any other marginal group) are able to exchange experiences, ideas and resources.

Thus, the lack of regulation of actions and condemnation from the community as a factor of external control – on the one hand, and the ability to regulate the accessibility of the readership to their zine – on the other, make the practice of zine-making free space for communicating like-minded people and productive expression of individuality, which as a result, it determines the features of the microsocial identity of the subjects of the zine-culture.

References

1. Budenkova, V.E. & Savelyeva, E.N. (2016) Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(21). pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/4
2. Duncombe, S. (1997) *Notes From Underground: Zines and the Politics of Alternative Culture*. Portland: Verso.
3. Piepmeier, A. (2009) *Girl Zines: Making Media, Doing Feminism*. New York: NYU Press.
4. Savage, J. (1991) *England's dreaming: Sex Pistols and Punk Rock*. London: Faber and Faber.
5. Aksyutina, O.A. (2008) *Esli ya ne mogu tantsevat', eto ne moya revolyutsiya! DIY punk/khardkor stse-na v Rossii* [If I can't dance, this is not my revolution! DIY punk / hardcore scene in Russia]. Moscow: Nota-R.
6. Poletti, A. (2008) *Intimate ephemera: Reading young lives in Australian zine culture*. Melbourne: Melbourne University Press.
7. Bartel, J. (2004) *From A to Zine: Building a Winning Zine Collection in Your Library*. Chicago: American Library Association.
8. Lymn, J. (2013) The Zine Anthology as Archive: Archival Genres and Practices. *Journal Archives and Manuscripts*. 41(1). pp. 45. DOI: 10.1080/01576895.2013.769861
9. Chidgey, R. (2006) The Resisting Subject: Per-zines as life story data. *University of Sussex Journal of Contemporary History*. 10. p. 6.
10. Tupikin, V. (n.d.) *Samizdat posle perestroyki* [Samizdat after the Perestroika]. [Online] Available from: <http://www.index.org.ru/journal/13/tupikin1301.html>. (Accessed: 8th August 2018).

УДК 7.07

DOI: 10.17223/22220836/32/25

А.Н. Сенокосова

ВЛИЯНИЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ХУДОЖЕСТВЕННУЮ САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ ВАЛЬТЕРА ШПИСА В ПЕРИОД ЭМИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ (1919–1923)

Универсальное и разнообразное творческое наследие Вальтера Шписа (1895–1942) представляет собой уникальный феномен, расширяющий взгляд на проблему трансформации национальной идентификации художника, утратившего свою изначальную родину. В статье рассмотрены основные вехи формирования художественной идентичности В. Шписа, включая профессиональную и национально-культурную составляющие, выявлены взаимосвязи немецкого периода жизни с российским этапом – воспитанием, традициями, кругом общения. Влияние российской культурной среды на мировоззрение художника прослежено автором на материале живописных и графических произведений, особенностях их тематики и характере интерпретации мастером современного ему историко-культурного контекста.

Ключевые слова: Вальтер Шпис, идентичность, искусство русского зарубежья, культура Урала, экспрессионизм, магический реализм.

Творческая биография Вальтера (Вали) Шписа (Walter / Valya Spies, 1895–1942), художника, музыковеда, этнографа, режиссера, изначально связана с Россией, где он родился, впервые осознал себя художником и духовную связь с которой сохранил в годы послереволюционной эмиграции – сначала в Германии (1919–1923), затем в экзотической Индонезии (1924–1942). Проявив себя в зарубежные годы жизни как транснациональный мастер, внесший значительный вклад в культуру индонезийского острова Бали, он оставался внутренне близок российскому искусству до конца, сохраняя яркие визуальные воспоминания о многонациональной России, питавшие его творчество.

Универсальное творчество Вальтера Шписа представляет собой уникальный феномен, расширяющий взгляд на проблему трансформации культурной и национальной идентификации художника-эмигранта, утратившего родину и вынужденного адаптироваться в чужой социокультурной среде. Идентичность этого художника плодотворно рассматривать в контексте западных и восточных межнациональных взаимодействий. Однако в зарубежных исследованиях творчество Шписа, как правило, рассматривается только в русле немецкого или индонезийского контекстов, исключая его русские корни. Начиная с первой биографии в письмах под редакцией Х. Родюса «Вальтер Шпис: красота и богатство жизни» [1] и его совместной работы с Дж. Дарлингом «Вальтер Шпис и балийское искусство» [2], заканчивая публикациями современных исследователей – Дж. Стоуэла [3], С. Веснер, М. Хичкока, И.Н. Дарма Путры [4], М. Соджимы [5], авторы однозначно причисляют его к немецкой культуре, отмечают его важный вклад в индонезийское искусство. Между тем творческая идентификация В. Шписа в зару-

бежный период жизни во многом обусловлена его российским опытом – воспитанием, культурными традициями, кругом общения¹.

Родившись 15 сентября 1895 г. в Москве в обеспеченной семье крупного промышленника и почетного немецкого консула Леона Шписа (Leon Spies, 1858–1921) и его супруги Марты фон Моля (Martha von Mohl, 1863–1946)², Вальтер воспитывался в очень благоприятной творческой и интеллектуальной атмосфере. Московский дом его родителей, обрусевших немцев (поныне находится в Большом Спасоглинищевском переулке), был открыт для широких художественных кругов. Гостями часто бывали известные музыканты и писатели, среди которых А. Скрябин, С. Рахманинов, М. Горький и многие другие. В семье Шписов с большим пиететом относились к русской культуре и ее традициям: Вальтер, его братья Бруно (Bruno Spies, 1888–1965) и Леон (Leon Spies, 1899–1965), сестры Маргарет (Daisy Spies, 1905–2000) и Ирен (Ira Spies, 1889–1981) с детских лет хорошо знали русскую историю, литературу и фольклор, свободно говорили и читали на русском языке. Вальтера в семье называли на русский манер Валентином, его сестру Ирен – Ирой, а брата Леона – Львом. Впоследствии, находясь уже в эмиграции, художник нередко использовал в неофициальном общении и письмах свое русское имя Валя.

Леон и Марта Шписы поддерживали увлечения детей изобразительным искусством и музыкой, причем в детские годы Вальтер отдавал предпочтение музицированию, осваивал игру на фортепьяно, мечтал стать знаменитым пианистом. Его младший брат Лев вспоминал позднее: «Очень занятая музыкальная обстановка была в доме родителей, в который были вхожи лучшие музыканты всех стран. Богатый опыт посещения московских концертных залов с сенсационными премьерами Прокофьева и Скрябина были решающими впечатлениями того времени» (цит. по: [1. Р. 586]).

¹ Кратко эта проблема затрагивается в статьях автора: *Senokosova A. The artistic life of Bali in the 1930-s in the context of the creative activity of the Russian-German artist Walter Spies // Special Issue in INFORMATION-An International Interdisciplinary Journal. 2016. September. Vol. 19, Iss. 9B. P. 4017–4024; Eadem. The Association of Balinese Artists Pita Maha (Bali, Indonesia) in the 1930-s : Between East and West // International Journal of Management and Applied Science (IJMAS). 2018. Vol. 4, Iss. 2. P. 21–24.*

² История семьи Шписов в Российской империи насчитывала не одно десятилетие. Дед художника Роберт Шпис (Robert Spies) жил в России с 1846 г., был основателем фирмы «Spies & Stucken», которой принадлежали предприятия сахарного производства в Киевской и Подольской губерниях. По данным М.Н. Барышникова и К.К. Вишнякова-Вишкевецкого, в 1859 г. компания «Шпис и Стукен» «входила в число крупнейших фирм-экспортеров Петербурга по импортным и экспертным операциям» [6. С. 46]. Р. Шпис «играл видную роль в московском биржевом комитете, занимал пост директора московской конторы Государственного банка» [7. С. 82]. В 1871 г. он стал почетным консулом Германии в России, что дало ему право на потомственное почетное двойное гражданство (получил в 1872). Его сыновья, Леон (1858–1921), Альберт (1859–1930), Георг (1861–1926) и Рудольф (1874–1958), продолжили дело отца. Компания «Шпис, Стукен и Ко» расширила свое присутствие в Российской империи, включив Северный Кавказ. Отец художника, Леон Робертович, принимал участие в благотворительной деятельности, был в числе руководителей московской организации «Попечительство о бедных» и вице-президентом Евангелического госпиталя в Москве. По материнской линии прапрадедом Вальтера был выходец из Шотландии Джон Парланд (1758–1842), большую часть жизни проживший в России. Прадед, Александр Парланд (ок. 1800–1880), имел много детей, среди которых – Ольга (родилась ок. 1841) и Альфред (1842–1919), впоследствии знаменитый архитектор, академик. Ольга была замужем за Людвигом фон Модем, с которым они после свадьбы проживали в Неаполе (Италия), где у них родилась дочь Марта (1863–1946) – будущая мать Вальтера. Рано потерявшая отца, семилетняя Марта вместе с матерью и другими детьми переехали в Санкт-Петербург в 1870 г. Архитектор А.А. Парланд принимал большое участие в жизни овдовевшей сестры, способствовал ее устройству преподавателем английской литературы в Смольный институт.

Мальчик серьезно увлекался естественными науками, что давало ему материалы и для художественного творчества. В 1939 г. он признавался: «Я вырос в „грандиозной“ атмосфере богатой довоенной России. По словам матери, маленьким ребенком меня интересовали животные: они были единственным, что я рисовал. Я помню, как в загородном доме в подмосковном Неклюдово бегал с лягушками, ящерицами и змеями в кармане, которых я любил доставать при любой возможности: даже за обеденным столом, к ужасу моих родителей и их гостей. Я собирал всех насекомых: и больших, и маленьких – бабочки, жуки, стрекозы – все веранды нашего большого загородного дома были заставлены аквариумами и террариумами. Эта любовь к природе и страстный интерес ко всем естественным наукам остались со мной на всю жизнь, и, вероятно, я должен был быть ботаником или зоологом» (цит. по: [2. Р. 9]).

Это признание можно считать ключом к пониманию личности Вальтера Шписа. Жизнь природы, ее бесконечное разнообразие стали едва ли не основными элементами его дальнейшей творческой практики, нашли плодотворное выражение в индонезийский период в этнографических трудах, в живописных и графических произведениях, наполненных таинственной атмосферой лесов, причудливыми растениями и животными.

Пятнадцатилетним подростком в 1910 г. Вальтер отправляется в Дрезден для обучения в закрытой мужской гимназии с художественным профилем Витсхум (Vitzthum-Gymnasium, основана в 1828 г.). Сложно говорить об его художественных интересах или влияниях в эти годы: сохранилось лишь несколько портретных графических работ («Автопортрет», 1910 и др.) и ряд акварельных пейзажей, носивших явно ученический характер. Занятия искусством в Германии прервала Первая мировая война, заставшая Вальтера на летних каникулах в Москве, где годом позже он, немец по документам, был арестован и принудительно отправлен в лагерь для интернированных, расположенный в башкирском городке Стерлитамак на Южном Урале¹.

С годами жизни на Урале (1915–1918) связаны первые творческие озарения художника. Впоследствии он неоднократно говорил об этом периоде как о поворотном в своей судьбе. Мысли и чувства Шписа находят отражение в многочисленных письмах родным, отчасти позволяющих оценить взгляды на искусство начинающего художника. Характерно, что его переписка с друзьями и семьей не содержит никаких признаков беспокойства или жалоб на тяготы жизни арестанта вдали от цивилизации. Напротив, Вальтер с восторгом рассказывает своим близким о живописных путешествиях по Башкирии и окрестным регионам, ярких эмоциональных ощущениях. По словам Дж. Стоуэла, имевшего возможность внимательно познакомиться с многочисленными письмами художника из Стерлитамака на немецком языке, Шпис пишет в них о «поразительном чувстве дома, об отказе от идеи стремиться к неуловимым целям в будущем, о радости „получения“ от настоящего момента всего того, что он может предложить; о прелести адаптации в окружающем пространстве, подобной хамелеоновской, и о праздновании ду-

¹ Стерлитамак – город в Уфимской губернии, число жителей которого в 1916 г. составляло 17,9 тыс. человек. Население отличалось межнациональным составом (башкиры, татары, русские, киргизы, чувашы, удмурты, немцы и другие народы) и религиозной толерантностью: официальные религии – ислам и христианство – совмещались с языческими традициями.

ха в каждый происходящий момент» [3. Р. 31]. Исследователь резюмирует, что художник переживал свою жизнь в Стерлитамаке «как самый счастливый человек» [Ibid.].

В новой среде обитания художник искал и находил общечеловеческие объединяющие ценности. Он погружается в изучение башкирских мифов и сказаний, в которых видит выражение духа народа, в начале XX в. по-прежнему связанного с кочевыми традициями. Исследователи башкирской культуры Р.Г. Кузеев и Е.С. Данилко полагают, что «обычаи, обряды и верования башкир были напрямую связаны с кочевыми традициями, а полукочевое скотоводство по-прежнему оставалось одним из важных видов деятельности сельского населения Башкирии» [8. С. 484]. Занимаясь повседневными делами вместе с местными жителями (выпасом домашнего скота, рыбалкой), Шпис внимательно наблюдал за их жизнью, записывал народные сказания, песни, сохранившиеся надолго в его музыкальной памяти. Изучая местные песни и мелодии, он признавался: «Я никогда ничего столь прекрасного раньше не слышал» [3. Р. 32]. Ему оказалось близко свойственное башкирам восприятие природы как некой живой сущности, обладающей сакральной силой и как следствие почитание ими воды, земли, гор, растений; их отождествление людей со священными животными и возможность их взаимного перевоплощения. В системе народных верований башкир он обращает внимание на огромное значение духов и демонов. По наблюдениям современного исследователя С.И. Руденко, «у башкир каждая вещь имеет своего духа-хозяина (эйе), и каждый дух называется тем предметом, в котором он обитает» [9. С. 22]. Все это вызывало в молодом художнике не только исследовательский интерес, но и давало импульсы для творчества.

В Башкирии Шпис много занимался рисованием с натуры, отдавая предпочтение зарисовкам или орнаментальным стилизациям. Один из первых рисунков этого периода подписан 15 октября 1915 г. («Стерлитамак»), выполнен карандашом в натуралистической стилистике и фиксирует жилище художника – обычный, ничем не примечательный деревянный дом, характерный для башкирской провинции. Однако из писем известно, что художник обустроился в нем с достаточным комфортом, самолично оформив интерьер в духе кочевого колорита: подушки, покрывала, вышитые пышными узорчатыми орнаментами, традиционные ковры, утварь местных мастеров – каждая деталь обстановки была тщательно им продумана.

Большая часть изобразительных опытов Шписа этих лет восходит к метаморфозам и гротесковой орнаментации символистского характера. В рисунках художника нередко использованы элементы традиционного башкирского орнамента, из которых он создает зоо- и антропоморфные изображения. Так, он изобретательно модифицирует рогообразный орнаментальный элемент – кускар, один из устойчивых знаков-символов кочевого народа. Как и традиционные башкирские орнаменты, графические стилизации Шписа симметричны по композиционному построению. В них он также часто использует как основную конструктивную форму треугольник, реже – ромб. Обе эти фигуры в башкирском орнаменте являются символическим изображением глаза и распространенной формой оберега (треугольник изображает глаз в профиль, ромб – в фас). Такое акцентирование глаз, которые у башкир наделялись магической силой, можно встретить во всех основных листах

уральского периода. Традиционный мотив в стилизованных композициях перестает быть просто декоративным украшением поверхности, превращается в графический символ, приобретающий новую семантику: сакральные и эстетические начала трактуются художником как единая стихия.

Некоторые рисунки художника этого периода своей конструктивностью и обобщенностью сближаются с работами Давида Бурлюка (1882–1967), жившего в Башкирии (в деревне Иглино близ Уфы) в 1915–1918 гг., т.е. практически в это же время. Возможно, Вальтер был знаком с громким творчеством «отца русского футуризма» еще раньше, в Москве.

В немногочисленных сохранившихся работах Шписа 1915–1918 гг. еще нет стилистической определенности, но чувствуется готовность автора к творческим трансформациям. Вероятно, его культурно-художественная самоидентификация обозначилась именно в эти годы. Исследователи С. Вернер и М. Хичкок правомерно считают, что «духовная сущность, которая стала отличительной чертой творчества Шписа, во многом связана с его опытом жизни на Урале, что определило его стремление к проникновению в суть явлений, интерес ко всему, что сопряжено с мифическим и сакральным» [4. Р. 241]. Более того, сам художник признавался, что его движение в изобразительном искусстве шло от абстрактных композиций раннего немецкого периода, заполненных треугольниками, линиями, плоскостями, под влиянием экспрессионистов и футуристов, к фигуративной предметной живописи, в которой реальная действительность преобразовывалась им в духе своеобразной версии реализма [5. Р. 66].

Связанная с революционными событиями в России эмиграция В. Шписа в 1919–1923 гг. в Германию ознаменовала новый творческий период в его жизни. В эти годы он продолжил общение с немецкими экспрессионистами, с которыми его объединяло стремление «изображать не человека, переживающего эмоцию, а саму эмоцию, таким образом „овеществляя“ её» [10. С. 16]. Позднее он сблизился с художниками немецкой «новой вещественности» (Neue Sachlichkeit) – Отто Диксом (O. Dix, 1891–1969), Георгом Гросом (G. Grosz, 1893–1959), Максом Бекманом (M. Beckmann, 1884–1950) и другими, чье творчество было своеобразной реакцией на абстрактные тенденции экспрессионизма. Художники этого направления своей основной целью ставили возвращение к предметному миру в искусстве.

В 1919 г. в Дрездене, где жили родственники Шписа, для совершенствования профессиональных навыков он посещал вольнослушателем Академию художеств, где познакомился с ее профессором, известным экспрессионистом Оскаром Кокошкой (O. Kokoschka, 1886–1980), который стал его близким другом на многие годы. Биограф австрийского мастера так характеризует их дружбу: «Шпис проводил много времени с Кокошкой в обсуждениях искусства, в попытках исследовать границы между живописью, танцем и театром. Кокошка был начитан и имел широкие интересы; как историк-любитель, философ и социолог, он, казалось, нашел в Шписе родственную душу» [11. Р. 436].

Некоторое время Вальтер провел в местечке Хеллерау (Hellerau), ставшем в начале XX в. одним из главных центров нового танцевального искусства, созданным Э. Ж. Далькрозом (E.J. Dalcroze, 1865–1950) и его последователями. Здесь он не только изучал историю танца, занимался хореографией

и музыкой, но и работал в мастерской Хедвиги Йенихен-Верман (H. Jaenischen-Woermann, 1879–1960), которая в короткий дрезденский период жизни обратилась к рисунку и живописи в духе «новой вещественности».

В 1920 г. Шпис переехал в Берлин, именно в это время приобретший статус художественной столицы Германии, где проходили самые громкие авангардные выставки. Художник и здесь оказался в культурном эпицентре, общался со многими выдающимися деятелями искусства: композиторами Ф. Бузони (F. Busoni, 1866–1924) и А. Шнабелем (A. Schnabel, 1882–1951), скульптором А. Архипенко (A. Arhipenko, 1887–1964) и его будущей женой Гелой Форстер (Angelika Bruno-Schmitz, Gela Forster, 1892–1957), архитектором В. Гропиусом (W. Gropius, 1883–1969), киноактером Ч. Чаплином (C. Chaplin, 1889–1977, позднее приезжал к нему в Индонезию на о. Бали) и др. С кинорежиссером Фридрихом Мурнау (F. Murnau, 1888–1931) у художника сложились не просто дружеские отношения, но и творческое сотрудничество: в 1921 г. он принял участие в качестве декоратора в съемках культового фильма «Носферату. Симфония ужаса» («Nosferatu, eine Symphonie des Grauens»)¹.

Художественная среда Берлина в тот период была затронута влиянием многих талантливых представителей русской эмиграции и увлечена темой русской революции, что не могло не вызвать у Шписа обострения интереса к российской тематике в живописи. Он плодотворно работает над привезенным с Урала разнообразным творческим материалом в студии-мастерской, организованной для него Ф. Мурнау в Грюневальде, пригороде Берлина.

Живописное творчество художника этого времени отмечено тяготением к формальным принципам «новой вещественности». Его версия этого художественного направления была определена теоретиком экспрессионизма Францем Рохом (F. Roh, 1890–1965) как «магический реализм». Искусствовед, с интересом следивший за художественной карьерой Шписа, первым связал его основные работы начала 1920-х гг. («Карусель», 1922; «Фигуристы», 1922; «Башкирский пастух», 1923) с этим явлением в ряду таких имен, как О. Дикс и Г. Грос². Их объединяло стремление упорядочить мир хаоса, в который оказался погружен современный человек, с помощью подчеркнутых статичных композиций, определенности осязательности форм.

Некоторые живописные произведения Шписа берлинского периода, имеющие явный автобиографический подтекст, дают представление не только о развитии стилистики его живописи, но и о его мироощущении в Германии. Так, картина «Прощание» (1921), с выраженными чертами «ноктюрна» – пейзажа в сумерках, наполнена мягкой поэзией и тонкой самоиронией. Влюбленные расстанутся после ночной прогулки: дама машет с балкона, ка-

¹ «Носферату» – знаменитый фильм ужасов, снятый Ф. Мурнау в 1921 г. и выпущенный на экраны в 1922 г., первая из сохранившихся ныне экранизаций романа «Дракула» (1897) Б. Стокера (B. Stoker, 1847–1912). По мнению Ж. Лурселля, «„Носферату“ стоит у истоков фундаментального направления в кинематографе... и представляет собой метафизическую кинопоэму, в которой борьба добра и зла противопоставляется без какого-либо морализаторства» [Лурселль Ж. Авторская энциклопедия фильмов / пер. С. Козина. Т. 2. СПб., М.: Rosebud Publishing, 2009. С. 91]. Впрочем, имя В. Шписа в титрах фильма не значилось.

² Ф. Рох выявил основные оппозиции постэкспрессионизма и магического реализма: динамизм экспрессионизма сменяется статикой магического реализма, деформациям противопоставлена точность, монументальным формам – миниатюрность, а вместо диагоналей появляются прямые углы (см. подробнее: [12. P. 119–120]).

валер галантно снимает шляпу. Ракурс снизу вверх открывает вид на крыши крошечных домов с аккуратными маленькими деревянными заборами и воротами. Четкое деление изображения на диагональные и вертикальные плоскости, контрастная свето-теневая моделировка полотна и миниатюрная манера передачи форм придают произведению ощущение ирреальности в духе «магического реализма». Но также отчасти в ней есть близость картинам Марка Шагала (1887–1985), с работами которого Шпис познакомился еще в России непосредственно перед эмиграцией в Германию. В 1919 г. в письме отцу он писал: «Шагал и Клее – вот люди, которые восхищают. Шагал – свободой воображения, Клее – своей деликатностью. Какая чистота и наивность чувствуется в них обоих!» (цит. по: [1. Р. 49]). Переключаясь с Шагалом ощутима и в картине «Черный дрозд» (1920): в ее своеобразной гротескной образности и особой праздничности.

Характерный русский мотив – традиционная уличная ярмарка из тех, что Шпис мог видеть в Москве или Стерлитамаке, неожиданно появляется в картине «Карусель» (1922). Художник через тематическое обращение к обрядово-зрелищному феномену ярмарки словно актуализирует свою принадлежность к народной культуре. Однако картина наполнена странной атмосферой: укрупненные лица персонажей с акцентированной мимикой и жестами в верхнем регистре композиции противопоставлены мелким фигурам людей, размещенным внизу. На ярмарочных киосках хорошо читаемы названия на русском языке: «Игрушки» и «Американская борьба». Хотя Шпис был чужд открытым политическим высказываниям, нельзя счесть случайным появление на полотне этих надписей, искаженных лиц и фигур, расположенных вокруг карусели, подвешенных в палатке марионеток и борцов в правой нижней трети картины, передающих общее зловещее настроение современной художнику ситуации.

Нарастающее внутреннее напряжение еще более ощутимо в картине «Фигуристы» (1922), в которой вновь используется ракурсное построение снизу вверх. В ней холодный искусственный свет, резко очерченные ряды синих елей задают драматический, эмоциональный настрой. В полотне ощутимо то настроение, которое С. Даниэль удачно определяет как «пластически выраженное одиночество»¹: фигуры внутренне разобщены, замкнуты в горделивой самодостаточности, которая не позволяет им войти в эмоциональное общение с другими персонажами.

Европейский культурный контекст обострил духовные связи Шписа с Россией. Так, картина «Башкирский пастух» (1923) явно восходит тематикой к годам жизни на Урале. В ней запечатлен простой, почти пасторальный мотив: старый пастух, сидящий в прохладной тени, играет на курае – башкирском национальном духовом инструменте. Простирающаяся на переднем плане долина доходит до холмов, изображенных в верхней части картины, и оставляет лишь узкую полосу неба. Это композиционное построение, словно связывающее земной и небесный миры, будет встречаться в поздних работах Шписа, созданных уже в Индонезии. Например, в известной картине «Пейзаж и его дети» (1939) рождается схожее пантеистическое восприятие приро-

¹ См. подробнее: Даниэль С.М. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990. 223 с.

ды, прекрасной во всем многообразии ее явлений: от величественных деревьев до самого маленького листа или травинки.

Практически накануне отъезда в Индонезию художник написал картину «Тюрингский лес» (1923). В ней лаконичное композиционное решение объединяет два главных образа: одинокого путника, поднимающегося в гору и тянущего за собой сани с грузом, и будто расступающийся перед ним суровый зимний лес, заполняющий все видимое пространство. Сказочные заросли Тюрингии, написанные Шписом в наивной стилистике с тщательной геометризацией прорисовкой хвойных ветвей, парадоксальным образом напоминают леса далекой Башкирии. Всеобщая аллегория судьбы художника, преодолевающего жизненные невзгоды и осознанно выбравшего нелегкий путь к вершинам, обрастает дополнительными смыслами, связанными с легендами и сказками Тюрингского леса, краткий смысл которого Гете с свое время передал короткой фразой: «Здесь, как в раю».

Названные работы отражают последовательность изменений в мировоззрении мастера, ощутившего со временем острое несоответствие чувства настоящей свободы, которую он постиг на Урале, современной европейской действительности. Он постепенно близился к переломному моменту жизни, обусловленному его желанием уехать из Германии. По точному замечанию Дж. Стоула, «идея покинуть Европу возрастала в нем соразмерно тому, как росло общественное признание его как художника» [3. Р. 58].

Действительно, в Германии художественная карьера Шписа развивалась вполне успешно, о чем свидетельствует его активная выставочная практика. В 1919 г. молодой художник принял участие в первой выставке только что созданного Дрезденского сецессиона (Dresdner Sezession), члены которого представляли социально-ориентированное искусство, тяготеющее к экспрессионизму. В 1922 г. в Берлине Шпис представил несколько работ, связанных с российской тематикой, на выставке Ноябрьской группы (Novembergruppe)¹. В марте–апреле 1923 г. на ежегодной выставке Голландской художественной гильдии (Hollandsche Kunstenaars Kring) в музее Стеделек (Stedelijk) в Амстердаме, а затем в том же году в частной галерее Клейкам (Galerie Kleijkamp) в Гааге Шпис показал основные работы, созданные в Германии². В этот период художник получил от критика Ф. Роха предложение участвовать в выставке «магических реалистов» вместе с О. Диксом, К. Менсом (C. Mense, 1886–1965), Г. Шримпфом (G. Schrimpf, 1889–1938) и Г. Гроссом. Но Вальтер был уже мыслями далеко от западного мира. Одновременно с обсуждением деталей мероприятия в переписке с Рохом он искал возмож-

¹ Ноябрьская группа (нем. Novembergruppe) – объединение немецких художников-экспрессионистов, созданное М. Пехштейном (М. Pechstein, 1881–1955) и Ц. Клейном (С. Klein, 1876–1954) в 1918 г. Участники ее были в большей степени связаны общими идеями социалистического толка, чем стилями в искусстве: их основной задачей было способствование сокращению дистанции между официальным искусством и людьми, искусственно выстроенной государственной системой. Шпис разделял не все взгляды группы, зачастую радикальные. Например, в 1920 г. после погрома членами группы Дрезденской картинной галереи в связи с Капповским путчем он поддержал призыв О. Кокошки «ставить искусство выше политики» [3. Р. 53]. К 1922 г., однако, в группу уже входило большое количество художников, которые могли просто считаться принадлежащими к авангардизму.

² На выставках в Амстердаме и Гааге в 1923 г. экспонировалось 11 картин: «Приключение г-на Снippetти» (1919); «В Бескидских горах» (1920); «Процессия» (1920); «Трансформационное изменение» (1920); «Прощание» (1921); «Карусель» (1922); «Фигуристы» (1922); «Башкирский пастух» (1923); «Шпреевальд» (1923); «Татарский праздник» (1923) и «Тюрингский лес» (1923).

ность покинуть Европу. Художник писал в этот период: «...после Башкирии я не чувствую себя в Европе как дома. Чтобы обрести чувство принадлежности здесь, я должен оставить то, что со мной было там (в Башкирии), что составляет все мое существо, так или иначе продать себя. Вместо этого я предпочту „уйти“ от всех этих людей и попытаться найти для себя новую обитель» (цит. по: [3. Р. 62]).

Несмотря на явное одобрение его деятельности художественной критикой и плодотворное общение с широким кругом творческих людей, Шпис внутренне все более отдалялся от немецкой культурной среды. Согласимся с исследователем М. Соджимой, которая считает, что «на пути к обретению своего собственного стиля и индивидуальности в Германии он (Шпис) понял, что его чувства были сформированы другой культурой. Несмотря на то, что он был дружен с Нольде, Пехштейном, Гросом и другими экспрессионистами, Шпис никогда не испытывал полного чувства принадлежности к общим с ними идеям» [5. Р. 62]. Действительно, российское прошлое и воспоминания о нем не позволяли немецкому по своему происхождению художнику идентифицироваться с немецким искусством.

Характерные воспоминания о последней встрече с художником холодной осенью в Берлине в 1922 г. оставил О. Кокошка, остро чувствовавший «расколотость» художественного сознания друга (он и сам вскоре покинул Германию): «Валя читал по памяти стихи Пушкина, поэзией которого восхищался. Он показывал переводы народных песен и мифов, которые слышал на Урале от местных жителей, и подарил мне графический рисунок созвездия звезд в северном небе, на которое он часто смотрел во время жизни в Башкирии. Валя хотел уехать из Европы, чтобы попытаться опять встретиться с людьми, с которыми бы он мог, как тогда, во время танцевальных ритмов татар в русских степях, забыть о существовании времени или даже весь настоящий век, который только начался, но уже стал таким несчастливym» (цит. по: [1. Р. 119]).

Душевное отторжение художником надуманных ограничений, свойственных западному миру, привело его к переживанию острого личного кризиса, итогом которого стал отъезд в Индонезию в августе 1923 г.¹ Шпису удалось получить место простого моряка на корабле голландской судоходной компании, отплывавшего к индонезийскому о. Ява². Художник, с ранних лет принадлежавший российской многонациональной культуре, богатой традициями разных народов, населявших территорию Российской империи, болезненно переживал разрыв с исторической родиной, о которой никогда не забывал. Его самобытный творческий путь в Германии, а потом и в Индонезии, был во многом определен вдохновенным зарядом сверхъестественной энергии, полученной им на Урале, где он впервые познал «внутренний» Восток, своеобразный «Рай» и куда мечтал вернуться.

¹ Выбор В. Шписом в качестве страны эмиграции Индонезии был отчасти навеян экспозицией Колониального музея в Амстердаме, который он посетил в 1923 г. До этого, еще в Берлине, художник познакомился с книгой Г. Краузе «Бали: земля и люди; танцы, фестивали, храмы» (*Kruuse G. Bali: landund, Volk; Tänze, Feste, Tempel.* 1920), содержащей многочисленные фотографии индонезийского острова Бали, крайне его впечатлившие.

² Художник до конца жизни оставался в Индонезии: с 1923 по 1927 г. он жил на о. Ява, затем с 1927 по 1942 г. – на о. Бали.

В Германии на основе духовного влечения к условному идеалу и особенностям творческого пути сформировалась характерная поэтика живописи Вальтера Шписа, в которой архетипические начала, переживание тайны бытия человека, определявшие его искусство, вобрали отголоски башкирских размышлений и художественных поисков. Российский опыт дал художнику возможность и в Индонезии ощущать себя органичной частью местной культуры, адаптироваться, не потеряв своей идентичности, установить связи между восточной мудростью и западным знанием, построить мосты взаимопонимания между этими казалось бы противоречивыми явлениями.

Литература

1. Rohdius H. Schönheit und reichthum des lebens. Walter Spies. Den Haag : L.J.C. Doucher, 1964. 601 p.
2. Rhodius H., Darling J. Walter Spies and Balinese art / ed. by J. Stowell. Amsterdam : Tropical Museum, 1980. 99 p.
3. Stowell J. Walter Spies: a life in art. Jakarta : Afterhours books, 2010. 327 p.
4. Wesner S., Hitchcock M. & Darma Putra I.N. Walter Spies and Dresden: The Early Formative Years of Bali's Renowned Artist, Author and Tourism Icon // Indonesia and the Malay World. 2007. № 35 (102). P. 211–230.
5. Soejima M. Walter Spies and Weimar culture // Language Studies. Otaru University of Commerce Academic Collections. 1997. № 5. P. 59–71.
6. Барышников М.Н., Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранные предприниматели в Петербурге во второй половине XIX – начале XX в.: состав, торговые и промышленные операции, общественная деятельность. СПб : Книжный Дом СПБГО, 2006. 383 с.
7. Дорожкин А.Г. Немецкое участие в экономике дореволюционной России в освещении германского расследования конца XX – начала XXI в. // Вестник Пермского университета. История. 2010. Вып. 2. С. 82–92.
8. Башкиры / под ред. Р.Г. Кузеева, Е.С. Данилко. М. : Наука, 2015. 662 с.
9. Руденко С.И. Башкирские сказы и поверья // Археология и этнография Башкирии. Т. 5. Уфа : БФАН СССР, 1973. С. 17–31.
10. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М. : НЦ славяно-германских исследований ИСЛ РАН, 1998. 117 с.
11. Werner A., Hodin J.P. Oskar Kokoschka: the artist and his time // Art Journal. NY. 1967. № 22 (4). P. 434–444.
12. Roh F. Nachexpressionismus. Magischer Realismus. Probleme der neuesten europäischen Malerei. Leipzig : Klinkhardt und Biermann, 1925. P. 134.

Anastasia N. Senokosova, Scientific Laboratory of Comparative Studies of Tolerance and Recognition, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: aleksandrova.2121@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 254–264.

DOI: 10.17223/22220836/32/25

THE INFLUENCE OF RUSSIAN CULTURE ON THE ARTISTIC SELF-IDENTIFICATION OF WALTER SPIES IN THE PERIOD OF EMIGRATION IN GERMANY (1919–1923)

Keywords: Walter Spies; identity; the art of Russian emigration; culture of the Urals; expressionism; magical realism.

Walter Spies (1895–1942) was an artist and musician whose artistic path was related to Russia, Germany and Indonesia. The universal and diverse artistic heritage of Spies represents a unique phenomenon expanding the view on the problem of transformation of the national identification of an artist bereft of his original motherland. It is efficient to artistic identity of this master to regard in the context of international cooperation. However, in the foreign research, as a rule, his creative work is

seen exclusively in the light of German and Indonesian influences, almost excluding his Russian roots of an artist: starting from the first biography in letters edited by H. Rodius "Walter Spies: beauty and wealth of life" (H. Rodius "Schönheit und Reichtum deLebens, Walter Spies", 1964), finishing with publications of modern researchers – M. Hitchcock, S. Wesner, M. Soejima, J. Stowell. At the same time, artistic self-identification of Spies, was in many respects connected with the Russian stage of his life – education, traditions, social contacts. The artist was born in Moscow, in the family of a large German manufacturer Leon Spies, whose ancestors lived in Russia for more than one generation.

His original creative path was also largely defined by artistic and cultural environment during his life in Moscow and after it the Ural region one (1915–1918). After his emigration to Germany (1919–1923), Spies worked with musical and artistic material, brought from Bashkiria. This activity was reflected in his fine art. Famous art historian F. Roh was the first to connect painting of Spies with the direction of "magical realism". The development of Spies' artistic style and his world perception in Germany can be observed in the following 5 paintings with an explicit autobiographical implication, made in the Berlin period: "Farewell" (1921), "Carrousel" (1922), "Figure-skaters" (1922), "The Bashkir Shepherd" (1923) and "The Thuringian Forest" (1923). The analysis of these works outlines the consequence of significant changes in the world perception of the artist, who experienced the encouragement of Bashkir culture and felt an acute opposition between the sense of real freedom discovered in the Ural and values of modern European reality. In 1923 Spies went to Indonesia was hoping to gain his "new Ural paradise" from where he did not return to Europe. In this way, his Russian period of life and creative activity has determined not only the subjects and scale of psychological saturation of Spies' paintings, but first and foremost – the development of his sense of artistic world perception through his reverential attitude towards creative freedom.

References

1. Rohdius, H. (1964) *Schönheit und reichthum des lebens. Walter Spies* [Beauty and wealth of life. Walter Spies]. Hague: L.J.C. Doucher.
2. Rhodius, H. & Darling, J. (1980) *Walter Spies and Balinese art*. Amsterdam: Tropical Museum.
3. Stowell, J. (2010) *Walter Spies: a life in art*. Jakarta: Afterhours books.
4. Wesner, S., Hitchcock, M. & Darma Putra, I.N. (2007) Walter Spies and Dresden: The Early Formative Years of Bali's Renowned Artist, Author and Tourism Icon. *Indonesia and the Malay World*. 35(102). pp. 211–230. DOI: 10.1080/13639810701440640
5. Soejima, M. (1997) Walter Spies and Weimar culture. *Language Studies. Otaru University of Commerce Academic Collections*. 5. pp. 59–71.
6. Baryshnikov, M.N. & Vishnyakov-Vishnevetskiy, K.K. (2006) *Inostrannyye predprinimateli v Peterburge vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: sostav, torgovye i promyshlennyye operatsii, obshchestvennaya deyatel'nost'* [Foreign entrepreneurs in St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries: composition, trade and industrial operations, social activities]. St. Petersburg: Knizhnyy Dom SPbIGO.
7. Dorozhkin, A.G. (2010) Nemetskoe uchastie v ekonomike dorevolutsionnoy Rossii v osveshchenii germanskogo rossiavedeniya kontsa XX–nachala XXI vv. [German participation in the economy of pre-revolutionary Russia in the coverage of German Russian studies at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya – Perm University Herald. History*. 2. pp. 82–92.
8. Kuzeev, R.G. & Danilko, E.S. (2015) *Bashkiriy* [The Bashkirs]. Moscow: Nauka.
9. Rudenko, S.I. (1973) Bashkirskie skazy i pover'ya [Bashkir tales and beliefs]. In: Kuzeev, R.G., Bikbulatov, N.V. & Mazhitov, N.A. (eds) *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 5. Ufa: USSR AS. pp. 17–31.
10. Gugin, A.A. (1998) *Magicheskiy realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka: fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya* [Magic realism in the context of literature and art of the 20th century: the phenomenon and some ways of its understanding]. Moscow: RAS.
11. Werner, A. & Hodin, J.P. (1967) Oskar Kokoschka: the artist and his time. *New York: Art Journal*. 22(4). pp. 434–444.
12. Roh, F. (1925) *Nachexpressionismus. Magischer Realismus. Probleme der neuesten europäischen Malerei* [Neexpressionism. Magic Realism. Problems of the latest European painting]. Leipzig: Klinkhardt und Biermann.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 316.4.051.2

DOI: 10.17223/22220836/32/26

О.Т. Лойко

ПАМЯТЬ: НЕПРЕХОДЯЩАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОШЛОГО

Рецензия на кн.: Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году : экскурсионный маршрут. Томск : Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2017. 184 с. : ил.

Историко-культурное пространство 2017 г. было ознаменовано рядом интересных исследовательских, публицистических и культурных проектов, посвященных поворотным историческим событиям в России. Рецензируемая монография, подготовленная творческим коллективом историков, на протяжении многих лет, исследующих историю Томска, занимает особое место в череде опубликованных изданий. Во-первых, она адресована всем, кто хочет получить достоверную, исторически точную информацию о событиях Томска на «сломе эпох». Во-вторых, содержание книги построено как экскурсионный маршрут и тем самым дает возможность современному экскурсоводу воссоздать перед жителями и гостями города достоверную историческую картину 1917 г.

Книга состоит из двух разделов. Первый – «Город в революции» – дает развернутую характеристику Томска в предреволюционное время. Второй – представляет содержательную характеристику основных исторических объектов, их место в революционном 1917 г. и значимость для современного города. Отмечу особо новаторский подход авторов монографии, совместивших научную достоверность в освещении исторических событий и красочный визуальный ряд, отражающий жизнь города в переломный период.

Впечатляют статистические данные, отражающие место и роль Томска в начале XX в. С населением в сто тысяч город вошел в число самых многонаселенных городов России, торговый оборот составлял 30–40 млн руб. Открытие двух императорских университетов и Сибирских высших женских курсов «выдвинуло Томск в первый ряд культурно-образовательных центров страны. В развитии Томска совмещались все **достижения и противоречия** (выделено мною. – О.Л.) российской жизни начала XX века» (С. 4). Авторы с первых строк четко формулируют свою научную позицию. Не восхваление России дореволюционной как бесконфликтного единения народа вокруг монархии, но и не описание ужасов кровавого Октябрьского «мятежа» 1917 г. Напротив, спокойный, исторически выверенный рассказ о реальных событиях сибирского города.

Авторы подробно описывают деятельность Томского военно-промышленного комитета (ВПК), направленную на создание оборонных предприятий для помощи армии, благотворительных (религиозных, национальных) – для помощи раненым воинам. Внимание авторов привлекает и деятельность группы Сибирского союза социалистов-революционеров. «Мобилизованные в Русскую армию политические ссыльные Нарыма в ноябре 1916 г. организовали нелегальный Военно-социалистический союз, в котором объединились ссыльные социал-демократы (большевики и меньшевики-интернационалисты) и эсеры, считавшие необходимым и возможным вести пропаганду среди солдат» (С. 6).

Опираясь на архивные данные, публикации прессы, авторы представляют достоверную картину общественной жизни Томска после февральских событий 1917 г. В монографии приводятся малоизвестные факты политической жизни России, напрямую связанные с Томском, о том, что министром путей сообщения Временного правительства стал профессор Томского технологического института Н.В. Некрасов. Бурная политическая жизнь города превратила Томск в центр социально-политического движения Зауралья. В июне 1917 г. Временное правительство принимает постановление «О допущении женщин к ведению чужих дел в судебных установлениях». В Томске, где успешно работали Сибирские высшие женские курсы, это был реальный шанс получить достойную работу.

Рецензируемая монография впервые дает развернутую достоверную характеристику активизации всех общественных слоев города: от студентов и рабочих до технической интеллигенции и национальных организаций. Одновременно, как отмечают авторы, тяготы военного времени, растущая преступность нарушали «конструктивный характер» событий революции в Томске.

В условиях «политического и материального неустройства, усилившегося осенью 1917 г., настроения томских граждан приобрели все большую левизну. Свидетельство тому заявления и признания, получившие огласку в томской печати. Так, участники собрания георгиевских кавалеров, депутаты 1-го женского съезда Сибири, призывали встать под знамена социализма» (С. 17).

Авторы, описывая события декабря 1917 г., отмечают, что важнейший вопрос о власти в Томске был поставлен в необычной форме. С одной стороны, 6 декабря исполнительный комитет Томского Совета рабочих и солдатских депутатов провозгласил установление в городе советской власти и одновременно делегаты 2-го Чрезвычайного Сибирского областного съезда декларировали автономию Сибири.

Завершая этот предельно насыщенный раздел монографии, авторы пишут: «Такими грандиозными свершениями и не менее серьезной незавершенностью начатого закончился в Томске революционный 1917 год» (С. 19).

Вторая часть работы – описание экскурсионного маршрута. Это 27 объектов историко-культурного наследия, в которых отразилось все многообразие исторических событий революционного Томска. Авторы дают название объекта на момент исторических событий, указывают, что именно размещается в этом здании сейчас, и называют точный адрес. Эти сведения позволяют даже начинающему гиду-экскурсоводу получить достоверную информа-

цию о том или ином событии на широком историческом фоне. Особое внимание авторы отводят информации о зданиях, в которых сосредоточивалась политическая, культурная и духовная жизнь города.

Здание Томской городской думы – в настоящее время зрелищный центр «Аэлита» (пр. Ленина, 78). Объект выбран не случайно, именно в этом здании (1899–1917 гг.) проходили важнейшие дебаты о политическом устройстве, экономической жизни города. Авторы приводят интересный факт. 1 октября 1917 г. были организованы выборы городской думы (в соответствии с законом Временного правительства). Они проводились по 12 партийным спискам. Председателем городской думы стал Н.В. Ульянов (эсер), его заместителем – Н.Н. Яковлев (большевик), городским головой был избран И.П. Пучков.

Местом, где особенно интенсивно разворачивались события революционного 1917 г., авторы называют здание Сибирского товарищества печатного дела (пер. Нахановича, 9), в котором размещалась редакция газеты «Сибирская жизнь». Обращаясь к публикациям газеты, авторы показывают неоднозначность оценки победы революционных масс. Приводится высказывание Н.Г. Потанина (газета «Сибирская жизнь» от 18 марта 1917 г.): «Строй, который нам готовят большевики, не на тех же ли началах построен, как только что низвергнутый монархический строй? Если бы проекты Ленина осуществились, русская жизнь снова бы очутилась в железных тисках, в ней не нашлось бы места ни для самостоятельности отдельных личностей, ни для самостоятельности общественных организаций. Опять бы начали строить жизнь своего отечества, а кто-то другой думал за нас, сочинял для нас законы и опекал бы нашу жизнь» (С. 31). Я бы очень советовала экскурсоводам напоминать нашим гражданам об этом таком своевременном тезисе. История, к сожалению, повторяется.

Томский комитет РСДРП – здание, расположенное по адресу: ул. Набережной реки Ушайки, 8, дом Кухтериных, стало в 1917 г. центром революционных событий, местом издания газет и листовок. Авторы кропотливо воссоздают всю палитру политических дискуссий этого периода, вызывая в памяти имена партийных деятелей этого периода: Косарева, Яковлева, Вегмана, Бахметьева.

Отличительной особенностью рецензируемой работы является исторически точная панорамная картина Томска 1917 г. Дом науки (пл. Соляная, 4), открытый 30 декабря 1917 г., стал местом, где родилась идея создания музея на основе собранных фотоснимков революционной эпохи. Для томичей и гостей города это здание (Театр куклы и актера «Скоморох») – пример преемственности традиций просветителя Петра Макушина (устроителя и попечителя Дома науки) и Романа Виндермана (создателя Томского ТЮЗа).

Вдумчивые объективнее историки, создатели рецензируемой книги, представили красочную палитру духовной жизни города в революционный 1917 г. Студенты и преподаватели Томского государственного университета и Томского технологического института активно включились в деятельность научных и общественно-политических организаций. Именно к этому времени относится открытие в ТГУ двух факультетов: физико-математического и историко-филологического (С. 155). Авторы приводят интересные факты, относящиеся именно к этому периоду развития науки и образования в Сибири: «На кафедре всеобщей истории взошла первая в Томске женщина-профессор

С.И. Протасова» (С. 157). Революционные события 1917 г. захватили и привычные студенческие аудитории, и актовый зал университетской библиотеки. Именно здесь 20 апреля 1917 г. состоялось торжественное открытие губернского народного собрания, почетным председателем был избран Г.Н. Потанин. Перед студентами технологического института с лекцией «Социалистический идеал» выступил Тарас Закария (руководитель студенческой организации).

В экскурсионном маршруте историков нашлось место и культовым зданиям – Томской духовной семинарии, Томской хоральной синагоги, 1-й мусульманской соборной мечети. Как изменили облик исторических зданий Томска революционные события, авторы показали на примерах Дома ученых, Архиерейского дома, Дома офицеров.

Представленная монография, основанная на документах, многочисленных архивных и музейных иллюстрациях, читается как захватывающее путешествие в страну прошлого нашего города. Знать и понимать свое прошлое – значит хорошо представлять и свое будущее.

Современный читатель, особенно гуманитарий, восхищается образами исторического прошлого европейской Италии, обновленной Германии, романами-путешествиями У. Эко, А. Ассман и зачастую с небрежением относится к собственному историческому прошлому, которое продолжает жить здесь, рядом.

Авторы этой уникальной книги – профессора Томского государственного университета Надежда Михайловна Дмитриенко и Эдуард Исаакович Черняк сумели реализовать успешный проект – путешествие в прошлое нашего города.

Но мало изложить материалы, представить впечатляющий иллюстративный ряд, необходимо «заразить» наших экскурсоводов, да и всех томичей нашей общей историей, уникальной культурой, Сибирью, культурным центром которой является Томск.

В монографии представлен лишь один (1917) год жизни города. Я уверена, что это только первый шаг. Необходимы скрупулезные исследовательские проекты о Томске. Несомненно, нужны такие экскурсионные маршруты по перестроенному Томску, осмыслению и достоверной трактовке советского периода.

Литература

1. Дмитриенко Н.М., Черняк Э.И. В Томске в 1917 году : экскурсионный маршрут. Томск : Изд. дом Томского гос. ун-та, 2017. 184 с.

2. ГДР : миролюбивое государство, читающая страна, спортивная нация? : сб. статей / ред.-сост. Т. Гроссбёльтинг : пер. с нем. М. : Мысль, 2017. 384 с.

Olga T. Loyko, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 32, pp. 265–269.

DOI: 10.17223/22220836/32/26

MEMORY: NON – TRANSITING ACTUALLY OF THE PAST. REVIEW OF THE BOOK: N.M. DMITRIYENKO, E.I. CHERNYAK: IN TOMSK IN 1917: EXCURSION ROUTE. THE MONOGRAPH – TOMSK: PUBLISHING HOUSE OF THE TOMSK STATE UNIVERSITY, 2017 – 184 PAGES: SILT.

Referrers

1. Dmitrienko, N.M. & Chernyak, E.I. (2017) *V Tomske v 1917 godu: ekskursionnyy marshrut* [In Tomsk in 1917: An excursion route]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Grossbölting, T. (ed.) (2017) *GDR: mirolyubivoe gosudarstvo, chitayushchaya strana, sportivnaya natsiya?* [GDR: a peace-loving country, a reading country, a sports nation?]. Translated from German. Moscow: Mysl'.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Лариса Сергеевна – старший преподаватель кафедры музейного дела Кемеровского государственного института культуры; соискатель по направлению 24.00.03 «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов».

E-mail: alekslora@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Ирина Александровна – ассистент кафедры культурологии, теории и истории культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: iv10061982@gmail.com

ВЕНКОВА Алина Владимировна – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (Москва).

E-mail: venkova@mail.ru

ВОДОПЬЯН Вениамин Георгиевич – аспирант кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: vodopyan.v@gmail.com

ВОРОПАЕВА Анна Геннадьевна – аспирант кафедры музеелогии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: vlaskinaag@yandex.ru

ГОРБАТОВ Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук, институт истории и международных отношений Кемеровского государственного университета.

E-mail: gorbn1965@yandex.ru

ДЕРГИЛЕВА Татьяна Владиславовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Отдела научно-исследовательской и методической работы Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

E-mail: dergileva@spsl.nsc.ru

ЖЕРАВИНА Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: ozheravina@yandex.ru

ЖЕРЕБЦОВА Кристина Олеговна – аспирант кафедры музологии, культурного и природного наследия Национального исследовательского Томского государственного университета; младший научный сотрудник Новосибирского государственного краеведческого музея.

E-mail: zh.kristina.o@gmail.com

ЗАБУЛИОНТЕ Аудра Кристина Иосифовна – доктор философских наук, доцент факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета; профессор Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

E-mail: k.zabulionite@holism-culture.org

КАЛЮЖНАЯ Татьяна Альбертовна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

E-mail: Kalyuzhnaya@spsl.nsc.ru

КАШИНА Наталья Ивановна – доктор педагогических наук, профессор кафедры музыкального образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

E-mail: koranata@mail.ru

КЛИМОВА Ольга Михайловна – аспирант Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

E-mail: olga.2411@mail.ru

КОНЕВА Анна Владимировна – доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; главный научный сотрудник Центра религиоведческих и этнополитических исследований Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

E-mail: akoneva@list.ru

КОРНИЕНКО Михаил Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарных исследований Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: snoose@mail.ru

ЛАВРИК Ольга Львовна – доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

E-mail: Lavrik@spsl.nsc.ru

ЛИСЕНКОВА Анастасия Алексеевна – кандидат культурологии, проректор по научной и международной деятельности Пермского государственного института культуры.

E-mail: oskar46@mail.ru

ЛОЙКО Ольга Тимофеевна – доктор философских наук, профессор Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: olgaloyko@tpu.ru

МАСТЕНИЦА Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: muzeologkaf@spbguki.ru

МИШАКОВА Оксана Эдуардовна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой музеологии и наследия Восточно-Сибирского государственного института культуры (Улан-Удэ).

E-mail: oksana_mishakova@mail.ru

МЕРКУЛОВА Наталья Геннадьевна – кандидат культурологии, доцент, зав. кафедрой культурологии Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

E-mail: n.merkulova@rsu.edu.ru

МОНАХОВ Валерий Михайлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета; заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).

E-mail: vmonakhov@herzen.spb.ru

ПАВЛОВ Андрей Витальевич – ведущий специалист Центра ИТ-исследований и экспертизы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАН-ХиГС) (Москва).

E-mail: pavlov.andriey@gmail.com

ПЕЙГИНА Лариса Владимировна – аспирант кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: larisa.mareeva@gmail.com

ПЛЕТНЕВА Людмила Михайловна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой археологии и этнологии Томского государственного педагогического университета.

E-mail: tspu_kae@mail.ru

ПЛЕШАКОВА Мария Александровна – кандидат педагогических наук, научный сотрудник лаборатории информационно-системного анализа Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН (Новосибирск).

E-mail: Pleshakova@spsl.nsc.ru

РОДИОНОВА Дарья Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой музейного дела Кемеровского государственного института культуры и искусств.

E-mail: kafedramd@yandex.ru

СЕНОКОСОВА Анастасия Николаевна – младший научный сотрудник научной лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина.

E-mail: aleksandrova.2121@mail.ru

СИЗОВА Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: sizova_i@mail.ru

СТЕПАНОВА Елена Юрьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры истории и музейного дела Орловского государственного института культуры; начальник отдела лицензирования, аккредитации и качества образования.

E-mail: stepanovaey@rambler.ru

ТЕПЛЯКОВА Анастасия Олеговна – аспирант кафедры культурологии, теории и истории культуры Института искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: Castalia@inbox.ru

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович – кандидат исторических наук, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

E-mail: troitski@gmail.com

УРСЕГОВА Наталья Александровна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры народной художественной культуры и музыкального образования Института культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: urseg@yandex.ru

ФАРХУТДИНОВА Светлана Гусмановна – кандидат культурологии, доцент кафедры музыкального образования Нижневартковского государственного университета.

E-mail: sve10.71@mail.ru

ХАЗАН Евгения Валерьевна – соискатель кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета; ассистент кафедры всеобщей истории и истории России Северо-Восточного государственного университета (Магадан).

E-mail: shanya93@rambler.ru

ХАМАГАНОВА Ксения Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

E-mail: khamaganova@mail.ru

ХРАМЦОВ Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент инженерно-экономического института Тюменского индустриального университета.

E-mail: khramtsov_ab@bk.ru

ЧЕРНЯК Эдуард Исаакович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музеологии, культурного и природного наследия Национального исследовательского Томского государственного университета.

E-mail: ed.i.chernyak@gmail.com

ЯЗЫКОВ Евгений Леонидович – профессор кафедры музыкального образования Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

E-mail: yazikov.e@mail.ru

Вестник Томского государственного университета

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
2018. № 32**

Редактор *К.Г. Шилько*

Корректор *Е.Г. Шумская*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Яковсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 29.12.2018 г. Дата выхода в свет 18.01.2019 г.
Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 17,25; усл. печ. л. 22,43; уч.-изд. л. 23,67.
Тираж 50 экз. Заказ № 3602. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru